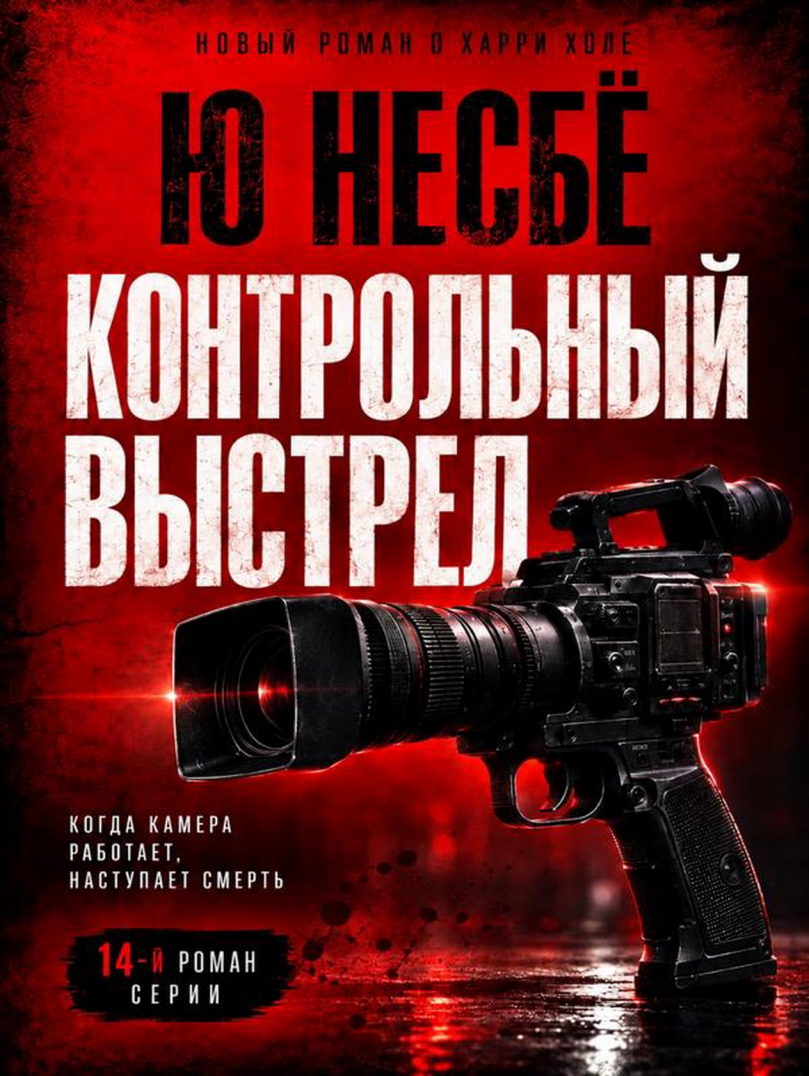
НОВЫЙ РОМАН О ХАРРИ ХОЛЕ

Ю НЕСБЁ

КОНТРОЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ



КОГДА КАМЕРА РАБОТАЕТ, НАСТУПАЕТ СМЕРТЬ

14-Й РОМАН СЕРИИ

Контрольный выстрел
Ю Несбё

Аннотация
Ю Несбё. Контрольный выстрел
ГЛАВА 1. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 2. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 3. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 4. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 5. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 6. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 7. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 8. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 9. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 10. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 11. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 12. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 13. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 14. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 15. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 16. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 17. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 18. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 19. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 20. [broken link: #TOC]

ГЛАВА 21. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 22. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 23. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 24. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 25. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 26. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 27. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 28. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 29. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 30. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 31. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 32. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 33. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 34. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 35. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 36. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 37. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 38. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 39. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 40. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 41. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 42. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 43. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 44. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 45. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 46. [broken link: #TOC]

ГЛАВА 47. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 48. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 49. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 50. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 51. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 52. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 53. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 54. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 55. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 56. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 57. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 58. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 59. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 60. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 61. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 62. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 63. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 64. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 65. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 66. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 67. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 68. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 69. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 70. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 71. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 72. [broken link: #TOC]

ГЛАВА 73. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 74. [broken link: #TOC]
ГЛАВА 75 [broken link: #TOC]
ОБ АВТОРЕ [broken link: #TOC]

Аннотация

В новогоднюю ночь в Осло Харри Холе, тяжело переживающий смерть Ракель, оказывается на грани окончательного падения. Он больше не служит в полиции, не пьёт и занимается расследованием страховых мошенничеств, стараясь держаться в стороне от прежней жизни. Тем временем сын Ракель Олег Фёуке начинает работу в отделе убийств — и почти сразу получает дело, которое вскоре вновь сводит его с Харри.

В первый день нового года в разных местах Осло совершаются три жестоких убийства. Поначалу жертвы кажутся никак не связанными, однако следствие обнаруживает общую нить: мир кино. Убийца тщательно выстраивает преступления как сцены из известных фильмов, фиксирует их на видео и оставляет полиции подсказки, превращая расследование в мрачную кинематографическую игру.

Олег официально ведёт дело, но опыт Харри оказывается незаменим. Чем дальше продвигается расследование, тем очевиднее, что

преступник не просто копирует киноэкран: за выбранными жертвами и постановками скрывается определённый замысел, а самому Харри в нём отведена особая роль.

От переводчика: Каждый год любимые авторы выпускают новые книги. Издательства решают, какие из них переводить и издавать, а какие — нет. В последние годы выбор становится всё скуднее: книги многих интересующих меня писателей на русском языке перестали выходить совсем.

Однажды я понял: можно так и не дождаться возможности прочитать все книги Андреаса Грубера, Себастьяна Фитцека, Винсента Клиша, Арно Штробеля, Антонио Манзини, Майкла Коннелли и других авторов.

Так возник этот проект. Его цель проста: читать выбранные книги любимых авторов в достойном оформлении и качественном переводе. Благодаря проекту мне уже удалось прочитать более 100 книг.

Никаких коммерческих, репутационных или философских целей у проекта нет. Не было и не будет. Я не издатель и не распространитель.

Люди иногда оставляют прочитанные кни-

ги в гостиницах, больницах или поездах. Не потому, что хотят что-то получить взамен, а потому, что им жаль выбрасывать книгу, которая ещё может кому-нибудь пригодиться.

Поэтому прочитанные мной книги появляются здесь.

Оценки, комментарии, советы и пожелания меня не интересуют.

Я уже уехал.

Ю Несбё
Контрольный выстрел

JO NESBØ
Nådeskudd. Harry Hole #14
Ю Несбё
Контрольный выстрел
Перевод: Глеб Григорьев
14-й роман серии: Харри Холе
(2026)

ГЛАВА 1. [broken link: #TOC]

До Нового года остаётся несколько часов, а лист в пишущей машинке передо мной по-прежнему чист и пуст.

Я — рассказчик. Но рассказа пока нет. Это те самые секунды до того, как мой палец ударит по клавише, клавиша прижмётся к красящей ленте и отпечатает на бумаге первую букву. Пока ещё ничто из придуманного мною не обречено произойти.

Я — рассказчик и не знаю, что мною движет. Разумеется, я могу сформулировать несколько предположений, опираясь на то, что читал о целях других художников. Те, кто не приукрашивает свои мотивы, звучат честнее, но если они похожи на меня, то и сами не знают. Не знают по-настоящему. Ближе всего к ответу я подхожу, цитируя Лютера из шедевра Уолтера Хилла «Воины» 1979 года, когда его спрашивают, зачем он убивает: «Без причины. Просто мне нравится делать такие вещи».

Я знаю одно: на этот раз я создам произведение искусства, которое никто не сможет проигнорировать. На этот раз оно будет моим и только

моим.

Лист чист. Я всё ещё могу передумать. Позволить новому году стать таким же, как все предыдущие: безопасным и неосуществлённым.

Или написать этот фильм. Снять его и поставить. Сыграть в нём. А потом смонтировать именно так, как захочу. Я собираюсь назвать его просто «Фильм». Потому что это будет последнее, что я сделаю, — то, чем останусь в памяти людей.

Я глубоко вдыхаю.

И нажимаю первую клавишу.

На ней — буква «Ф».

ГЛАВА 2. [broken link: #TOC]

Фелисия любовалась своей улыбкой кинозвезды на большом экране. Белые ровные зубы в обрамлении кроваво-красных губ. *Именно благодаря этой улыбке она сделала карьеру. И глаза, конечно. Изумрудно-зелёные — так когда-то льстил ей режиссёр, уговаривая сняться в его фильме. И да, при таком удачном освещении, как сейчас, они, пожалуй, действительно могли казаться такими.*

Свет исчез. Он исходил от новогодней ракеты, которую слишком рано запустили в звёздное небо над её головой и которая теперь погасла. *В сущности, это подводило итог всему.* Фелисия отвернулась от отражения в тёмном окне офисного здания и затопала ногами по тротуару, тщетно пытаясь согреться.

Было восемь часов, термометр показывал минус двенадцать. Но когда стоишь на последней улице проституток в Квадратурене, в Осло, а ветер несётся с ещё не покрытого льдом фьорда, ощущаешь все минус двадцать.

Других проституток сегодня почти не было видно. Сутенёров — тем более: *наверняка сидели*

где-нибудь на новогодней вечеринке, охладив шампанское. У самой Фелисии сутенёра никогда не было. Как и менеджера. Она вообще ненавидела саму мысль о начальнике.

Единственным её начальником был героин. И его она тоже ненавидела.

В витрине она увидела ещё и то, что высокие скулы, когда-то подчёркивавшие её красоту, теперь лишь подчёркивали жуткую худобу. Горький парадокс заключался в том, что единственный дар, выпавший на её долю, — магнетизм, способность притягивать взгляды и мужчин, и женщин — сочетался с инстинктивной тошнотой от чужого внимания.

Даже после всех лет проституции она требовала не зажигать свет и не снимать с неё больше одежды, чем необходимо.

Не потому, что стеснялась или ей было чего-то стыдиться — *господи, она ведь была редкой красавицей.* Дело было во взгляде. Во взгляде, которому позволялось всё, который хотел подчинить её, сделаться её хозяином. Потому что это они заплатили тебе — за билет в кино, оральный секс или половой акт.

Конечно, она могла бы утверждать, что всё так и началось: с маленьких доз, снимавших часть

неприятных ощущений, когда директор съёмочной группы кричал «Мотор!» и камера начинала работать. Потом дозы стали больше — и нужны были уже без камеры. А когда едва начавшаяся кинокарьера внезапно закончилась, она, совсем ещё девчонка, продолжила покупать следующую дозу, играя новую роль — похотливой девушки.

Фелисия снова посмотрела на часы. Десять минут девятого. *До чего же холодно. А станет ещё холоднее.*

У Фелисии было новогоднее обещание: *завязать с героином. Перетерпеть ломку.* Ей уже удавалось это раньше, но она заранее содрогалась. Английское выражение cold turkey намекало и на озноб во время ломки, и на покрывавшуюся пупырышками кожу — как у ощипанной индейки. *Впрочем, хуже уже едва ли станет: она и так промёрзла до костей.* Поэтому Фелисия пообещала себе *последний укол до полуночи — на волне кайфа вплыть в новый год и больше никогда не колоться.*

Она увидела чёрную машину, медленно ползущую по улице с односторонним движением, словно голодный постоялец, выбирающий еду у шведского стола.

Выбор здесь был не особенно соблазнительным,

разве что у клиента имелись специфические вкусы, *но тогда Фелисия предпочла бы вовсе с ним не связываться.*

Встав последней в ряду, в самом низу меню, *она рассчитывала, что клиент, если доберётся до неё, успеет достаточно умерить ожидания и сочтёт её привлекательной. К тому же так он не попадёт в объектив камеры наблюдения, если ему было что терять.*

Машина приблизилась. Мужчина за рулём подался вперёд и посмотрел на неё. Фелисия выставила из-под искусственной шубы худое бедро, выпятила грудь, втянула обвисшие щёки и разыграла свой главный козырь — улыбку кинозвезды. Но машина проскользнула мимо. Фелисия обернулась и увидела, как та свернула на перекрёстке направо. *Вероятно, мужчина решил вернуться.* Так и случилось.

Через две минуты та же чёрная машина снова появилась на улице. На этот раз она ехала чуть быстрее: мужчина закончил разведку и принял решение. Автомобиль остановился у тротуара перед Фелисией, стекло опустилось. Она наклонилась к окну. В салоне пахло чистотой. Быстро проверила, нет ли кого-нибудь на заднем сиденье. Мужчина опустил солнцезащитный козырёк, и

высокий фонарь оставлял его лицо в тени.

— Привет, — сказал он. — Сколько стоит половой акт?

— Тысяча двести.

В борделе, который держали украинцы неподалёку, брали две тысячи, но там, конечно, были комната и кровать.

— Садись.

— Только наличные.

— Хорошо, — сказал мужчина, перегнулся и открыл перед ней дверь. Фелисии не раз доставалось от безумцев, которых возбуждало насилие, поэтому она отметила его манеры. *Склонные к насилию обычно выдавали себя рано — именно в таких мелочах. Но не всегда. По-настоящему опасными были те, кто умел это скрывать.*

Они остановились на красный свет. С зеркала покачивалась маленькая модель самолёта.

— У меня есть место в пяти минутах отсюда, — сказал мужчина.

— Тысяча двести — в машине, — сказала Фелисия. — Если надо куда-то заходить, полторы тысячи. Тысяча восемьсот, если не отвезёшь меня обратно.

— В бардачке две тысячи.

Она открыла бардачок и сунула в карман курт-

ки четыре купюры с портретом Сигрид Унсет.

Покосилась на мужчину. В его затенённых чертах было что-то смутно знакомое. *Может, когда-то он был постоянным клиентом — кто знает, героин стирал память, как ластик, и целые главы её жизни исчезли. Может, она видела его по телевизору?*

Сама она много лет отвечала на вопрос «Мы раньше не встречались?» словами: «Не думаю», не объясняя, что люди, вероятно, помнили её молодой — по роли в «Проповеднике». Радио было настроено на NRK Alltid Klassisk и играло так тихо, что едва заглушало шум отопителя. От резкой перемены температуры кровь болезненно запульсировала в кончиках пальцев под расслоившимися ногтями.

Ей безумно хотелось сделать последний новогодний укол и покончить с этим паршивым годом — благо ждать оставалось уже недолго.

Через пять молчаливых минут мужчина остановился у штабеля строительных вагончиков между железнодорожной зоной и парком Миддельалдер. Во всех окнах было темно: на Рождество стройку, разумеется, закрыли.

На строителя, кочующего с объекта на объект, мужчина не походил: те несколько слов по-нор-

вежски, которые он произнёс, прозвучали без акцента; у него были машина и элегантное серое шерстяное пальто.

По утоптанному снегу мужчина подошёл к одному из вагончиков, открыл явно незапертую дверь и придержал её для Фелисии.

Она остановилась у входа и привычно оценила обстановку. *Дело было не в строительном вагончике — ей приходилось обслуживать клиентов в таких местах: одиноких мужчин из стран, где к покупке секса относились иначе. Проблем никогда не возникало.*

Мужчина в пальто сюда не вписывался. Он был здесь чужим.

Мужчина протянул руку внутрь, щёлкнул настенным выключателем, и похожее на тюремную камеру помещение вдруг озарилось, словно съёмочная площадка.

Фелисия узнала прожекторы Френеля: два стояли на штативах и освещали серые стены, двухъярусную кровать и стол перед кухонным уголком. На третьем штативе находилась небольшая камера, тоже показавшаяся ей знакомой.

— Снимать нельзя, — сказала она.

— Я хочу только смотреть, — сказал он. — Хочу видеть всё.

Тошнота подкатила сразу.

— Извини, приятель, таким я не занимаюсь.

— Ещё как занимаешься. Сколько?

Она всмотрелась в него. Голос тоже казался знакомым. Во всяком случае, подсознание не связывало ни голос, ни лицо с насилием. А после оплаты последней дозы денег у неё не осталось. Совсем. Тошнота поднялась к горлу, сдавила его и сделала голос хриплым.

— Ещё три тысячи.

Число выскочило само собой — возможно, столько актёрам платили за съёмочный день в «Проповеднике».

Мужчина достал бумажник, вынул три купюры и протянул ей. Она забрала деньги и вошла.

На столе лежало что-то похожее на сито.

— Печенье печёшь?

Он коротко рассмеялся.

— Это фехтовальная маска. Я хочу, чтобы ты её надела.

Она не стала спрашивать. *Наверняка что-нибудь из его юности: девочка из секции фехтования, которая ему не досталась. Обычно всё сводилось к подобному. В любом случае внутри было тепло.* Фелисия расстегнула шубу, повесила её на стул и вопросительно посмотрела на мужчину. Тот

кивнул, и она стянула через голову свитер. Когда закончила, он уже держал маску.

— Позволь помочь, — сказал мужчина. *Этой фразы она не слышала много лет.*

Фелисия наклонила голову, и он надел на неё маску. Ворот явно защищал шею, затылок оставался открытым — там проходил лишь ремешок.

— Немного подтяну, — сказал мужчина и зашёл ей за спину.

Несмотря на плотную сетку перед лицом, видно было вполне хорошо. На столе лежала микродрель размером с отвёртку; длинное сверло проходило сквозь деревянный брусок. *Наверное, строители часто оставляли здесь подобные вещи.* Рядом находились устройство, похожее на держатель для губной гармошки, мобильный телефон и рулон чёрной клейкой ленты. Лента Фелисии не понравилась. Она ждала, что мужчина затянет ремешок, но вместо этого услышала щелчок, почувствовала холодный металл на одном запястье, рывок за другое — и новый щелчок. *Наручники. Чёрт. Если ему хотелось грубой игры, мог хотя бы спросить, есть ли она в меню.* Фелисию развернули и потащили спиной к столу. Она потеряла равновесие, но мужчина подхватил её и усадил на стул. Удерживая её на месте, он с

треском оторвал ленту от рулона.

Теперь Фелисия испугалась. *Это были не обычные игры извращенца.* Сердце колотилось и рвалось домой.

— Какого чёрта ты делаешь? — закричала она из-под маски.

Мужчина не ответил, лишь обходил вокруг, а по давлению на грудь, руки и спину Фелисия поняла, что её приматывают к стулу. Когда он схватил её за голени, она попыталась лягнуть его. Останься в ногах хоть какие-то мышцы, ему, возможно, пришлось бы побороться, но через несколько секунд её лодыжки уже были примотаны к ножкам стула. Она могла двигать только головой. Фелисия закричала. Представила тёмные вагончики вокруг. Заорала во всё горло.

— Хорошо, — сказал мужчина. — Но прибереги немного на потом.

Он продолжил отрывать ленту. Теперь примотал телефон к внешней стороне сетчатого забрала, частично закрыв ей обзор. Под телефоном закрепил на жёстких боковинах маски держатель для губной гармошки. В держателе зафиксировал деревянный брусок так, чтобы сверло микродрели было направлено внутрь забрала.

Мужчина коснулся телефона, и на мгновение экран ослепил её. Фелисия сощурилась и увидела собственное лицо прямо перед собой, в экстремально крупном плане.

— Чего ты хочешь? — крикнула она.

— Того же, что и ты, — медленно и тихо ответил он. — Снимать.

Он коротко улыбнулся. И тогда она вспомнила его. *Конечно. Но прошло столько лет, и он так изменился.*

— Когда я включу дрель, дальше всё произойдёт само, — сказал мужчина. — Если я не вмешаюсь, сверло пройдёт сквозь брусок. Это спиральное сверло длиной двадцать сантиметров, поэтому оно само пройдёт через дерево и войдёт тебе в голову. Понимаешь? Очень важно, чтобы ты поняла. Поняла?

Фелисия заморгала.

— Это же ты, — прошептала она. — Ты ведь…

— Заткнись! — внезапно взревел он. — Просто кивни, если поняла.

Фелисия открыла и закрыла рот. Потом кивнула. Подчинилась. Как всегда заставляли её подчиняться мужчины, в которых она с неизменно дурным чутьём умудрялась влюбляться.

— Спасибо, — сказал он. — Готова? Ты ведь кое-

что знаешь о кино. Знаешь, кто придумал слоган «Бойся. Бойся по-настоящему» для «Мухи»? Нет? Мел Брукс. Забавно, что это оказался комик, правда? Я вспомнил слоган, потому что в этой маске ты похожа на муху. Итак, режиссёрская задача: бойся. Пожалуйста…

Он нажал сбоку на телефон. Кнопка записи загорелась красным, счётчик побежал. Затем мужчина включил дрель, и тонкий высокочастотный звук впился в барабанные перепонки.

Фелисия увидела, как её лицо на экране бледнеет, увидела собственный открытый рот и широко распахнутые глаза. Это было не похоже на взгляд в зеркало — словно она смотрела на другого человека, актрису в фильме ужасов. *Может, это всего лишь дурной сон?* Над краем телефона мужчина глядел в видоискатель камеры. Когда Фелисия снова посмотрела прямо перед собой, под телефоном что-то двигалось. *Сверло.* Подобно рожку улитки, оно приближалось к её лицу на уровне рта.

Она сразу поняла: *это не сон. Она умрёт. Теперь не осталось никаких сомнений.* Потому что она вспомнила слова, которые скрипт-супервайзер прошептала ей, когда Фелисия впервые оказалась на большой съёмочной площадке: «Помни: самое

заветное желание каждого, абсолютно каждого здесь — стать режиссёром».

— Почему? — закричала Фелисия, плача и задыхаясь от паники. — Почему ты это делаешь?

Мужчина не ответил, только едва улыбнулся. Он был доволен тем, что видел в видоискателе. Тем, что она ему давала.

Фелисия дёргала головой вправо, влево, назад, вперёд и непрерывно кричала. Но дрель и телефон были слишком прочно закреплены на маске. Сверло коснулось нижней губы.

Она перестала кричать и стиснула зубы.

Неправда, будто она хотела, чтобы эта жизнь поскорее закончилась, только потому, что год выдался паршивым.

Ей нужны были ещё годы. Ещё паршивые годы.

Она хотела увидеть ракеты, чёрт возьми. Но вращающийся кончик уже давил на эмаль, вибрация отдавалась в черепе, запах палёной кости ударил в нос.

Она знала, что потеряла последнее, что у неё оставалось, — улыбку кинозвезды, — и что скоро сверло доберётся до нервов.

На экране телефона она видела, как катятся её слёзы, прокладывая дорожки в пудре поверх морщин.

У съёмочных групп в павильонах Пайнвуда было особое выражение.

Так называли самый последний дубль в последний день работы актёра на съёмках, после которого тот получал обязательные аплодисменты команды, собирался и уезжал домой.

Они называли его «контрольным выстрелом».

ГЛАВА 3. [broken link: #TOC]

Олег Фёуке остановился за спиной криминалиста в белом комбинезоне и посмотрел на лежащего на полу мертвеца.

— Ну? — спросил Олег.

— Новый год начался рано, если можно так выразиться, — ответил Роар Мидтстуэн, не поднимая головы.

Олег кивнул. Было шесть утра. Он услышал негромкое «пуф!» и посмотрел в окно. Одинокая ракета, безнадёжно опоздавшая к празднику, только что взорвалась над холмом Экеберг. Сверкающие угольки опускались к тёмным домам, где спали люди. Когда рассветёт, они встанут, чтобы послушать новогодний концерт Венского филармонического оркестра в Музикферайне и посмотреть прыжки с трамплина в Гармиш-Партенкирхене, куда после квалификации прошли всего трое норвежцев. Именно так собирались провести утро и Олег с Хельгой, уложив детей, которым впервые разрешили не спать до полуночи.

— Так ты весь в отчима, — сказал Мидтстуэн и сфотографировал тело.

— В каком смысле?

— Сразу рвёшься на место преступления.

Олег пожал плечами. Отдел убийств работал не совсем так, как показывают в кино. Например, оперативники не врывались на место преступления сразу после сигнала об убийстве. Иногда они вообще туда не приезжали и довольствовались фотографиями и схемами. Но только не Харри. Как он объяснял Олегу, ему нужно было видеть место своими глазами. Чувствовать запахи. Слушать. Улавливать атмосферу, которая порой словно проступала из стен.

Получив должность следователя, Олег приготовился к сравнениям с отчимом. Харри всё-таки был легендой. *И, пожалуй, ещё призраком.* Но Олег явился сюда не ради того, чтобы ему соответствовать. *Он просто не видел причин не проверить методы, доказавшие свою эффективность.*

Олег огляделся. Принюхался. Прислушался. Закрыл глаза и попытался почувствовать. Но мысли сами собой устремились к другому — туда, куда он не хотел. Олег мысленно выругался, открыл глаза и постарался сосредоточиться.

Кроме двери, которую явно взломали ломиком или чем-то похожим, не было никаких следов борьбы или попытки бегства. Мужчина лежал

на толстом ковре между письменным столом и книжным шкафом. Ковёр впитал большую часть крови из пулевых ран: одна — во лбу, другая — в груди. Пиджак висел на спинке стула за письменным столом. *Казалось, убийца постарался оставить после себя как можно больше чистоты и порядка.*

— Нашли возможное орудие убийства?

— Нет.

— Можно осмотреться?

— Держись у стен и ничего не трогай.

Олег вздохнул и кивнул на поднятые вверх ладони в латексных перчатках. Криминалисты держали руки так, чтобы случайно ни до чего не дотронуться — например, не почесать щёку, а потом не оставить собственную ДНК на предмете с места преступления.

— Ладно, ладно, — сказал криминалист. — Я говорю это всем новичкам.

Квартира располагалась на верхнем этаже, с видом на Бьёрвику и холм Экеберг, и была просторнее обычных квартир в старых домах восточной части города. Обстановка, мебель и картины на стенах указывали на то, что покойный много путешествовал. На письменном столе сидел Будда с загадочной улыбкой и закрытыми

глазами.

Невелика от него помощь, — подумал Олег и направился на кухню.

Там слабо пахло Таиландом. Лемонграссом, галангалом, кокосовым молоком, кориандром. Они с Хельгой провели там медовый месяц и привезли домой воспоминания и рецепты. В особые вечера Олег готовил тайские блюда и неплохо в этом преуспел. Но после рождения Олава Хельга сказала, что острые специи вредны ребёнку, которого она кормила грудью, и с тайской едой они покончили. *И не только с ней.*

Олег прошёл по остальным комнатам. Аккуратные детские.

В спальне у шкафа, за застеленной двуспальной кроватью, криминалист фотографировал одежду, подсвечивая её фонарём. Должно быть, Олег выглядел озадаченным, потому что тот без предисловий объяснил по-шведски:

— Камера снимает в инфракрасном свете. Показывает пятна крови и следы пороха, которых глаз не видит. Ты из оперативников?

— Да. Олег Фёуке.

Он машинально протянул руку, но быстро отдёрнул её, когда криминалист лишь замер и посмотрел на него.

— Извини, — сказал Олег, *надеясь, что не покраснел.*

— Ничего. Ты, похоже, новенький.

Олег кивнул.

— Я Эдди Юнассон, шведская сволочь из криминалистической службы.

Они перекинулись несколькими словами, и Олег отправился в ванную. На зеркале не было следов зубной пасты, как у них с Хельгой.

— Фёуке?

Стоявший в дверях мужчина был ровесником Олега. На нём были широкие джинсы с высокой талией, модная куртка-бомбер и белые кроссовки с короткими носками — несмотря на немалый мороз снаружи.

Олег не знал, почему все сотрудники дежурной криминальной службы будто одевались как молодёжь из богатого Вестканта. *Возможно, это была внутренняя шутка, которую ему пока не объяснили.*

— Жена с детьми сидят у соседей. Хочешь поговорить с ними?

Олег задумался, глядя в зеркало над раковиной. Тёмные волосы и карие глаза достались ему от матери, Ракель Фёуке. *Возможно, поэтому всякий раз в зеркале он видел её. Или искал её.*

Не проходило ни дня, чтобы он не думал о ней. *Тоска, которая, как он полагал, должна была со временем ослабнуть, будто лишь усиливалась.*

Прежде чем войти к людям, только что потерявшим близкого, он должен был отодвинуть собственное горе. Сочувствие не поможет найти убийцу человека, лежавшего в кабинете, а утешением пусть занимается священник.

Всему этому его научил Харри. И всё же Олег знал: *чем более замкнутым и холодным становилось бледное лицо Харри, чем сильнее гас голубой взгляд, тем яростнее бушевали внутри чувства и скорбь.*

Сам Олег пережил смерть матери и сумел жить дальше. *Возможно, потому, что обзавёлся собственной семьёй; возможно, так устроила нас эволюция.*

А Харри пошёл ко дну.

Даже найдя и покарав убийцу Ракель Фёуке, он продолжил падение по спирали.

В последний момент его спасло — по иронии судьбы — новое расследование убийства. Работа. Возможность отвлечься. Единственное занятие, для которого он, по собственным словам, годился.

Олег думал, что смерть Ракель ещё сильнее

сблизит двух оставшихся мужчин. Но со временем понял: настоящим связующим звеном между ними тоже была мать. Именно любовь к Ракель, а не к нему заставила Харри взять на себя ответственность за её сына.

Или нет?

И ещё была другая мысль — несправедливая, да, но её никак не удавалось прогнать окончательно.

Если бы Харри не вошёл в их жизнь, у Олега по-прежнему была бы мать. У Олава и Юлии была бы бабушка.

— Хочешь поговорить с ними? — повторил сотрудник дежурной криминальной службы.

— Уже иду, — ответил Олег.

ГЛАВА 4. [broken link: #TOC]

— Жертву зовут Биргер Неслунд, пятьдесят пять лет, — сказал Олег, обводя взглядом временную следственную группу из шести человек, которую сумела собрать начальник отдела Катрине Братт.

Было первое января, и многие сотрудники отдела убийств должны были вернуться с рождественских каникул только вечером.

— Он владел строительной фирмой, в штате — восемнадцать постоянных работников. Женат на Ламай Неслунд, двое детей — четырёх и шести лет. По словам жены, когда мужа застрелили, она с детьми находилась в подвале. Она поднялась в квартиру только за водой для собаки и обнаружила взломанную дверь и мёртвого мужа на полу. Пропажи каких-либо вещей в квартире не заметила, криминалисты не нашли следов обуви. Возможно, потому, что полы только что вымыли, но на улицах сейчас достаточно грязно, так что взломщик или взломщики либо разулись, либо, как мы, надели бахилы.

— Они были в подвале? — спросил Скарре, пригладив набок прилизанный чуб. Это был мелкий

человек. Во всех смыслах, как уже понял Олег. — У нас тут новый Фрицль?

Олег иногда думал: если бы те же шутки отпускал кто-нибудь другой, не так отчаянно жаждущий реакции окружающих, они, возможно, даже вызывали бы смех.

— Ну, — начал Олег и по чуть приподнятой брови Катрине Братт понял, что она услышала, у кого он позаимствовал манеру говорить. Олег не знал почему, но с первого дня подозревал, что между ней и Харри что-то было. *Может, лишь потому, что у Катрине, как и у Ракель, были тёмные волосы, стройная фигура и высокие скулы. Или потому, что при каждом упоминании Харри её щёки чуть ярче вспыхивали, словно Олегу следовало сделать вид, что он ничего не замечает.* — Жена говорит, дети очень любят собаку. Каждый Новый год около полуночи она уводит их вместе с собакой в звуконепроницаемое и затемнённое помещение.

— Из-за фейерверков, — сказал Вульф, не такая горластая и, к счастью, более обаятельная тень Скарре. — Я со своей собакой делаю то же: запираю её в гараже, когда начинается грохот. Знаете, у собак бывает ПТСР? Они…

— Расскажи о жене, — перебила его Катрине

Братт.

— Она и старшая сестра приехали в Норвегию из Таиланда, когда им было восемнадцать и двадцать, — сказал Олег, заглянув в записи. — Работали в массажном салоне, отправляли деньги семье. Там Ламай познакомилась с Биргером Неслундом, и они поженились. Она немного работала гримёром и на кухне тайского ресторана в Энерхаугене, но после рождения детей стала домохозяйкой. Судимостей нет. По её словам, конкретных врагов мужа она не знает, но он был должен деньги. В связи со строительным проектом иностранного инвестора выдвинуто требование о возмещении ущерба: там, похоже, почти всё пошло не так. Сегодня её вызовут на допрос, и мы, надеюсь, узнаем больше.

— Что ты о ней думаешь? — спросил Скарре.

— Ничего.

Это, конечно, было неправдой, но таков был принцип, которому учил его Харри. На начальном этапе нужно собирать факты и только факты, не слушая того, что подсказывает нутро. Стоит однажды посмотреть туда, куда оно указывает, — и обычно перестаёшь глядеть по сторонам, истолковывая всю новую информацию так, чтобы она соответствовала выводу, который ты,

сам того не сознавая, уже сделал. Confirmation bias — ловушка подтверждения. По словам Харри, лишь когда факты больше никуда не ведут, можно отпустить интуицию с поводка. *Сказать легче, чем сделать.* Когда Олег спросил, следует ли сам Харри собственным правилам, тот лишь улыбнулся в ответ.

— Да брось, малыш, — сказал Скарре, улыбаясь остальным. — Должен же ты что-то думать.

— Почему должен?

Скарре склонил голову набок.

— Уровень убийств в смешанных браках выше. И белые, и чернокожие мужчины чаще убивают жену, если у неё другой цвет кожи.

— Главное слово — мужчины, — сказала Братт и посмотрела на часы. — Но сейчас забудем о статистике и сосредоточимся на том, что имеем. Прошло четыре часа, осталось сорок четыре. Давайте выложим на стол несколько основанных на фактах версий, но не будем влюбляться ни в одну из них, хорошо? Сири, начинай.

Сири Хеймен выпрямилась на стуле.

— Самое простое объяснение — ограбление. Кто-то решил воспользоваться вечером, когда люди обычно празднуют в гостях, чтобы обчистить пустую квартиру. Выбрал большую квартиру на

верхнем этаже: решил, что там выше всего вероятность найти что-нибудь ценное. Прислушался у двери и, не услышав голосов, рискнул, полагая, что дома никого нет. Но ошибся, запаниковал, выстрелил и убежал ни с чем. Как я сказала, всё просто, но…

— Спасибо. Самое простое объяснение обычно лучшее, — сказала Братт. — Малик?

— Согласен с Сири, — сказал Малик Хан. — Но хорошо, попробуем такую версию.

Он поднял руки перед собой, словно боялся испачкать рукава свежевыглаженной белоснежной рубашки. Хан проучился два года в Норвежской школе бизнеса, и этого хватило, чтобы получить работу в Экукриме и быстро счесть весь отдел совершенно некомпетентным. Во всяком случае, именно так он объяснил своё желание перейти в отдел убийств. А ещё, как он признался Олегу, следователи по убийствам пользуются у женщин большим успехом.

— Итак, — сказал Малик. — Один из инвесторов понимает: если он хочет вернуть деньги, которые должен ему Неслунд, нельзя ждать банкротства, после которого всё оставшееся поделят между множеством кредиторов. Поэтому он посылает вышибалу. Тот заставляет Неслунда подписать

личную долговую расписку — желательно под залог квартиры второй очереди. Чтобы потом Неслунд не мог признать расписку недействительной, заявив о принуждении, вышибала убивает его.

— Именно, — сказал Скарре. — А после взламывает дверь ломиком, чтобы всё выглядело как работа грабителей. И когда расписку предъявят, никто ничего не заподозрит. Кроме меня и Малика.

Катрине Братт посмотрела, как они дали друг другу пять.

— Вульф?

— У соседа роман с женой Неслунда, — начал Вульф, обводя взглядом собравшихся и проверяя реакцию. — Они договариваются, что он войдёт и убьёт Неслунда, пока она с детьми в подвале, чтобы обеспечить ей алиби, а всё выставит ограблением. Они решают сделать это перед самой полуночью, чтобы соседи, услышав выстрелы, приняли их за новогодние фейерверки и не вышли проверить.

— Хорошо, — сказала Братт. — Во всяком случае, соответствует первой заповеди Холе.

— Это сделал любовник, — сказал Вульф.

— При всём уважении… — начал Скарре. — Нет,

при полном отсутствии уважения: может, хватит цитировать этого пьяницу, будто он понимал что-то, чего мы и без него не знаем? Я…

Скарре внезапно умолк, глядя на Олега, который лишь теперь заметил, что сжал кулаки и, вероятно, весь покраснел.

— Прости, если тебя это задело, малыш, — продолжил Скарре. — Но не все здесь считают, что твой отчим… приносил пользу. Он работал один. Когда вообще был в состоянии работать. А дела так не раскрывают.

Телефон Катрине Братт завибрировал на столе.

— Кроме тех дел, которые он раскрыл, — сказал Олег и услышал дрожь в собственном голосе.

Хильде Витт, психолог-консультант отдела, объясняла ему: голос первым выходит из-под контроля, когда эмоции усиливаются; давление в животе передаётся наверх. Чтобы это скрыть, человек — особенно мужчина — машинально повышает голос. *Наверняка так и есть.* Во всяком случае, Олег заговорил громче и уже знал, что пожалеет о следующих словах.

— А я слышал, ты вообще мало что раскрывал, Скарре. Даже кроссворды в «Дональде Даке», как рассказывал Харри. Надеюсь, тебя это не заденет.

Олег увидел, как вздулась артерия на тонкой

шее Скарре и его лицо приобрело тот же цвет, что и лицо самого Олега. Низкорослый мужчина вскочил и тихо прошипел:

— Ну, сейчас ты у меня…

Олег видел, как маленький рот открывается и закрывается, пока маленький мозг тщетно пытается наскрести слов хотя бы на одно законченное предложение.

— Сейчас ты… — повторил Скарре.

— Тихо! — крикнула Братт, подняв одну руку над головой. Другой она прижимала телефон к уху.

Остальные пятеро повернулись к ней.

— Спасибо, — сказала она, закончила разговор и тяжело вздохнула. — В вагончике у парка Мидельдалдер нашли мёртвую женщину. Похоже, у нас второе убийство.

Олег машинально посмотрел на часы. Не для отчёта — *просто хотел узнать, сколько часов продлился новый год.*

ГЛАВА 5. [broken link: #TOC]

Заместитель генерального директора страховой компании «Эгенольд» Софи Гуллстранд открыла дверь переговорной.

Собеседование уже началось. Для найма сотрудников на высокие должности компания привлекала рекрутинговые агентства, но следователей подбирала сама.

— Продолжайте, — сказала она и села на стул у стены позади Клементса, начальника следственного отдела, и директора по персоналу.

Отсюда, между ними, она видела мужчину, проходившего собеседование. Его возраст было трудно определить. Лицо резкое, почти измождённое, обезображенное шрамом, тянувшимся от уголка рта к уху. В светлых волосах пробивалась седина, но они оставались густыми и были подстрижены так коротко, что торчали щёткой. Радужки голубых глаз напоминали выцветшую джинсовую ткань, на коже носа виднелись красные пятнышки, как у бездомного алкоголика. *Что-то подсказывало ей: к собеседованию он побрился, а костюм, с виду сшитый на заказ, — хотя и сидел достаточно хорошо — шили не для*

него. Костюм выглядел так, будто достался ему с распродажи вещей покойника.

— У большинства сотрудников отдела, как и у вас, опыт работы в полиции, — сказал директор по персоналу. — Наши методы тоже довольно похожи на обычное полицейское расследование. Задача следственного отдела — установить фактические обстоятельства, а не только избавить компанию от выплат. То есть теоретически расследование может оказаться выгодным страхователю, и мы выплатим больше, чем без расследования. Которое сами же и оплатили.

Клементс полуобернулся, кивнул Софи и одарил её весёлой, ироничной улыбкой, будто директор по персоналу только что озвучил понятную им обоим шутку. Но с Клементсом Софи мало что объединяло. Она не улыбнулась, лишь коротко кивнула в ответ.

— В полиции, полагаю, то же самое, — продолжил директор по персоналу. — Не менее важно установить, кто невиновен, чем кто виновен.

Последовавшее молчание длилось достаточно долго, чтобы стало ясно: это был вопрос, а не утверждение. Соискатель спокойно откашлялся.

— Ну…

Новая пауза. Мужчина отвёл взгляд от двоих

сидевших напротив и встретился глазами с Софи. Голос у него был хриплым, слова звучали медленно, но отчётливо:

— На поиски виновных мы тратили больше времени.

Софи невольно улыбнулась.

Начальник отдела схватил лежавший перед ним лист.

— Резюме, которое вы нам прислали, довольно краткое, Холе. Вы изучали право, окончили Полицейскую академию, после чего работали следователем в отделе убийств в Осло. Но ваше имя известно по нескольким делам об убийствах. Полагаю, это далеко не всё, что вы можете рассказать о своей почти тридцатилетней карьере?

— Верно, это не всё, — сказал он и повернулся к окну, будто уже рвался отсюда. — Но это всё, что я собирался рассказать.

Софи изучала его. Разумеется, она читала о его жене, убитой в их доме, — читали все. *Эту боль она видела сейчас в его глазах или лишь ту усталую меланхолию, которую некоторые мужчины носят с собой, а иные даже холят?*

— Дела, о которых вы читали, — в основном те, что мы раскрыли. Были и другие, нераскрытые. Позвоните указанным мною рекомендателям

— наверняка они скажут больше.

— Полагаю, вы дали нам контакты людей, настроенных к вам благожелательно, — сказал директор по персоналу. — О чём они умолчат?

— Не думаю, что они станут слишком меня расхваливать. — Уголок рта на стороне без шрама чуть приподнялся. — Но, возможно, не расскажут, что я алкоголик.

Снова воцарилась тишина, но на этот раз её нарушил далёкий хлопок, непривычный для Софи. Она выглянула в окно. Где-то над Осло-фьордом в уже угасающем дневном свете мерцали искры взорвавшейся ракеты — должно быть, залежавшейся с кануна Нового года, два дня назад. Софи ненавидела новогоднюю ночь. Эрик, как обычно, напился ещё до прихода гостей.

Директор по персоналу откашлялся.

— Но сейчас вы не пьёте, полагаю?

— Верно.

Директор по персоналу и Клементс кивнули, словно услышали хорошую новость. *Похоже, они не знали, что спросить дальше.*

— Семья? — спросила Софи. — Простите, я Софи Гулльстранд, заместитель генерального директора.

— Одинокий вдовец, — ответил Харри Холе.

— Дети?

— Взрослый пасынок…

Холе умолк. *Софи предположила: возможно, есть дети, которых он сам не знает, вправе ли считать семьёй. Да, нетрудно было представить, что у этого мужчины бурная любовная жизнь. Несерьёзный тип, как неодобрительно называли таких её подруги.*

— Родились и живёте в Осло, — сказала она, кивнув на резюме.

— Родился в Оппсале, живу на улице Турвальда Мейера.

Ист-эндер. Это слово подруги выплёвывали с ещё большим неодобрением, чем «несерьёзный».

— Почему вы хотите работать следователем, то есть ловить тех, кто обманывает нас? — спросила Софи.

Она заметила, как застыли две спины перед ней и смягчился взгляд Харри Холе. *Так она и думала: ему понравится прямота.*

— Потому что вы за это платите, — ответил Холе.

— В полиции тоже платят.

— Те, кто там принимает решения, не хотят меня, а я не хочу их. И у вас платят больше.

— Уверены?

— Если захотите меня нанять, придётся.

Она рассмеялась. Двое впереди обернулись с удивлёнными лицами. Софи Гуллльстранд смеялась нечасто.

— Как скоро вы сможете приступить? — спросила она.

Холе пожал плечами и посмотрел на часы.

ГЛАВА 6. [broken link: #TOC]

Джон Дейл стоял у двери на террасу своей роскошной двухсотметровой квартиры на девятом этаже недавно построенного жилого дома. Перед ним раскинулся Фрогнер-парк, белый от инея и залитый лунным светом. Дальше морозная дымка белой простынёй лежала над городом и фьордом.

Джон отпил «Монтгомери» и посмотрел на часы. Сегодняшняя спутница придёт через полчаса, но он начал без неё. «Монтгомери» — сухой мартини, который помогал ему сохранять спокойствие в обществе. А ещё давал повод рассказать, что Монтгомери был английским генералом, который атаковал противника в североафриканской пустыне лишь при превосходстве пять к одному. Это кое-что говорило не только о соотношении джина и вермута, но и о любимой деловой стратегии Джона Дейла.

Дейл пробился наверх благодаря боксу — а когда требовалось, и падал на настил, тайком делая ставки на собственные бои. В короткий безрассудный период он вкладывал выигранное в кино, но едва уцелел и вернулся к победной

стратегии: *никогда не ставь, если шансы против тебя.* Теперь он занимался криптовалютой, перепродажей квартир после быстрого ремонта и краткосрочными кредитами на нерегулируемом рынке — преимущественно частным предпринимателям. И здесь шансы тоже были на его стороне. Банки мало что могли сделать, когда бессовестные владельцы бизнеса объявляли себя банкротами, но если ты давал обещание Джону Дейлу, просто так от Дейла уже не убежишь.

Он снова отпил. *Вкусно. Ах, какой отличный год ему предстоял — особенно теперь, когда он опять холост.* Жена, скоро уже бывшая, согласилась на единовременную выплату, подписала соглашение о неразглашении и теперь, вероятно, потягивала вино под зонтиком на Мальорке.

Зазвонил дверной звонок.

Джон снова взглянул на часы. *Она пришла рано.* Он прижал указательный и большой пальцы к шее. Пульс был уже не совсем спокойным. Он подумывал принять виагру, но решил, что *это означало бы заранее признать поражение.*

Джон оставил бокал мартини на кухонном острове и вышел в прихожую. Камера над входной дверью на первом этаже показывала человека в куртке и кепке DHL. Тот держал картонную

коробку и читал надпись на ней.

— Посылка для Джона Дейла.

Джон нажал кнопку и стал ждать. Посмотрел на реликвию, висевшую в стеклянной раме рядом с дверью. Её подарил американский кинопродюсер, который хотел купить права на ремейк «Проповедника». По словам продюсера, это был один из двух оригинальных ножей из бальсы, использованных при съёмках сцены убийства в душе в «Психо»; второй выставлялся в музее Movie Madness в Портленде, штат Орегон. Но Дейл видел на обратной стороне надпись «Психо 2», поэтому не был так уверен.

Он услышал, как в коридоре открылись двери лифта, и уже собирался открыть дверь, когда что-то почувствовал. Смутное колебание. Ощущение казалось знакомым, но он не мог понять почему, словно дежавю. Джон нажал на ручку и распахнул дверь.

Перед ним стоял человек в куртке DHL. Однако Дейл сразу отметил, что в остальном тот одет на удивление легко для такого мороза. Неудивительно было другое: незнакомец уступал ему ростом — в конце концов, Джон Дейл выступал в тяжёлом весе. И всё же почему-то именно об этом он подумал. *О боксёрском поединке.*

— Это тебе.

Человек открыл коробку и поднял её перед Джоном. На дне лежали небольшой Т-образный стальной инструмент, похожий на велосипедный насос, шприц, предмет, который Джон принял за кинокамеру, и маленький коричневый стеклянный флакон.

— Что это? От кого?

— Это пробоотборник для мяса. Это кухонные весы. Это камера «Aaton Minima». — Голос звучал тихо, но дикция была отчётливой. — А во флаконе — лидокаин для шприца. Местное обезболивающее.

— Ты, наверное, перепутал Джона Дейла. Нас несколько.

— О нет. Это точно тебе.

Что-то настораживало в его позе: он стоял чуть ближе, чем следовало, слегка подавшись вперёд, при этом опустил голову, и Джон не видел лица под козырьком. Дейл оценил обстановку и решил, что *правильнее всего тактически отступить. Выиграть время и разобраться, что происходит.* Он взялся за дверь, готовясь захлопнуть её. *Нужно было лишь получить ответ на один вопрос.*

— Ты так и не сказал, от кого посылка.

Незнакомец поднял голову, открыв лицо. Джон

содрогнулся, узнав его.

— Может, войдём, Дейл? Там я тебе всё расскажу.

Человек сдвинул коробку в сторону, и Джон посмотрел вниз. И понял, что *совершил ту же ошибку, что и в последнем бою, когда на кону стоял профессиональный контракт. Позволил противнику действовать первым.*

Револьвер в руке, до сих пор скрытой за коробкой, выглядел более чем настоящим.

— Ни звука, Дейл. Сначала я выстрелю тебе в живот. Желудочная кислота в ране — возможно, ты слышал, что это значит. Ты наверняка закричишь так, что услышат соседи, но обещаю немного подождать, прежде чем сделать контрольный выстрел. Я вижу, ты думаешь ударить. Жаль, дверь мешает тебе пробить правый прямой. Это ведь был твой лучший удар? Подними руки над головой и медленно отходи, пока не упрёшься в стену.

Джон смотрел на него. Моргнул. Невольно прикусил язык. Боль подсказала: *это не кошмар.*

Он попятился в прихожую. Входная дверь закрылась за человеком, который теперь стоял в метре от него. Джону пришлось откашляться, прежде чем он смог заговорить.

— Сейф в спальне. Там немного, но можешь взять всё. Код — 419419.

— Спасибо, но сначала мы снимем одну сцену.

— Что… что в сценарии?

— Первый пункт съёмочного плана: ты возьмёшь у себя образцы мяса.

Человек поставил коробку на столик в прихожей, достал камеру и Т-образный инструмент.

Теперь Джон разглядел на конце круглое отверстие — словно рот, ожидающий пищи.

— Хорошая новость: сначала можешь сделать местное обезболивание. Посмотрим, не лучше ли свет в гостиной?

Сердце Джона неслось вскачь.

Голос другого оставался тихим и спокойным.

Спокойный пульс, — подумал Джон.

У дьявола спокойный пульс.

ГЛАВА 7. [broken link: #TOC]

— Спасибо, Хельга, было вкусно, — сказал Харри, положил приборы на пустую тарелку и поднял в её сторону стакан воды.

Она ответила тем же жестом.

— Разве Олег не сказал, что сегодня готовил он?

— Сказал. Но держу пари, он в точности выполнил все твои указания.

— Как всегда, — улыбнулась Хельга Олегу, и тот поднял ладони, сдаваясь.

Все трое рассмеялись, но затем Хельга и Олег словно одновременно осеклись.

По их лицам Харри понял, что они услышали какой-то звук из детской внизу.

Олег начал вставать, но Хельга положила руку ему на плечо.

— Вам двоим есть о чём поговорить.

Она исчезла на лестнице. В наступившей тишине Харри по-прежнему держал стакан.

— Я уже говорил, но ты сделал хороший выбор.

— Я? Разве я не рассказывал, что это она выбрала меня?

— Вот как?

Олег криво улыбнулся.

— Я проработал в местном полицейском участке три недели, и однажды она вошла, сказала, что видела меня в единственном местном баре и просто хотела проверить, так же ли я хорош собой при дневном свете. Потом пригласила меня на охоту на белых куропаток. Поэтому вопрос в том, считаешь ли ты удачным её выбор.

Харри повращал стакан и кивнул.

— Она выбрала удачно.

Они посмотрели на стол. Харри предположил, что *оба думают об одном и том же: Хельга была не похожа на Ракель. На маму.*

— Значит, тебя наняли на месте, — сказал Олег.

— Заместитель генерального наняла меня на месте, — сказал Харри. — Не уверен, что думали остальные в комнате.

— В любом случае поздравляю.

Олег поднял стакан. *Вода к пасте*, — подумал Харри. Он не спрашивал, отказались ли они от вина ради него. Олег знал, что Харри не возражал, когда Ракель пила вино в его присутствии. Но они знали и об осеннем срыве Харри, который продолжался три долгие, насквозь мокрые недели, прежде чем он взял себя в руки и закупорил

бутылку.

Возможно, это напомнило Олегу о собственном прошлом с наркотиками. Разумеется, с тех пор прошло много времени. Олег был подростком, когда Харри вернулся из своего добровольного изгнания в Гонконге, чтобы спасти его после того, как тот начал колоться.

Вместе они справились. Но Харри лучше большинства знал, что *героин подобен первой большой любви — его никогда не забудешь окончательно.*

Так же как самоубийство, измену и алкоголь. Это альтернатива, возможность, которая всегда остаётся рядом. Не это ли Харри замечал в Олеге в последнее время? Отстранённость и беспокойство, которых не было с тех самых пор. Тоску по чему-то другому — чему-то помимо будней работающего отца маленьких детей? Возможно, Олег обнаружил, что служба следователем в отделе убийств не так увлекательна, как казалось из полицейского участка в небольшом городке Финнмарка.

В обычные дни они с Олегом такого не обсуждали. Но время от времени садились и устраивали генеральную уборку. Тогда их рассказы о собственной жизни звучали как полицейские отчёты: подробно, конкретно, беспощадно, словно

выводы криминалистов, без ссылок на смягчающие обстоятельства.

Этому их научили испытания — и героиновая зависимость Олега, и смерть Ракель. Честность — единственное средство, способное отмыть грязь. Но безграничная честность так разъедает душу и душевный покой, что слишком часто ею пользоваться нельзя. Поэтому Харри до сих пор не рассказал Олегу о Герт.

Он пытался придумать, как это объяснить, чтобы Олег понял. *А возможно, просто откладывал, боясь, что этот разговор может всё разрушить.*

— Вижу, ты думаешь о другом, — начал Харри и заметил, как Олег слишком быстро выпрямился на стуле. — Неудивительно. Два убийства в первый день нового года.

Олег с облегчением выдохнул, словно Харри опасно приблизился к чему-то другому.

— Что вам известно?

Олег покосился на лестницу. Они давно условились не обсуждать работу при Хельге и детях.

— Время убийства — около девяти вечера в канун Нового года. Потерпевшая занималась уличной проституцией. Неблагополучное прошлое, много наркотиков. Близких, похоже, нет. Большинство строителей уехали домой на рож-

дественские каникулы, но кое-кто оставался в других вагончиках. Начнём с их допроса.

— Почему?

— У них есть ключи от ворот. Они знают, где на территории установлены камеры, и могут их обойти. Кроме того, само убийство. Использован инструмент, который обычно имеется у строителей. Судмедэксперты говорят, что потерпевшую убили острым предметом, вероятно, сверлом: оно прошло сквозь зубы и вышло из затылка.

Харри невольно поморщился. Он расследовал убийства так долго, что смерть почти перестала его задевать. Но боль и страх жертв всё ещё задевали.

— Следы…

— Нет, ни добровольного, ни принудительного секса.

— Значит, убийца, вероятно, был её первым клиентом в тот вечер.

— Необязательно клиентом.

— Необязательно, но восемь часов — час пик для клиентов проституток, поэтому, полагаю, вы начнёте с этого.

— Да. Она обычно стояла в Квадратурене, но ни одна из девушек, которых мы опросили, не видела, как она садилась в машину.

— Значит, она стояла в стороне от остальных, за пределами обзора камер Банка Норвегии?

— Почему ты так думаешь?

— Будь у вас свидетели или запись, ты бы сообщил об этом первым делом. А я знаю, что девушки предпочитают стоять под камерами. Это даёт некоторое ощущение безопасности. Но эта женщина занимала свою нишу: клиенты, которые не хотят, чтобы номер машины попал на запись.

Олег улыбнулся и покачал головой.

— М-м. Других технических следов тоже нет?

— Иначе я сообщил бы об этом первым делом?

— Примерно так. А значит, со строителей начинать не следует.

— Вот как?

— То, как он забрал жертву, способ убийства и отсутствие следов — всё говорит о тщательной подготовке. Значит, убийца не стал бы выбирать место, прямо указывающее на него самого. Пустой на рождественских каникулах посёлок из вагончиков — идеальное место преступления для всех, кроме тех, кто там остался. Согласен?

Олег кивнул.

— Но тогда ты предполагаешь, что убийца умён, рационален и хладнокровен, а сам всегда говоришь…

— …что большинство убийц не такие. Да. Поэтому, как правило, сначала спрашивай себя «как» и не слишком думай о «почему». Многие убийцы и сами не могут объяснить почему. Сосредоточившись на «как», ты находишь орудие убийства, которое удаётся связать с виновным. Быстро, просто и ясно: дело раскрыто. Но здесь так не будет.

— Не будет?

— Конечно, может и повезти, но тогда я буду должен тебе… — Харри криво улыбнулся. — Чашку кофе. В таком деле общее правило не действует.

— Значит, мне надо начать с поисков ответа на «почему»?

— Возможно. Но при убийствах проституток жертву обычно выбирают случайно. Не потому, что убийца хочет очистить мир от распутных женщин, а потому, что они удобные жертвы. Если мотив не связан с конкретными отношениями, он не приведёт нас к преступнику.

— Думаешь, у нас снова безумный серийный убийца?

Харри приподнял бровь.

— Намекаешь, что я принимаю все убийства за гвозди только потому, что у меня есть молоток?

— А разве нет?

Харри пожал плечами.

— Психологи всю жизнь изучают серийные убийства, а у меня годовой курс в Чикаго. Это не молоток.

Они снова замолчали. Снизу доносилось тихое пение Хельги.

— Ты скучаешь по ней?

— Постоянно, — ответил Харри без паузы.

— Поэтому ты сорвался в последний раз?

Харри пожал плечами.

— Не знаю. Думаю, у меня была обычная депрессия. Наверняка Столе смог бы объяснить, как жизнь с зависимостью влияет на психику. А ты?

— Что я?

— Как ты?

Олег быстро взглянул на Харри.

— Всё хорошо. Просто дел много.

Харри кивнул.

Олег откашлялся.

— Теперь, когда Столе больше нет, тебе, может, стоит попробовать другого.

— Психолога?

— Да. Хильде Витт. Она сменила Столе ещё и в роли консультанта отдела убийств.

— Олег, Столе был мне скорее другом, чем психологом. Такое трудно заменить. А теперь у

меня будет работа, и я смогу сосредоточиться на другом. Но спасибо, что беспокоишься. Ты сам ходишь к ней?

— Иногда.

— Помогает?

— Трудно сказать. Во всяком случае, хуже не делает.

— Что именно не делает хуже?

— Теперь ты говоришь как она.

Харри рассмеялся.

— Life… But How to Live It.

— Норвежская панк-группа на букву L в твоей коллекции.

— Умница.

— Когда ты стал встречаться с мамой, а я был ещё мальчишкой, помнишь, что ты поставил мне первым?

— Должен помнить?

— Я тебя ненавидел. Пока ты не уговорил меня прыгнуть с десятиметровой вышки во Фрогнербаде, а по дороге домой включил песню Ramones…

— О нет. Только не…

— Именно. «I Wanna Be Sedated».

Они громко рассмеялись, и пение внизу на мгновение прекратилось. Потом зазвучало снова.

— Женщины в твоей жизни, — сказал Харри. — Ракель. Теперь Хельга. Тебе чертовски повезло: молния дважды ударила в одно место. Ты это понимаешь?

Олег кивнул.

Они снова замолчали, притворяясь, что слушают тишину и пение, и не замечая продолжения, которое Харри не произнёс вслух:

Так что не погуби всё, как погубил я.

ГЛАВА 8. [broken link: #TOC]

Жители Осло проснулись в очередной холодный зимний день — настолько холодный, что некоторые спрашивали, куда подевалось обещанное глобальное потепление. Инженер-химик Александра Стурдза к их числу не относилась.

Первое правило, которое она усвоила, приехав в Норвегию двадцатилетней, звучало так: «шерсть — первым слоем». Этого правила выживания она придерживалась с тех пор — и сегодня тоже.

Александра выросла в бедной румынской семье, да и в Норвегии ничего не получила даром, кроме места в Норвежском естественно-техническом университете.

И всё же, стоя на пороге огромной комнаты с видом на такую же огромную террасу и Фрогнер-парк, она изумлялась не этому. Не дубовому паркету, покрывавшему более ста квадратных метров гостиной.

Её поразила кровь, покрывавшая большую часть этой площади. Вся эта кровь, по-видимому, вытекла из единственного тела, лежавшего на животе посреди комнаты, на стеклянном журнальном столике. У мужчины, которого опознали

как владельца квартиры, Джона Дейла, по обеим сторонам туловища зияли глубокие раны, словно в нём просверлили отверстия.

Роар Мидтстуэн, ветеран криминалистической службы, подошёл к ней.

— Это я позвонил. Решил: будет неплохо, если вы из судебной медицины сами сюда приедете и посмотрите. Что думаешь?

Александра посмотрела сверху вниз на Мидтстуэна, который был на голову ниже неё. Он застыл в позе криминалиста: руки в стороны, ладони в перчатках вверх, будто показывал, что лично он ничего не понимает.

— Не знаю, — сказала Александра. — Есть сведения о том, когда его в последний раз видели живым?

— Сосед встретил его в лифте вчера в шесть. Нам позвонили из клининговой компании. Их сотрудники открыли квартиру своим ключом около часа назад.

— Так что, по-твоему, произошло?

— Кто знает. Следов взлома нет, а единственный признак возможной кражи — вот это.

Он указал в коридор. Рядом с дверью Александра увидела четыре уродливые дыры в стене, словно оттуда что-то вырвали.

— Дорогая картина? — спросила она.

— Нет. Уборщик сказал, там висел самый обычный нож под стеклом, ничего особенного. А ещё это могло быть самоубийство.

— Почему?

— Мы не находим следов обуви в крови, которая, как видишь, покрывает весь пол. И отпечатки пальцев мы уже проверили.

Он кивнул в сторону коридора, где другой криминалист в белом комбинезоне сидел на принесённом складном стуле с ноутбуком на коленях.

— На предполагаемом орудии убийства только отпечатки пальцев жертвы.

Мидтстуэн поднял прозрачный пакет с Т-образным инструментом.

— Вероятно, этим предметом нанесены раны на его теле, но достоверно установить его назначение пока нельзя.

Александра сглотнула.

— Это пробоотборник для мяса. В лабораториях им вырезают образцы для анализа. — Она указала на инструмент. — Конец сильно прижимают к куску мяса, цилиндр входит внутрь, затем его поворачивают и вытаскивают вместе с образцом. Мне ещё что-нибудь следует знать?

— Вот это тоже лежало на столе рядом с телом.

Мидтстуэн поднял ещё три пакета. В одном были маленькие электронные кухонные весы, в другом — использованный шприц, в третьем — открытый медицинский флакон с отверстием в фольге, предположительно оставленным иглой.

Александра наклонилась ближе и прочла этикетку.

— Теперь у меня есть версия.

— По поводу чего?

— По поводу всей этой крови. И причины смерти.

— Какой?

— Он умер не от отверстий в теле. То есть не от самих ран. Насколько я вижу отсюда, пробоотборник применяли там, где им невозможно было задеть жизненно важные органы или крупные артерии. И всё же шансов у мужчины не было.

— Вот как?

— Если он ввёл себе препарат, указанный на этикетке, в организм попало действующее вещество под названием гепарин. В больницах его используют при операциях, во время которых важно, чтобы кровь не сворачивалась. Проще говоря, он так сильно разжижает кровь, что все твои пять литров вытекают без остановки.

— Господи милосердный.

— В его милосердии порой приходится сомневаться. Когда тело можно перевезти в отделение судебной медицины?

— Дай нам ещё пару часов. Заберёшь и это?

Мидтстуэн поднял ещё четыре пакета: в каждом лежал кусочек бледной плоти.

— Строго говоря, это тоже части тела.

ГЛАВА 9. [broken link: #TOC]

— Алекс Мёрдо, — сказал Клементс, старший эксперт-следователь, и задрал подбородок, вытягивая кожу из-под воротника рубашки. — Уже одна фамилия должна была вызвать у полиции подозрения.

Харри услышал смех восьми других следователей за столом и нескольких коллег, подключившихся по Zoom из других частей страны. Он знал: социальные условности требуют, чтобы новичок смеялся вместе со всеми. Но не стал. Клементс бросил на него настолько короткий взгляд, что остальные вряд ли заметили, и продолжил:

— Как и Биргер Неслунд, Мёрдо оформил необычно крупную страховку жизни — в его случае на десять миллионов долларов. Как и Неслунд, вскоре он получил пулю в голову при обстоятельствах, которые должны были выглядеть как убийство. Двумя месяцами ранее Мёрдо убил жену и одного из двух сыновей и, вероятно, знал, что правда раскроется и его осудят. Поэтому он заказал собственное убийство, чтобы хотя бы оставшийся сын разбогател и продолжил семейную фамилию. Хотя фамилия была Мёрдо.

Взгляд Клементса обежал собравшихся, и Харри заставил себя едва заметно улыбнуться. *Незачем портить первый рабочий день.*

Клементс воодушевлённо продолжил:

— Теперь мы знаем, что Неслунд, как и Мёрдо, стоял на краю пропасти. В случае Неслунда — финансовой. Он был должен направо и налево, в том числе частным лицам, и вскоре ему пришлось бы продать квартиру, где жила его семья.

Харри отметил про себя «пришлось бы» и посмотрел на часы. Не потому, что его где-то ждали. Просто хотел убедиться: здесь время тянется так же медленно, как тянулось за стенами этого офиса в недели вынужденного безделья. Во всяком случае, когда он трезв. У спиртного и правда немного достоинств, но с ним время хотя бы шло немного быстрее. Путь к месту назначения становился немного короче.

— Что вы думаете, Холе?

Харри увидел, как к нему обратились взгляды. Увидел, чего они ждали от следователя по убийствам, о котором читали в газетах и которого даже видели по телевизору.

— Я ничего не думаю, — ответил Харри и заметил разочарование на их лицах.

Но они продолжали смотреть.

Он задумался, не выпрямиться ли на стуле. Катрине Братт однажды сказала ему: когда тело ростом сто девяносто три сантиметра — возможно, с тех пор оно усохло на сантиметр-другой — скорее лежит, чем сидит на стуле, начальство легко принимает это за провокационное отсутствие уважения, интереса или того и другого.

Харри остался лежать и провёл ладонью по щётке коротко остриженных волос. Накануне его подстриг без записи парикмахер из Лахора. Ризван не разговаривал, тратил всего двадцать минут и брал всего триста крон — желательно наличными.

Харри посмотрел в окно. Внизу тянулись железнодорожные пути от Центрального вокзала Осло. Пути, уводившие отсюда.

— У большинства за этим столом есть опыт работы в полиции, — сказал Клементс. — Но вы служили в отделе убийств, Харри. Вы расследовали убийства, и, если понадобится помощь или информация о том, как продвигается полицейское расследование, у вас наверняка сохранились нужные связи.

Харри откашлялся.

— Я охотно возьму это дело.

— Вот и прекрасно, — с тонкой улыбкой и почти

без иронии сказал Клементс.

Харри понял, что слова «возьму это дело» прозвучали так, будто он считал себя вправе выбирать. Он лихорадочно искал формулировку, которая убедила бы Клементса, что он вовсе не собирается бросать кому-либо вызов в этой комнате. Но Клементс опередил его:

— Одно дело распределено, осталось пятнадцать. В Нурланне два подозрительных случая: один имущественный и один с причинением вреда. Тронхейм, можем объединить их и отправить тебя туда?

— Да, — ответил один из участников Zoom на большом экране.

Харри подавил зевок и снова посмотрел на часы.

ГЛАВА 10. [broken link: #TOC]

На Яр опустились вечерние сумерки — на ворота с надписью «Filmparken» и на Кнута Грипа, который только что принёс динамометрический ключ из студии «B». Он поспешил внутрь похожего на склад здания, где размещалась студия «A». Внутри света тоже было мало. Грип знал, что гафер с помощниками устанавливают светодиодные панели и софтбоксы для офисной сцены за декорациями, но снаружи лишь четыре монитора освещали лица двадцати человек, наблюдавших за съёмкой. Слышался только диалог двух актёров за стеной декорации. Потом смолк и он.

— Спасибо! — крикнул режиссёр со стула перед двумя мониторами.

Кида, высокая долговязая женщина с коротко остриженными рыжими волосами, высунула голову из-за тонких панелей ДСП.

— Хэппи?

Режиссёр Антон Вам бросил взгляд на скрипт-супервайзера, которая сидела рядом. Та в ответ кивнула.

— Отметьте этот дубль как наименее плохой, — сказал он негромко, но достаточно отчётливо,

чтобы Грип услышал.

— Хэппи? — повторила Кида, и теперь в её голосе слышалось нетерпение.

Вам вздохнул.

— Нет, Кида. Но ценю, что ты больше заботишься о кошельках продюсеров, чем об этом фильме.

Кида, теперь ещё и раскрасневшаяся, так сильно захлопнула за собой дверь, что стены декорации закачались. Она подошла вплотную к режиссёру.

Грип уже добрался до большого крана MovieBird и положил динамометрический ключ в ящик, закреплённый на тележке. Он стоял достаточно близко к режиссёрскому креслу, чтобы расслышать шёпот Киды:

— Я лишь говорю, что сегодня мы уже работаем сверхурочно. Оплата сверхурочных всей группе обойдётся в сумму, равную стоимости дополнительного дня, которого мы так долго добивались и наконец получили.

— Успокойся, Кида. — Антон Вам подавил зевок. — Просто поставим финальную сцену последней в производственном плане. Без неё у них не будет фильма, ясно?

— Антон, они не дураки.

— Нет, именно дураки. — Режиссёр встал. — К

несчастью и к счастью для нас. Пришлёшь Теа в мой трейлер, когда с неё снимут грим?

Кида Ширер вздохнула, затем глубоко вдохнула.

— На сегодня всё! Завтрашний съёмочный план разослан, готовность площадки в девять!

Люминесцентные лампы под потолком замигали и зажглись, и волшебная атмосфера исчезла. Кида подошла к Кнуту Грипу. Она была на голову выше него, зато он был значительно шире.

— Привет, Грип. С краном по-прежнему проблемы?

Кнут Грип кивнул. Он был не просто грипом — специалистом, отвечающим за всё, что поддерживает и перемещает камеру, — но в какой-то момент даже сменил фамилию на Грип: всё равно все называли его именно так.

— Что-то не так с телескопическим механизмом, но к утру починю. И сверхурочные за это не запишу.

— Спасибо, Грип.

Пожилой грип положил руку Киде на плечо.

— Ты слишком молода, чтобы так волноваться, Кида. Лучше уж пусть фильм полетит ко всем чертям, чем ты доведёшь себя до сердечного приступа. Понимаешь?

Кида слабо улыбнулась.

— Постараюсь запомнить.

— Я знаю, каково это. Думаешь, если мы выйдем за бюджет, тебя больше никто не наймёт. Но если фильм будет успешным, никто об этом не вспомнит. Поверь.

— Спасибо, но на следующем фильме я собираюсь быть режиссёром.

Грип рассмеялся.

— Знаешь, все директора съёмочных групп, с которыми я работал, об этом думают. Но ты первая, кто осмелился сказать вслух.

— О, не только директора съёмочных групп. — Кида закатила глаза. — Каждый здесь воображает, будто в нём спрятан хороший фильм. Включая гримёршу.

— Но он есть только у тебя?

— Верно.

Грип громко рассмеялся, и Кида тоже улыбнулась.

— Плохие новости.

Грип и Кида обернулись на негромкий голос.

Это был сценарист Роберт Брандт в чёрной водолазке.

— Нас закрывают? — предположила Кида.

Брандт посмотрел на неё без всякого выраже-

ния, словно не мог вспомнить, кто она.

— Ты слишком молода. Эта новость для тех из нас, кто её ещё помнит. — Он обратился к Грипу. — Фелисия Хение умерла.

Грип кивнул.

— Слышал за обедом. Печально. Очень печально.

Брандт отвёл в сторону тонкую прилизанную прядь волос.

— Её убили.

— Да, это я тоже слышал.

— Вот как. Остальные тоже знают?

— Полагаю, почти наверняка.

Возможно, Грип ошибался — Роберт Брандт был странным человеком, его трудно было понять. *Но не мелькнуло ли на его лице разочарование? Может, Брандт хотел сам принести весть о смерти — с эффектным уточнением, что Фелисию убили, — и увидеть первую реакцию. Ну и что? Наверное, сценаристу свойственно желание сообщить что-нибудь, вызывающее эмоции.* Впрочем, Грип мог ошибаться.

— На всякий случай сообщу тем, кого это касается, — сказал Брандт, развернулся и ушёл.

Грип и Кида посмотрели ему вслед.

— Так что, — сказала Кида, — к утру кран будет

исправен?

Через полтора часа парковка «Фильмпаркена» была почти пуста, когда Грип зашагал сквозь вечернюю темноту к своему «Пассату». Кран снова работал, но Грипа тревожило, надолго ли его хватит: механизм явно нуждался в более тщательном ремонте. По крайней мере, он успевал на перенесённый матч «Ливерпуля» с «Брентфордом». Джеронимо он тоже оставил достаточно еды в миске.

Грип снова заметил занесённую снегом легковую машину в дальнем углу у студии «В». Она стояла там с начала съёмок, уже две недели, и, возможно, владельцу нужны были пусковые провода. Он подошёл к машине, решив выяснить, чья она, смахнул снег с бокового стекла и достал миниатюрный светодиодный фонарик, висевший у него на поясе. Он уже хотел направить луч на стекло, когда ему пришла в голову нелепая мысль: *вдруг внутри кто-то сидит?*

Кто-то, кто сидит там уже давно.

Грип содрогнулся. Затем посветил в салон.

Луч скользнул по пустым передним сиденьям и модели самолёта, подвешенной к зеркалу. Задние сиденья были сложены. Увеличенный багажный отсек застилали серые мусорные мешки.

Под ними лежало что-то, чего Грип не мог рассмотреть, — возможно, свёрнутый ковёр. Поверх мешков находились бензопила, бухта синей нейлоновой верёвки и два рулона клейкой ленты. Грип обвёл салон лучом, но не увидел ничего, что позволило бы понять, есть ли здесь вообще что-то неладное и кому принадлежит автомобиль.

Он выключил фонарь и снова огляделся. Всматривался в тёмную улицу между павильонами. Ему послышались шаги? Грип снова посмотрел на машину. *Конечно, можно было смахнуть снег с номерного знака, найти владельца в интернете, позвонить и спросить, не нужны ли ему пусковые провода, но всему есть предел. К тому же скоро «Ливерпуль» вступит в бой, а он не мог бросить команду в беде, верно?*

Я стою у окна тёмной комнаты и наблюдаю за ним у машины. Кто-то назовёт это банальностью, но для меня мгновения, когда жизнь подражает искусству, волшебны.

В них — подлинная сущность кино. Ты смотришь, как человек действует, не тревожась о том, что за ним наблюдают. Потому что он об этом не знает. Он пребывает в счастливом — или несчастливом — неведении о том, что открыт нашему взгляду.

Я знаю, что он видит в машине, но не знаю, какие мысли или подозрения рождает в нём увиденное. Способность к ассоциациям сильно отличается у разных людей; полагаю, всё зависит от ума и воображения.

Он отворачивается от машины, и я понимаю: мгновение закончилось. Он что-то почувствовал, раз озирается. Правда ли люди способны ощущать чужой взгляд?

Надеюсь.

Надеюсь, что, когда взгляды наконец обратятся на меня, я смогу их почувствовать.

Разумеется, эта мысль немного пугает, но думаю, я сумею насладиться этим.

Потому что это произойдёт.

Обязательно произойдёт.

Просто подождите.

ГЛАВА 11. [broken link: #TOC]

Прожекторы стадиона «Фрогнер» давали такой резкий отблеск на льду катка, что Харри впору было надеть солнцезащитные очки Ray-Ban Wayfarer — рождественский подарок Харри самому себе.

— Дядя Халли?

Герт крутился на детских коньках, скорее повиснув на высоком мужчине, чем опираясь на него.

— Да? — отозвался Харри, шаркая ногами вперёд. Грубые подошвы ботинок Dr. Martens обеспечивали достаточное сцепление со льдом, чтобы они с Гертом пока не растянулись, но четырёхлетний мальчик всё сильнее переносил на Харри свой вес, и тот уже чувствовал, как в бёдрах накапливается молочная кислота.

— У мамы какао.

— Вот как. Спросим, даст ли она попробовать?

— Да-а!

Харри повёл Герта между другими катающимися к Катрине Братт, которая сидела на скамейке, прижав телефон к уху. Увидев их, она другой рукой достала из рюкзака термос и протянула

Харри. Тот налил какао в крышку-чашку и подал Герту. Перед их скамейкой затормозили две девочки-подростка на белых фигурных коньках.

— Какой хорошенький. Можно мы немного с ним покатаемся?

— Потом, может быть, — улыбнулся Харри. — Он…

— Сейчас, — сказал Герт и вернул ему чашку.

— Держи меня в курсе, — сказала Катрине и закончила разговор. Она посмотрела вслед сыну, которого две высокие девочки снова выводили на лёд, держа за руки. — Весь в отца, да, — тихо и сухо заметила она.

— Ты о том, что он позволяет женщинам собой руководить, или что их сразу две? — спросил Харри и отпил какао.

Катрине криво улыбнулась.

— Он очень обрадовался конькам от дяди Халли.

— Что ж, по крайней мере, он больше не называет меня Халлик.

Катрине рассмеялась.

— Я всё чаще об этом думаю, — сказала она. — Стоит ли говорить ему, что Бьёрн не был его биологическим отцом, и если стоит, то когда лучше это сделать? Как-то странно, что во всём

мире это знают только два человека.

Харри не ответил. *Знал и третий.* У Александры Стурдзы из судебной медицины было доказательство отцовства — результат анализа ДНК. *Но Харри не собирался обременять этим Катрине.*

— Как у вас с Александрой? — спросила она.

Харри поднял бровь и недоверчиво посмотрел на неё. *Так же было с Ракель: словно его мысли источали запах, который некоторые женщины — неизменно женщины — безошибочно улавливали и истолковывали.*

— Иногда пишет. Но говорит, что у неё появился мужчина.

— Тебя это никогда не останавливало.

— Тебя тоже, — сказал он и протянул ей чашку.

Они улыбнулись друг другу.

— Мы с тобой худшие люди в мире, — сказала Катрине, отпила и вернула чашку.

— Зато у нас лучшее в мире какао, — ответил Харри и приложился к другому краю. — Как Олег?

— Справляется. Умный. Мотивированный.

— И собранный?

— В каком смысле?

Харри пожал плечами.

— У него и так забот хватает.

— А у кого меньше? Я теперь всё время на работе. К счастью, Хельга у Олега — просто ангел. Дети ходят в один садик, и, когда моей свекрови нет в городе, она забирает Герта к ним на ужин.

Харри потёр шею.

— Да, год у вас начался бурно.

Катрине покачала головой.

— Три возможных убийства за первую неделю — похоже, своего рода рекорд.

— Возможных?

— Смерть Джона Дейла могла быть самоубийством.

— Того, кто истёк кровью на собственном столе в гостиной?

— Это Олег держит тебя в курсе?

— Тогда он выбрал чертовски сложный способ. Вырезать куски собственной плоти после того, как ввёл себе препарат для разжижения крови?

Катрине пожала плечами.

— У людей, которые кончают с собой, нередко изначально есть психические проблемы. Мы с тобой видели и похуже, разве нет?

— Но, насколько я понял, у этого мужчины никаких проблем с психикой прежде не было, зато был длинный список людей, которые могли

желать ему смерти.

— Да, среди его должников были и люди из теневого бизнеса, и отчаявшиеся, которым больше нигде не давали кредитов. Но технических следов, которые указывали бы на чьё-либо вмешательство, нет.

— Может, ему приставили пистолет ко лбу именно для того, чтобы всё так и выглядело?

— В крови вокруг стола нет отпечатков обуви.

— Если убийца ушёл, как только кровопотеря лишила Дейла сознания, из-за гепарина кровь ещё не достигла первой стадии свёртывания. Поэтому, наступая в неё, он не оставлял следов. К тому же на нём были бахилы, которые он снял, прежде чем выйти из лужи, — вот почему на остальном паркете нет крови.

Катрине кивнула.

— Иногда мне тебя не хватает, Харри.

Он кашлянул.

— В отделе убийств, — добавила она. — Не воображай лишнего.

— Но?

— Что «но»?

— По тебе видно: версию убийства ты не принимаешь.

Она завинтила крышку термоса и посмотрела

на каток. Ответила лишь после того, как отыскала взглядом Герта.

— Я ничего не принимаю на веру, Харри. Кажется, это первое, чему я у тебя научилась, когда пришла в отдел убийств. Ты сказал: пусть сомнение правит. Всегда. Поэтому я ничего не принимаю и ничего не исключаю. Просто говорю, что пока мы склоняемся к самоубийству. И я собираюсь назначить Олега руководителем следственной группы по этому делу.

— Рановато.

— У нас есть ещё два дела, где мы точно знаем, что это убийства. Пусть попробует себя на этом. Полной группы не будет — только он и ещё пара человек.

— М-м.

Заразительный смех Герта прорезал певучий скрежет коньков.

— Кстати, о самоубийстве и сомнениях, — сказал Харри. — Моё первое дело — проверить, не организовал ли Биргер Неслунд собственное убийство. Несколько месяцев назад он увеличил сумму страхования жизни. А теперь проверили другие компании: оказалось, он застраховал жизнь ещё в двух компаниях. Это совершенно законно, но подозрительно: общая страховая пре-

мия была довольно высокой, особенно с учётом того, насколько плохо шли дела его фирмы.

— Мы тоже об этом думали, — сказала Катрине. — И попросили разрешения допросить жену, которой достанутся деньги. Но она отказывается.

— Олег говорил. Неудивительно, если она убила мужа и боится себя выдать или думает, что вы как-нибудь её подловите.

— И не особенно умно, если она хочет избежать подозрений. Если… — Катрине осеклась. — Зачем мы проговариваем эти очевидные вещи?

— Потому что я хочу предложить сделку.

— Сделку?

— В отделе убийств мы нечасто сталкивались со страховыми компаниями, поэтому для меня было новостью, что у отделов расследований есть пара преимуществ перед полицией. Одно из них вот какое: когда страховая просит о допросе — или «интервью», как они это называют, — она может использовать закон о договорах страхования как рычаг. Компания не обязана выплачивать ни эре, пока получатель отказывается от интервью или отвечает на вопросы неправдиво. Короче говоря, думаю, Ламай Неслунд согласится поговорить со мной. Полиция, в свою очередь, может запросить

у страховой сведения, имеющие отношение к делу, включая запись интервью. Иными словами, я могу добавить вопросы, на которые отдел убийств хотел бы получить ответы.

Катрине с чем-то похожим на удивление смотрела, как Харри доставал из кармана пачку сигарет.

— Что?

— «Хотел бы получить», — повторила она. — Никогда прежде не слышала, чтобы ты так говорил. Или говорил так много. На новой работе научился?

Он улыбнулся и прикурил от белой одноразовой зажигалки Bic.

— Тебе даже не интересно, что я попрошу взамен?

— Я думала, твоя выгода — узнать наши вопросы.

Харри покачал головой и выпустил в темноту серый сигаретный дым.

— Страховые компании имеют право на сведения по делам, участниками которых являются, после того как расследование завершено. Но вы также вправе сообщать компании текущую информацию о ходе расследования.

— И ты хочешь, чтобы мы сообщали её вам?

— Не им, а мне, — сказал Харри. — Ты знаешь, я не передам ничего, чем можно навредить полицейскому расследованию или помешать ему.

— Ты отдаёшь себе отчёт, что место, где работаешь, неизменно называешь «они», а отдел убийств, из которого давно ушёл, — «мы»?

Харри затянулся и задумчиво посмотрел на сигарету.

— От дурных привычек трудно избавиться.

Катрине покачала головой. Харри увидел, как Герт и девочки направляются к скамейке и какао.

— Спасибо, — сказал он.

— По-моему, от этой сделки больше всех выигрываю я.

— Я не о сделке. О Герте. О том, что мне позволено… быть частью его жизни.

Катрине кивнула.

— Хорошая формулировка. Потому что большего почти не будет. Когда ты не пришёл на его день рождения…

— Я пил, Катрине.

— Я знаю, где ты был, Харри.

— Поэтому и благодарю. Я не считаю это само собой разумеющимся. Ладно?

Вдалеке Герт нарочно упал между девочками,

которые, смеясь, подняли его на ноги. Его лицо сияло беспримесным счастьем.

— Знаю, у тебя от этого болит сердце, — мягко сказала Катрине.

— Да, — ответил Харри и глубоко затянулся, словно пытаясь оттеснить комок в горле. — Но ничего. Я тоже не хотел бы, чтобы моим отцом был я.

ГЛАВА 12. [broken link: #TOC]

Было только половина седьмого вечера, а Олег уже спешил, дрожа от холода, по Грёнланнслейрет, прижимая телефон к одному уху. Другим ухом он ловил несколько языков, звучавших на этой самой многонациональной улице Осло. Из двух кафе навстречу друг другу неслись арабские макамы и сомалийская дхаанто, но посетителям, закутанным в шерстяные пледы под обогревателями, это, похоже, не мешало. Олег выругался про себя. *Проклятый хаос — вот что это было.* Мягкая, тёплая музыка в голове убеждала его повернуть к метро и ехать домой, к семье. А жёсткий рок, звучавший в теле, требовал отправиться в другое место.

Наконец ответила Хельга.

— Прости, что раньше не позвонил, — сказал он. — Несколько часов назад я узнал, что мне поручили руководить следственной группой по делу Джона Дейла.

— Как здорово! Поздравляю.

— Спасибо. Но работы будет много.

— Ты ведь уже едешь? Я могу уложить их на полчаса позже, тогда ты успеешь. А потом разо-

грею тебе ужин.

Олег сглотнул. *Сколько доброты было в её голосе. Господи, как же он её любил.* Он приближался к переходу, ведущему к станции метро, видел людей, которые ждали зелёного сигнала, видел впереди спину чернокожего мужчины в растаманской шапке. Олег уже встречал его и знал: тот пойдёт прямо. К тёмной каменной лестнице, спускавшейся к реке. Встанет среди других торговцев. Олег был ещё подростком, когда впервые пришёл туда. Он старался забыть кайф. Парение. А вместо этого — помнить унижение, отчаяние, разрушение и тех, кого увлёк за собой в падение.

— Дел много, — сказал он. — Это мой шанс, понимаешь? Поцелуй их от меня на ночь и не жди. Хорошо?

Хельга ответила после короткой паузы:

— Хорошо. Только будь осторожен, любимый.

Словно нож вонзился ему в сердце. Или в то место, где сердце должно было находиться. Он отключился.

Загорелся зелёный, и толпа пришла в движение. Олег пошёл прямо, а чернокожий мужчина свернул к реке.

Софи Гуллстранд вывела «Теслу» с закреплённого за ней места у лифта в открытом многоэтаж-

ном гараже. К её приходу салон уже прогрелся. Она замечала, что по мере приближения к пятидесяти всё больше ценит такие мелочи. *Пятьдесят.* Софи поддерживала форму, от природы была стройной и обладала хорошими генами, поэтому, когда подруги по университету говорили, что она выглядит на десять лет моложе их, это была не одна лишь лесть. Но числа не лгали. *Пятьдесят есть пятьдесят.*

Впрочем, она боялась потерять не внешность, а мечту о жизни, наполненной смыслом. *И что это вообще значило?* «Смысл жизни в том, чтобы наполнить жизнь смыслом», — сказал популярный и любимый народом философ.

Народным любимцем становишься, когда говоришь людям то, что они хотят услышать. Но и это было нормально. Софи знала лишь одно: всего, что у неё было сейчас, — хорошо оплачиваемой работы, ещё лучше зарабатывающего мужа, двоих детей, учившихся в Австралии и США, и дома, внезапно ставшего таким большим, — не хватало, чтобы наполнить жизнь смыслом.

Она увидела спину высокого мужчины в шерстяном пальто из тех, какие они покупали в магазине Армии спасения, когда Софи одно время примеряла на себя богемный образ. Мужчина

стоял перед белой, заметно проржавевшей машиной и мучился с замком. Она остановилась и одним нажатием опустила стекло.

— Сразу видно: давно вы не покупали машину.

Харри Холе обернулся.

— Нет, — коротко ответил он и снова сосредоточился на замке.

— Нет? Если не ошибаюсь, это «Эскорт» восемьдесят восьмого года.

— Верно, — сказал Холе, наконец открывший замок, и снова повернулся к ней. — Но купил я его на прошлой неделе.

— Машину восемьдесят восьмого года? Зачем?

— Мне нравился мой прежний «Эскорт» восемьдесят восьмого. И этот отдавали за шесть тысяч, если самому забрать.

Софи Гуллстранд рассмеялась. Он рассмешил её второй раз. *Если подумать, пока это выводило его на первое место в списке за текущий календарный год.*

— Значит, вы разбираетесь в машинах, — сказал Холе и рывком отодрал дверь от примёрзших резиновых уплотнителей.

— Не особенно. Наверное, просто люблю старые вещи, которые всё ещё работают.

Холе поднял бровь и широко улыбнулся. Во рту

блеснул золотой зуб.

— Мой отец был раллийным гонщиком и держал автомастерскую в Альнабру, — сказала она.

— М-м. И научил вас водить профессиональному вождению?

— Хорошо сказано, — заметила она с вопросительной интонацией и поняла, что бессознательно использовала разговорное окончание, оставленное ею в Альнабру ещё в подростковом возрасте.

— Хват руля, — пояснил он.

Она посмотрела на свои руки: на девяти и трёх часах, большие пальцы легко лежат снаружи, не обхватывая обод, локти слегка согнуты.

— Надеюсь, у вас зимняя резина, если собрались наверх, — сказала она.

— В Хольменколлен, хотите сказать?

Софи не ответила. *Либо он шутил, что машине за шесть тысяч не место на холме богачей, либо кто-то рассказал ему, что она живёт в самом престижном коттеджном районе Осло.* Во всяком случае, она надеялась, что он не понял: это была своего рода фрейдистская оговорка. Сегодня она из чистого любопытства искала его имя в интернете и в базе компании и узнала, что он жил в Хольменколлене, в одном доме с Ракель

Фёуке, которую безумец убил там же.

— В любом случае я останусь на равнине, — сказал он.

Она смотрела, как Харри садится в машину и с силой захлопывает дверь.

За покрытым изморозью стеклом ей почудилось, будто он поднял руку на прощание.

Словно залез в морозильную камеру.

Она слышала, как натужно крутился стартер «Эскорта», пока сама бесшумно скользила в зимнюю темноту.

ГЛАВА 13. [broken link: #TOC]

Вентилятор проектора тихо шелестит. Я сижу перед экраном уже почти девять часов. Всё та же классика. Целиком «Похитители велосипедов». Первая половина «Женщины под влиянием». Немного «Всё о Еве» — сцена с Мэрилин Монро. «Беглец». Не фильм с Харрисоном Фордом, а телесериал 1963 года с Дэвидом Джанссеном. «Танец-вспышка». «Дуэль» — телевизионный эпизод, ставший фильмом, и единственное достойное, что сделал Спилберг, если не считать, возможно, «Челюстей». «Глубокая глотка». «Чёрный динамит». «Трудности перевода» — фильм полон ошибок, но всё равно возвышается почти над всем прочим, а может быть, именно поэтому.

Но лучшее я приберёг напоследок.

«Мишени» Питера Богдановича, 1968 года. Не чувствуйте себя глупо, если не видели и даже не слышали о нём. Хотя нет, чувствуйте. Богданович — вундеркинд, со временем угасший, — написал сценарий, поставил фильм и сыграл в нём. Если пересказывать просто, это история о человеке, который однажды решает стать массовым убийцей. Простите, неверно: это не простой пере-

сказ. Потому что это всё. И это совсем не просто. Это невероятно сложно. Или ровно настолько сложно, насколько вы захотите, ведь никаких объяснений вам не навязывают.

Так будет и с историей, которую создаю я.

Вам позволят сочинить объяснение самим — я знаю, оно вам необходимо. Необходимо потому, что вы не способны вглядываться в чёрную бездну, не вообразив, будто там что-то есть.

Мысль о том, что тьма — лишь пустое ничто, невыносима, верно? Как всегда, невыносима истина. Поэтому у нас есть религии и кино. Нам нужны утешение и вера в то, что происходящее имеет смысл и всё в нём связано.

К сожалению, «Мишени» — единственный по-настоящему честный фильм Богдановича.

Теперь я посмотрю её.

Пусть вдохновит меня.

А потом настанет мой черёд.

ГЛАВА 14. [broken link: #TOC]

Харри стоял в гостиной и слушал, как Ламай Неслунд объясняла детям, что у неё гость и пока им нужно оставаться в своей комнате и играть.

Он рассматривал фотографии над тиковым комодом. На одной Биргер Неслунд, Ламай и двое детей стояли на лыжах. На другой Ламай позировала перед большой кинокамерой, между молодой женщиной и мужчиной, в котором Харри, кажется, узнал актёра. На третьей Биргер и Ламай стояли под пальмой перед мечетью; рядом с ними находились ещё пять человек.

— Моя семья в Таиланде, — сказала Ламай.

Харри повернулся к ней.

— Провинция Сатун. На юге, у границы с Малайзией. — Она указала на кресло у журнального столика.

— Знаю, там большинство — мусульмане. Но вы буддистка, верно? — спросил Харри, когда они сели.

Она вопросительно посмотрела на него.

— В прихожей слегка пахло благовониями, — пояснил он. — Подумал, у вас может быть домашний алтарь.

Она кивнула.

— Расскажете, как вы приехали в Норвегию?

Она вздохнула.

— Когда я там жила, времена были тяжёлые. Туристов было не столько, сколько теперь. Не как в Краби и на Пхукете. Отец был рыбаком. Получил травму и не мог работать. Семье нужны были деньги. Старшая сестра знала девушку, которая уехала из Бангкока в Норвегию. Та позвонила и сказала, что мы можем работать в массажном салоне, им не хватает девушек. Владелец прислал деньги на билеты, и мы с сестрой приехали.

— М-м. Понятно. Массаж в смысле…

— Да. Если клиент просил и соглашался с ценой. Но трогать нас было нельзя, и никакого полового акта.

В её голосе Харри не услышал ни стыда, ни боли, ни защитной реакции.

— Там вы и познакомились с Биргером?

В ответ она метнула на него недобрый взгляд.

— Простите, — сказал он. — Я хотел сказать — с вашим мужем, Биргером Неслундом.

Она благосклонно кивнула.

— Ему нужен был только массаж. Он много работал, у него болела спина. И приходил часто. Мы разговаривали, узнавали друг друга. Однажды он

пришёл и сказал: «Пен янг рай банг».

— «Как дела»?

— Вы знаете тайский?

Харри покачал головой.

— Однажды я расследовал убийство в Бангкоке.

— Моё сердце растаяло, когда он выучил эти слова. У Биргера, знаете ли, не было больших способностей к языкам.

— А у вас есть?

Она улыбнулась.

— Я над этим работала. Язык — это власть. Я не хотела, чтобы окружающие имели надо мной власть только потому, что знают язык лучше. И понимала: скорее всего, у меня будут дети, говорящие по-норвежски. Перейдём к вашим вопросам?

Харри кивнул и посмотрел на лист, присланный Катрине. Вопросы были те же, какие он задал бы и сам.

Есть ли у вас предположение, что могло произойти?

Знаете ли вы, были ли у мужа враги и кто именно?

Видел ли кто-нибудь, как вы входили или выходили из квартиры, и может ли подтвердить

время?

Владели ли вы или ваш муж огнестрельным оружием?

Страдали ли вы психическими заболеваниями, обследовались или лечились по их поводу?

Могли ли вы застрелить мужа и не помнить этого?

На всё она ответила «нет» и молчала во время пауз — ментальных присосок Харри: большинство людей не выдерживали и начинали говорить, стоило задающему вопросы позволить тишине затянуться и стать достаточно неловкой.

— Вернёмся к оружию, — сказал Харри. — По данным реестра, у вашего мужа было разрешение на ношение пистолета «Вальтер». Можете показать, где он?

Она покачала головой.

— Он давно его потерял. Мы стреляли в рыбу… как называется… большие зубы, в камышах.

— Щука?

— Щука, да. Мы стояли в лодке, я светила на воду, а когда щука показалась, Биргер выстрелил. Я прежде не слышала выстрела, так испугалась, что потеряла равновесие и упала на него. Пистолет упал в воду. Мы его не нашли, хотя на

следующий день ныряли. Вернее, ныряла я. У меня получалось лучше. В Таиланде мы много плавали под водой.

— Вы с мужем часто стреляли рыбу?

— Нет, только один раз. Мы едва познакомились, пили вино в домике и немного… дурачились. Потом лежали в лодке и так смеялись. Пистолет исчез, но Биргер сказал, что это неважно. Мы так смеялись.

Она по-прежнему говорила ровно, но Харри видел слёзы в её глазах.

— Посмотрим, — сказал он, опуская взгляд к листу, будто шёл по перечню дежурных вопросов. — Пропало ли что-нибудь, что могли забрать взломщики?

— Нет. Только дочка говорит, что исчезли часы, которые ей подарили на Рождество. Но не думаю, что воры взяли бы часы за несколько сотен крон и ничего больше.

— Согласен. Вы с мужем в последнее время ссорились?

— Нет.

— Вам известно, изменял ли он вам?

— Да.

— Вот как. С кем?

Она вздохнула.

— Да, мне известно, изменял ли он. И он не изменял.

Харри забыл, что в тайском всё устроено логичнее: двойного отрицания там нет.

— Вы уверены?

Она снова вздохнула.

— Вы женаты?

— Был. Я вдовец.

— Мне жаль. Но тогда вы знаете, верно?

— Изменяла ли она?

— Было ли у неё что-то, что мешало вашим отношениям? Если не мешало, значит, она не изменяла. Поэтому Биргер не изменял. Он никогда не сделал бы ничего, что навредит семье. Семья была для него всем.

Её голос и взгляд были твёрдыми. Харри почти не сомневался, что она говорит правду.

— Кстати, я солгала, — произнесла она, словно отвечая на эту мысль, и Харри бессознательно втянул воздух носом, проверяя, не издают ли его мысли какой-то запах.

— Насчёт измены?

— Нет, насчёт ссоры. За день до смерти мы поссорились.

— Из-за чего?

— Из-за денег.

— Можно подробнее?

— Он взял заём у… у тех, у кого не следует занимать.

— У кого?

— Не знаю. Знаю только, что денег было много и он их не вернул, хотя срок займа уже… истёк.

— Тогда они, вероятно, придут требовать деньги у вас.

— Я тоже так думаю.

Харри изучал её лицо — широкое, со следами оспы или юношеских высыпаний. Карие глаза излучали спокойствие, тихую уверенность человека, который знает, что справится почти со всем.

Вдова с двумя детьми и долгом перед ростовщиками. Он кашлянул.

— Если он задолжал много и был готов на всё ради семьи, мог ли он организовать собственное убийство?

— Нет, — ответила она без страха и так быстро, что Харри понял: сама уже думала об этом. — Не дома, когда я и дети рядом. Никогда. Он не мог знать наверняка, что мы будем в подвале.

— Но вы не исключаете, что он мог обдумывать самоубийство, чтобы обеспечить вас?

Она устало улыбнулась.

— Вы через многое прошли, Харри. Это заметно. Я права?

Он помедлил и кивнул.

— Я тоже. Поэтому мы ничего не исключаем, правда?

— Пожалуй, нет. А значит, я должен задать следующий вопрос. — Он увидел, как она внутренне напряглась: она знала, какой вопрос сейчас прозвучит. — Вы убили своего мужа?

Она сглотнула.

— Нет.

Харри вдохнул.

— Вы готовы подписать соглашение о проверке на детекторе *лжи* и ответить в том числе на этот вопрос? Имейте в виду: если тест покажет, что вы *лжёте* об этом или о чём-то ещё, одного результата будет недостаточно, чтобы компания отказала в выплате. Но если он покажет, что вы говорите правду, велика вероятность, что компания перестанет тратить силы на проверку этой версии.

Он видел, что она размышляет. Основательно.

— Думаю, правильнее будет отказаться, — сказала она. — Наверное, всё сказанное вами правда, но ваша работа — сделать всё, чтобы не платить.

— Не всё, — ответил Харри. — Но вы правы. Возможно, стоит посоветоваться с адвокатом.

— Не нужно. Я согласна.

— Вот как?

— Да. По трём причинам. Дети испугаются, если поймут, что вы и полиция подозреваете маму. Даже если тест ошибётся и скажет, что я лгу, я не боюсь того, что вы найдёте, проверяя меня. И третье: я хочу, чтобы вы и полиция направили все силы на поиски убийцы Биргера. Давайте соглашение.

— У меня его с собой нет.

Она долго смотрела на него. Между бровями появилась складка.

— Скажите, Харри, может, детектор нужен вам?

— М-м. Правда в том, что компания вообще не может предложить вам такой тест. Но мой тест вы только что прошли. — Харри улыбнулся и с усилием поднялся. — Спасибо за ответы, госпожа Неслунд.

— Ламай.

— Спасибо, Ламай.

— Я ошибаюсь, полагая, что вы новичок, Харри?

— Нет. Только начал.

Она кивнула.

— Вы напряжены и вам нужен массаж. Вижу,

правая сторона совсем одеревенела. Я снова работаю вместе с сестрой в салоне на Майорстувейен. Могу вас размять. Без счастливого конца.

— Спасибо, но я… — Харри искал слова, но находил только неподходящие.

— Не любите, когда вас касаются чужие? — Ламай коротко рассмеялась, увидев выражение его лица.

Когда он обувался у входной двери, к нему подошёл эрдельтерьер и обнюхал. Харри выдержал проверку: пёс лизнул его руку и завилял хвостом.

— Вот видите. Вам нужна собака, Харри.

— Откуда вы знаете, что её нет?

— По глазам. Вы одиноки.

Из детской донёсся смех.

— Они… — начал он.

— Да, смеются, когда играют. И плачут, когда я укладываю их, а папы нет.

— А вы?

— Я утешаю их. А когда они засыпают, горюю. — Впервые он услышал, как плач дёрнул её голосовые связки. Она прочистила горло. — Будь моя семья здесь, всё было бы иначе. Но я одна и не могу позволить себе долго плакать.

Харри тоже кашлянул.

— Понимаю. Похоже, вам нечего скрывать, Ламай. Тогда почему вы отказались от допроса в полиции?

— Я сказала: пока отказываюсь. Сначала нужно найти адвоката, которому доверяю. Мне не нравится тот, которым пользовался Биргер. Думаю, он выманивал деньги из фирмы. И полиции я тоже не доверяю. — Заметив вопрос на лице Харри, она продолжила: — Вы были в Сой-Ковбой. Моя сестра работала там год перед нашим отъездом. Тамошняя полиция… — Она скорчила гримасу, сделав дальнейшие объяснения лишними. — Может, здесь немного лучше. Но всё же. Когда некоторые мужчины получают удостоверение со словом «полиция»…

— М-м. Но со мной вы согласились говорить без адвоката.

— Да. Вы ведь Харри Холе.

Он поднял бровь.

— Что вы имеете в виду?

— Я не собиралась говорить. — Она устало улыбнулась. — Сестра рассказывала о норвежском полицейском, который был тогда в Бангкоке. Там расследовали убийство, и вы допрашивали её подругу, танцевавшую в том же гоу-гоу-баре. Она говорила, что человек по имени Харри был к ней

добр и добился, чтобы её отпустили. Полиция Сой-Ковбой никогда так не поступила бы. Потом я читала о вас в газетах. И поняла: если кто и способен поймать убийцу Биргера, то вы.

Харри перекатился с пятки на носок.

— Боюсь, моё поручение не распространяется на поимку убийцы.

— Поручение начальницы — нет, — сказала она. — Но внутри нас есть нечто, что распоряжается нами сильнее, чем начальники в конторах. Правда, Харри?

— Может быть. — Он открыл дверь. — Всего доброго.

— Скажите, если передумаете.

Он вопросительно посмотрел на неё.

Ламай улыбнулась.

— Насчёт правой стороны.

ГЛАВА 15. [broken link: #TOC]

Харри слушал, как его шаги отдаются эхом в подъезде. Снятая им квартира находилась на семнадцатом этаже. А он боялся лифтов.

Столе Ауне объяснял: у большинства людей это разновидность общей клаустрофобии, но в случае Харри страх мог быть связан с детской травмой. Он едва вступил в подростковый возраст, когда они с младшей сестрой Сёс спускались на лифте после посещения смертельно больной матери. Волосы Сёс зажало между кабиной и стеной шахты, и её подняло в воздух. Вместо того чтобы спасти сестру, Харри оцепенел. Он был уверен, что она тоже умрёт и что, как, по его убеждению, и в случае с матерью, виноват в этом будет он.

Столе называл это простой фобией и предлагал экспозиционную терапию, которая помогала в семидесяти пяти процентах случаев. *Что ж, либо Харри относился к оставшимся двадцати пяти, либо причина лежала глубже.*

Столе рассказывал о сочетании пяти компонентов страха, лежащих в основе всех фобий. Главным для Харри он считал смерть эго — чувство вины и страх утраты целостности. А

наименее важным — самосохранение, боязнь перестать существовать: Столе подозревал, что Харри скорее жаждет этого, чем боится.

Вероятно, сказанное описывало не только боязнь лифта. С другой стороны, возможно, всё было одним и тем же. Харри интересовали загадки, но, как ни странно, не собственная. К тому же физически изнурительный, монотонный подъём на семнадцать этажей на время освобождал его от круговорота мыслей. Это была одна из причин, почему он согласился снять квартиру, которую нашёл Эйстейн. Вторая — вид. Дом стоял у самой Акерсэльвы: когда Харри сидел на маленьком балконе и курил, слева лежал восток города, справа — запад, а прямо перед ним — фьорд.

Была ли третья причина? Семнадцать этажей. С такой высоты не выжить. Учитывал ли он это? Хотелось надеяться, что нет.

Этажом выше остановился лифт. Кто-то вышел. Харри подождал, пока хлопнет входная дверь, и только тогда продолжил подъём. *Не то чтобы он не любил соседей или был нелюдим… хотя нет, именно так всё и было.*

Он открыл квартиру, остался в пальто, но снял ботинки Dr. Martens и поставил на полку, где стояла другая, совершенно такая же, неношеная

пара. Он купил её после того, как Эйстейн заявил, будто модель снимают с производства. Те, кто когда-то выбирал её панковскую версию, теперь либо перестали быть панками, либо умерли, сказал Эйстейн. Вернее, «померли» — он утверждал, что именно так говорили в Оппсале, где они выросли, хотя Харри считал: всё зависело от того, жил ты в многоэтажках или в деревянном доме с яблонями, как сам Харри.

В гостиной всё имело — и занимало — постоянное место: от виниловых пластинок в алфавитном порядке на полке у спальни до старых пожелтевших журналов Q и Mojo, разложенных хронологически.

Харри выбирал пластинку: свой старый экземпляр первого издания дебютного альбома Weezer 1994 года или ремикшированное делюкс-переиздание того же альбома, вышедшее тридцать лет спустя и подаренное Олегом.

— В благодарность за то, что познакомил меня со своей стариковской музыкой, когда мне было тринадцать, — сказал тогда Олег, лишь слегка иронизируя.

Он даже пригласил Харри в США, когда объявили о туре Weezer вместе с Flaming Lips и Dinosaur Jr. Сказал, что Харри просто обязан уви-

деть Dinosaur Jr., ведь именно так его прозвали в отделе убийств. На вопрос, почему именно так, Олег лишь рассмеялся.

— Загадка, правда?

Харри посмотрел на две голубые обложки и сделал выбор. Надел туфли, стоявшие на коврике у балконной двери, вышел и сел на единственный кухонный стул с ржавыми металлическими ножками. Закурил. Вечерняя тьма сразу поглотила дым, который он выпустил в сторону Осло, расстилавшегося под ним покрывалом огней. Маленький город, который он любил, но где каждая улица, скромная площадь, невысокое здание, парк и бар пробуждали воспоминания — большей частью болезненные. Он не знал, способен ли ещё выносить этот город, но и покинуть его не мог. Как родитель, обречённый любить своего ребёнка, хотя боль, которую тот причинял, словно была пропорциональна любви.

Вдали, на склоне Экеберга, переменчивый воздух заставлял огни мерцать, будто напоминая о чём-то. Харри вспомнил, достал телефон и выбрал имя. Александра Стурдза ответила после второго гудка.

— Можно зайти завтра в семь? — спросил он. Хрипловатый голос подсказал, что она уже лежит

в постели.

— Почему ты решил, что судебный медик работает в такую рань?

— Потому что те несколько раз, когда я у тебя ночевал, ты выставляла меня в шесть. Но в такую рань ты там одна, верно?

— Там — да, — ответила она, и Харри понял: в постели с ней кто-то есть, вероятно, новый мужчина.

— Прости. Скажи ему, что наши ночёвки были давно.

— Ничего. И в семь тоже нормально. Как я поняла, Братт предоставила тебе доступ ко всему.

— Ага. Увидимся. Передавай привет своему парню.

— Вряд ли, — сказала Александра и отключилась.

Харри затянулся. Из щели балконной двери просачивался звук гитар. Разница была. На оригинальном издании фузз звучал чуть жёстче по краям.

Олег сидел с закрытыми глазами, позволяя трём девушкам с гитарами продлить удовольствие, которое всё ещё жило в теле. Он расслабился, но был слишком возбуждён, чтобы ложиться. Когда он отпер дверь, в доме было темно и тихо. Он

надел наушники, поставил двадцатиодноминутный дебютный мини-альбом Boygenius на повтор и поплыл по медленным ритмам, идеально совпадавшим сейчас с темпом его мыслей. Но ближе к концу четвёртой песни, где наконец вступили фузз-гитары, снова появилось оно. Дело.

У них ничего не было. То есть была версия самоубийства, и, если они быстро не найдут что-нибудь, способное её опровергнуть, первое дело Олега в качестве руководителя группы окажется удручающе коротким. Не то чтобы его амбиции были важнее правильного вывода. Но, будь у него выбор, он предпочёл бы, чтобы Джона Дейла убили. Это могло означать, что Дейл не был несчастен, что кто-то другой — пусть даже убийца — получил желаемое, а вдобавок дало бы молодому следователю шанс стать лучше в своей работе. Харри называл такие рассуждения холодным утилитаризмом, но сам Олег разделял эту философию. Пока поступок приносит человечеству больше добра, чем зла, его мотив не так важен. А ещё бывают поступки, которые дают человеку мгновенное наслаждение, но это наслаждение никогда не перевесит суммы долгосрочных страданий — его собственных и близких. Олег прибавил громкость, чтобы заглушить мыс-

ли, выстроившиеся в очередь за первой.

Сначала немного, потом ещё, пока давление гитарной стены не упёрлось в барабанные перепонки и не принесло желанную боль.

Он вздрогнул, когда что-то коснулось его плеча. Поднял взгляд и снял наушники.

— Где ты был? — прошептала Хельга, сонно глядя на него. На ней были пижамные брюки, руки скрещены поверх его старой футболки, на которой курящий Боб Марли изображён в футбольных шортах.

Олег прочистил горло.

— На работе.

Он сам услышал преувеличенную небрежность, с которой произнёс эти слова, и увидел, как она сразу распознала ложь.

— От тебя странно пахнет.

— Я ел марокканскую еду.

Это действительно было правдой, но он понятия не имел, мог ли запах быть связан с тем, что она почувствовала. *Может быть, от него просто пахло страхом. Страхом потерять всё, если она узнает и не поверит обещанию, которому он и сам верил: это никогда, никогда не повторится. Да, он был убеждён. И останется убеждён до следующего раза. Пока всё не накопится и плотину*

снова не прорвёт. Странно — знать, что чего-то не существует, и всё равно верить. Олег пришёл к выводу, что это, должно быть, разновидность безумия.

По раздувшимся ноздрям Хельги он видел: она выбирает, по какой дороге пойти.

— Юлию вырвало, и у неё температура, — сказала она. — Мне нужно хоть немного поспать. Ты заглянешь…

— Да, я посмотрю, — с благодарностью перебил он.

Она кивнула, повернулась и спустилась в спальню. Олег смотрел ей вслед, думая, как хорошо они знают друг друга. Она видела ложь, но видела и его страх. Хельга была практичной женщиной и делала необходимое.

Умела отключить чувства, поняв, что они скорее помешают, и решила не паниковать, когда в тридцатипятиградусный мороз, в полярной темноте заглох снегоход, а до ближайшего дома оставалось двадцать километров по глубокому снегу.

Она понимала: если сейчас начать выяснять отношения и добиться правды, они могут потерять больше, чем могут себе позволить. Поэтому пока она будет наблюдать — смотреть, найдёт ли он

выход сам. Ради детей, ради неё. Ради них всех.

Он прибавил музыку. Но она больше не действовала.

Нужно было что-то жёстче. Олег нашёл старую песню.

Первую. «I Wanna Be Sedated».

ГЛАВА 16. [broken link: #TOC]

Харри ждал в предрассветной темноте, притопывая. Механизм ворот загудел, из динамика донёсся голос Александры:

— Секционная. Дорогу знаешь.

Как Харри и предполагал, Александра была одна. Вернее, одна с тремя трупами. Она подняла взгляд от неприкрытого тела худой женщины, в которой он узнал Фелисию Хение, улыбнулась и направилась к нему. Почти всё в Александре Стурдзе было жёстким: резкие черты лица, румынский акцент, убранные назад и затянутые в узел чёрные, как вороново крыло, волосы, даже белый халат. Но карие глаза оставались мягкими.

— Хорошо выглядишь, — сказал он искренне.

— А ты выглядишь одиноким. — Она приложила ладонь к его щеке.

Приятно было ощутить тепло на холодной коже. Заботу. Может быть, любовь. И странно, что это ничего не пробуждало ни в нём, ни, как он полагал, в ней, хотя некоторое время они были любовниками. Впрочем, возможно, она решила застраховаться от ошибочной радости воссо-

единения и назначила встречу в охлаждённой комнате среди мёртвых.

— Итак, что у нас? — спросил Харри.

— Никакой светской беседы? — Она подарила ему саркастическую улыбку и с ловкостью фокусника сдёрнула простыню с секционного стола, где лежал Биргер Неслунд. На белом тучном теле виднелся Y-образный шов: живот и грудь вскрыли, а потом зашили грубой нитью. — Два выстрела: один в голову, другой в грудь. Оба, в принципе, смертельные. Но в висок выстрелили первым.

Харри наклонился, изучая отложения пороха.

— В упор.

— Да. В грудь — с чуть большего расстояния. Возможно, убийца сначала выстрелил в Неслунда, когда тот стоял, а потом встал над ним и выстрелил ещё раз, чтобы убедиться.

— М-м.

— Что значит «м-м»?

— Есть ещё что-нибудь?

— Да. Часы в желудке.

— Что?

— Мы отправили их в криминалистическую лабораторию.

— Часы в желудке, как у крокодила из «Питера Пэна»?

— Да.

— Их могли поместить или протолкнуть туда после смерти?

Она покачала головой.

— Он проглотил их при жизни. Конечно, его могли заставить. В любом случае незадолго до смерти: следов воздействия желудочного сока не было.

— И никаких признаков борьбы?

— Ни малейших.

— Ладно. Это Джон Дейл? — Харри указал на одну из двух каталок, накрытых простынями.

— Да. Откуда ты…

— Потому что предполагаю, что там лежат отрезанные куски. — Он кивнул на стеклянную ёмкость у изголовья.

— Да.

Он посмотрел на тело обнажённой женщины.

— А это та, кого нашли в строительном вагончике?

— Да. Когда-то её считали многообещающей актрисой.

— Я читал.

— Раз уж ты здесь, может, поможешь с одной загадкой. — Александра подошла к Фелисии и указала на запястье. — Эти следы могли оставить

наручники. Но не тонкие полосы, которые идут по всей окружности запястья. Такие раны я видела у жертв, которым связывали руки клейкой лентой и которые пытались вырваться. Однако тогда на коже оставались следы клея, а здесь их нет. Тебе такое встречалось?

Харри наклонился, изучил запястье и покачал головой.

— По крайней мере, это не армированный скотч: от него остаётся много клея. Прости.

— Хорошо.

Харри потёр шею.

— Что-нибудь можешь рассказать о Джоне Дейле?

— То есть что-нибудь, чем ты сможешь помочь неопытному руководителю группы? Прости, но рассказывать тебе я могу только о Неслунде. Остальное — врачебная тайна. Я и следы на запястьях не должна была показывать.

— Понимаю. Всё равно спасибо. Пора спускаться к криминалистам.

— Была рада тебя видеть, Харри.

Он остался стоять. Она перенесла вес на другую ногу.

Харри вдохнул.

— Ты счастлива?

Она пожала плечами.

— Мы с тобой не занимаемся счастьем.

Харри усмехнулся.

— Но мне хорошо, — сказала она. — Он хороший. Лучше меня, если честно. А это, разумеется, необходимое условие, чтобы всё получилось.

— За него хочется держаться?

— Думаю, да. Или… да, хочется.

— Хорошо. Держись за него. Жизнь не обязательно даст много таких шансов.

— Ты о том, чтобы любить и быть любимой?

— М-м. Держись за него. Выход я найду сам.

ГЛАВА 17. [broken link: #TOC]

Криминалист Эдди Юнассон поднял пакет с вещественным доказательством. Внутри лежали цифровые часы с розовым ремешком.

— Детские, — произнёс он на своём певучем гётеборгском наречии. — Дешёвые.

— Думаю, дочери, — сказал высокий светловолосый мужчина, который скорее лежал, чем сидел в кресле напротив него в лаборатории без окон. — Есть идеи, зачем он их проглотил?

Эдди не был знаком с Харри Холе, лишь слышал несколько историй о нём. Зато истории эти дошли до самого криминалистического отдела в Гётеборге.

— Понятия не имею.

— Они всё ещё идут?

Вместо ответа Эдди нажал кнопку сбоку, и экран сразу засветился.

— Да, тик-так.

Холе откинулся в кресле. Гётеборгская лаборатория любезно откомандировала Эдди в Осло, чтобы временно заполнить пустоту после ухода лучшего криминалиста Бьёрна Хольма, однако теперь там об этом жалели. Эдди так хорошо

устроился, что решил остаться, прошёл курс сертификации в Полицейской академии и получил постоянное место.

Эдди Юнассону недавно исполнилось тридцать три. Он знал, что люди видят худощавого мужчину в чуть великоватых костюмах и маленьких круглых очках, увеличивавших глаза так, что они казались непропорционально большими. То же можно было сказать о его конечностях: по сравнению с шириной тела они казались непропорционально длинными — отсюда просторные костюмы. Конечно, их можно было подогнать у портного, но подобное расточительство претило Эдди. Не из принципа — инстинктивно. Он вырос в общине одной из свободных церквей, где бережливость считалась не практическим, а нравственным принципом.

Вот тут Эдди Юнассон раз за разом и сталкивался с самим собой — сам же себе преграждал дорогу. Убеждённый атеист, он так и не сумел освободиться от воспитания и навязчивой детской веры. В плохие дни он приходил на собрания церкви «Филадельфия», чтобы хотя бы ощутить надежду на загробную жизнь, в которую не верил, — как статистик, который всё равно покупает лотерейный билет. На время он тай-

ком становился частью сообщества, способного поддержать эту веру, утешить и приглушить страх смерти. Но обычно оставался тем, кем был. Разумным человеком, ищущим истину. Криминалистом.

— Руки Ламай Неслунд проверили на частицы продуктов выстрела? — спросил Холе.

— И инфракрасным светом, и контактными пробами, — ответил Эдди по-шведски. — Ничего. Но, конечно, до нашего приезда она могла вымыть руки.

— Одежду?

— На ней был свитер. Инфракрасная проверка ничего не показала.

— Где-нибудь нашли продукты выстрела?

— На рубашке жертвы.

— Значит, стрелявший стоял не дальше полутора метров.

— Да.

— Что думаешь о взломанной двери?

— Старая дверь, старый замок. Достаточно было слегка нажать ломиком.

— В отчёте сказано, что после нескольких краж велосипедов жильцы тщательно запирали и калитку с улицы, и дверь подъезда. Но там следов взлома не было. И никто не признаётся, что

впустил незнакомца.

— Никто не хочет брать на себя вину за то, что человека убили. Как бы то ни было, у вас в Осло плохо запирают ворота. В Гётеборге запирают все.

— М-м. Ещё следы?

Эдди покачал головой.

— У тела нашли несколько волос с головы, но без корней, поэтому ДНК не покажет, принадлежат ли они Неслунду или другому человеку. Однако этот человек полгода назад получал химиотерапию.

— Это можно определить по одному волосу?

— Цитостатики накапливаются в кератине, а волосы растут примерно на сантиметр в месяц.

— Химиотерапия. Вы обычно такое проверяете?

Эдди улыбнулся и покачал головой.

— Мы только что получили новый анализатор. Он находит всё. Я хотел его испытать. С тех пор как ты служил в полиции, многое изменилось.

Холе кивнул.

— Хочешь сказать, сегодня я был бы бесполезен?

Эдди пожал плечами.

Холе криво улыбнулся и почесал подбородок.

— Другой вопрос. Судмедэксперт нашла у Фелисии Хение раны, словно та пыталась освободиться от клейкой ленты, но следов клея нет.

— Верно. На стуле с места преступления нашли куски ленты. Это гафферная лента.

— Я думал, она тоже оставляет клей.

— Не настоящая. Её используют на съёмочных площадках и в театрах именно потому, что она не оставляет следов и не сдирает краску с пола сцены.

Холе кивнул и осмотрелся. Лишь спустя некоторое время тишины Эдди понял: вопросов больше нет. Но Холе продолжал сидеть.

Он кашлянул.

— Тебе здесь нравится?

— Да. Хорошая работа. Хорошие коллеги.

— Я про эту комнату. Без окон, где ты совсем один.

Эдди непонимающе смотрел на бывшего полицейского, не зная, что ответить и шутит ли тот.

— Мне бы здесь понравилось, — сказал Холе и поднялся. У двери он остановился у рабочего стола. — Это кухонные весы из дома Джона Дейла, на которых лежали куски мяса?

— Верно.

— Как думаешь, зачем их взвешивали?

— Понятия не имею.

— Сколько они весили?

— Тоже не знаю.

— Разве нельзя включить весы и увидеть результат последнего взвешивания?

— Наверное.

— Можешь?..

Эдди Юнассон помедлил, колеблясь между благоговением перед легендой и обязанностью хранить тайну. Затем нажал кнопку. Серый дисплей показал 0,452.

— Довольно близко к половине килограмма, — сказал Эдди. — Ужин на двоих.

— М-м.

Когда легенда ушла, Эдди оглядел комнату. *Да, здесь ему нравилось.* Он покопался в мыслях и почувствовал: *вообще-то это немного угнетало. Из всех мест на свете лучше всего ему, вероятно, было именно здесь.*

Телефон Харри зазвонил, когда тот направлялся к парковке у лаборатории. Это был Малик Хан, один из новичков в отделе убийств.

— Братт попросила держать тебя в курсе, — сказал он.

— Что нового?

— В новогодний вечер у Биргера Неслунда не

было входящих звонков, но он дважды пытался позвонить сам — двум сотрудникам фирмы, оба раза по FaceTime, оба раза без ответа. Они запускали ракеты, и Неслунд не ответил, когда после часа ночи они перезвонили. Алиби мы проверили и подтвердили. О финансовых проблемах компании оба знали. За последние недели к Неслунду дважды приходили в офис. Один раз — датчанин и светловолосая женщина, говорившая по-английски с акцентом, который сотрудники назвали восточноевропейским. После их ухода Неслунд выглядел напуганным, но объяснять ничего не стал. В другой раз в его кабинете с ним ругались двое норвежцев; сотрудники слышали, как упоминались миллионы.

— Сборщики долгов?

— Это наша рабочая версия.

— Ещё что-нибудь?

— Изучили банковский счёт Неслунда. Крупных переводов нет. Самый большой — интернет-магазину, похоже, за рождественские подарки. Проверили журнал активности на компьютере. За последнюю неделю он открывал несколько документов. Нас заинтересовали отчётность фирмы, завещание и договор страхования жизни. Договор он открывал два дня назад, сразу после

полуночи. Похоже, это был последний документ, который он просматривал.

— Как нашли пароль?

— Пароля не было. Для домашних стационарных компьютеров обычное дело.

— Значит, это могла просматривать жена.

— Конечно.

— Электронную почту проверили?

— Да. Ничего интересного.

— А подтверждение заказов на рождественские покупки?

— Было. Дорогое вечернее платье, почти десять тысяч.

— И?

— И дешёвые детские часы. Цену не помню.

— Ладно. Спасибо.

ГЛАВА 18. [broken link: #TOC]

Была половина третьего. За стеклянной стеной позади Ксавье Клементса на железнодорожные пути опускались сумерки. Срочных дел у него не было, и он подключил компьютер к мобильной точке доступа телефона, чтобы не выходить в интернет через сервер компании. Женщина, удовлетворявшая себя с помощью фаллоимитатора, была одета лишь в рождественский колпак, её стоны тихо звучали в новых наушниках Sony, подаренных женой. Зрелище так поглотило Клементса, что он заметил вошедшего только тогда, когда на стол упала тень.

Он поднял голову. Перед ним стоял новичок — Харри Холе. За его спиной была распахнута прежде закрытая дверь. С этого места Холе видел лишь заднюю панель монитора, но Клементс всё равно нажал кнопку маскировки сайта. Женщину на экране сменила обычная таблица Excel, а звук отключился.

— Ко мне принято стучать, — спокойно сказал Клементс.

— Отлично, — ответил Холе. — Потому что я постучал. У меня всего несколько вопросов о до-

говорах страхования жизни. — Он поднял пачку бумаг.

Клементс откинулся в кресле с высокой спинкой; кресло качнулось и упёрлось в оконное стекло. Он просил кабинет побольше, но Софи Гуллстранд отказала.

Та самая стерва, которая ворвалась сюда и, не посоветовавшись с ним, предложила работу этому алкоголику, выдохшемуся следователю из отдела убийств.

— Валяйте, — сказал Клементс. — Только быстро, я занят.

— Хорошо. Общее правило таково: страховую сумму выплачивают, даже если застрахованный покончил с собой, верно?

— Верно.

— Но здесь есть исключение. — Холе вынул из стопки лист и положил перед ним. — «При условии, что страхователь не совершил самоубийство в течение года после заключения договора». Имеется в виду календарный год или следующие двенадцать месяцев?

— Последнее, разумеется.

Высокий мужчина достал новый лист.

— Здесь сказано, что тот, кто умышленно причинил смерть застрахованного, не может

получить страховую сумму.

Клементс вздохнул.

— Само собой, это страховое мошенничество, Холе. Не платят тому, кто поджёг дом. Понимаете?

— Пытаюсь. — Харри криво усмехнулся.

Клементсу не понравились ни усмешка, ни тон. С самого начала он чувствовал: *Холе может доставить неприятности.*

— На самом деле меня интересует бремя доказывания, — сказал тот. — Поскольку речь о денежной выплате, а не об уголовном наказании, страховому расследователю достаточно установить, что убийство, скорее всего, произошло, а не доказывать это вне разумных сомнений?

— И это очевидно. — Клементс посмотрел на часы. — В следующий раз, когда постучите, не входите, если я не отвечаю. Я был на встрече в Zoom и хочу продолжить.

— Конечно. — Холе собрал бумаги. — Забавный рождественский колпак, кстати.

Ошеломлённый Клементс смотрел на дверь, которую Холе закрыл за собой. Потом медленно повернулся к темнеющему стеклу позади. И к отражению таблицы Excel на мониторе.

Такси единственного друга детства Харри, как

обычно, стояло на стоянке у Санкт-Хансхаугена.

Харри сел на заднее сиденье.

Эйстейн Эйкеланн посмотрел в зеркало и положил раскрытую книгу на центральную консоль старого «Мерседеса». Харри прочитал имя на обложке.

— Опять теория игр?

— Джон фон Нейман, — сказал Эйстейн и убавил концертную запись Rolling Stones в Шепердс-Буш. — Нейман и есть теория игр. Помогал делать атомную бомбу, стоит рядом с Китом в списке важнейших людей мировой истории. Жил в одно время с Эйнштейном, но знающие люди говорят, что Нейман был куда умнее. Ты знаешь, я читаю немало серьёзных научных книг, и, чёрт возьми, почти все написаны евреями. Скажи, считать евреев умнее остальных — расизм?

— Возможно. Ведь ты имеешь в виду…

— Да. Если называешь одну однородную группу умнее, тем самым подразумеваешь, что другая глупее.

— Тогда я бы, пожалуй, не слишком распространялся. — Харри достал сигарету.

— А если скажу, что другая группа — белые мужчины из Осло, которые считают рост цен на жильё естественным законом лишь потому,

что за всю их короткую жизнь рынок ни разу не обваливался и они успели разбогатеть? В моём такси таких идиотов полно.

— Всё равно лучше помалкивать. Можно?..

В ответ Эйстейн опустил окно и достал собственную пачку. Харри прикурил сам и дал прикурить Эйстейну от белой зажигалки. Они синхронно затянулись.

— Что нового с женщинами? — спросил Харри.

Эйстейн выпустил дым к открытому окну.

— Ничего. А у тебя?

— Провёл ночь с тюремной надзирательницей, познакомились в «Саре». Пышная, славная. Но утром, когда я одевался и надел шляпу, она спросила, не комплексую ли я из-за лысины.

— Ты ведь лысеешь.

— Да, но это не комплекс! Просто шляпа выглядит лучше, чем стареющая голова с несколькими печальными прядями. Если красное мне идёт больше синего, я надеваю красное. Это же не означает, что у меня комплекс из-за синего! Если Аль Пачино надевает платформы, собираясь в город, то потому, что женщин проще снимать, когда ты хотя бы одного роста с ними. Практичная и разумная мера для продолжения рода, а не проклятый комплекс!

— Значит, продолжения не было?

— Нет. Люди такие чертовски странные.

Они продолжили курить под Rolling Stones, немного размышляя об этом. Потом рассмеялись.

— Полагаю, ты пришёл не собирать урожай моей мудрости и знаний, — сказал Эйстейн.

— Вообще-то именно за этим. Ты знал Джона Дейла?

— Того, о ком писали? Только понаслышке.

— Кто его убил?

Эйстейн пожал плечами.

— Жена, наверное. Он ведь только что её бросил?

— Олег руководит делом. По его словам, у неё алиби, а когда Дейл ушёл, она получила кучу денег. Плюс последние три года спала с соседом, а Джон не знал.

Эйстейн рассмеялся.

— Красиво. Но, наверное, заслужил. Настоящий ростовщик. Сдирал шкуру с людей, у которых не было иного выхода, так говорят.

— Когда ты занимался кокаином…

— Тише! — Эйстейн оглянулся на другие такси.

— …тебе встречались случаи, когда ростовщики угрожали убить должников?

— Во-первых, я лишь ненадолго заглянул в

этот бизнес. Во-вторых, был мелкой рыбёшкой и никогда не залезал в долги.

— Слышал о светловолосой восточноевропейке и датчанине?

Эйстейн кивал в такт «Honky Tonk Women», где Шерил Кроу пела вместе с Миком Джаггером.

— Красавица и чудовище, — сказал он, покачал головой и затянулся, пока Харри ждал уточнения, кто из двоих кто. — Женщину зовут фру Фарма, она главная. Жёсткая, на шее татуировка с пламенем. Датчанин, говорят, ветеран Афганистана. Самим кокаиновым бизнесом они не занимались. Но у меня был клиент — богач, спустивший состояние на кокаин и прочую дурь. После визита датчанина и укола «Шелли» он оказался в закрытой психиатрической клинике.

— «Шелли»?

— Дрянь, отправляющая прямо в психотический ад и худший кошмар в жизни. Представь Шелли Дюваль в тот момент, когда Джек Николсон рубит дверь в «Сиянии». Говорят, дальнейшая разработка «Эйджент оранж» — отравы, которую американцы применяли во Вьетнаме. Эффективнее болтореза. Те, кто приходит в себя, сделают всё, лишь бы не получить ещё один укол.

— Хорошо, вот версия, — сказал Харри. —

Неслунд занял миллионы и у Дейла, и у этой блондинки. Приходит к ней и говорит, что готов пожертвовать собой ради семьи. Может оформить страховки, но денег всё равно хватит, чтобы расплатиться только с фру Фарма или с Дейлом. Значит, ей нужно убить обоих — Дейла и самого Неслунда. Тогда она получит свои деньги, а остатка хватит, чтобы жена и дети Неслунда безбедно жили дальше. Что скажешь?

— Ну…

— Вторая версия: произошло то же самое, но к фру Фарма пришла жена и устроила убийство Дейла и мужа.

Эйстейн задумчиво тянул сигарету; огонёк почти достиг фильтра.

— Обе более или менее согласуются с теорией игр Неймана. Но, если считать участников рациональными, нужно включить в уравнение вероятность попасться за убийство.

— Знал, что ты это скажешь. И ещё одно. Из Дейла вырезали чуть меньше половины килограмма плоти. То есть почти ровно один фунт. Его взвесили, словно желая сообщить точный вес. Я вспомнил: именно фунт плоти требует ростовщик в «Венецианском купце», если долг не выплатят вовремя.

— Это что?

— Шекспир. Точно, ты ведь прогуливал норвежский в школе Грюнера.

— Но Дейл был не должником, а кредитором.

— Да. Просто мысль.

— Не усложняешь ли ты, Харри? Кажется, ты говорил, что мотивы убийств обычно до банальности просты.

— Да, и часто удручающе глупы. Но это дело не следует правилам. В любом случае спасибо, мне пора.

— Я помог?

— Por supuesto.

— Конечно. Ты используешь меня, чтобы услышать собственные мысли вслух.

— М-м. — Харри застегнул пальто до горла и посмотрел на редкие снежинки, плывшие по воздуху.

Эйстейн схватил книгу.

— Значит, это не Шекспир. Это Финчер.

Харри остановился, взявшись за дверную ручку.

— Финчер?

— Дэвид Финчер, режиссёр. «Семь». Не помнишь? Мы смотрели на видео у меня в подвале.

— Мы посмотрели сотни фильмов, и было это

сотни лет назад. Но да, конечно, «Семь» помню.

— Тогда, может, помнишь, что там с адвоката срезают фунт плоти и он истекает кровью. И он не должник, как у твоего Шекспира.

— Верно, — задумчиво сказал Харри. — В «Семи» это наказание за алчность. Например, за выдачу займов под грабительские проценты.

— Вот теперь прозрел. И ещё: избавься от белой зажигалки. Мне страшно, понял?

— Ты знаешь, что это суеверие? Как и то, что Кит — вампир.

— Вон, неверующий!

Харри вышел, зажал сигарету губами и, проходя перед машиной, сделал пару скованных танцевальных движений, после чего растворился в сумерках.

ГЛАВА 19. [broken link: #TOC]

Прощание с Фелисией Хение проходило в Старом городе.

Невысокая церковь теснилась между другими старыми, слегка покосившимися двухэтажными домами со скатными крышами — обрывок прежней восточной части Осло. В двух шагах поднимался новый город: роскошные высотки с террасами над фьордом, лодочными причалами и ресторанами «Мишлен» внизу; единственной занозой в этой радости был новый музей Мунка.

Катрине Братт пришла рано и села на боковую скамью, чтобы видеть входящих и наблюдать за их поведением. С галереи текла тихая органная музыка, настолько тихая, что она не понимала, играет ли органист или включена запись.

Близких родственников у Фелисии не осталось, и Катрине ожидала похорон одинокого человека. Ей доводилось бывать на церемониях, куда, кроме неё, священника и служащих похоронного бюро, не приходил никто. В таких случаях узнать о жертве убийства было не у кого.

Она оказалась права лишь отчасти. До начала оставалось несколько минут, а присутствующих

уже было пятеро. *Конечно, убийца мог оказаться среди них, однако обстоятельства скорее указывали на садиста-клиента, выбравшего проститутку случайно, а не на убийство, совершённое кем-то из близких. С другой стороны, Харри уже раскрывал убийства, совершённые близкими и замаскированные под ограбления банков и действия серийного убийцы, и всегда приходил на похороны. Чтобы задавать вопросы, но также просто смотреть, слушать. И нюхать.*

По словам Харри, особый запах страха — не миф.

Он ссылался на эксперимент, в котором исследователи собрали образцы пота у тридцати женщин, смотревших фильм ужасов, и тридцати, смотревших скучный документальный фильм. Третья группа женщин, понюхав образцы, смогла отличить пот с феромонами страха от пота без них.

По словам Харри, удобно было то, что любой нормальный человек, пытающийся избежать ареста за убийство, выделяет такие феромоны, когда мужчина ростом метр девяносто три с ледяными голубыми глазами достаёт полицейское удостоверение и спрашивает, можно ли задать несколько вопросов. Те же, кто их не выделяет,

скорее всего, психопаты, а значит, меньше вероятность и того, что они убили близкого человека, и того, что вообще явятся на похороны. Так рассуждал Харри.

Катрине решила: *даже если эксперимент доказал лишь, что женщины лучше распознают запах страха, её это устраивает.* Она переняла привычку разговаривать с возможными подозреваемыми. И принюхиваться. Правда, пока без заметного результата.

Она изучала пришедших.

Мужчина лет шестидесяти в больших квадратных очках и пальто, сшитом, как надеялась Катрине, из искусственного волчьего меха.

Две шепчущиеся азиатки в одинаковых пуховиках. Возраст определить было трудно, но обеим явно за сорок.

Высокая фигура в огромной парке с глубоко надвинутым капюшоном, из-под которого выбивались рыжие клочья волос. Непонятно, парень это или девушка и вызвана ли дрожь холодом или ломкой.

Наконец, женщина в нескольких слоях воздушных одеяний, которые скорее подчёркивали, чем скрывали необычайно объёмное тело. Она то и дело с мучительным выражением смотрела

на часы.

Катрине так увлеклась пятерыми, что не заметила, как рядом кто-то сел.

— Как продвигаетесь? — Голос был высокий и тонкий.

Она повернулась. Мужчина в чёрном. Маленькие круглые очки с тёмными стёклами. Пальто застёгнуто до подбородка — неудивительно: немногочисленные тела не могли согреть ледяное помещение.

— Простите?

— Расследование. Вы ведь Катрине Братт?

Криминальный журналист, — решила Катрине, но вспомнить его не смогла. Бледное лицо, тонкая шея, гладкая чёлка зачёсана набок. *Мода после Первой мировой войны. Peaky Blinders. Адольф Гитлер.* Ухоженный, если не считать зубов — как у Дэвида Боуи до замены. *В общем, такого она запомнила бы даже с большой пресс-конференции.*

— Да. Позвольте спросить, кто вы?

— Конечно. Роберт Брандт. Я знал Фелисию, когда она работала в кино. А вас знаю потому, что вы работали с Харри Холе.

— Вы знакомы с Харри?

— Можно и так сказать. — Мужчина улыбнулся, снял очки и положил их на широкополую шляпу

у себя на коленях. Глаза были детскими — открытыми, голубыми, невинными. — Жаль, что теперь он не в вашем отделе. Фелисии пригодился бы такой человек. Нельзя быть уверенным, что полиция станет тратить много сил на убийство наркозависимой проститутки, когда убит богач Джон Дейл.

Катрине не стала возражать. На пресс-конференции сразу после утреннего совещания она сообщила о троих найденных мёртвыми: два случая расследовались как убийства, третий — гибель Джона Дейла, имя которого она не назвала, — как подозрительная смерть. Это, конечно, не помешало заголовкам о трёх убийствах. Журналисты выяснили, что погибший на Миддельтхунс-гате — Дейл, и, поскольку из троих он представлял наибольший интерес для СМИ, именно его лицо оказалось в центре внимания под заголовками вроде «Миллиардер найден мёртвым».

Обозреватель VG уже объявил, что столица, прежде считавшаяся одной из самых безопасных в мире, в этом году лидирует по числу убийств на душу населения. В Dagbladet политик Партии центристов исполнил обязательный номер, предостерегая молодёжь от переезда из провин-

ции в большой город.

— Вообще-то над делом Фелисии Хение работает больше людей, чем над делом Дейла, — сказала Катрине. — Когда вы говорили с ней в последний раз?

Мужчина долго и задумчиво смотрел на неё.

— Точно не помню. Но помню, что сказал.

— И что же?

Одна его бровь взлетела.

— Позволь мне убить тебя.

— Простите?

Мужчина улыбнулся под невинными детскими глазами, наклонился ближе и прошептал:

— Позволь мне убить тебя.

Катрине вдохнула носом. Почувствовала слегка колкий запах. *Это мог быть страх. Её собственный.* Она кашлянула.

— Объясните, Брандт.

— Объясню при одном условии: потом вы ответите на несколько моих вопросов.

— Как вам известно, полиция обязана хранить тайну следствия. Ответить вы можете здесь или на допросе в участке.

Брандт снова показал зубы Боуи.

— Мои вопросы, Братт, касаются старой аварии, за которую из-за срока давности уже никого не

накажут. Я снимаю документальный фильм. Своего рода true crime.

Катрине собиралась объяснить, что у тайны следствия нет срока давности, но остановилась.

— Отвечу на то, на что смогу.

— Прекрасно. — Брандт снова откинулся. — «Позволь мне убить тебя» — реплика из моего сценария «Проповедника».

Он сделал паузу и посмотрел на неё.

— Вы разочарованы. Или не помните реплику? Её часто цитировали. Но ладно, фильму больше двадцати лет.

Катрине, даже не слышавшая о картине, кивнула, будто вспомнила.

— Я прочитал эту реплику Фелисии так, как хотел, чтобы она её сыграла, — продолжил он. — Актёры ненавидят, когда сценаристы так делают. Как сценаристы, разумеется, ненавидят, когда актёры хотят переписывать реплики.

— После этого вы её не видели?

— Нет. Она исчезла из сообщества «Новый Осло».

— «Новый Осло»?

— Молодые кинематографисты. Назвались по аналогии с Новым Голливудом. Олтмен, Скорсезе, Кассаветис, Коппола… ну, вы знаете. Мы думали,

что совершим революцию в кино. Каждый хотел стать Бергманом или Феллини. Поэтому ничего нового в нас не было — мы были старыми.

— Понимаю. Почему исчезла Фелисия?

Брандт пожал плечами.

— Думаю, всего стало слишком много. Слишком много чувств. Отказов. Вечеринок — особенно в «Пайнвуде».

— «Пайнвуде»?

— Немецкий бункер с любительской киностудией, которую построили некоторые из нас. Фелисия была такой юной, ещё подростком. И такой… открытой. В те времена в той среде стоило показать уязвимость — и тебя съедали. Хотя актёр должен быть уязвимым. Обнажённым, беззащитным… — Он вздохнул. — Говорят, актёр — холст, на котором режиссёр рисует. Но некоторые — всего лишь лист в альбоме, который он вырывает, сминает и выбрасывает.

— Кто мог убить Фелисию?

Брандт снова задумчиво посмотрел на неё и надел тёмные очки.

— We all go a little mad sometimes. — Теперь голос стал глубже. — Haven't you?

Слова прозвучали, как показалось Катрине, с безупречным американским акцентом.

— Что вы имеете в виду?

— Очевидно, это сделал безумец. А значит, им мог быть кто угодно.

Орган заиграл громче. Они невольно повернулись к алтарю, где у гроба встал священник. Вопросов у Катрине больше не было: *едва ли убийство Фелисии было связано с тем, кем она являлась в юности.* Священник совершил обряд. Никто из пришедших не произносил прощальной речи; священник прочёл лишь две надписи на цветах:

— «Савади-ка от твоих сестёр». «Покойся с миром. От незнакомца».

Под звуки новой органной мелодии присутствующие пошли к выходу, а мужчина в волчьем пальто, с которым Катрине решила поговорить, направился к алтарю и священнику. Она взглянула на часы: *если хочет успеть на совещание следственной группы, времени в обрез.* Катрине встала, но чья-то рука коснулась её спины. Она посмотрела на перчатку Брандта.

— Простите. — Он по-прежнему сидел и улыбался. — А мои вопросы…

— Придётся отложить. У нас три убийства, время идёт. Поговорим через несколько дней, хорошо?

— Понимаю. — Он поднялся, протянул визитку, галантно поклонился и пошёл к выходу, держа шляпу в руке.

По дороге к алтарю Катрине посмотрела на карточку. «Ev. Роберт Брандт». Над именем и непонятным ей сокращением, вытесненным золотом, была изображена летящая голубка. Она убрала визитку в карман.

— Простите, — обратилась она к спине в волчьем меху.

Мужчина обернулся.

— Старший инспектор Братт, отдел убийств. Скажите, кто вы?

На лице не было страха, запаха Катрине тоже не уловила.

— Андерсен, похоронное бюро «Андерсен».

Только теперь она заметила под пальто костюм и галстук.

— Вот как? Я думала… вы сидели…

— Да, иногда мы так делаем. Чтобы не выглядело слишком… ну, пусто.

— Тогда вопросов нет. — Катрине подумала, что хотя бы успеет на совещание, и повернулась к выходу. Потом кое-что вспомнила. — Хотя погодите. Вы знаете имя незнакомца, прислявшего цветы?

Сотрудник бюро достал телефон и набрал что-

то.

— К сожалению, похоже, заказ пришёл письмом вместе с наличными. Другой букет оплатила…

Катрине уже повернулась и пошла, но, услышав имя, снова остановилась.

— Повторите, пожалуйста.

На другом конце телефона громкоговоритель объявлял отправление поезда. Потом снова раздался голос Харри.

— Значит, Ламай Неслунд и её сестра прислали Фелисии Хение цветы?

— Да. И они были на похоронах — должно быть, те две женщины. Что думаешь? — Катрине пересекла оживлённую Экебергвейен прямо перед церковью и поспешила вдоль кладбищенской ограды.

— Во-первых, Осло — маленький город.

— Ты же говоришь, что не веришь в совпадения.

— М-м. Ещё я говорю, что человеческий мозг так настроен на распознавание образов, что повсюду видит ложные закономерности. Но ладно, ты можешь быть права.

— Каковы шансы, что двоих людей, хорошо знакомых Ламай Неслунд, убили в одну ночь?

— Ровно такие же, как если бы двоих её знако-

мых убили с промежутком в сто тридцать девять дней.

— Сто тридцать девять?

— Случайное число. Я лишь говорю: не зацикливайся на том, что кажется совпадением.

— Кстати, знаешь Роберта Брандта?

— Не припоминаю.

— Странный тип в тёмных очках, как у Леннона, и большой шляпе. Сказал, что знаком с тобой.

— Нет. А что?

— Ничего.

— Хорошо. Попробуешь выяснить, должен ли Биргер Неслунд деньги Джону Дейлу?

— Что ты имеешь в виду?

— По двум точкам можно провести линию. Но три уже дают рисунок.

— Теперь ты всё-таки не веришь в совпадение? Определись.

— Если следователь может не определяться, они и не должны определяться. Если совпадение — всё, что у нас есть, работаем с ним.

— Ты сейчас сказал «они» об одном следователе?

— Я обновил свои личные местоимения, да.

— Правда? А отдел убийств всё ещё называешь «мы», хотя обновлённым вариантом должно быть

«вы». — Катрине замедлила шаг и направила ключ на машину; та пискнула.

— М-м. До связи. Веди осторожно, скользко.

Прежде чем сесть, она посмотрела на кладбище. Ночной снег лёг на землю, над ним торчали надгробия — редкие зубы в старой челюсти. Возможно, именно совет Харри ехать осторожно и слова Брандта о знакомстве с Харри и старой аварии заставили её вспомнить имя на одном из камней.

Отключившись, Харри увидел новое сообщение и открыл MMS.

Качество снимка было плохим, поэтому Харри не сразу узнал человека на нём. Фотография напоминала селфи. Биргер Неслунд стоял у окна того самого кабинета, в котором сейчас сидел Харри. Незнакомой была лишь клетчатая куртка. За окном новогодние ракеты освещали небо.

Харри позвонил на номер отправителя. Ответила женщина-криминалист и объяснила, что Эдди Юнассон попросил переслать фотографию Харри.

— Откуда снимок?

— С камеры часов, которые судмедэксперт нашла в желудке Биргера Неслунда.

Харри откинулся в кресле и закрыл глаза. На

внутренней стороне век кружились фрагменты головоломки — примерно так он представлял атомы в молекуле. Но он знал: *атомы движутся не случайно, хотя именно так может показаться.*

— Где Эдди?

ГЛАВА 20. [broken link: #TOC]

— Чукия-валлоп-ниденсия кара…

Мужчина, поднявшийся между рядами скамеек, стоял с закрытыми глазами, подняв лицо и раскрыв ладони, словно наслаждался тёплым летним дождём. Или, в данном случае, даром Святого Духа — вещанием на разных языках.

Харри сел на заднюю скамью рядом с единственным сидевшим там человеком. Когда Эдди Юнассон увидел, кто это, выражение его лица напомнило Харри дедушку в тот момент, когда бабушка появлялась в дверях дровяного сарая, где дед пил и рассказывал внуку истории.

— Телефон выключен, но кто-то в Брине тебя выдал, — прошептал Харри, отвечая на невысказанный вопрос.

— Что-то срочное?

— Всё и всегда, — сказал Харри. — Спасибо за снимок. Как думаешь, почему Неслунд снял себя на камеру часов, а потом проглотил их?

— Не моя работа — думать, Холе.

— Но трудно совсем ни во что не верить, правда?

Подбодрённый несколькими прочувствован-

ными «аллилуйя» из зала, говорящий на языках прибавил громкости и гласных, щедро снабдив их вибрато.

— Может, Неслунда заставили, — сказал Эдди. — А может, он немного сошёл с ума.

— М-м. Возможно. Но на снимке он улыбается. И я не думаю, что он был безумен. Думаю, Биргер точно знал, что делает. Криминалист сказала, что ты проводил у Неслундов проверку в инфракрасном диапазоне.

— Верно.

— Продукты выстрела?

— Ни на теле Неслунда, ни на Ламай, ни на их одежде. Шкафы тоже проверили.

— Я попросил твою коллегу поискать на фотографиях это платье. — Харри показал на телефоне страницу знакомого интернет-магазина: длинное чёрное вечернее платье с блёстками за 9780 крон. — Она не нашла. Ты видел такое на Ламай или в квартире?

Юнассон покачал головой.

— Не кажется странным, что на Новый год Ламай не надела вечернее платье, подаренное на Рождество? Муж ведь нарядился.

— Может быть. Ты думаешь, она застрелила мужа, переоделась и избавилась от платья до

нашего приезда, потому что знала, что на нём останутся частицы пороха?

— Клетчатую куртку, в которой Неслунд снят на фотографии, ты тоже не видел?

— Нет. В отчёте я отмечу, что куртка исчезла. Завтра закончу. Если предположить, убийца мог забрать её с собой.

— А на спинку стула в кабинете повесить другую куртку Неслунда, чтобы казалось, будто перед смертью на нём была она?

— Может быть.

Харри схватил Эдди за руку и встряхнул.

— Почему было важно убрать куртку, в которой Неслунд точно был одет сразу после полуночи? И куда исчезло платье почти за десять тысяч?

Эдди смотрел уже не на Харри, а прямо перед собой. Харри проследил за его взглядом. Все лица были обращены к ним. Харри понял: *он повысил голос.* Проповедник у кафедры говорил в микрофон:

— Хотите в чём-то исповедаться, брат?

На одно безумное мгновение Харри подумал, *как было бы хорошо. Хорошо излить всё. Рассказать о людях, которых он убил. За которых отомстил. Которых ненавидел. О том, что изменял, лгал, воровал. Что предал всех, кого*

когда-либо любил. Они уходили один за другим, и всякий раз всё каким-то образом вело к нему. Вампиром был он.

— Простите, — громко сказал Харри.

— Вы прощены, брат.

— Сомневаюсь, — прошептал он и снова повернулся к Юнассону. — Коллега сказала, что ты всегда держишь ящик с инструментами в машине.

Эдди кивнул.

— Можно одолжить инфракрасный фонарь?

— Зачем?

— Потому что тебе как полицейскому потребуется разрешение суда на то, что я могу сделать без него. А пока ты его получишь, будет поздно.

— О чём ты?

— Держу пари, женщина, выросшая в бедности, не выбросит просто так платье за десять тысяч.

ГЛАВА 21. [broken link: #TOC]

Харри получил нужное совпадение со второй попытки. Ламай Неслунд пошла не в ближайшую химчистку, а во вторую по близости. Женщина за стойкой не слишком внимательно изучила просроченное полицейское удостоверение Харри и подтвердила: у них есть платье на имя Неслунд, сданное второго января, но оно всё ещё ждёт своей очереди из-за послепраздничного наплыва. Она принесла платье и позволила Харри воспользоваться служебным кабинетом. Там он осторожно вынул платье из пластика и выключил свет. Зажёг фонарь и провёл лучом по рукавам и груди. В серой ткани между пайетками он нашёл то, что искал. Далёкую звёздную туманность — крошечные частицы, отражавшие свет. Он снова убрал платье в пластик и вышел.

— Это чистить не надо. Повесьте его в надёжном месте, скоро придёт коллега с судебным постановлением и заберёт. Хорошо?

— Хорошо.

Харри уже направлялся к выходной двери, когда вопрос заставил его резко остановиться.

— Пиджак от костюма тоже убрать?

Он медленно повернулся.

— Она сдала пиджак?

— Да.

— В шотландскую клетку?

— Верно.

Харри на мгновение замер с закрытыми глазами. Кусочки мозаики, носившиеся у него в голове, вдруг, казалось, начали сходиться. Складываться в картину. Совсем другую картину, не похожую ни на одну из тех, что он себе представлял.

— Можете принести пиджак?

Когда Харри вышел из химчистки, он был уверен, кто убил Биргера Неслунда.

ГЛАВА 22. [broken link: #TOC]

Олег весь день сидел за отчётами «Экукрима», в которых фигурировал Джон Дейл, и обзванивал людей, задолжавших Дейлу деньги. Без всякого толку. Во-первых, люди не хотели говорить, во-вторых, особой злобы он не обнаружил. Долги были погашены, и они не знали — или не хотели рассказывать, — мог ли кто-то иметь к Дейлу претензии, не связанные с деньгами.

В конце концов он дозвонился до бывшей жены Дейла на Мальорке. Она, кажется, искренне горевала, пусть и была не вполне трезва, и спросила, известно ли полиции что-нибудь о завещании. Олег ответил, что адвокату Дейла тоже ничего не известно, но от имени семьи тот попросил доступ в квартиру и разрешение открыть сейф — посмотреть, не найдётся ли там завещание. Они закончили разговор.

Раздражённый, Олег швырнул телефон на стол.

— Знаешь, что в США «ev.» — сокращение от «evangelist»?

Олег поднял глаза. Это была Катрине Братт; она стояла за его спиной с кружкой кофе в одной руке

и чем-то похожим на визитку в другой.

— Так, просто погуглила, — улыбнулась она. — Как дела с Дейлом?

Олег пожал плечами.

— Никуда не продвигаюсь.

— Ты имеешь в виду, что всё больше похоже на самоубийство, — сказала Братт. — Это не значит «никуда не продвигаться». Это значит приближаться к выводу, и это хорошо. Потому что ты нам очень нужен по двум другим убийствам, сам понимаешь.

Но не как руководитель расследования, — подумал Олег и кивнул.

— Как с ними дела?

— Туго, — сказала она. — Так что хорошо, что Харри нам помогает.

— Харри?

— А, я думала, он тебе сказал. Он занимается делом Неслунда для страховой компании, так что мы там немного обходим формальности. Держи это при себе, ладно?

Она смотрела куда-то мимо него. Он чуть повернулся на стуле и увидел, что экран телефона загорелся от входящего сообщения. Имени отправителя не было, только номер. Так было безопаснее, а номер он, конечно, знал наизусть.

«Ты сказал, что хочешь ещё. Будет готово после шести».

— Конечно, — сказал он, протянул руку и выключил телефон.

— Хорошо, — сказала она и положила ладонь ему на плечо. — Скажешь, если тебе что-нибудь понадобится, правда?

Он кивнул и проводил её взглядом, пока она не исчезла в коридоре. Он понимал, какое напряжение на неё давит и как ей хотелось бы, чтобы хотя бы одно дело удалось закрыть как самоубийство. *Но никак не мог избавиться от мысли, что три смерти за такой короткий срок должны быть связаны.*

Ладно, теперь эта мысль хотя бы помогала отодвинуть другую — о сообщении.

Он опёрся локтями о стол, а лбом — о кончики пальцев. *Дело было не только в том, что во всех трёх случаях присутствовало нечто эффектное, постановочное, но и в том, что погибшие были примерно одного возраста и всю жизнь прожили в Осло. Осло был невелик, а если брать отдельные возрастные группы, становился ещё меньше. По собственному опыту Олег знал: с людьми твоего года рождения тебя здесь редко разделяет больше одного рукопожатия. Так что вероятность*

того, что все трое когда-нибудь встречались, была вполне реальной.

И представить только, если именно он, Олег Фёуке, в своём первом деле в качестве руководителя расследования обнаружит связь.

Он включил телефон. Листал экран, пока не добрался до логотипа приложения, похожего на булочку с корицей. Заколебался. *Полицейские правила использования ИИ в расследованиях пока были очень строгими, но это наверняка лишь вопрос времени. А времени у него не было. И пока он делал всё на личном телефоне, это можно было скрыть. В конце концов, в этом он уже начал набираться опыта.*

Он ввёл имена трёх погибших, спросил, какая между ними связь, и нажал на стрелку. На экране появлялись и исчезали логотипы источников. Ответ оказался длинным, но Олегу хватило первой строки.

На данный момент не просматривается никакой ясной, публично известной связи между этими тремя.

Он тихо выругался. Потом вспомнил о логотипах. Один из них всплывал дважды. IMDb — база данных с оценками зрителей и сведениями обо всех, кто был указан в титрах фильмов со всего

мира. Эйстейн когда-то предостерегал его: не позволяй сайтам вроде IMDb или Rotten Tomatoes решать, что тебе смотреть, иначе пропустишь недооценённую классику — фильмы, которые Эйстейн в своё время заставил посмотреть и его, и Харри, например «The Last Days of Disco» и «Southland Tales».

Олег открыл IMDb и ввёл в строку поиска John Dale. Ничего. По Birger Neslund и Felicia Henie тоже ни одного совпадения.

Так почему приложение с ИИ заходило на IMDb?

Он погуглил, есть ли норвежские базы данных о кино, и нашёл сайт film.nb.no. Зашёл и прочитал описание. Похоже, это была база Национальной библиотеки, охватывавшая все норвежские фильмы с начала времён. Не только те, что показывали в кинотеатрах, но и не дошедшие до проката, а также короткометражки, документальные фильмы, рекламные ролики и сугубо просветительские картины. Текст на главной странице сообщал: если хочешь глубоко покопаться в базе или посмотреть сами фильмы, нужно прийти в читальный зал Национальной библиотеки на улице Хенрика Ибсена.

Он снова ввёл Dale. Появился значок поиска

— собака, бегающая кругами в попытке поймать собственный хвост.

Два совпадения.

«Проповедник» и «Final Cut», оба одного года, больше двадцати лет назад. Карточка «Проповедника» растянулась на три плотно заполненные страницы: на первой были режиссёр Антон Вам и продюсер Джон Дейл, фотографии участников и указание, что фильм можно бесплатно посмотреть на компьютере в Национальной библиотеке. Олег помнил название: друзья время от времени упоминали этот фильм, хотя сам он его не видел.

О втором совпадении, «Final Cut», он никогда не слышал. Неудивительно: под названием стояла пометка «НЕ ЗАВЕРШЁН», а вся карточка едва занимала полстраницы с именами и датами. Да и имён там почти не было — напротив нескольких функций, таких как художник по свету, руководитель съёмок и звукорежиссёр, стояли одни вопросительные знаки. Напротив других — только фамилии. Продюсером был Джон Дейл, если, конечно, это был тот же человек: имя было написано Jon Dale. Два режиссёра значились с инициалами вместо имён: К. Каландер и Х. Боэнг.

Но взгляд Олега зацепился за единственное имя

под заголовком «АКТЁРЫ»:

F. Henie.

Олег перешёл на вторую страницу «Проповедника». Там, под заголовком «АКТЁРЫ», он снова нашёл её имя, только теперь написанное полностью:

Felicia Henie.

— Есть! — прошептал он.

Значит, Джон Дейл и Фелисия Хение не просто работали в одной отрасли — они были связаны с одними и теми же кинопроектами.

Взволнованный, Олег ввёл Birger Neslund и запустил поиск.

Собака бежала и бежала. Исчезла.

Совпадений нет.

— Чёрт!

Олег потёр глаза. Сосредоточенность рассеялась, и мысль о сообщении вернулась. Не столько в голову, сколько в тело. Он посмотрел на часы. *Ожидание было хуже всего.*

Он уже собирался отложить телефон, когда сообразил: *возможно, на сайте есть и другие проекты, где указаны только фамилии.*

Он удалил Birger и снова запустил поиск.

«Поисковая Собака» наградила его несколькими совпадениями.

По Lamai Neslund.

ГЛАВА 23. [broken link: #TOC]

Судя по визитке, которую Харри получил от Ламай, салон должен был находиться на Майорстувейен — оживлённой улице с невысокими доходными домами в причудливой смеси неоренессанса, необарокко и функционализма. По тротуарам торопились люди с головами, втянутыми в воротники курток, на пути к следующему месту с комнатной температурой. Харри припарковался за внедорожником Lexus, стоявшим у бордюра с включёнными фарами. Мигающий неон на первом этаже рекламировал тайский массаж. Колокольчик над дверью звякнул, когда Харри вошёл.

— Ламай здесь?

— К ней только что пришёл клиент, — улыбнулась девушка за стойкой. — Хотите подождать?

Харри сел на стул у окна и посмотрел на золотых рыбок на подоконнике. Из коридора, уходившего в глубину помещения, доносились звуки кхима и мягких бамбуковых флейт, в остальном было совсем тихо. В сумерках на улице он увидел, как экран телефона освещает лицо человека на пассажирском сиденье Lexus. Светловолосая

женщина держала телефон перед ртом, как кусок пиццы. Катрине объясняла ему, что сначала это было связано с желанием увеличить расстояние до мозга из-за страха перед канцерогенным излучением, но потом это вошло у женщин в моду: так выглядит женственнее и к тому же не портит причёску и макияж. *Возможно. Но по какой-то причине эта женщина не производила на Харри впечатления ни куколки, ни последовательницы трендов. Может, дело было в агрессивном, злом языке тела, в венах на шее, выдававших, что она говорит громко, в том, как она через равные промежутки времени сканировала окрестности во всех направлениях, словно настороженный воин.* Она убрала телефон и повернулась. Сначала Харри подумал, *что она смотрит на него*, но потом понял: *на входную дверь. Ждёт кого-то, кто находится здесь, внутри.* И теперь он это увидел — ниже вены на шее. *Верхний язычок того, что могло быть татуированным пламенем.*

Харри наклонился вперёд на стуле.

— Это Матс у Ламай?

Девушка за стойкой вопросительно посмотрела на него.

— Он сказал, что собирался сюда, — улыбнулся Харри. — Говорит по-датски.

Он видел, что она колеблется: *у них, наверное, было правило о конфиденциальности.*

— Я должен поздороваться. В какой они кабинке?

Он попытался усилить улыбку — *Ракель обычно говорила, что с этим ему стоит быть осторожнее, потому что улыбка может сделать его довольно жутким.*

— У него день рождения, мы идём ужинать, — продолжил Харри.

— Дальняя справа, — сказала девушка.

Харри встал, быстро прошёл мимо стойки и дальше по узкому коридору с кабинками за занавесками по обе стороны. Остановился у двух последних. Прислушался. Спокойный низкий голос:

— …таковы правила, фру Неслунд. Долг вашего мужа теперь ваш, и мы знаем, что вы оба об этом знали. Срок уплаты долга наступил, мы проявляли терпение, но больше ждать не можем. Тот факт, что страховая компания не хочет платить, — не наша проблема. Подписывайте сейчас, вот ручка.

— Нет, только не квартиру, пожалуйста! — Голос Ламай был сдавлен плачем. — Дети. Вы не можете выбросить их на улицу.

— Можем, и выбросим, фру Неслунд. И знайте: вам повезло. Квартира покрывает только часть долга, но этого достаточно, чтобы мы пока не предпринимали больше ничего. На следующей неделе, если у вас не будет остальной суммы, мы сделаем новые шаги. Если хотите, могу показать вам записи того, что мы делаем с теми, кто не расплачивается с нами по долгам. Хотите посмотреть? Нет? Тогда подписывайте сейчас!

Харри отдёрнул занавеску, уверенный, *что одного только вида мужчины ростом метр девяносто три — с полицейским удостоверением или без — в девяти случаях из десяти достаточно, чтобы унять агрессию.* И сразу понял, *что это десятый. Не из-за особого запаха в кабинке и не потому, что мускулистый мужчина в костюме-тройке в тонкую полоску и тонких бухгалтерских очках выглядел так, будто собирается применить силу. Наоборот: сидя в низком кресле напротив Ламай на массажной кушетке, он казался совершенно невозмутимым при появлении Харри. И именно в этом было дело. Похоже, он не считал Харри угрозой. Может, потому, что, когда мужчина встал, оказалось, что он выше Харри как минимум на пять сантиметров. Или потому, что Харри успел заметить нечто*

похожее на компактный Glock 43 за поясом датчанина, прежде чем пиджак лёг на место.

— Что тебе нужно? — спросил мужчина так мягко и тихо, что его голос едва перекрывал бамбуковые флейты.

— Массаж, — сказал Харри.

Мужчина улыбнулся, и Харри следил за его правой рукой, которая чуть приблизилась к поясу брюк, но не сильно.

— Вот, — сказала Ламай и протянула мужчине бумагу, которую держала в руке.

Он приподнял бровь. Поднял левую руку, повернув к ней раскрытую ладонь.

— Оставьте это у себя и подумайте, фру Неслунд. Скажем, до завтрашнего утра. Мы вернёмся, надеюсь, вы это понимаете.

Она молча кивнула.

Мужчина шагнул прямо на Харри, и тот в последнюю секунду успел отойти в сторону, чтобы выпустить его. Ламай сглотнула. В глазах у неё стояли слёзы.

Харри отмахнулся от оставленного мужчиной запаха.

— Пойдём в другое место, — сказал он.

— Анаболические стероиды, — сказал Харри. — У некоторых мужчин они усиливают потоотделе-

ние и запах тела. Разве ты не замечала?

Ламай покачала головой и отпила чай, который Харри купил ей. Они сидели в маленьком пабе в английском стиле, в пешей доступности от массажного салона. Дорогой интерьер странно контрастировал с клиентурой. Бармен слегка удивился заказу Харри — кофе и чай; профессионал с первого взгляда узнаёт выпивоху.

— У тебя хорошее обоняние для курильщика, — сказала она. — У меня дома ты почувствовал запах благовоний, хотя был уже день, и я зажгла всего одну палочку для тхам ват чао.

— У меня специфическая аносмия, — сказал Харри. — Я не чувствую трупный запах. Мой врач считает, что из-за этого у меня могла обостриться чувствительность к другим запахам. Откуда ты знаешь, что я курю?

Ламай коротко улыбнулась.

— Твои пальцы. Они жёлтые.

Харри поднял руку и посмотрел на неё.

— Так заметно?

Она улыбнулась.

— Нет, просто у меня привычка это замечать. Когда я работала с гримом в кино, нам приходилось следить, чтобы у тех, кто много курил, пальцы были загримированы.

Харри вспомнил кое-что из рассказов Эйстейна: *им приходилось месяцами гримировать пальцы Гэри Олдмана после того, как он сыграл курящего сигары Черчилля.*

— Кино, — сказал Харри. — Поэтому ты была на похоронах Фелисии Хение?

Ламай пролила чай. Не торопясь, вытерла стол салфеткой и только потом ответила.

— Фелисия была постоянной клиенткой у меня и моей сестры в массажном салоне. Однажды, когда я рассказала, что Биргеру не нравится, что я там работаю, она сказала, что в кинопроект, где она участвует, нужен гримёр. Я поработала на двух фильмах. Жаль, что их не было больше, потому что это было весело, и, думаю, у меня неплохо получалось.

— Да, думаю, получалось.

Она, похоже, уловила интонацию и вопросительно посмотрела на него.

— Замазывать, — сказал Харри и поднял чашку с кофе. — Маскировать вещи.

Пока он пил, видел, что она уже догадывается.

— Облако пороховых частиц, которое возникает при выстреле, оседает почти на всём в радиусе полуметра, — сказал он. — То, что попадает на кожу, можно легко смыть. А в ткани частицы

забиваются в волокна. Не избавляются от одежды после этого только убийцы, которые об этом не знают. Или те, кто вырос в условиях, где вещи просто так не выбрасывают. Они отдают одежду в химчистку.

Он наблюдал за ней, пока говорил, но не увидел ни потрясения, ни настоящего страха. *Скорее усталую покорность. Будто она отчасти этого ожидала.*

— Ты думаешь… — прошептала она. — Ты думаешь, я убила мужа?

Харри повернул чашку с кофе. *Если он хотел вытянуть из неё всю правду, он не мог просто рассказать, к чему пришёл сам. Это значило бы подать ей готовое оправдание, до которого она, возможно, сама ещё не додумалась. С другой стороны, нужно было заставить её заговорить, раскрыться.*

— Нет, — сказал он. — Но я думаю, ты в него стреляла.

— Что ты имеешь в виду? Я в него стреляла, но не смогла убить?

— Скажем так: ты сделала выстрел милосердия. Только вот к тому времени, когда ты выстрелила, он уже был мёртв.

ГЛАВА 24. [broken link: #TOC]

— Биргер был очень импульсивным. Голова у него работала скорее быстро, чем умно. — Ламай медленно водила ложкой в новой чашке чая, которую Харри поставил перед ней. — Он всегда считал, что сразу всё понял, и действовал соответственно. Человек действия, понимаешь? Обычно всё обходилось. Но когда он неправильно понимал заказ клиента и ошибался, ему и фирме приходилось покрывать дополнительные расходы, и тогда вся маржа обычно испарялась, а иногда получался убыток. Я пыталась помочь, сама читала контракты, но он только злился, спрашивал, считаю ли я его глупым. Потом он снова допускал дорогостоящий промах и ничему не учился. С займом у тех ужасных людей было то же самое. Быстрый расчёт, за ним — неправильное решение. То же самое со страховкой жизни. — Она вздохнула.

— Когда я поднялась из подвала и нашла его мёртвым на полу, он оставил мне письмо. Там было написано, что теперь я и дети сможем получить деньги по страховке жизни, потому что он покончил с собой после двенадцати, то есть уже

в новом году. Договор страхования тоже лежал там; пункт о самоубийстве был обведён.

— Мм. Страховка жизни выплачивается и при самоубийстве, «при условии, что страхователь не лишает себя жизни в течение года с момента заключения договора».

— Да. Я прочитала это три раза и сразу почувствовала, что Биргер снова мог всё перепутать. Биргер не был глупым человеком, но, к сожалению, не был и таким умным, как сам думал. Мысль о том, что он мог неправильно понять этот пункт, ему даже в голову не пришла.

— Имеется в виду не календарный год, а следующие двенадцать месяцев.

— Я не знаю точно, сколько времени прошло с того момента, когда ему пришла эта идея, до того, как он её осуществил, но, как я уже сказала, он был человеком действия. Стоя там, я за минуту проверила в Google и убедилась, что он снова ошибся. — Она невесело рассмеялась. — Смешно ведь, правда? Или трагикомично.

— Значит, тебе пришлось всё исправлять.

— Да. Я понимаю, это должно выглядеть так, будто у меня очень холодное сердце, если первое, что я делаю, найдя мужа мёртвым в луже крови, — гуглю, получу я деньги по страховке или

нет. А потом… потом второе. Но это дети, Харри, я должна была думать о них. Я не могла развалиться, не могла, если мы собирались выжить. Я ведь знала, что этот долг будут взыскивать.

— Значит, ты выстрелила в него. Чтобы это выглядело как убийство, а не самоубийство.

— Да.

— Ты убрала все признаки самоубийства, например письмо.

— Я сожгла его на следующий день.

— Ты сняла с него пиджак и с себя платье, вымыла ваши руки, чтобы криминалисты не нашли пороховых отложений, которые показали бы, что пистолет держали вы оба.

— Все, кто хоть немного смотрел CSI, знают такие вещи.

— Мм. Ты знала, что он проглотил часы вашей дочери?

Она кивнула.

— Он написал об этом в письме. Что сфотографировал себя с фейерверками на заднем плане — окончательное доказательство того, что он был жив в двенадцать. Что часы надёжно хранятся у него в желудке, так что никто не сможет их забрать, но при вскрытии их обнаружат.

Харри сделал ещё глоток. Она сделала то же

самое.

— Криминалисты нашли волос, — сказал Харри. — От человека, который полгода назад проходил химиотерапию.

— Да. Летом Биргер получил жизнь в подарок. А потом снова отдал её. — Ламай подняла голову и чуть откинула её назад, словно стараясь удержать слёзы, наполнившие глаза. — Отдал ради нас.

Кабинки по обе стороны от них заполнились, вокруг громко разговаривали. Натужные взрывы смеха людей, которые скорее хотели веселиться, чем веселились.

— Мм. Почему ты мне это рассказываешь? Ты же понимаешь: когда я передам это дальше, страховая компания не выплатит тебе ни эре. Напротив, им придётся сообщить в полицию о попытке мошенничества.

Она кивнула. Пила чай.

— Ну?

Она прочистила горло.

— Потому что ты не собираешься заявлять на меня.

Харри коротко рассмеялся и покачал головой.

— Что заставляет тебя так думать?

— Многое. Например, то, что ты пришёл один. Ты видел моих детей. Ты работал в Бангкоке и

знаешь, из какой жизни я сюда приехала. Ты встретил ростовщика, ты знаешь, что они придут за мной, если я не заплачу, и что ни ты, ни полиция не сможете меня защитить. Ты знаешь, что Биргер просто неправильно понял и не дождался двенадцати месяцев.

— Если не считать того, что времени не было: срок погашения долга наступил.

— Тебя не так трудно читать, как ты, возможно, думаешь, Харри Холе. Да, у тебя есть все основания пойти к начальству с этим. Тебя похвалят. Будут уважать. Идеальное начало на новой работе, правда? И всё равно ты меня отпустишь.

Харри всё поворачивал и поворачивал чашку, дно скребло по столешнице.

— Откуда такая уверенность?

— Люди видят твой шрам и думают, что ты должен быть жестоким, раз с тобой случилось что-то настолько жестокое. Но это сидит у тебя в глазах, Харри. Сидит у тебя в глазах.

— И что, по-твоему, ты там видишь? Ангела?

Она покачала головой.

— Слабость, Харри.

Он усмехнулся.

— Ого. Это не особенно располагает меня к тому, чтобы тебя отпустить.

— Нет, это хорошая слабость. Та, что называется человечностью. Та, с которой мы ничего не можем поделать, от которой, возможно, даже хотели бы избавиться. Мы ей подвластны, и именно она делает этот мир пригодным для жизни.

Харри посмотрел мимо неё, в окно, в темноту. Вздохнул. *Чёрт побери.*

Харри прошёл одиннадцать из семнадцати этажей, когда ответил на звонок.

— Все трое были причастны к киноиндустрии, — сказал Олег без вступления. — Более того, все они сотрудничали с одним и тем же режиссёром.

— Мм. И?

— У случайностей тоже есть предел, разве нет?

— Не по мнению одного астрофизика, чьё имя я сейчас не вспомню: он считал, что вероятность возникновения жизни такая же, как если бы торнадо пронёсся через мусорный бак и собрал Boeing 737. А жизнь, как известно, возникла.

— Его звали Фред Хойл, он говорил о спонтанном, случайном возникновении жизни в клетке, и смысл был в том, что жизнь не могла возникнуть случайно, что она должна была быть создана.

— Правда? — Харри остановился и прислушал-

ся, восстанавливая дыхание. — Ну вот, похоронил мой коронный номер для светских вечеринок.

Олег рассмеялся.

— Ты запыхался. А лифт не пробовал?

— И тут ты меня подловил.

— Да брось, ты издеваешься, ведь это ты не веришь в случайности.

— Ладно, — сказал Харри и вытащил пачку сигарет. — Кто режиссёр?

— Антон Вам. Снял фильм про норвежского героя войны.

— Сейчас фильмов про норвежских героев войны больше, чем норвежских героев войны, так что тебе придётся быть чуть конкретнее.

— Не помню, но прямо сейчас он снимает фильм про 331-ю эскадрилью. Норвежцы, которые летали за союзников во время Второй мировой.

— Ладно, таких и правда было немало.

— Завтра они снимают на киностудии в Яре. Поедешь со мной?

— Я?

— Заберу тебя в восемь.

— Ты забыл, что я работаю, мальчик?

— Нет. Но я случайно знаю, что у тебя дело Неслунда.

— Ах вот как? Ну, с делом Неслунда я, возможно,

закончил.

— Да?

Харри сунул сигарету между губ.

— В этой лестничной клетке такое чёртово эхо, так что поговорим завтра. Ровно в восемь.

ГЛАВА 25. [broken link: #TOC]

На улице ещё было темно, когда машина катилась со скоростью двадцать километров в час между виллами и заснеженными садами престижной западной части Осло. Окна и деревья были со вкусом украшены к Рождеству по одному и тому же неписаному своду правил, без всяких экстравагантных излишеств, которые можно было увидеть на востоке. У дяди Эйстейна рождественские огни висели на выгоревшем остове автомобиля, стоявшем на керамзитобетонных блоках перед гаражом. Олег притормозил перед очередным лежачим полицейским.

У Харри зазвонил телефон. Это был Клементс.

— Тебя не было на утреннем совещании, Холе.

— Занят делом, шеф.

— Утреннее совещание важнее.

— Важнее дела?

— Думаю, ты меня услышал. Это не должно повторится.

— Обещаю попробовать, шеф.

— Не называй меня шефом в таком тоне, пожалуйста.

— Ого, сколько всего надо запомнить. Мы мо-

жем уже повесить трубку?

На другом конце связь оборвалась.

Олег посмотрел на Харри.

— Уже обзавёлся новыми друзьями?

— Ты же меня знаешь.

Олег рассмеялся.

— Знаешь что? Пожалуйста, дай нашему новому психологу провести на тебе тест Big Five. Я сказал ей, что ты кандидат на рекордно низкий балл по agreeableness *(доброжелательности).*

— С agreeableness всё нормально, я больше боюсь того, что они выяснили бы по остальным пунктам.

Харри посмотрел в окно на сад, где лунный свет блестел на бронзовом олене. Когда они проехали под вывеской «Jar filmstudio» и припарковались перед одним из больших двухэтажных зданий, похожих на бараки, на востоке наконец начало светать. Они побрели по выпавшему за ночь снегу, мимо двух белых грузовиков и двух трейлеров, на дверях которых было написано соответственно «Anton Wam» и «Marius Eriksen». У входа в студию «B» стояла молодая девушка в оранжевом сигнальном жилете поверх чёрной парки и притоптывала в снегу. Когда они приблизились, она подняла ладонь, останавливая их.

— Полиция, — сказал Олег и поднял удостоверение.

— Камера работает, — сказала она и указала на гарнитуру.

— Но мы…

— Ладно, сейчас они закончили. Вас ждут, я сообщу.

Пока она говорила в гарнитуру, Харри посмотрел на одно из других зданий: там трое молодых мужчин в старомодной военной форме стояли, курили и разговаривали. Один держал револьвер, который они, по-видимому, обсуждали.

— Сейчас придёт Грип, — сказала девушка, и почти сразу за дверью послышался сердечный смех; дверь открыл мужчина, у которого в глазах ещё стояли слёзы от смеха.

— Добро пожаловать в дурдом, — хохотнул он и протянул им руку. — Меня зовут Грип, я просто грип, а у Антона сейчас творческий спор, так что немного подождём. Кофе пока?

— Да, спасибо, — сказал Олег.

Они вошли в помещение, похожее на склад, и подошли к временной стойке, где стояли термосы с кофе, фрукты и лёгкие закуски. Харри оглядел людей, которые ходили туда-сюда позади него и, казалось, все куда-то спешили по делу. Они

стояли, перекатываясь с пятки на носок, пока Грип наливал им кофе.

— Итак, — сказал Олег. — Что делает грип?

— О, монтирует всё, что нужно камере и свету. Краны, рельсы, леса, платформы. Мы вроде как тела при головах, мышцы при мозгах.

— Значит, в таком большом месте у тебя много работы.

— Большом? — рассмеялся Грип. — Это же крошечное место. Знаешь, сколько таких киностудий Яр поместится в Pinewood Studios в Англии? Мы считали. Сто тридцать. Сто тридцать! — Смех перешёл в кашель курильщика.

— Значит, всё настолько маленькое, что все друг друга знают? — сказал Харри.

— Ещё бы. Все на этой площадке работали друг с другом как минимум два-три раза. И большинство — родственники.

— Правда?

— Да нет. Хотя да. Эта отрасль — семейное дело.

— Помнишь Фелисию Хение? — спросил Олег.

— Конечно. — Грип посерьёзнел. — Трагедия. Да всё ведь стало трагедией задолго до этого. Фелисия была невероятно талантлива.

— Ты её знал?

— Как я сказал, отрасль маленькая. Я тогда был молод, но она была ещё моложе. Антон должен был сделать её звездой. Да все должны были сделать её звездой, тогда мы же все собирались стать режиссёрами.

— Помнишь Ламай того времени? — спросил Харри. — Тайская девушка, работала с гримом.

— Имя не помню, но да, на паре проектов была девушка из Таиланда.

— Но ты её не знал?

— Кинопроизводство обычно длится всего двадцать с чем-то дней, так что успеваешь познакомиться примерно как на отдыхе, если понимаешь. Если, конечно, человек не остаётся в индустрии.

— А Джон Дейл, продюсер?

— Это тот, кого нашли у Фрогнер-парка?

Харри кивнул.

— Я видел фотографию и подумал, что это, пожалуй, он, — сказал Грип. — Мы, грипы, не сталкиваемся с теми, кто распоряжается деньгами, но я помню, как он расхаживал по площадке, будто всё принадлежало ему. Что, в общем, было нормально, потому что, наверное, так оно и было. Но Антон, наверное, расскажет вам о Дейле больше.

Грип кивнул в сторону двух мужчин, которые шли к ним, жарко споря. Оба выглядели лет на пятьдесят. Один — лысый мужчина с особенно густыми бровями, в кожаной куртке; Харри видел его в газетных разделах культуры. Второго, яростно жестикулировавшего мужчину в тонких чёрных перчатках и маленьких очках с чёрными стёклами а-ля Оззи Осборн, *Харри тоже, кажется, узнавал, но не мог понять откуда.*

— Вам, — сказал Олег и шагнул вперёд.

— Да, — сказал лысый.

— Олег Фёуке, полиция. Ваш руководитель съёмок сказала, что вы можете уделить мне несколько минут.

— Наверное, сказала, — ответил Вам и повернулся к мужчине в очках а-ля Оззи, который замолчал. — Придётся переписать, Роберт, иначе я сделаю это сам.

Мужчина в очках покачал головой.

— Но так не получится, я же утверждаю — Король никогда такого не говорил.

— Мой король это скажет, — сказал Вам, налил кофе в чашку и повернулся к Харри и Олегу. — За мной, полиция.

Харри и Олег пошли за Вамом мимо трёх мониторов с пустыми раскладными стульями и

тележки со звуковым пультом, а затем через дверь в стене из древесностружечной плиты. Они вошли в помещение, похожее на кабинет: письменный стол и большие окна, выходившие на огромные зелёные стены снаружи.

— Кабинет короля в Лондоне во время войны, — сказал Вам и опустился в кресло за письменным столом. — Здесь Хокон Седьмой сидел в изгнании и пытался управлять оккупированной страной. В том числе норвежцами, которые хотели летать за союзников. — Он указал большим пальцем на зелёные стены. — В фильме это заменят на Парк Фолижон.

— Увлекательно, — улыбнулся Олег. — Но вы, возможно, понимаете, почему мы здесь?

Харри отметил, *что Олег освоил приём: как можно быстрее перебросить мяч на сторону противника и посмотреть, что тот с ним сделает.*

— Вы, наверное, из Экукрима и пришли из-за этих историй с налоговыми стимулами. Не знаю, какие новые счета вы раскопали, но я настаиваю: меньше половины того фильма было снято в Будапеште и Риге. Бумажные дела обсуждайте с моим линейным продюсером.

— Об этом мы ничего не знаем, — сказал Олег. — Нас интересует, что вы можете расска-

зать о недавно умершем Джоне Дейле.

Харри наблюдал за Антоном Вамом, но не увидел ничего, что выдало бы волнение. Наоборот, Антон Вам удобно откинулся в королевском кресле и сложил руки за гладко выбритой головой.

— Вот зачем вы здесь?

— Как вы, возможно, читали, его убили.

— Вы это знаете? В смысле, что это было убийство?

— Убит собственной рукой или чужой, — сказал Олег. — Мы работаем по второй гипотезе. Он был продюсером нескольких ваших фильмов.

— Двух. Двух фильмов. Или двух с половиной: из первого он вышел. На втором заработал кучу денег, это ведь был сам «Проповедник». Чистая удача, Дейл же в кино ни черта не понимал. И это быстро проявилось: всё заработанное он спустил на следующем нашем фильме.

Харри приподнял бровь.

— Он слишком много поставил на один из ваших фильмов?

— Нет, он поставил слишком мало. Мы немного вышли за бюджет, у него сдали нервы, и он перекрыл кран, когда съёмки уже шли полным ходом. Это как передумать посреди сальто. Фильм мог получиться хорошим, а вместо этого стал таким

провалом, который отправляет тебя прямиком в режиссёрскую тюрьму.

— Вот как?

— Отраслевое выражение. Значит, что никто больше не осмелится вложить в тебя деньги.

— Но вас… выпустили?

Вам пожал плечами и посмотрел на часы.

— Если хочешь выжить как режиссёр, делаешь то, что должен. Я несколько лет снимал рекламу. Хорошую рекламу, между прочим. А потом сделал очевидное: подал в Кинофонд заявку на «Проповедника 2», зная, что они не осмелятся отказать. Пусть фильм и не имел такого успеха, как первая часть, он всё равно принёс деньги. Несмотря на то, что критики, конечно, его разнесли — они же ненавидят гарантированный коммерческий успех.

— Мм. Но тогда Джон Дейл уже был вне картины?

Вам развёл руками.

— Не знаю, куда он делся. Пошёл туда, куда вели деньги. Наверное, понял, что в кино шансы плохие.

— А Фелисия Хение?

Харри увидел, *что её имя задело Вама иначе, чем имя Джона Дейла.*

— Фелисия, да. — Он провёл рукой по лицу.

— Полагаем, вы знаете, что…

— Да-да. Ужасная история.

— Вы хорошо её знали?

— Когда мы были молоды — да. Она играла в «Проповеднике», который стал моим прорывом. И её. Должна была играть и в моём следующем фильме. Но потом случилось то, что случилось.

— Что случилось?

— Да, что случилось? — Вам посмотрел куда-то в пространство. — Она ещё не успела стать настоящей знаменитостью, но, поверьте, в индустрии она уже была кинозвездой. До «Проповедника» она сыграла только в короткометражке, но все о ней говорили. О том, как она буквально прорывалась сквозь экран. В этом есть какая-то магия: у некоторых она просто есть. Возьмите Стива Маккуина. Средний актёр, но харизмы достаточно, чтобы удерживать ваш взгляд на каждом его малейшем движении. Фелисия была такой. Несомненный талант с магическим лицом. Надёжная ставка. Такие имена помогают получить финансирование на фильм. Я был так уверен, что убедил её уйти из «Final Cut», маленького экспериментального кинопроекта «Финальный кадр», в котором участвовали многие из нас, включая

меня самого.

— Мм. Его я не помню.

— Неудивительно, он так и не состоялся. Без денег и с тремя режиссёрами, которые тянут каждый в свою сторону, всё должно было превратиться в хаос. Кино плохо подходит для работы комитетом. Или, точнее, комитеты — самая частая причина того, что восемь фильмов из десяти плохие. И я говорю «восемь» только потому, что «девять из десяти» звучит как поговорка. — Он ударил ладонью по подлокотнику королевского кресла. — Так что я подал заявку в Кинофонд на «Проповедника», и — вуаля — выиграл в лотерею, можно сказать. Я взял с собой большинство из «Final Cut», включая Фелисию и Роберта Брандта, которого вы видели там снаружи. Остальное — если чуть-чуть преувеличить — история кино.

— Мм. Тогда почему Фелисия не играла в вашем следующем фильме?

— Она начала… как бы сказать? Тусоваться.

— Наркотики?

— Это было во время препродакшена, у нас должны были быть репетиции. Когда она вошла… Помните, как выглядела Уитни Хьюстон, когда вышла на сцену на тридцатилетии Майкла Джек-

сона? Больная и тощая, как пугало. Именно так выглядела Фелисия. Она не выучила реплики и едва не засыпала. Мне пришлось отвезти её домой и помочь ей войти в квартиру, которая выглядела как свинарник. До начала съёмок оставалось две недели, и мне пришлось перестраховаться и найти другую актрису на главную роль.

— А потом? — спросил Олег.

— После того вечера я больше Фелисию не видел. Она исчезла и для меня, и для индустрии. Время от времени я слышал от других, что дела у неё идут не очень.

— Мм. — Харри наклонился вперёд. — Какие у вас были личные отношения с Фелисией в то время?

Вам посмотрел на зелёные стены. Тяжело вздохнул.

— Она была мне как дочь.

— Правда? Разница в возрасте не такая уж большая.

— Тогда как младшая сестра, если вам так больше нравится.

— Значит, дочь или младшая сестра, с которой вы больше ни разу не связались после того, как доставили её под кайфом в свинарник и уволили?

Вам перевёл взгляд на Харри, и тот ожидал

увидеть сверкающие глаза. Вместо этого увидел только мёртвый холод. *Или это было горе?*

— Я не смог, — просто сказал Вам. — Я уже видел это раньше. Героин. Это как пытаться вытащить кого-то из воды, когда сам сидишь на маленькой льдине. Льдина перевернётся, верно?

— Значит, вы сидели на льдине?

Вам снова посмотрел на часы.

— Мне надо снимать сцену. Есть ещё что-нибудь?

— Ламай Неслунд, — сказал Олег.

— Нет.

— Она работала в гриме. Её мужа застрелили в новогоднюю ночь.

— Вот это да. Кто-то отсюда?

— Нет, — твёрдо сказал Харри и заметил, что Олег бросил на него острый взгляд.

Вам чуть улыбнулся.

— Понимаю. Я удивлялся, зачем вам говорить со мной: прошло ведь около двадцати лет с тех пор, как кто-то здесь имел отношение к Фелисии. Но у вас трое людей, и от каждого тянется ниточка в киноиндустрию, так?

— Что-то вроде того, — сказал Олег. — Вам это кажется таким неправдоподобным?

— Если вы обнаружите, что убийца один и тот

же, права на экранизацию мои. Договорились?

— С тем парнем, с которым вы там спорили, в качестве сценариста? — спросил Харри.

— Роберт? — Вам коротко рассмеялся. — Он просто немного раздражён, потому что я ночью придумал, что мы сделаем короля Хокона бисексуалом.

— Но он им не был?

— Ничто на это не указывает, нет, но фильм станет куда интереснее, если мы намекнём на такую возможность, правда? Эти фильмы про героев войны такие скучные. Feel-good картины, которые только массируют наше национальное эго. Немного отклонения полезно.

— Но ваш сценарист с этим не согласен?

В комнату заглянула высокая молодая женщина с гарнитурой поверх коротких рыжих волос.

— Они готовы, Антон.

— Лучше спроси, готова ли полиция, Кида.

— Полиция?

Харри увидел, как одна бровь женщины будто непроизвольно подпрыгнула.

— Не волнуйся, похоже, они уже закончили, — улыбнулся Вам и встал. — Не знаю, получили ли вы из этого что-нибудь, но надеюсь, вы раскроете дело. Или дела.

Харри и Олег не успели подняться, как Вам и Кида уже вышли. Вместо них вошли Кнут Грип и ещё двое, неся длинные металлические рельсы.

— Я кое-что вспомнил, — сказал Грип, указывая, куда положить рельсы. — Марте из грима, кажется, работала на всех проектах с незапамятных времён; она, наверное, знала ту тайку, о которой вы спрашивали. Просто идите по коридору и налево.

— Спасибо, — сказал Олег.

По дороге в гримёрку Харри подумал, *не сказать ли Олегу, что сосредоточиваться на Ламай Неслунд — пустая трата времени.* Но не стал. *Возможно, кто-то мог рассказать что-нибудь, что поможет им с двумя другими делами.*

Понять, кто из трёх гримёров Марте, было нетрудно: она единственная была старше сорока.

В кресле перед ней сидел мужчина со строгим, серьёзным выражением лица, в тёмной морской форме со знаками различия главнокомандующего. Король Хокон. Харри смутно узнавал лицо актёра по нескольким фильмам, но не по главным ролям.

Олег обратился к Марте и коротко объяснил, в чём дело. Марте сказала, что помнит тайскую

девушку, которая невероятно хорошо говорила по-норвежски, хотя прожила здесь всего пару лет, и да, возможно, её звали Ламай. Олег спросил, может ли Марте вспомнить что-то ещё, например были ли у Ламай с кем-нибудь разногласия. Не могло ли это быть причиной того, что она больше не работала. Пока Марте думала, Харри увидел, что король Хокон заинтересовался разговором. Когда они вошли, он произносил тихий монолог, обращённый к соседнему гримировальному креслу, где гримировали молодую веснушчатую женщину в костюме сороковых. Теперь он замолчал и в зеркале перевёл взгляд на Харри.

— Марте слишком хорошо воспитана, так что она этого не скажет, — вмешался он, заговорив на медленном, тягучем актёрском датском. — Но я могу сказать тебе, почему Ламай больше не получала работы.

— Да?

— ADP, — сказал король.

Харри заметил, что веснушчатая женщина в соседнем кресле с обречённым видом закрыла глаза.

— ADP? — спросил Олег.

— Accepting director's privilege, — произнёс король пародийным британским аристократиче-

ским акцентом.

— Что означает…?

— А сам как думаешь? — вздохнул король уже обычным норвежским.

— Сексуальные привилегии, — предположил Харри.

— Чёрт побери, конечно! — Король Хокон указал на морщину на шее, давая понять, что хочет, чтобы её замазали. — ADP. В старые времена это был код, который актёры, надеющиеся на роль, писали на обороте портретной фотографии, отправляемой режиссёру. Девушки и парни. Я сам так делал.

— Да?

— Возможно, я сделал это в шутку, не помню. Во всяком случае, не помню, чтобы кто-нибудь из режиссёров затащил меня в постель. — Он широко, белозубо улыбнулся. Коллега в соседнем кресле закатила глаза.

— Во всяком случае, мне трудно поверить, что у Ламай здесь были враги, — сказала Марте. — Кристиан, я не могу замазать эту морщину, она есть на других дублях.

Кристиан, он же король Хокон, застонал.

— А Фелисия Хение? — спросил Харри. — У неё были… сложные отношения с кем-нибудь в

индустрии?

— Конечно! — прогремел Кристиан. — Она была актрисой, приятель. А значит, у тебя сложные отношения со всеми. Во всяком случае, со всеми, кто выше тебя.

— Почему?

— Почему? Потому что мы в руках людей, которые показывают нас так, как хотят. Мы можем сыграть сцену всей жизни, отдать им кровь сердца, а они вырежут сцену или выберут не тот дубль. Конечно, это сложно. — Он повернулся к соседнему креслу. — Правда, Теа?

Веснушчатая коротко улыбнулась и пожала плечами.

— Думаю, да. Но с одними труднее, чем с другими, конечно.

Харри задумался, *сознательно ли она предоставила им самим решать, какую сторону камеры имеет в виду.*

— Мм. Были с кем-то особенно сложные отношения?

— Кто знает. Теа слишком молода, но ты кого-нибудь помнишь, Марте?

Гримёр покачала головой.

— А вне индустрии?

Кристиан улыбнулся.

— А вне индустрии что-то существует? Марте, можешь хотя бы немного подвести мне глаза?

— Подвести глаза? Но…

— Совсем чуть-чуть. Придайте королю немного андрогинности. Вам хочет, чтобы я выглядел так, будто собираюсь съесть молодых пилотов.

Теа протянула руку, похлопала короля по колену и прошептала:

— С этим ты прекрасно справишься и без подводки, Кристиан.

Кристиан разразился сердечным смехом и накрыл её руку своей, прежде чем она незаметно высвободилась.

Именно тогда, увидев улыбку за королевской маской, Харри понял, *откуда знает это лицо.*

— Извини, Кристиан, — сказал Олег, и ему пришлось повысить голос. — Но можно мне и твою фамилию? Для отчёта, сам понимаешь.

Смех короля стих, улыбка исчезла.

— Боэнг, — сказал он кисло. — Тебе ещё и по буквам продиктовать?

— Не нужно, — сказал Олег и записал. — Спасибо за помощь.

Харри сел на пассажирское сиденье и ждал, когда Олег заведёт мотор, чтобы можно было прибавить вентилятор отопителя. Рылся в па-

мяти. *Ладно, ему удалось мысленно поместить улыбающееся лицо Кристиана Боэнга рядом с Фелисией и Ламай на фотографии, которую он видел в квартире Ламай. Но Роберт Брандт, сценарист, который, значит, был на похоронах Фелисии, — откуда Харри знал его лицо? Не журналист и не преступник, что-то более недавнее.*

— Что думаешь? — спросил Олег, который вместо того, чтобы завести машину, достал мобильный телефон. — Есть что-то, о чём никто там внутри не хочет нам рассказывать?

Харри заметил, что Олег держит телефон под таким углом, чтобы Харри не видел экрана, пока тот его просматривает.

— Может, не то, что они сознательно скрывают. Но всё это было очень давно. Многое забыто.

Олег убрал телефон во внутренний карман и завёл машину.

— Возможно, мы не с того места начали искать. Маловероятно, что мотиву двадцать лет.

— Не согласен, — сказал Харри.

— Да?

— Обида не имеет срока годности. Она только крепнет, если не находит выхода. Если речь идёт об обиде.

— Думаешь, это что-то другое?

— Я ничего не думаю. Но знаю одно. — Он вдохнул. *Обойти это было невозможно.* — Убийство Биргера Неслунда не имеет отношения к двум другим.

Олег медленно кивнул.

— Да, я слышал, ты сказал Ваму, что Неслунда застрелил не кто-то отсюда. Но ты же не можешь этого знать.

— Могу.

— Объясни, — сказал Олег, выруливая из ворот студии.

— Нет.

— Нет?

— Нет.

— Да брось ты, чёрт возьми!

Харри мельком увидел в разъярённом лице Олега что-то, чего не видел с тех пор, как тот вырос. Чёрную ненависть. Потом она исчезла, Олег снова взял себя в руки.

— Да брось, Харри, у нас с тобой нет секретов друг от друга.

— Нет?

Олег вздрогнул, будто Харри задел тот самый нерв, к которому так близко подобрался в прошлый раз.

Харри посмотрел в окно.

— Ладно. Потому что ты как полицейский не можешь знать о страховом мошенничестве и ничего не делать. А если ты что-то сделаешь, у меня будут неприятности. Ну что, хочешь знать больше?

Олег молчал.

— Спасибо, — сказал Харри. — Сосредоточься на своём деле. Джон Дейл. Найдёшь ещё что-нибудь, что подкрепит версию, будто он был убит, и свяжет это с убийством Фелисии Хение, — отлично. До тех пор это три совершенно отдельных дела об убийстве, поверь мне. А если верить статистике, с январскими убийствами Осло уже управился.

Они ехали дальше в тишине. Пока у знака «Уступи дорогу» на Волльсвейен они ждали просвета в потоке, на телефон Олега пришло сообщение. Харри заметил, с какой жадностью Олег схватился за аппарат. Он держал экран скрытым от Харри. Но Харри видел, как зрачки Олега медленно расширялись, пока тот читал.

— Это от Братт, — сказал Олег с лёгкой дрожью в голосе. — В сеть выложили видео.

— Да?

— Похоже, насчёт января ты ошибся.

Дорога была свободна, и ускорение вжало Харри в спинку сиденья.

ГЛАВА 26. [broken link: #TOC]

Полиция была здесь. Высокий голубоглазый мужчина — знаменитый Харри Холе. То есть знаменитый для тех, кто следит в новостях за делами об убийствах или за true crime на телевидении и в книгах. *Но, конечно, не такой знаменитый, каким скоро стану я.*

Он изучает mise-en-scène убийств. Проводит линии между имеющимися у них точками. *Именно этого мы и требуем от нашей публики: чтобы она сама создавала историю по опорным точкам, которые мы ей даём. Это не значит, что публика так же умна, как мы, создатели историй; достаточно, чтобы у неё были глаза и некоторая способность распознавать закономерности.*

Как любой человек, у которого есть выбор, я спрашивал себя, зачем это делаю. Не думаю, что когда-либо был одержим известностью, хотя кто-нибудь наверняка скажет обратное.

Просто сама мысль о том, что я мог бы прожить жизнь, не оставив следа, угнетает меня. Но важнее, чем то, чтобы не забыли моё имя, — чтобы помнили живые картины, которые я придумал и создал. Они должны остаться на

сетчатке людей, как шрамы, от которых невозможно избавиться.

Сейчас я пишу следующую сцену — она тоже без диалога. Потому что mise-en-scène передаст то, что я хочу сказать.

Ключ — в контрасте, в игре света и тьмы. Потому что только отсутствие — смерть — может придать присутствию и жизни смысл и глубину.

Без смерти жизнь не имеет ценности — вот что я хочу показать.

Должен показать.

Но довольно слов.

Сейчас вы увидите.

ГЛАВА 27. [broken link: #TOC]

Катрине Братт стояла перед собравшимися в переговорной и смотрела на двенадцать человек из следственной группы.

— Видео, которое вы сейчас увидите, было выложено в сеть два часа назад. Интернет-патруль обнаружил его и добился удаления час назад, но установить, кто его загрузил, пока не удалось, потому что… Малик?

— Это не Dark Web, но, вероятно, использовали VPN, Signal как платформу и Tor Browser, а EXIF-данные удалили. — Малик Хан потянул рукава рубашки, чтобы запонки лучше встали на место.

— Хорошо, — сказала Катрине. — Мы прогнали кадры через систему ИИ для определения места съёмки, но безрезультатно, вероятно потому, что это посреди леса. Так что, если у кого-то из вас появится идея, где это может быть, сразу говорите. И да, сразу предупреждаю: сам по себе ролик не страшнее того, что вы привыкли видеть, но это ребёнок.

Собравшиеся ответили приглушённым стоном.

Катрине нажала кнопку воспроизведения.

На большом телевизионном экране за её спиной появилась заснеженная поляна в сосновом лесу. Звука с записи не было, только наложенная музыка — «В пещере горного короля» Эдварда Грига, *если она не ошибалась.* Как и в первый раз, когда Катрине увидела видео, она подумала, *что всё кажется таким постановочным, будто каждая деталь заранее распланирована. Кадр, видимые и невидимые элементы, цвета — да, даже свет — казались скомпонованными, какими-то искусственными.* Стройные деревья выглядели так, будто стояли навытяжку вокруг грязного матраса, лежавшего на земле. На матрасе лежало маленькое тело — девочка в розовом платье из тюля, словно она шла на день рождения.

Она могла выглядеть спящей, но она не спала. Единственное место, где платье было не розовым, — кроваво-красное пятно вокруг деревянного кола, торчавшего из хрупкой груди. То, что это не стоп-кадр, выдавал лишь шарик, явно наполненный гелием: он слабо покачивался на конце нити, привязанной к самой нижней ветке сосны слева от матраса. *Не на день рождения, а с дня рождения,* — подумала Катрине. *С седьмого, может, с восьмого. Дом, должно быть, достаточно близко, раз она шла одна. Получила один*

из шариков. На ней была куртка, которую преступник потом снял. Катрине подумала о Герте, конечно подумала. Как и все в комнате, у кого были дети, в этот миг она думала о своём ребёнке. Видео длилось всего восемь секунд.

— Первые мысли? — спросила Катрине.

Перед ней взгляды всё ещё были прикованы к теперь уже чёрному экрану телевизора. Стояла мёртвая тишина.

— Я знаю, — сказала Катрине. — Но сейчас мы должны постараться максимально отключить эмоции. Хоть что-нибудь?

Олег Фёуке прочистил горло.

— Грегори Крюдсон. «The Mattress».

— Объясни.

— Не знаю, есть ли у меня объяснение, но это напоминает одну из его фотографий. Сосновый лес и матрас. Я видел снимок на выставке в Вене. На заднем плане две полицейские машины, заехавшие в лес, а мужчина стоит и смотрит на пустой матрас. Как следователь на месте преступления после того, как тело увезли. Так что, если не считать снега, это видео словно показывает, как всё выглядело незадолго до того, как Крюдсон сделал свой снимок.

— Ой, заткнись, новичок. — Это был Скарре. —

У нас здесь убийство маленькой девочки, а ты притащился с искусствоведческим анализом, будто мы в проклятой галерее или ещё где.

Катрине увидела, как Олег покраснел и сжал зубы.

— Всё нормально, — сказала она. — Я просила хоть что-нибудь.

— Вот именно это ты и получила, — сказал Скарре и толкнул локтем сидевшего рядом Вульфа, который улыбнулся из чувства долга.

— Кто знает, — сказала Катрине. — Может, Олег прав, может, мы в галерее.

— Да ладно тебе, — фыркнул Скарре. — Мальчик уж выдержит небольшую выволочку от опытных взрослых и без того, чтобы мама его обнимала. Может, чему-нибудь научится.

— Ладно, успокаиваемся, — сказала Катрине. — Да, Сири?

Сири опустила карандаш, который держала поднятым.

— Если мы не знаем, где девочка и откуда отправлено видео, почему дело у нас?

— Хороший вопрос, — сказала Катрине. — Делом, вероятно, занялся бы Интерпол или Крипос, если бы одновременно с публикацией в сети видео не отправили на электронный адрес здесь, в

отделе убийств. Адрес, которым не пользовались пару лет.

Она не собиралась делать драматическую паузу, но по взглядам в комнате поняла, *что получилось именно так.*

— На адрес Харри Холе.

ГЛАВА 28. [broken link: #TOC]

Софи Гуллстранд кивнула Ксавье Клементсу, когда он вошёл в переговорную.

— Что случилось? — спросил он и оглядел пустые стулья.

— Харри Холе попросил о встрече с нами, — сказала Софи.

— О чём?

— Он не сказал.

— Вот как. Тогда почему его здесь нет?

— Он написал, что уже идёт. Садись.

Но Клементс остался стоять, переступил с ноги на ногу и покраснел.

— Что такое, Ксавье?

— Я не считаю, что мы, его начальство, должны сидеть и ждать этого типа. Это высокомерие.

Софи улыбнулась. *Удивительно, насколько чувствительны высокомерные люди к чужому высокомерию. Сама она не имела ничего против небольшой его дозы. Иногда высокомерие возникало оттого, что человек действительно превосходил окружающих в профессиональном отношении и уставал от того, что другие за ним не поспевают, — такое она и сама порой*

чувствовала. Но со временем Софи поняла: у Клементса высокомерие вызвано прямо противоположным — с его помощью он пытается скрыть, что на самом деле не так уж хорош. К тому времени его, к сожалению, уже повысили до руководителя команды, а безвредной должности, на которую можно было бы повысить его ещё раз, не существовало, так что ей оставалось лишь надеяться, что следующий раунд сокращения расходов и штатов не за горами.

Дверь открылась, и вошёл Харри Холе.

— Извините, если вам пришлось ждать, — сказал он и сел. — Садись, Клементс, я сразу к делу.

С некоторым злорадством Софи увидела, как Ксавье Клементс покраснел ещё сильнее. Он демонстративно медленно выдвинул один из стульев Vitra, которые она лично выбрала для переговорной, сел с тихим стоном и скрестил руки на груди.

— Я пришёл к выводу по делу Неслунда, — сказал Холе, откинувшись назад так, будто сидел в шезлонге. — Его убили, пока жена и дети сидели в подвале. Я говорил с отделом убийств, они разделяют моё мнение и продолжат расследование.

Холе вытянул руки, положил ладони на стол и посмотрел на Ксавье, который прочистил горло.

— Если это всё, тебе следовало прийти ко мне, а не отнимать время у нашего заместителя генерального директора, Холе.

— Это не всё, — сказал Холе и повернулся к Софи. — Я счёл правильным сделать это в твоём присутствии, потому что у меня такое ощущение, что именно ты меня наняла. Я увольняюсь.

В наступившей тишине у Софи упало сердце.

— Очень жаль это слышать, — услышала она собственный голос. — Можно спросить почему?

— Я не подхожу для этой работы. Я не подхожу… сюда.

— Можешь пояснить? Дело в рабочей обстановке? Если есть что-то, что, по-твоему, нам стоит изменить, мы с готовностью это рассмотрим.

Холе устало улыбнулся, и его глаза едва заметно метнулись к Клементсу. Это движение уловила только она.

— Проблема, наверное, во мне, — сказал Холе. — В таком случае менять пришлось бы меня. А я пришёл к выводу, что и не могу, и не хочу. Вот так. Простите, что оказался пустой тратой времени и денег компании.

Софи поняла, *что всё решено окончательно и обсуждать здесь нечего.* Но всё равно не смогла удержаться:

— А если мы повысим статус твоей должности? Тогда я могла бы попросить тебя ещё немного поработать на испытательном сроке, прежде чем принимать окончательное решение.

Боковым зрением она увидела, как Клементс поёрзал на стуле.

— К сожалению, нет, — сказал Холе.

Клементс прочистил горло.

— Тогда вопрос, похоже, решён.

Софи Гуллстранд кивнула. *То, что сердце у неё упало, когда он сказал, что увольняется, было нормально: всегда жаль терять сотрудников, в которых веришь. Удивило её другое — насколько сильно она это почувствовала. И она тут же решила пока не анализировать почему.*

Сейф, по оценке адвоката Юхана Крона, размером примерно с ящик вина, был встроен в стену между сшитыми на заказ костюмами в гардеробной Джона Дейла. Крон затыкал уши указательными пальцами и смотрел на слесаря, стоявшего на коленях и вжимавшего сверло мощной дрели в металл прямо над замком сейфа.

Он задумался, *что это — черта характера или профессиональная примета: такая физиономия и одежда, в которой непременно приходится демонстрировать щель между ягодицами.*

Если бы он сам стал ремесленником — мысль невозможная уже в силу его безнадёжной непрактичности, — стал бы он автоматически демонстрировать эту щель? Или этот мужчина — если бы у него, а не у Крона, клиентами были богатейшие люди города — точно так же продемонстрировал бы семье Дейла вид на щель между ягодицами, наклоняясь к нижней полке из тика, чтобы достать «Законы Норвегии» и процитировать наследственное право?

Вероятно, Крон думал обо всём этом отчасти потому, что начал скучать.

Адвокатом по уголовным делам было веселее. Меньше денег и менее цивилизованный рабочий день, зато больше действия. И он был лучшим.

Когда Крон решил постепенно сосредоточиться на семейном праве в Krohn & Simonsen, один из других партнёров сказал, что это всё равно что переучивать нападающего в центрального защитника: если ты хороший футболист, справишься и с переходом. Верно, но нельзя было отрицать: веселее было там, впереди, забивать голы и принимать овации.

Слесарь наконец выключил визжащую дрель, достал тонкую пластиковую трубку и ввёл её в сейф. Поскольку ни у кого из наследников Джо-

на Дейла не было кодовой комбинации, Крон получил от них доверенность вскрыть сейф — главным образом для того, чтобы выяснить, не лежит ли там подписанное завещание. Домашние сейфы такого типа надёжнее всего вскрывались с помощью эндоскопа: проделывали отверстие и вводили трубку с маленькой камерой и подсветкой, чтобы увидеть механизм замка изнутри, одновременно вращая кодовый диск.

— Мы внутри, — сказал слесарь и указал на лежавший на полу iPad.

В конусе света виднелись какие-то бумаги, возможно важные документы. На них стоял наполовину полный бокал мартини с ломтиком лимона и прозрачной жидкостью.

— Интересно, — сухо сказал слесарь и повернул трубку к внутренней стороне дверцы.

— Подождите, — сказал Крон. — Поверните обратно, там что-то было.

— Да, бокал мартини.

— Нет, за ним.

Слесарь повернул трубку, и свет упал на заднюю стенку сейфа.

— Ох, чёрт. Что это должно значить?

Крон уставился на экран.

— Это значит, что нам нужно связаться с поли-

цией. Можете сделать снимок и отправить мне на телефон?

— Конечно, — сказал слесарь и стал нажимать на экран iPad.

Крон набрал первое имя, пришедшее ему в голову. Он не был уверен, работает ли этот человек ещё в отделе убийств, но и ни один из тех немногих знакомых, которые ещё оставались у него в Полицейском управлении, там уже не работал.

— Мы должны… — начал слесарь.

— Нет, — сказал Крон. — Мы просто отправим снимок дальше, а потом уйдём отсюда, ничего не трогая.

Харри вышел из лифта в гараж. Ему понадобилось почти пятнадцать минут, чтобы убрать со стола, попрощаться с коллегами и сдать пропуск. Получилось бы ещё быстрее, если бы он по какой-то причине не заглянул в кабинет Софи Гулльстранд, чтобы ещё раз попрощаться. Он сказал, что, если ей вдруг захочется немного погонять на ралли на переднеприводном Escort 88, она может взять его машину. Разумеется, предложение было идиотским, но по крайней мере рассмешило её. Он также успел заметить, что получил MMS от Юхана Крона, но открыть его времени не было.

Харри поёжился, застегнул пальто у горла и, быстро шагая к Escort, стал прикидывать. *Денег на счёте хватало на три месяца аренды. Но ладно, можно найти жильё за городом, там наверняка гораздо дешевле.* Ключ в замёрзшем дверном замке пришлось поворачивать с силой, но осторожно, чтобы не сломать. Получилось. Он сел и повернул ключ в замке зажигания. С зажиганием вышло хуже. И со второго раза тоже. На третьей попытке вой стартера был заметно слабее, а на четвёртой он окончательно выдохся.

Харри застонал. Пусто посмотрел перед собой. *Безработный. Впереди у него был целый проклятый день. Ещё один день, когда нельзя будет пить.*

Он вспомнил о сообщении от Крона, достал телефон и нажал на MMS. Сообщение открывалось долго, будто телефон тоже работал медленнее на холоде. Сначала изображение ничего ему не говорило, потом он прочитал текст, который адвокат написал под снимком:

«Это изнутри сейфа Дейла. Есть идеи, что это может значить?»

Харри уставился на экран.

Значит, Эйстейн был прав.

Харри ещё раз попробовал завести машину,

прежде чем окончательно сдаться.

Когда он вышел из гаража, его встретил ледяной, сырой порыв со стороны Осло-фьорда. Он застегнул пальто до самого верха и наклонился вперёд навстречу следующему порыву. Отсюда, с широкой авеню между сверхсовременными высотками Баркода и Оперой, Осло казался большим городом. Но это была иллюзия: людей мало, расстояния короткие. *Вполне можно обойтись без машины.*

Зазвонил телефон. Он достал его и поднёс к уху.

— Говори.

— Харри?

— Привет, Катрине.

— Я тебя почти не слышу.

— Это ветер. Но я тебя слышу.

— Ладно, коротко. У нас есть видео, на котором, похоже, снято место убийства, и его отправили тебе.

— Мне?

— На твой прежний адрес здесь, в отделе убийств. Слышишь меня?

— Да.

— Как быстро ты можешь приехать и посмотреть? Нужно проверить, есть ли там что-то, что

может указывать на связь с тобой.

— Я уже иду. И мне тоже есть что тебе показать.

— Что?

— Я…

— Я тебя не слышу, Харри, только шум.

— Десять минут! — Харри оборвал связь, сунул телефон в карман и уже собирался махнуть такси, которое ехало к нему с огоньком на крыше. Но вспомнил, *что он безработный,* и пошёл пешком.

ГЛАВА 29. [broken link: #TOC]

— Видишь какие-нибудь скрытые сообщения? — спросила Катрине.

Харри покачал головой. Они с Катрине были одни в переговорной, где видео снова и снова шло на экране с выключенным звуком.

— Ничего, что могло бы быть адресовано тебе?

Харри снова покачал головой.

— Значит, заявлений о пропаже не было?

— В Норвегии — никого такого возраста. Мы увеличили лицо девочки, и, хотя изображение невысокого разрешения, пытаемся прогнать его через нашу программу распознавания лиц. Мы также отправили его в Интерпол, там сверяют изображение с данными о пропавших людях по всему миру. Поскольку видео отправили на твой адрес, есть какие-нибудь первые мысли насчёт того, кто может за этим стоять?

В третий раз Харри покачал головой.

— Кто-то из тех, кого я посадил, конечно, уже вышел. Можете их проверить.

— Привет!

Они повернулись к двери. Кто-то быстро вошёл.

— Только сниму с себя колбасную оболочку, — сказала вошедшая и расстегнула длинное пуховое пальто. Под ним оказалась женщина в светлом вязаном свитере, джинсах, с короткими светлыми волосами.

— Хильде Витт, — сказала она и протянула Харри руку.

— Хильде — психолог, которую мы сейчас чаще всего привлекаем к делам об убийствах, — сказала Катрине.

— Мм. Харри Холе.

— Спасибо, это я вижу, — улыбнулась Хильде Витт.

Он привык, что коллеги по всей стране и криминальные журналисты знают, кто он такой, но не психологи, выглядевшие на пятнадцать лет моложе него. Однако, судя по её почти демонстративно крепкому рукопожатию и прямому голубому взгляду, её это, похоже, не смущало.

— Успела посмотреть видео, которое я прислала? — спросила Катрине.

— Сегодня всё без передышки, так что успела посмотреть только пару раз. Но я немного подумала, пока у меня были пациенты.

Харри, должно быть, поднял бровь или сделал что-то подобное, потому что Витт повернулась

к нему.

— Да, иногда мы слушаем и одновременно думаем о другом. Но, пожалуйста, никому не говорите. — Она хитро подмигнула ему.

— Итак, — сказала Катрине. — О чём ты подумала?

— Что это может быть чем угодно. — Витт снова повернулась к Харри. — Сейчас вы, наверное, задаётесь вопросом, почему полиция должна платить мой почасовой тариф, чтобы услышать, как я говорю, что ничего не могу сказать.

— Нет, — сказал он. — То, что сказать нечего, исключает наличие чего-то очевидного. Мы оба работаем методом исключения, разве нет?

— Спасибо.

— Не за что.

Катрине прочистила горло.

— Тогда фиксируем: никому из нас нечего сказать конкретного. Можем попробовать немного поспекулировать?

— Конечно, — сказала Витт, резко вдохнула, и слова посыпались из неё. — Это может быть мужчина с комплексом Лолиты, педофил, мучимый собственным влечением. Он похитил, возможно, одурманил девочку, а после сексуального насилия вбил ей кол в сердце, словно хотел изгнать

вампира, который укусил его, превратив в такого же вампира и одновременно в жертву собственной жажды крови. — Она отвела взгляд от экрана и посмотрела на двух остальных. — Ну, раз уж мы решили свободно спекулировать.

— А шарик? — спросил Харри.

— Что шарик?

— Она, конечно, могла его потерять, а шарик — зацепиться за эту ветку, но кажется маловероятным, что она добровольно пошла бы в лес с шариком в руке.

— Если только убийца не тот, кого она знает, — сказала Витт.

— Тот, кого она знает, не стал бы снимать тело и выкладывать в сеть, — сказал Харри. — Это, скорее всего, хищник и случайная жертва.

Витт кивнула.

— Думаю, ты прав. Значит, ты считаешь, что он повесил шарик там для нас?

— Мм.

Витт склонила голову набок и впилась в него голубым взглядом.

— Что означает «мм»?

— Прямо сейчас, думаю, это означает, что он размышляет о том же, о чём думаем мы все, — сказала Катрине. — Есть ли связь с другими

убийствами последних дней?

— Но этот сосновый лес может быть где угодно в мире, — сказала Витт. — Да, он использовал нашего Грига как саундтрек, но…

— Использовал? — спросил Харри.

— Я выключила звук, — сказала Катрине. — Там было всего несколько тактов «В пещере горного короля».

— Григ популярен везде, — сказала Витт. — Так что это может быть Канада, Россия или…

— Эстмарка.

Они повернулись к Олегу, который просунул голову в дверь.

— Рядом с Хауктьерном. Отсюда — двадцать минут на машине и ещё полчаса пешком. Я только что говорил с тем, кто позвонил: он видел видео в сети до того, как его удалили, и узнал место. Здравствуйте, доктор Витт.

— Здравствуйте, специальный следователь Фёуке.

Олег широко улыбнулся, вошёл, сел, взял одну из чистых чашек на столе и потянулся к кофейнику.

— Нет-нет, — решительно сказала Катрине. — Если у нас есть место преступления, мы должны ехать туда сейчас же!

— У нас нет места преступления, — сказал Олег и налил кофе.

— Что ты имеешь в виду?

— Это не убийство. — Он отпил из чашки и скривился.

— Девочка на картинке не мертва?

— Нет. И да. Наша программа ИИ её распознала.

— О чём он говорит? — спросила Катрине, обращаясь к Харри, который тоже налил себе ещё кофе.

— Ну, — сказал Харри, отпил и скривился так же, как Олег. — Полагаю, он говорит, что это кукла.

— Кукла?

— Ага, — сказал Олег. — Программа ИИ распознала девочку как детскую куклу серии Butterfly, произведённую японской фирмой Oriental Apricot. Куклы серии Butterfly — не секс-куклы per se, но у кукол… — Он поднял телефон и прочитал вслух: — …реалистичная западная внешность, и они ориентированы на взрослую аудиторию. — Он снова опустил телефон. — Так что разница, возможно, академическая. Учитывая норвежское законодательство по таким куклам, эту, скорее всего, ввезли контрабандой.

— Простите, — сказала Витт. — Если никто не против, я скажу: чёрт побери.

— Значит, это просто мальчишеская выходка? — Катрине кивнула на экран.

Олег пожал плечами. Катрине повернулась к Харри. Он чуть выпрямился из своего почти лежачего положения.

— Ну. Учитывая, сколько стоят такие куклы и что владеть ими к тому же незаконно, я бы назвал это чем-то большим, чем мальчишеская выходка.

— Тогда что это? Кто-то вдохновился убийствами и хочет ещё сильнее накалить обстановку?

— Видео, которое становится вирусным, приносит и личное удовлетворение, и деньги, — сказала Витт. — Когда пыль осядет, думаю, вполне вероятно, что тот или те, кто за этим стоит, объявятся и снимут сливки. Выложат видео снова, теперь уже как произведение искусства, с автором и кучей рекламодателей.

— Простите, — перебил Олег и поднял телефон. — Эдди Юнассон звонит по FaceTime. Он и проводник уже ехали к Хауктьерну, когда мы выяснили, что это всего лишь кукла. Мы…?

— Да, выводи его на экран, — сказала Катрине.

Олег ответил на звонок, нажал несколько кно-

пок на телефоне и пульте, и изображение Эдди появилось на телевизионном экране. Они сразу узнали место по видео. Мужчина в зелёном пуховике — очевидно, тот самый проводник, давший наводку, — застенчиво помахал им.

— Ладно, вот она, — сказал криминалист.

Он обошёл матрас по снегу, и теперь, когда он показывал девочку со всех сторон, стало яснее, что это кукла.

— Следы на снегу только твои? — громко спросил Харри.

— Верно, но это не так странно, — сказал Эдди. — Проводник говорит, что здесь ночью шёл снег.

— Мм. Можешь поднять камеру повыше, чтобы мы увидели шарик?

На телевизионном экране появился синий шарик. Теперь, когда его снимали с противоположной стороны, не той, что была видна на выложенном видео, они смогли разглядеть на нём большую белую М.

— Что-нибудь ещё? — спросил Эдди.

— Думаю, достаточно, — сказала Катрине. — Спасибо.

— Тогда объявляем дело раскрытым или закрытым? — спросил Эдди.

— Да, — сказала Катрине.

— Да, — подтвердил Олег.

— Нет, — сказал Харри, не сводя взгляда с синего шарика.

Остальные в комнате посмотрели на него. Катрине раздражённо застонала.

— Харри, у нас сейчас и так дел по горло — ещё не хватало бегать за каждой пожарной машиной, которая…

— Это он, — сказал Харри. — Это человек, которого мы ищем. Поправка: которого ищете вы. Эдди, можешь оцепить место, вызвать своих людей и проверить всё как место преступления?

ГЛАВА 30. [broken link: #TOC]

Никому, кроме Харри, Катрине такого бы не позволила: в одном предложении подчеркнуть, что это, конечно, их, а не его расследование, а в следующем — приказать провести полную проверку места происшествия.

Причина была проста. На это ушло время, но как руководитель, нацеленный на результат, Катрине теперь пользовалась достаточным авторитетом, чтобы ей больше не нужно было метить территорию. Особенно перед следователем, который раскрыл больше крупных дел, чем кто-либо другой за всю историю отдела убийств.

— Он замёл свои следы на снегу, — сказал Харри. — Скоро Эдди перезвонит и скажет, что других очевидных следов тоже не находит.

— Откуда ты знаешь? — спросил Олег.

— Потому что гелиевый шарик при минусовой температуре теряет подъёмную силу намного быстрее. Такой шарик продержится в воздухе максимум четыре-пять часов. Следовательно, видео сняли после того, как ночью прошёл снег, и мы увидели бы следы обуви, если бы он их не убрал.

— Хорошо, — сказала Катрине. — Но это не значит, что он убийца, только то, что он не хочет попасться полиции.

— За что? Он знает, что мы не станем расследовать видео с куклой, если рассматривать его отдельно. Разве что свяжем его с другими убийствами.

— Но почему он должен думать, что мы это сделаем? — спросила Витт. — Или… э-э, вы.

— Потому что он послал нам сигналы, чтобы мы заметили связь, — сказал Харри.

Остальные трое выжидательно смотрели на Харри, пока он тёр глаза.

— У меня есть приятель, с которым мы в детстве смотрели фильмы. Он был большим поклонником режиссёра Фрица Ланга. Мы брали напрокат все его фильмы на кассетах. «Доктор Мабузе». «Метрополис». Старые чёрно-белые штуки межвоенного времени. Шедевром Эйстейн считает первый в истории фильм о серийном убийце.

Харри указал на телевизионный экран, застывший на последнем кадре: синий шарик с белой М.

— Это фильм о поисках серийного убийцы, который убивает детей. Слепой продавец воздушных шариков понимает, что мужчина на улице

перед ним — убийца, потому что слышит, как тот насвистывает ту же мелодию, которая звучала, когда на том же месте похитили другого ребёнка. Норвежский композитор.

— «В пещере горного короля», — сказал Олег.

— Это могло бы быть случайностью, если бы в видео были только мёртвый ребёнок, шарик и Григ. Но там есть и другое. В фильме убийца покупает девочке шарик, а слепой продавец мелом пишет у себя на ладони М — от Mörder — и прижимает ладонь к спине мужчины, чтобы полиция могла его опознать. Мы не видим убийства девочки, только шарик, зацепившийся за телефонный провод. Фильм называется… — Он быстро оглядел сидящих за столом. — «М». Видео — реконструкция.

— И что? — спросила Катрине.

— Убийство Джона Дейла тоже воспроизводит сцену из фильма о серийном убийце.

— Пока мы склоняемся к версии самоубийства.

— Но это убийство, — сказал Харри. — Во-первых, у мёртвого вырезали фунт плоти. Во-вторых, я только что получил вот это от Юхана Крона. Здесь видно, что написано на задней стенке сейфа Дейла.

Харри положил телефон на стол и подтолкнул

к середине. Остальные трое наклонились.

— Greed? — прочитала Катрине. — Скажи, это написано кровью?

— Это из «Семи», — сказал Олег. — Там убийца пишет GREED на стене кровью жертвы. — Он положил два пальца на экран телефона Харри и увеличил одну из печатных букв — D, где красный след немного потёк вниз по левой стороне. — Если преступник использовал кровь Дейла, чтобы писать, возможно, мы найдём в ней отпечатки пальцев. Я могу позвонить криминалистам.

— Сделай это, — сказала Катрине.

Олег встал и вышел в коридор.

Катрине скрестила руки на груди.

— А другие убийства? Они тоже могут быть реконструкциями?

— Не убийство Биргера Неслунда — там всё похоже на работу сборщика долгов, — сказал Харри. — Но убийство Фелисии Хение мы, то есть вы… должны изучить внимательнее. Проститутка, убитая острым предметом. Может быть, из фильма про Джека-Потрошителя, например.

— Хорошо. — Катрине выпрямилась, чтобы размять спину. — Но для довольно дикой теории оснований маловато, не находишь?

— Нахожу, — сказал Харри.

— И всё равно уверен?

Харри пожал плечами.

— У вас два убийства без единого технического следа убийцы. Уже одно это настолько редко, что мы в любом случае искали бы между ними связь.

— И связь в том, что они имитируют фильмы о серийных убийствах?

— Мм.

В последовавшей тишине все услышали, как завибрировал телефон Катрине. Она посмотрела на экран, включила громкую связь и положила телефон на стол.

— Да, Эдди?

— Пока что, насколько я вижу, этот человек явно постарался скрыть следы. Снег выглядит так, будто его недавно разровняли; похоже, он использовал для этого ветки. Но крови нет, признаков борьбы нет, ничего другого, что указывало бы на преступление, тоже нет. Команда уже в пути. Сказать им разворачиваться или продолжаем?

Катрине закрыла глаза и опустила голову, всё ещё скрестив руки на груди.

— Алло? — раздался голос Эдди.

— Да, — сказала Катрине. — Продолжаем. Проверяйте всё так, будто это место преступления.

ГЛАВА 31. [broken link: #TOC]

Хильде Витт и Харри вместе спустились с шестого этажа, где располагался отдел убийств. Их шаги гулко отдавались в пустой лестничной клетке.

— Ты тоже не любишь лифты? — спросила она.

— Не-а.

— Клаустрофобия?

— Тот, с кем мы работали до тебя, называл это специфической фобией, вызванной травмой.

— Что случилось?

— Длинная история. А у тебя?

— Клаустрофобия. Кстати, как тебе в той страховой компании, где ты, я слышала, работаешь?

Харри рассмеялся.

— Это Катрине тебе рассказала? Я уволился несколько часов назад.

— Правда? Это разве не надо отметить? Если тебе есть с кем отмечать, конечно.

Харри повернулся к ней и уловил в её взгляде искру озорства.

— Не так уж много поводов праздновать, — сказал он.

— Может, ты уже достаточно напраздновался

в жизни?

Он снова посмотрел на неё. *Вот же чертовски настырная.*

— Извини, — сказала она. — Хотела бы я сказать, что это профессиональная деформация, но я просто такая. Ноль фильтров.

Они прошли мимо стойки регистрации на первом этаже. Харри толкнул одну из больших металлических дверей с круглым окошком и придержал её для Витт.

— Так ты джентльмен? — сказала она, когда он догнал её на улице, где на ветреный зимний день уже опускались сумерки.

— Не совсем, — сказал он. — Просто дверь тяжёлая. Когда я здесь работал, она открывалась автоматически.

— А мне нравится, что приходится немного поднажать, чтобы попасть внутрь. А тебе?

— М-м.

Харри достал пачку сигарет.

— Бр-р, — сказала Витт и застегнула молнию на пуховике до самого подбородка. — У тебя машина есть?

— Есть, но сейчас бастует.

— Я тебя подвезу. Куда тебе?

— Спасибо за предложение, но идти недалеко.

— Куда?

— Через Грюнерлёкку.

— Мне в ту же сторону. Убери сигареты и садись.

Витт сидела за рулём, напряжённо подавшись вперёд, и вела машину сквозь поток. Она надела очки, которые на её молодом лице выглядели комично старомодными.

— Да, — сказала она, отвечая на то, о чём он не думал. — У меня ещё лёгкая вехофобия. То есть страх вождения. Но я верю в экспозиционную терапию.

— Вот как?

— Некоторые удивляются, что у психологов бывают психические проблемы. Примерно как удивляются, когда онкологи заболевают раком.

— А мы не должны удивляться?

— Во всяком случае, когда речь о психологах. У нас показатели депрессии, тревожности и выгорания выше среднего. Многие из нас как раз и стали психологами, чтобы разобраться с собственными штуками, верно?

— М-м. Разобралась?

— Пока нет. — Она улыбнулась своему отражению на внутренней стороне ветрового стекла. — А ты? Разберёшься?

— С чем?

— Примешь предложение, которое она тебе сделает?

— Кажется, я не совсем тебя понимаю.

— С учётом того, как сейчас выглядит дело, Братт попросит тебя помочь.

— Ты так думаешь?

— Я уверена. Когда я пришла на первое собеседование на должность постоянного консультанта отдела убийств, Братт дала мне для подготовки три вымышленных дела об убийствах. Только они были не вымышленными — в них просто изменили имена и даты.

— Откуда ты знала?

— Я их помнила.

— Помнила?

— Мой отец работал по этим делам.

— Что значит — работал? Следователем?

— Да.

— Подожди. Витт. Ты дочь Харальда Витта?

— Верно.

Харри снова посмотрел на неё. *Сходства — ноль.*

— Он был одним из ветеранов отдела убийств, когда я только начинал.

— Я знаю. Он много о тебе рассказывал.

— М-м. Звучит нехорошо.

— И да и нет. Он говорил, что у тебя больше следовательского таланта, чем у всех, кого он знал, и намного больше, чем у него самого. Но что ты, как и он, никогда не сделаешь карьеру в иерархии. Мой отец ступал тихо. Так тихо, что люди забывали, что он рядом. А ты хлопал дверями. Он рассказывал, что ты был *enfant terrible*, что с тобой было адски трудно работать и что начальство терпело тебя только потому, что ты раскрывал дела. Я была папиной дочкой, слушала все истории об убийствах и, разумеется, в своём девичьем воображении придумала себе образ Харри Холе. А потом в газете появилась та австралийская история. С фотографиями молодого, высокого и светловолосого норвежского полицейского, который уехал *down under* и поймал серийного убийцу. Ты, конечно, выглядел не совсем так, как я представляла, но я вырезала фотографию и повесила над кроватью. Между Джастином Тимберлейком и Ником Картером.

Харри недоверчиво покачал головой, а Хильде Витт громко рассмеялась.

— На собеседовании я, конечно, этого не сказала, но сидела там со всеми правильными ответами благодаря папе и тебе.

— Ты жульничала.

— Ага. Просто чтобы обеспечить исход, выгодный всем. Чтобы работу получила лучшая. Теперь я могу это признать — мой послужной список всё доказывает.

Харри улыбнулся.

— Суть в том, — продолжала она, — что два из трёх присланных мне дел были похожи на это: за ними тоже мог стоять серийный убийца.

— Наверное, тебе их дали потому, что такое — хлеб для психологов. — Он указал. — Здесь направо.

— Наверное. Но если ты прав, если это серийный убийца, я хочу участвовать. До конца.

— М-м. Мне нравится энтузиазм, но серийные убийцы встречаются крайне редко.

— Я знаю! Но если это он, то ты единственный в норвежской полиции специалист по серийным убийцам. Поэтому Братт позвонит тебе, как только согласует всё с начальством. И тогда ты скажешь, что хочешь, чтобы я с самого начала была в группе.

— Я тебя услышал, Витт. Я выйду здесь.

— Выйдешь из машины или из нашего сотрудничества?

Харри снова рассмеялся и указал на высотку

слева от дороги. Витт свернула к бордюру, подалась ещё дальше вперёд и посмотрела вверх.

— Какой этаж?

— Седьмой.

— Ты пешком до седьмого?

— Да.

Хильде Витт сняла очки и повернулась к Харри.

— Ладно. Если мы ещё собираемся об этом поговорить, предлагаю наперегонки — кто первый наверху.

Харри с улыбкой покачал головой.

— Поговори с Олегом. Это не моё дело.

Она тоже покачала головой.

— Если это то, на что похоже, Братт не отдаст дело новичку.

— Тогда поговори с тем, кому его отдадут. — Он открыл дверь. — Спасибо, что подвезла.

— *I'll be back.*

— До встречи.

Харри остался стоять, вытряхнул сигарету из пачки и задумчиво смотрел вслед «Шкоде», которая продолжила подниматься по дороге в сторону Сагене.

Он, пожалуй, чувствовал себя польщённым. Не тем, что девчонка посреди бойбэндового тумана

решила вырезать его фотографию, а тем, что взрослая версия этой девчонки решила очаровать его, рассказав об этом. *Ладно, может, она пустила в ход обаяние потому, что думала: он сможет обеспечить ей место в следственной группе. Но место-то у неё уже было, так зачем этот почти агрессивный натиск обаяния?* По опыту Харри, привлекательные женщины вроде Хильде Витт обычно не старались так сильно, чтобы получить желаемое, — им это было ни к чему. *С другой стороны, он знал её меньше часа, так что, возможно, придавал этому слишком много значения.*

Телефон Харри зазвонил, когда машина скрылась за поворотом у пивоварни Ringnes. Он посмотрел на экран и ответил.

— Говори со мной.

Катрине застонала.

— Я же говорила, брось эту фразу!

Харри втянул пламя белой зажигалки в сигарету.

— Que pasa?

— Я хотела спросить, не согласился бы ты на краткосрочную работу в отделе убийств.

ГЛАВА 32. [broken link: #TOC]

Теа Рууд застыла в постели, когда в дверь её гостиничного номера постучали.

— Расслабься, Мэрион. — Кристиан Боэнг потянулся рядом с ней. — Это не твой режиссёр. Я попросил принести шампанское через час, когда проходил мимо стойки регистрации.

— Можешь, пожалуйста, перестать называть меня Мэрион, Кристиан?

Снова постучали.

— Спасибо, оставьте за дверью!

Голос Кристиана Боэнга прогремел так чудесно мощно и глубоко, что Теа вздрогнула. Она знала: такой постановке голоса учили в Театральной академии. В той самой академии, где она сама не училась — как, впрочем, ни в какой другой актёрской школе, — из-за чего её называли любительницей. Или «любительницей с интересным лицом», как одна коллега описала её таким невинным тоном, что можно было подумать, будто оскорбление вышло ненамеренным. Она ведь не могла знать, что первые роли в кино Теа получила ещё ребёнком.

Теа смотрела, как Кристиан Боэнг голым идёт

к двери. Для шестидесяти двух лет он выглядел фантастически. Кроме того, ему, как и многим актёрам, была благословенно чужда стыдливость. Они могли становиться привлекательными просто благодаря манере держаться — самопровозглашённые Адонисы и секс-символы, попросту заявлявшие права на красоту, которой у них не было.

Не то что Антон Вам: тот действительно был красивым мужчиной, но не мог скрыть, что стыдится своего нетренированного, слегка полноватого тела. Если Кристиан Боэнг становился красивее благодаря уверенности в себе, то Антон прикрывал интеллектом и властью своё голое тело, словно полотенцем.

Совсем не так, как Кристиан: тот открыл дверь, не прикрываясь на случай, если официант всё ещё стоит снаружи, и вернулся с металлическим ведёрком, стратегически размещённым перед собой; из ведёрка поднимался пар от льда, а горлышко бутылки дерзко торчало вверх.

Теа любила щедрую браваду Кристиана Боэнга и его безудержное самопоклонение. В Антоне Ваме она восхищалась умом, фантазией, чувствительностью и невротическим нарциссизмом. С Кристианом Теа спала без задней мысли.

И с Антоном тоже.

Нет, она не посылала Антону Ваму никакой фотографии с подписью ADP, о которой Кристиан пошутил полиции, — шутку, как она знала, он адресовал ей. И всё же: стала бы она спать с Антоном, если бы он не был режиссёром и не имел власти давать ей роли, которых иначе она бы не получила? Он был внимательным любовником, но всё-таки — скорее всего, нет.

Во время поездки в Стокгольм, когда она рассказала одной шведской подруге-актрисе о своём ménage à trois, та рассердилась и указала, что Теа, похоже, не понимает: её используют в ситуации явного неравенства власти и ей следует заявить об этом. Да, она должна почувствовать ответственность перед молодыми коллегами-женщинами. Теа ответила, что не видит, чтобы немолодые, уже отчасти списанные в тираж актёры-мужчины вроде Кристиана имели особую власть над такими молодыми, стремительно идущими вверх женщинами, как она сама.

А что до Антона, то, если честно, ей казалось, что это она использует свою молодость и красоту, чтобы манипулировать им и заставлять его снимать фильмы хуже, чем он снял бы с лучшими актёрами.

Когда подруга — уже не подруга — обвинила Тею в том, что она глупа и ей промыли мозги, Теа поблагодарила её за то, что та хотя бы приписала ей наличие мозга.

Кристиан стащил с неё одеяло, открыл бутылку и дал шампанскому брызнуть ей на грудь.

— Ладно, — рассмеялась Теа. — Но это всё-таки не совсем то же самое.

— Sorry, но, как я уже сказал, утром я спал с женой, так что больше семени нет.

— Мог бы поберечь себя для меня.

Она сказала это с улыбкой и как можно игривее, чтобы он не заметил, что её это задело. *Особенно то, что он повторил это. Они могли бы хотя бы притвориться, что в те короткие минуты, когда они вместе, есть только они двое.* Но парадоксальным образом казалось, что профессиональным актёрам вроде Кристиана трудно притворяться в реальной жизни.

— Жена прежде всего, — сказал он. — Как для меня — твой режиссёр.

Он налил два бокала, протянул ей один и лёг рядом.

— Ревнуешь? — спросила она и отпила. Некоторое время назад она рассказала ему об Антоне в надежде добиться своего рода равновесия: чтобы

не только у него был кто-то ещё, к кому можно уйти.

— Господи, нет, я же говорил. Будем! Единственное, что мне нужно знать, — я лучший любовник, чем он.

Она пила, не отвечая.

— Я лучше?

Она сделала вид, что задумалась.

— А я лучше той, на которой ты женат?

Она видела, как он пытается улыбнуться. *Господи, какие же актёры плохие актёры!*

— Это разные вещи, — сказал он. — Ты как свежая клубника. А она больше как…

Она заранее содрогнулась от метафоры, которую он подыскивал: *ничего хорошего из этого выйти не могло.* Поэтому она его опередила.

— Насколько я знаю, вы с Антоном знакомы с тех пор, как он был подростком. Так почему ты упорно называешь его «режиссёром»?

— Разве?

— Мне кажется, ты не хочешь произносить его имя, потому что тогда он будто окажется в комнате.

— Может быть, — сказал Кристиан и сделал глоток. — Я об этом не думал.

Много о чём ты не думал, милый мой мужчи-

на, — подумала Теа.

— Он знает о нас? — спросил Кристиан.

— Разумеется, нет.

— Я не о том, что ты ему сказала. Но мы всё-таки занимаемся этим достаточно давно, кто-нибудь мог что-то понять.

— Тебя бы это тревожило?

— Не очень. Я уже отснялся в слишком многих сценах, чтобы он мог позволить себе выгнать меня из фильма. Но, конечно, мне хочется, чтобы на монтаже он постарался показать меня с лучшей стороны. — Она помедлила. — Ладно, Антон сегодня и правда сказал мне, что не доверяет тебе. Я не спросила, что он имеет в виду, но, может быть, он видел, как ты на меня смотришь, и ему это не понравилось. В отличие от тебя, он, наверное, довольно ревнив.

— Если ты не спросила, что он имел в виду, он, наверное, стал ещё подозрительнее.

— Не думаю, что мы дали ему повод что-то подозревать, так почему он так скептически настроен? Вы же когда-то были лучшими друзьями?

— Ударение на «были», дорогая. В те времена, когда режиссёр был молод и ещё прислушивался к тем, кто был на несколько лет опытнее.

— Не верю, должно было быть что-то ещё. Ты знаешь, что Антон не хотел брать тебя на эту роль? Что это продюсер продавил, потому что ты так похож на короля Хокона?

Она почувствовала, как его тело дёрнулось.

— Откуда ты это взяла?

— Кида сказала.

Кристиан вздохнул.

— Твой режиссёр и я, мы… — Он остановился, посмотрел на бокал. Поднял его к Теа. — Забудь, давай лучше…

— Нет, продолжай, — приказала она.

— Ну, у нас был… конфликт в прошлом. Для него это, пожалуй, было чуть более крупным делом, чем для меня.

— Вот как?

— Фелисия Хение.

— Вы с Антоном соперничали из-за неё?

Кристиан поднял бровь. Её раздражало, что он всё ещё умел выглядеть удивлённым, когда она понимала вещи без того, чтобы он разжёвывал ей всё по слогам.

— Он соперничал, — сказал Кристиан. — Многие пытались, но её никто не интересовал, кроме меня. Возможно, трудно представить, но тогда я был ещё красивее.

Он показал ей ряд жёлтых зубов. Ещё её раздражало то, что она так влюблена в этого мужчину.

— Кто ещё за ней ухаживал? — спросила она.

— Ну, кто только не ухаживал. Вся компания «Пайнвуда». Тим. Полковник. Роберт Брандт — на свой странноватый манер. Даже Черно в двенадцать лет был влюблён в Фелисию.

— Правда?

Она попыталась представить кинооператора Клауса Исаксена, он же Черно, в двенадцать лет, с длинными тёмными кудрями.

— Он и тогда ходил в шортах?

— Круглый год, — подтвердил Кристиан. — И заикался.

— Почему у вас в компании был двенадцатилетний?

— Кто знает. Мы поймали его, когда он пытался вломиться в наш бункер. Трудно представить, наверное, но тогда Черно был тощим бездомным мальчишкой, не достигшим возраста уголовной ответственности, которого какие-то старшие послали украсть наше кинооборудование. Роберт уговорил нас взять мальца к себе, сказал, что узнаёт в нём себя. Так что мы заставляли Черно бегать по поручениям. Покупать сигареты. Мыть, убирать, варить кофе. Играть мелкие роли,

записывать звук, держать хлопушку. Он более или менее жил в «Пайнвуде» и учился ремеслу с самого низа.

— Какие вы были добрые.

— Да не знаю. Я почти уверен, что это из-за нас Черно начал заикаться.

— Да?

— Старая история. В любом случае теперь он не заикается.

— Нет, он стал фантастически хорошим оператором.

— Стал.

— Ты сказал, Роберт Брандт тоже ею интересовался. У меня от него вайб, что он предпочитает мужчин.

— Неверно. Но Роберт охотно играет эту роль. Он ведь мечтал стать актёром.

— Роберт Брандт? Я думала, его мечта — режиссура.

— Да, но много лет назад он был на кастинге. Американский проект, искали кого-то на роль норвежско-американского проповедника. Им, наверное, нужен был типаж достаточно жуткий. Когда Роберт вернулся, он всем рассказывал, что роль ему практически обещали. Пока ждал обратного звонка, он ушёл в полный Станислав-

ский. Выучил американский южный диалект, ходил с пасторским воротничком, проповедовал на улице и даже напечатал визитку, на которой было написано, что он проповедник. — Кристиан громко рассмеялся. — Он до сих пор ждёт этого звонка.

— Не смейся, — сказала Теа. — Это же просто грустно.

— Это кино, — сказал Кристиан. — Так называется болезнь. И она у всех нас.

— Ты сказал Тим. Кто такой Тим?

Кристиан почесал щёку.

— Хороший вопрос, потому что многие им задаются. Его никогда не видно на площадке. Или где бы то ни было. Тим Каландер будто просто слух. Человек из подвала. Но именно он на самом деле делает фильм, не получая ни славы. Ни вины.

— Так что он делает?

— Он монтажёр, дорогая. Хотя режиссёры думают, что это они решают, на практике именно Тим определяет, сколько экранного времени ты получишь. Единственные случаи, когда я видел его на площадке, приходились на сцены Фелисии. Тогда Тим появлялся, ага. Всегда с отговоркой, что в списке кадров есть пробелы и ему нужно убедиться, что материала хватит для монтажа.

— Он монтирует этот фильм?

— Он отказался быть главным монтажёром, но монтирует для нас воздушные бои. Это очень специализированная штука, куча VFX и всё такое.

— Почему отказался?

— Сказал, что у него другой проект.

— Какой?

— Что-то своё, чем он занимается. Больше не сказал. Со временем, мол, мы увидим.

— Вернёмся к тому, что ты сказал. Значит, ты спал с Фелисией, а Антон — нет?

Кристиан собирался ответить, но его перебил звонок из темноты.

— Ничего себе, — сказал он. — Григ?

— Григ — это Антон. Он должен меня забрать.

— Сейчас?

— Ровно в восемь, — сказала она.

— Боже правый, ты его секс-рабыня.

— Он — мой. Так же как ты.

Кристиан погладил её по щеке.

— Дорогой друг, как ты можешь быть такой бесстыдно промискуитетной?

— А ты как можешь?

— О, но мне стыдно.

— Потому что ты женат, да. Но будь ты свободен, как я, ты бы наслаждался своими завоеваниями,

а я была бы зарубкой на изголовье твоей кровати. Не отрицай.

— Не отрицаю, Мэрион.

— Меня зовут не Мэрион!

— Зовут. Потому что та, которая Мэрион, только моя.

Кристиан встал и начал одеваться.

— Не передавай привет.

Она потянулась к нему за прощальным поцелуем, и по телу разлилось тепло. Она пыталась убедить себя, *что это не только её собственная любовь*. Она решила, *что будет той, кто прервёт поцелуй*, но он, как обычно, её опередил. Когда Кристиан вышел из номера, Теа написала, что уже идёт, подошла к окну и посмотрела вниз, на улицу и чёрную крышу машины Антона.

Сцен у неё было не так уж много; строго говоря, их можно было уместить в пару съёмочных дней. Но Антон сознательно разбросал их по производственному плану, чтобы ей пришлось ездить в Осло несколько раз и они могли больше бывать вместе. Её это устраивало, поскольку платили ей за съёмочный день, а не за сцену. Кроме того, Антон лично следил, чтобы её селили в гостинице уровнем выше, чем других приезжих актёров. Только один раз, ещё ребёнком-актрисой, вместе

с матерью ей пришлось жить в пансионе отца Кристиана, печально известном пансионе Боэнга, где в туалет или душ нужно было выходить в коридор. Ещё одно преимущество растянутого графика состояло в том, что Кристиану было легче встречаться с ней, не вызывая подозрений на домашнем фронте.

Теа пошла в ванную и обтёрлась влажной тряпочкой.

Постоянный ритуал с Антоном заключался в том, что они ехали на Грефсенколлен и парковались в конце короткого лесного тупика, откуда можно было смотреть на Осло и одновременно оставаться в уединении. Секс у них был не всегда, но она всё равно использовала ручной душ, чтобы смыть Кристиана из влагалища.

— Ты чертовски хорошо выглядела на сегодняшнем просмотре отснятого материала, — сказал Антон, глядя в автомобильное зеркало, пока они ждали зелёного.

Это был его стандартный комплимент, словно сказать, что она хорошо выглядит сама по себе, здесь и сейчас, было бы слишком личным. И её это устраивало: в конце концов, для неё было важнее, как она выглядела в кадре.

— Спасибо, — сказала она и посмотрела на

Спикерсуппу, открытое пространство между Стортингом и Национальным театром, где разбирали временные ларьки рождественской ярмарки этого года. Она увидела, как что-то — должно быть, крыса — перебежало дорогу.

— Вот бы все были как ты, — вздохнул он. — Один из пилотов — у него даже реплики не было — повернулся к камере так, что в его солнечных очках отразилась половина съёмочной группы. Скрипт-супервайзер, конечно, заметила это только после того, как мы переставились на следующую сцену. Я так чертовски устал от любителей.

— Зелёный, — сообщила она.

Он оторвал взгляд от зеркала и нажал на газ. Пристроился за фургоном, а затем снова посмотрел в зеркало, над которым покачивалась модель самолёта.

— Что ты высматриваешь?

— Чёрная «Тесла» ехала за нами последние несколько раз.

— Половина автопарка в этом городе — чёрные «Теслы», Антон. А остальная половина — белые.

— Верно, но…

— Но ты думаешь, твоя жена наняла частного детектива?

— Как я уже говорил, ей абсолютно всё равно.

— Тогда почему ты волнуешься?

Антон вздохнул.

— Мне объяснить ещё раз, Теа?

— А, эти правила уважительного поведения на работе.

— Это не просто какие-то правила, Теа, это жёсткая реальность — прямо сейчас.

Прямо сейчас, — подумала она. *Как будто новые правила кинопроизводства, защищавшие сотрудников — обычно женщин — от злоупотребления властью, были временным состоянием, модной волной, которую мужчины вроде него просто должны переждать.* Правила были довольно расплывчатыми, но смысл примерно сводился к тому, что, если хочешь спать с кем-то, кто ниже тебя в иерархии, нужно сначала вежливо спросить кого-то, кто выше тебя, прежде чем, возможно — и ненавязчиво, — спросить того, с кем хочешь спать.

— Ты знаешь, что продюсеры со мной сделают, если узнают, чем мы с тобой занимаемся? — спросил Антон, мрачно и медленно качая головой, будто пытался объяснить последствия глобального потепления.

— На твоём месте я бы так не волновалась,

Антон.

— Да?

— Они не узнают.

— Они могут быстро узнать, если мы…

— В смысле: они не хотят узнать, Антон. Что, по-твоему, будет с бюджетом, если им придётся уволить режиссёра и искать нового посреди съёмок? Они, конечно, знают, что секс при таком перекосе власти неизбежен, поэтому ставят радар достаточно высоко, чтобы такие, как мы, могли проскользнуть под ним.

— Всё равно, можешь повторить, что никто не знает о тебе и обо мне?

— Никто-не-знает-о-тебе-и-обо-мне, милый.

Антон Вам не ответил, но нижняя губа свисала с его челюсти, как снежный карниз.

Теа иногда гадала, *мучает ли его осознание того, что она умнее.* Ей казалось, *что он, во всяком случае, достаточно умён, чтобы это понять.* К счастью для них обоих, власть была на его стороне, поэтому её превосходство не слишком его задевало, а для неё такое положение не было слишком унизительным.

Антон не прокладывал себе дорогу умом и тяжёлым трудом. По правде говоря, он более или менее оказался у цели уже в момент рождения

— в артистической семье со старыми деньгами, принадлежавшей к среде, которая распределяла между своими государственные средства на поддержку кино.

Он впитал с молоком матери умение маневрировать в этих водах, балансировать между художественной ценностью и коммерцией. В нём была та непринуждённая заносчивость, которая часто отличает людей, способных приписывать любой успех собственной персоне, а любую неудачу — чужой несостоятельности или чистому невезению.

Кроме того, Антон Вам был безжалостен. Если за грандиозными, самовосхваляющими жестами Кристиана стоял большой эгоцентричный мальчишка с хорошим настроением, умевший радоваться за других и испытывать угрызения совести, то Антон Вам был человеком без самоиронии, зато в совершенстве владел искусством иронии, которой прижимал других к земле.

И этим дело не ограничивалось. Все знали историю о том, как однажды в первый съёмочный день ему принесли едва тёплый кофе, он на месте уволил ассистента продюсера, который его принёс, а потом хвастался, что это держало всю группу в тонусе до конца съёмок.

Короче говоря, в Антоне Ваме было достаточно всего, что было ей противно, чтобы она считала роль здесь и там не более чем справедливой оплатой за то, что позволяла ему спать с собой. Она вкладывала в оргазмы весь имеющийся у неё актёрский талант, и, пока это удовлетворяло режиссёра, у неё не было ни чувства вины, ни моральных сомнений.

— Она исчезла, — сказал Антон, снова посмотрев в зеркало. — Может, это была полиция.

— Ты у нас ещё и милый. Если они подозревают, что ты уже убил одну актрису, с которой работал, думаешь, они просто позволили бы тебе уехать со мной?

— Да-да, понимаю, — раздражённо сказал Антон. — Я просто на нервах, ОК? Фильм отстаёт от графика, и… да, тут ещё появляется полиция, и кое-кто немного теряет концентрацию.

— Да? Кто?

— Там есть люди, которые могли желать смерти Дейлу и Фелисии. Если не теперь, то тогда, когда они были в киносреде.

Они поднялись над центром города, и по обе стороны извилистой обледенелой дороги стоял густой лес.

— Ты рассказал это полиции? — спросила Теа.

— Они не спрашивали. Или я не дал им времени спросить.

— Потому что… ты кого-то подозреваешь?

— Может быть.

Антон свернул на короткую дорогу.

— Кого?

— Я ничего не знаю. Слушай, я не хочу, чтобы ты нервничала перед игрой.

Теа кивнула. Антон принадлежал к той части буржуазии, которая так уверена в своём социальном статусе, что позволяет себе просторечные окончания и хипповую одежду. Это подчёркивало, что им не нужно так стараться, как людям с более новыми деньгами, хотя на самом деле это не делало их свободнее — лишь чуть более изощрёнными.

— Думаю, тебе тоже не стоит волноваться, — сказала она. — Одно из немногих преимуществ плохой актрисы: внешние обстоятельства почти не влияют на её игру.

— Ты не плохая актриса, Теа. Не говори так, от этого ты становишься хуже.

— Ты сам говорил, что актёр без уверенности в себе — как футболист без ног.

— Именно!

— Во-первых, это неправда. Во-вторых, мне не

уверенности в себе не хватает, а таланта. Мы оба знаем, что я могу и чего не могу, Антон. Поэтому ты даёшь мне только маленькие роли. Достаточно маленькие, чтобы я ничего не испортила, но достаточно часто, чтобы ты мог немного развлечься.

— Что за чертовщина? — фыркнул Антон. — Ты утверждаешь, что я тебя использую?

— Да. Так же как я тебя. Но всё в порядке. Слушай, уже поздновато, и я устала. Так что, если мы собираемся заниматься сексом, давай сделаем это сейчас.

Она увидела, как его кадык пошёл вверх-вниз, и поняла, что убила всё желание, которое у него, возможно, было. Так и было задумано: *она ведь не была уверена, что полностью вымыла из себя Кристиана.*

— Не за этим я привёз тебя сюда сегодня вечером, — сказал он.

Она нахмурилась. Голос у него вдруг стал совсем другим.

— Да? — сказала она, надеясь, *что он не услышит в её голосе облегчения.*

— Мы больше не будем этого делать, — сказал он всё тем же чужим голосом.

Она посмотрела на него, пытаясь понять, *не*

игра ли это, которую она не распознала.

— Почему нет?

Он улыбнулся. Дело было не только в голосе: что-то изменилось в языке тела, в лице, да во всём нём. *Словно он вошёл в роль. Или* — и эта мысль только теперь поразила её — *вышел из той, которую обычно играл.*

— Потому что я собираюсь тебя убить, — тихо сказал он.

Она рассмеялась.

— Неплохо. Из какого это фильма?

— Боюсь, это не из фильма. Ты действительно умрёшь. Но тебе дадут сыграть последнюю сцену. — Он посмотрел в зеркало. — Смотри, кто-то идёт.

Теа взглянула в боковое зеркало. И правда, снег отражал столько звёздного света, что она видела, как по льду в колеях за ними семенит фигура. С чем-то похожим на камеру на плече. Это подтвердилось, когда на камере зажёгся свет.

— Кто это?

Антон не ответил, только смотрел в зеркало.

Теа подумала, *что, если он боялся, что его застукают с молодой актрисой в машине, то удивительно мало делал, чтобы этого избежать. С другой стороны, впереди был крутой склон, а*

сзади этот человек перекрывал путь. И вот он вышел из колеи и подошёл к водительской стороне. Наклонил голову так, чтобы её не закрывала большая ручная камера.

Прежде чем Тею ослепил резкий свет камеры, она увидела: на человеке был чёрный капюшон или какой-то квадратный матерчатый мешок, закрывавший всю голову и грудь. На мешке был нарисован символ.

Что-то было не так, очень не так; это был не папарацци и не розыгрыш от кого-то из съёмочной группы. Мужчина — *ведь это должен был быть мужчина?* — свободной рукой чертил в воздухе круги. В этой руке он что-то держал.

— Чего он хочет? — сказала Теа. Горло вдруг сжалось и пересохло. Ей было страшно.

— Чтобы мы опустили окно, — спокойно сказал Антон.

— Не делай этого! — закричала она.

Она уже увидела, увидела, что держит в другой руке человек снаружи. Это было огнестрельное оружие.

— Пожалуйста, Антон! Езжай!

ГЛАВА 33. [broken link: #TOC]

— Ты сказала «езжай»? — переспросил высокий светловолосый мужчина, из имени которого Теа Рууд успела расслышать только «Харри».

Теа кивнула и вытерла снова покатившиеся слёзы. Хотя они сидели в полицейской машине, где обогреватель работал вовсю, она дрожала под шерстяным одеялом, которое дала ей полицейская.

Снаружи — в скользящем свете нескольких синих мигалок на крышах машин — она увидела мужчину и женщину в светоотражающих жилетах: они появились на короткой подъездной дороге, неся носилки, а затем задвинули их в машину скорой помощи.

— Что случилось потом? — спросил тот, кого звали Харри. Он сидел на пассажирском сиденье, повернувшись к Теа и полицейской в штатском.

— Антон завёл машину, и тогда этот… человек разбил стекло пистолетом. И… и… — Теа закрыла лицо руками. Абсурдная, посторонняя мысль прорвалась наружу: *как бы она хотела, чтобы именно сейчас они снимали ту сцену плача, которой она так боялась, где ей сообщают о погибшем*

лётчике.

— Голова Антона частично заслоняла мне пистолет, так что я не видела дула, когда он выстрелил, — всхлипнула она. — Я только увидела, как сбоку из пистолета вырвался язык пламени, а потом грохнуло… ужасно громко. И потом… — Она указала на своё лицо и верхнюю часть тела, хотя криминалисты уже удалили с неё кровь и бог знает что ещё. Они также осмотрели её руки и забрали свитер, не объяснив зачем; лишь сказали, что вернут. *Как будто она когда-нибудь снова его наденет.*

— М-м. Преступник застрелил Антона Вама, а потом сразу убежал?

— Да. Или засеменил.

— Засеменил?

— Ну… как в песенке про лису, которая бежит по льду, знаете.

— Он шёл мелкими шагами, ты это имеешь в виду? — спросила женщина.

— Да. — Теа издала слабый короткий смешок. — Там был лёд, наверное, поэтому я так сказала. Он же нёс камеру, не хотел упасть.

— М-м. Значит, перед тем как уйти, он ничего не подбирал с земли или из машины, например гильзу?

— Нет.

— И не направлял пистолет на тебя?

— Нет.

— Был ли какой-то момент, когда тебе казалось, что он хочет выстрелить и в тебя?

— Да, конечно. Антон прямо перед этим сказал что-то… что он убьёт меня.

— Он имел это в виду?

Она покачала головой.

— Не знаю. Я думала, он шутит, но он сказал, что нет.

— Ты думаешь, Вам и стрелявший договорились, что убить должны тебя?

— Нет, я… — Она закрыла лицо руками. — Я ничего не думаю, в этом же нет никакого смысла — чтобы Антон хотел моей смерти.

— Почему, как ты думаешь, убили только Вама?

— Мужчина… может быть, испугался, увидев, что сделал. Или у него было мало времени, он подумал, что кто-то услышал выстрел.

— У тебя было такое ощущение?

Теа прислушалась к себе.

— Нет, не совсем.

— М-м. — Мужчина на переднем сиденье посмотрел в блокнот. — Ты дала нам описание и

сказала, что не узнала преступника. Даже если это мог быть кто-то, кого ты видела раньше, в этом нет ничего странного: он был в маске и двигался не своей обычной походкой, а… да, семенил. Но есть ли хоть что-нибудь, самая малая деталь, которая заставила тебя подумать о ком-то? Я спрашиваю потому, что наше подсознание часто замечает то, что мы автоматически отвергаем, поскольку это не совпадает с тем, что мы считаем разумным.

Теа прислушалась к себе. Покачала головой.

— Ничего, — сказала она. — Правда ничего. Только…

— Да?

— Я забыла сказать: у него был символ внизу на капюшоне, на груди. Там был крест.

— Крест?

— Да. Крест в круге.

— Как у Ку-клукс-клана?

— Да. И нет. Он красный, разве нет? А этот был белый. Как мишень.

Харри кивнул Теа и посмотрел на полицейскую, которая положила ей руку на плечо.

— Мы отвезём тебя домой, Теа. Хорошо бы, чтобы сегодня ночью с тобой кто-нибудь побыл. Если хочешь поговорить с психологом — а я сове-

тую, — мы устроим это к завтрашнему утру.

Мужчина на переднем сиденье уже вышел из машины и встал к ним спиной, прикуривая сигарету. Когда криминалист в сплошном белом комбинезоне вошёл в свет фар и подошёл к полицейскому, у Теа возникла ассоциация с ангелом.

— Спасибо, — сказала она.

Катрине встала рядом с Харри и Эдди Юнассоном и смотрела, как полицейская машина с Теа начала спускаться по виражам к городу внизу. Она вздохнула.

— Нашли что-нибудь, Эдди?

Криминалист кивнул.

— Да. Ничего. Никаких отпечатков пальцев. Никаких следов ботинок, потому что он шёл по льду. И никакой гильзы.

— Потому что он использовал револьвер, — сказал Харри.

— Уверен?

— Она видела, как пламя вырвалось сбоку, и он не подбирал гильзу, так что да.

— Хорошо, — сказал Эдди. — Но ничего — тоже что-то. У нас снова преступник, который не оставляет следов. Кроме тех, которые сам хочет оставить, конечно.

— О'кей, значит, мы думаем, что это тот же

преступник, — сказала Катрине.

— Можно сказать, мы знаем, что это тот же человек, — сказал Харри и резко втянул дым.

— Почему? — спросила Катрине, которая была согласна, но хотела, чтобы аргументы прозвучали вслух.

— Потому что статистика практически исключает вероятность того, что три жертвы, знакомые друг с другом, были убиты независимо одна от другой в течение нескольких дней, — сказал Харри. — И потому что метод тот же.

— Двух других не застрелили, — сказала Катрине.

— Sorry, плохой выбор слова. Я имею в виду тот же контекст. Кино.

— Вот как?

Харри посмотрел на огонёк сигареты.

— «Зодиак». Снова Финчер. Фильм об охоте на реального серийного убийцу шестидесятых, которого так и не поймали. Как и наш убийца, он нападал в довольно безлюдных местах, где пары сидели в припаркованных машинах или устраивали пикник. Он использовал огнестрельное оружие. И по крайней мере во время одного из убийств на нём была маска с белым крестом в круге.

— Ладно, по крайней мере это ясно, — сказала Катрине. — Следующий вопрос — узнали ли мы о нём что-то новое.

— Ну, — сказал Харри. — Это мужчина. И, возможно, не такой уж молодой.

— Почему?

— Я могу ошибаться, но мне кажется, молодые люди уже не делают рукой вращательного движения, показывая, что хотят, чтобы опустили стекло.

— Записано, — сказала Катрине. — Интересно и то, что он не убил и, похоже, не собирался убивать второго человека в машине. Несмотря на то что она может стать опасным свидетелем.

— Да, — сказал Харри. — Жертвы тщательно выбраны, а тех, кто к ним не относится, щадят. Это должно что-то сказать нам о мотиве.

— Наказание, — сказал Эдди.

Катрине и Харри повернулись к нему.

— Простите, не слушайте меня, я всего лишь криминалист, — улыбнулся он и поднял руки.

— М-м. Но есть кое-что, что всё усложняет. По её словам, Вам сказал, что убьёт её.

— Да?

— Да.

— Хм. Можем предположить, как это связано?

— Ну. Предположим, Вам заплатил этому человеку за убийство своей любовницы и подчинённой, которая могла создать ему проблемы, если бы рассказала об их отношениях…

— У них были отношения?

— Не знаю, но если нет, они могли бы выпить кофе в городе, а не прятаться здесь в лесу.

— Понимаю. Продолжай.

— Преступнику заплатили заранее, поэтому он решает убить Вама вместо неё и заодно избавляется от единственного свидетеля, который может его выдать.

Катрине посмотрела на Харри.

— Изящно. Ты в это веришь?

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что это наш человек. Он работает один и делает это не ради денег. Он делает это ради… как ты сказал, Эдди?

— Наказания.

— Наказания? — повторила Катрине.

Эдди провёл рукой по лицу.

— Как я уже сказал, я всего лишь криминалист, но я знаю, что есть только один, кто мстительнее Бога. И это человек.

ГЛАВА 34. [broken link: #TOC]

Харри резко проснулся. Ему снилось: они с Олегом стоят друг напротив друга, Олег смотрит на него яростным, ненавидящим взглядом. Между ними лежит мёртвое тело Ракели. Харри повернулся и посмотрел на часы. Четверть шестого.

Мысли не давали ему уснуть до двух, потом их сменили сны. Он помнил видео, тела на каталках, а потом — в золотистом летнем свете, под «Into My Arms» Ника Кейва из колонок — себя на пассажирском сиденье машины, которую вела женщина в старомодных очках. Сначала он думал, *что это Хильде Витт, и, может быть, так и было,* но когда рёв мотора усилился и машина элегантно вошла в занос на повороте обледенелой лесной дороги, он увидел, что это Софи Гуллльстранд.

Он попытался снова заснуть, но сдался и встал с кровати. Принял душ, оделся. Выкурил сигарету, слушая тишину в доме. Снова посмотрел на часы, надел шерстяное пальто и вышел в темноту пустых улиц.

Холод прогрызал одежду и плоть, добирался до скелета. Когда Харри жил в Лос-Анджелесе, он радовался, что ему не приходится переживать

эти адские зимние недели, пока фьорд не схватится льдом и мороз не станет суше. Но сегодня он почему-то почти не замечал холода. Напротив, ощущал странное воодушевление. Возможно, потому что всё было как в старые времена, когда он спешил погрузиться в единственную работу, к которой когда-либо был пригоден и в которой находил смысл.

За неимением пропуска ему пришлось ждать внизу, пока не пришёл первый сотрудник отдела убийств, который смог провести его на шестой этаж. Рабочего места ему тоже ещё не выделили, поэтому он подошёл к столу Олега и сел. Его взгляд упал на блокнот, лежавший перед фотографией Хельги и детей. Страница была полна каракулей, но в середине стояла большая буква Н, которую он украсил розами, сердечками и рамочками. Первой мыслью Харри было, *что Н означает Хельга.*

Второй — *что именно это там и написано. Н. - Heroin.*

Третьей — *что ему нужно перекрыть поток мыслей, иначе он будет и дальше делать неверные выводы, если не даст мозгу немного отдохнуть.*

Он пошёл к кофемашине; та была новая и, очевидно, молола зёрна. Но вкус был тот же, что

прежде, и подтверждал клише о полицейском кофе.

Он сел в переговорной, где Катрине назначила утреннее совещание на час раньше обычного, чтобы дать им больше времени подготовиться к пресс-конференции после вчерашнего убийства. Читал новости в телефоне, пока остальные члены следственной группы появлялись один за другим, кивал знакомым и буркал приветствие. Олег сел рядом с ним и подавил зевок.

— Жизнь молодого отца?

— Сверхурочная работа, — быстро сказал Олег.

— До какого времени?

— До полуночи.

Катрине, занявшая место перед собравшимися, посмотрела на часы и попросила последнего вошедшего закрыть за собой дверь.

— Доброе утро, — начала она. — Итак, у нас новое убийство — и новый человек в команде. В особом представлении он не нуждается. Харри Холе.

Харри иронично помахал повернувшимся к нему коллегам, словно принцесса, но никто не засмеялся.

— Мой отчёт вы получили ночью, — продолжала Катрине. — Я полагаю, вы его прочитали, и

передаю слово тебе, Эдди.

Эдди Юнассон поднялся; он тоже выглядел так, будто почти не спал. Нажал на пульт, и на экране телевизора появилось фото Антона Вама, снятое со стороны водителя. Подбородок прижат к груди, входное отверстие в виске было отчётливо видно.

— Копоть указывает на то, что выстрел был произведён с близкого расстояния и под прямым углом к виску. В сочетании с более тонкими костями боковой части черепа этот угол привёл к тому, что пуля прошла через голову и вошла в дверь со стороны пассажира. Либо второму человеку в машине повезло, что он не был задет, либо это был расчёт преступника. Так или иначе, мы нашли пулю, проверили следы нарезов и определили калибр. Хорошая новость — если можно так сказать: это.38 S&W, боеприпас не то чтобы редкий, но необычный; его используют в старых револьверах. То есть это довольно резко сокращает число возможных типов оружия.

— Какие типы? — спросила Сири Хеймен.

— Эти, — сказал Эдди и нажал на пульт. На экране появились шесть чёрно-белых фотографий револьверов.

— Они же похожи на антиквариат! — крикнул

Скарре.

— В каком-то смысле так и есть, — сказал Эдди. — Но по сравнению с другими технологиями за последние сто лет в области ручного оружия изменилось меньше, чем можно подумать. Да, Харри?

Харри опустил палец, который держал поднятым.

— Мне кажется, я недавно видел револьвер внизу слева. Что это?

— «Webley Mk VI». Стандартный британский служебный револьвер времён Второй мировой войны.

— М-м. Думаешь, пилоты RAF ими пользовались?

— Нет, — сказал Эдди. — Я знаю, что пользовались. Их брали с собой на случай, если собьют за линией фронта.

— Хорошо, — сказал Харри. — Тогда у меня есть предложение насчёт того, где искать орудие убийства.

— «Тогда у меня есть предложение»! — передразнила Катрине, когда они с Харри шагали по коридору. — Когда ты стал так дипломатично выражаться?

— Ну, я подстраиваюсь под требования вре-

мени, — сказал Харри. — Главное, чтобы смысл доходил.

— То есть нам, будь любезен, начинать искать там, где ты скажешь?

— Что-то вроде того. Ты писала отчёт здесь или дома вчера вечером?

— Здесь, — сказала она. — Свекровь была у Герта, я не хотела их будить.

— Понимаю. Олег тоже был здесь?

— Нет, здесь никого не было. Почему ты спрашиваешь?

— Просто так, — сказал Харри. — Когда мы можем получить ордер на обыск «Фильмпаркен»?

— У дела полный приоритет везде, так что, думаю, в течение часа.

— О'кей. Я возьму Олега с собой и поеду посмотреть на обыск.

Катрине подняла бровь.

— Ты, конечно, имеешь в виду, что предлагаешь поехать туда с Олегом?

— Por supuesto.

Она остановилась и открыла дверь. Просунула руку внутрь и включила свет.

— Вот мы и пришли. Твой старый кабинет. Прошу.

Харри оглядел полки с папками, бумагой,

ручками и прочими канцелярскими принадлежностями, заполнявшими комнату без окон и с плохой вентиляцией. Линолеум отслоился и загнулся вверх у плинтусов, обои выцвели по-разному в зависимости от того, сколько времени на них висело то, чего теперь не было, а краска шелушилась вокруг старых отверстий от гвоздей.

— Поставим сюда письменный стол, — сказала Катрине. — Если ты всё ещё хочешь этот кабинет.

— Это, — прошептал Харри и вдохнул, — просто идеально.

Запах мокрой шерсти и пота ударил Катрине Братт в нос, когда ровно в десять она толкнула дверь нового медиазала Полицейского дома. Замелькали вспышки, и ещё до того, как она успела сесть на возвышении, за лесом микрофонов, на сетчатке заплясали звёзды. В последние годы на полицейские пресс-конференции приходило меньше людей. Насколько это было связано с сокращениями в новостных медиа, а насколько — с возможностью следить за пресс-конференциями через стриминговые сервисы, она не знала. Но сегодня были заняты все места, люди стояли вдоль стен. Руководитель пресс-службы Кедзерски, по прозвищу Дилан из-за внешности, поприветство-

вал всех. Он зачитал краткое пресс-сообщение. В нём содержались только конкретные сведения по делу об убийствах, и оно было таким холодным и лишённым поэзии, что Катрине передёрнуло. Перешли к вопросам.

Руки взлетели вверх, голоса пытались перекричать друг друга. Какие у полиции есть следы, есть ли подозреваемые, каков может быть мотив, ожидает ли полиция, что убийца нанесёт новый удар?

Катрине чередовала ответы: «без комментариев», «в интересах расследования мы не можем это сообщить» и «мы этого не знаем». После того как на самые очевидные и насущные вопросы ответили неответами, напряжение в зале немного спало. После короткой паузы подала голос Мона Даа из VG.

— Харри Холе видели в Полицейском доме. Значит ли это, что он входит в следственную группу?

— Мы не комментируем внутренние кадровые вопросы, не имеющие отношения к делу, — сказала Катрине и сразу пожалела о части фразы «не имеющие отношения к делу», когда увидела кривую улыбку Моны Даа.

— А то, привлечён к делу или нет единственный

специалист полиции по серийным убийствам, всё-таки имеет отношение к делу, не так ли?

— В любом случае у нас нет комментариев.

— Вы не хотите показывать убийце свои карты, так?

Катрине повернулась к Кедзерски, тот сразу понял намёк и наклонился к микрофону.

— На этом пресс-конференция окончена. В течение дня будет разослано приглашение на новую пресс-конференцию. И да, сейчас я говорю о приглашении, а не о самой пресс-конференции.

Послышались смешки, поскольку последняя фраза была фирменной присказкой Кедзерски.

— «Показывать убийце карты»? — раздражённо повторила Катрине, когда они с Кедзерски направились к лифту. — Разве это не странный вопрос? Будто это какая-то игра.

— Не страннее, чем то, что это всё ещё называется пресс-конференцией, хотя большинство в зале никогда не видели печатного станка.

Катрине нажала кнопку вызова.

— Ты считаешь, это не странный вопрос?

— Ты считаешь, это не игра? Убийца, который присылает нам видеозаписи секс-куклы на матрасе в лесу?

— Да, но Мона Даа и остальные там этого не

знают.

— Значит, они сами того не зная задают хорошие вопросы, и тебя раздражает именно это?

Катрине вздохнула.

— Меня раздражает, что мне пришлось соврать, отвечая на лучший вопрос из всех.

Кедзерски вопросительно посмотрел на неё, когда двери лифта разъехались и она вошла. Он последовал за ней. Она дождалась, пока двери лифта закроются перед ними.

— На вопрос, нанесёт ли убийца новый удар, я ответила: «Не знаем».

ГЛАВА 35. [broken link: #TOC]

Харри и Олег удивились, когда поняли, что съёмки на киностудии в Яре продолжаются.

— The show must go on, — вздохнул Кнут Грип, ведя их внутрь студии «А». — На самом деле это больше, чем клише. В такой день это тяжело, но в нашей отрасли в этом разница между жизнью и смертью. Простите, я сейчас имел в виду деловую сторону. Вот реквизиторский склад.

Грип толкнул дверь, за которой двое стояли, склонившись над большой прочной коробкой из жёсткого пластика.

— Привет, Кида, они из полиции, — сообщил Грип.

Один из них выпрямился, и из-за роста Харри сначала решил, *что это мужчина.* Но потом она повернулась, и он узнал рыжеволосую руководительницу съёмок.

— Быстро, — сказала она.

— Быстро? — спросил Харри.

— Да, вы же здесь из-за кражи оружия, верно?

— Откуда вы знаете? — сказал Харри, увидел срезанный висячий замок в руке Киды и сам ответил: — Вы позвонили в полицию, потому

что сюда кто-то проник и у вас пропал револьвер «Webley Mk VI».

— Десять минут назад. И нет, у нас пропало три револьвера. Они нужны нам для съёмки, начинающейся через… — Она посмотрела на часы. — Три минуты. Кьелл?

Мужчина, всё ещё сидевший на корточках, печально покачал головой.

— Sorry, Кида, сегодня не достану. Обещаю, через два дня будут новые.

— OK, придётся перекроить расписание. — Она снова повернулась к Харри. — Кстати, мы не говорили, что пропали именно револьверы «Webley Mk VI», так откуда ты знаешь?

— Чутьё. — Харри потёр шею. — Здесь вы храните оружие для фильма?

— Только настоящее.

— Боевое?

— Макеты, — сказал Кьелл, — то есть игрушечные пистолеты и винтовки, лежат в другой комнате, куда имеют доступ все, у кого есть ключ-карта. А на этой двери ещё и висячий замок.

Олег посмотрел в коробку, где лежали две винтовки, пистолет «Люгер» и две картонные коробки.

— Боеприпасы в револьверах были?

— Да. Боевые в двух, холостые в одном.

— М-м. Дверной замок выглядит неповреждённым, так что можете дать нам список всех, у кого есть ключ-карта с доступом в эту комнату?

— Как видите, это не гиперсовременное здание, — сказала Кида. — Так что здесь все ключ-карты открывают все двери. — Она подняла срезанный замок, позволила ему повиснуть на мизинце. — Поэтому вот это. Но сейчас мне надо бежать, у меня фильм, который надо режиссировать.

Они смотрели ей вслед, когда она удалялась длинными быстрыми шагами.

— Офис студии наверняка даст вам список всех, у кого есть карта, — сказал Грип. — Но на практике это все, кто работает на здешних съёмках, все, кто арендует склад или офисы, плюс штатные сотрудники.

— Понимаю, — сказал Харри. — Мы попросим вас выйти отсюда и ничего не трогать. Олег, позвонишь кримтехникам?

— Ага.

На лице Кьелла отразилось что-то похожее на изумление.

— Подождите. Это значит?.. Вы думаете, один из револьверов...?

Харри посмотрел на Олега, тот кивнул в ответ и произнёс следовательский рефрен:

— Мы ничего не исключаем.

Харри повернулся к Грипу.

— Можешь отвести меня к оператору?

— И… спасибо! — крикнула Кида в сторону мониторов.

На экране Харри увидел, как Кристиан Боэнг будто сдулся и осел за письменным столом.

— Есть! — крикнула она и сорвала наушники. — Перестановка!

Она повернулась к Харри и Олегу, стоявшим за её режиссёрским креслом.

— Мы закончили, можете войти к Клаусу Исаксену, это он в шортах. Мы зовём его Черно.

Харри и Олег направились между операторами, звукарями и осветителями, выходившими из кабинета, где накануне они разговаривали с Антоном Вамом. Бледный Кристиан Боэнг прошёл мимо, не подав признаков узнавания.

Оператор, мужчина лет сорока, действительно был в длинных шортах и сидел на низком табурете на колёсиках.

— Клаус?

Никакой реакции.

— Черно?

Из-под длинных чёрных кудрей и из-за массивных очков на них поднялась пара мягких карих глаз.

— Да?

— Мы из полиции, — сказал Харри. — Ты оператор?

— Да. — Голос был приятный, улыбка дружелюбная.

— Я хотел бы попросить тебя посмотреть вместе с нами одну видеозапись. Мне интересно услышать, что увидит оператор.

— Конечно, — сказал Черно, но, когда Харри достал телефон, чтобы показать запись, остановил его жестом. — Идёмте.

В просмотровой комнате с большим телеэкраном Харри и Олег показали Черно видео с девочкой на матрасе.

Черно поморщился.

— Это просто кукла, — сказал Харри. — Что ты видишь?

— Давайте позовём Полковника, — сказал Черно.

Полковник представился Нильсом Хальмгреном, осветителем. Он выглядел на несколько лет старше Черно и говорил короткими фразами и твёрдыми согласными. Харри предположил,

что прозвище связано именно с этим, а также с прямой осанкой, серой стрижкой ёжиком и орлиным носом. Впечатление несколько разрушал спортивный костюм Adidas в ретростиле.

— Тут выставлен свет, — сказал Нильс с твёрдыми «р» и «к». — Немного, но есть. — Он указал в стороны. — Там и там.

— Значит, выглядит профессионально? — спросил Олег.

— Он, во всяком случае, знает, что делает.

Харри посмотрел на Черно, который стоял, почёсывая подбородок, но пока ничего не сказал.

— Стиль тебе что-нибудь напоминает?

Черно будто очнулся от мыслей.

— Какой стиль? Это всего несколько секунд статичной композиции — по сути, они ни о чём не говорят.

— А камера? Можно что-нибудь сказать о марке?

— Я могу многое сказать о том, какие это не марки и типы. Если бы в кадре было больше движения камеры или панорамирования, я смог бы сказать больше. Но это может быть просто хорошая камера смартфона.

— OK, — сказал Харри. — Спасибо за помощь.

Когда они двинулись к выходу, к ним подбежал

Грип.

— Кида хочет, чтобы мы собрались в общей гримёрке. Роберт скажет несколько слов в память об Антоне.

Харри показалось, *что оператор и Полковник чуть закатили глаза.*

— Кстати, Кнут, — сказал Полковник. — Мне нужна бензопила. У тебя же есть всё на свете…

— Да, но бензопилы нет, — сказал Грип.

— Чёрт.

— Пойдём, — сказал Черно и легко взял Полковника под руку.

Эти двое зашагали прочь. Вместо того чтобы поспешить за ними, Грип пошёл рядом с Харри и Олегом. Харри вопросительно посмотрел на него. Грип откашлялся.

— Просто кое-что вспомнил из-за того, что Полковник сказал про бензопилу. Снаружи какое-то время стояла занесённая снегом машина. Она была здесь поздно вчера, когда все огни были выключены. Но утром её уже не было. Так что кто-то здесь был ночью и, может быть, что-то видел или слышал. Или…

— Или украл три револьвера? — предложил Харри.

— Машина была настолько занесена снегом,

что я не видел ни марку, ни номер.

— А при чём тут бензопила? — спросил Олег.

— А. Да, я заглянул внутрь, и там лежали нейлоновая верёвка, рулон ленты и бензопила. Мне это показалось немного… — Грип издал короткий нервный смешок, увидев выражения их лиц. — Да, знаю, но при всём безумии, которое сейчас творится, я решил просто упомянуть.

— Duct tape? — спросил Харри.

— Гафферная лента. Такую мы используем на площадке.

— М-м. Можешь показать, где стояла машина?

— Конечно.

Они увидели открытую дверь и услышали мягкий голос, льющийся наружу.

— …бессмысленно и ужасно, но посреди всего этого я знаю, что Антон хотел бы, чтобы мы завершили начатое им.

Харри заглянул внутрь, когда они проходили мимо. Сценарист стоял перед сидящей группой, сложив руки перед собой. Вместо водолазки на нём была чёрная рубашка с пасторским воротничком под отложным воротником, и у Харри снова возникло чувство, *что он уже видел его раньше.*

— Значит, этот Роберт — священник? — спро-

сил Харри.

— Он не рукоположён, если ты об этом. Но иногда надевает пасторский воротничок. Мы ему не мешаем: Библию он знает. Называем его «священником на крайний случай». Понимаешь?

Харри не понял.

— Здесь она стояла, — сказал Грип, когда они вышли на парковку.

Харри прищурился от резкого зимнего света. Рыхлый снег, вероятно счищенный с машины, лежал вокруг прямоугольника льда — свидетельства того, что автомобиль простоял здесь довольно долго, но не с тех пор, как выпал первый снег.

Харри зажал сигарету губами.

— Кто на съёмочной площадке использует гафферную ленту?

— О, очень многие, — сказал Грип. — Но, как следует из названия, прежде всего гаффер, то есть осветитель. Гафферная лента не отражает свет. Но это была не машина Полковника: у них с Черно общий фургон.

— Понимаю, — сказал Харри и оглядел низкие, похожие на ангары здания студий вокруг парковки. — И последнее. Парень с пасторским воротничком…

— Роберт Брандт?

— Как хорошо он знал Фелисию, по-твоему?

Грип пожал плечами.

— Все, кто тогда был в отрасли, знали Фелисию.

— Он был единственным на похоронах. Значит, возможно, он её не просто знал.

— Я этого не говорил.

Харри посмотрел на Грипа и стал ждать. Грип вздохнул и затушил сигарету о пепельницу на наружной стороне мусорного бака.

— Тогда всё было иначе. Другие нормы. Мы бросали окурки на землю и уходили, верно?

— Что значит?

— Одна из причин, по которым половина людей на съёмках друг другу родня, — тогда все клеили всех: и девочки, и мальчики. Но с Фелисией было иначе. Она была молодая и шла к звёздности. Поэтому мы, кто работал на площадке, держались в стороне. Она была чем-то вроде Джони Митчелл, в которую в Лорел-каньоне были влюблены все, но к которой осмеливались подкатывать только главные игроки. И даже им приходилось мириться с тем, что Джони сама выбирала мужчин, которых хотела. На одну ночь, на пять или forever, понимаешь?

— Роберт Брандт был одним из тех, кто за ней ухаживал?

— О да. Но, как я сказал, не единственным. Прошло столько времени, что можно сказать: из тех, кто работает на этих съёмках, к ней подкатывали и Роберт, и Антон, и Кристиан. — Грип улыбнулся и покачал головой, словно от горько-сладкого воспоминания.

— И? — спросил Харри.

— И, насколько я знаю, только одному из них удалось её добиться. Можешь сам угадать кто.

— М-м. Король Хокон, может быть?

— Бинго. Он своего добился, пока Антон и Роберт соперничали из-за неё.

— А Джон Дейл? — спросил Олег.

— Не знаю, но вполне могло быть.

— Почему?

Грип пожал плечами.

— Фелисия, возможно, казалась наивной и ведомой чувствами. Но вычеркни «наивной». Она знала, чего хочет и что может помочь ей в мужском мире. Я не говорю, что у неё не было чувств к мужчинам, которых она выбирала, а Дейл, насколько помню, был крепкий кусок мужика. Но он ещё и продюсер, и Фелисия умела сочетать дело с удовольствием. Go, sister, вот что я скажу.

Телефон Харри зазвонил.

— Пойду присоединюсь к пастве, — сказал Грип.

Харри поднял руку на прощание и ответил.

— Выложили новый фильм, — сказала Катрине.

ГЛАВА 36. [broken link: #TOC]

Харри, Олег и Катрине стояли в оперативной комнате сетевого патруля Восточного полицейского округа на третьем этаже Полицейского дома. Вместе с ними была Сана Тарик, худая женщина с глубоко посаженными глазами. Возможно, именно тёмные круги вокруг этих глаз заставили Харри подумать, *что она — страж, одна из тех, кто без отдыха бодрствует над городом.* За пределами полиции Сана Тарик была известна как мусульманка, ставшая причиной ожесточённой дискуссии о праве носить хиджаб вместе с формой; всё закончилось запретом, но споры не утихли. Тогда Сана ушла с патрулирования улиц Осло, сменила форму на гражданскую одежду, сохранила хиджаб и со временем стала руководителем сетевого патруля. Когда Сана поняла, что сетевой патруль для Харри — нечто новое, она объяснила: пять человек, сидевших в комнате каждый за своим компьютером, занимались отслеживанием преступной активности в сети.

— Мы присутствуем на ряде сайтов: где-то открыто, так что видно, что полиция следит, где-то

скрытно. Ищем обычные вещи. Торговлю наркотиками, детскую порнографию, организованную преступность. Но такого, как это, мы раньше не видели. То есть убийства и насилие уже выкладывали, но обычно в связи с разборками банд, когда молодые парни хотят показать себя. Не холоднокровное, поставленное убийство вроде этого.

— М-м. Можно посмотреть ещё раз?

Они снова посмотрели тридцатисекундное беззвучное видео на одном из двух больших телевизионных экранов в комнате.

Харри сглотнул. Это был уже четвёртый просмотр, но всё равно было жутко двигаться вместе с камерой, приближавшейся к машине, и знать, что сейчас случится. Лицо Антона Вама входит в кадр, поворачивается к камере, попадает в свет. Удивлённое выражение, рот складывается будто в какое-то слово. За ним — Теа Рууд, словно что-то кричит. Антон снова поворачивается вперёд, будто собираясь завести машину. Он исчезает из кадра, когда камера на мгновение скользит к пустому заднему сиденью — очевидно, в тот момент, когда убийца разбивает окно. Потом Антон снова в кадре, а у его виска — рука в перчатке, держащая револьвер. Выстрел.

Голова Антона отлетела в сторону, потом опу-

стилась вперёд, но ремень удержал туловище. Мелькнула кричащая Теа Рууд. Потом чёрный экран.

— Как вы обнаруживаете такие видео? — спросил Харри.

— По сообщениям от публики, — сказала Сана. — Мы не можем быть везде. Здесь первые сообщения пришли через полчаса после публикации.

— Как вы находите отправителя?

— Часто никак. Во всяком случае, если человек не хочет, чтобы его отследили, и обладает некоторой компетенцией. Тогда обычно используют зашифрованные коммуникационные платформы вроде Signal и Telegram. Или выкладывают в даркнете, как, похоже, сделали здесь. Там до масс не дотянешься, но пользователи могут подхватить видео и распространить через свои аккаунты в Insta или TikTok, и тогда оно может стать вирусным.

— Как здесь, — мрачно сказала Катрине.

— Но разве нельзя это закрыть? — спросил Харри.

Сана Тарик пожала костлявыми плечами.

— С большинством платформ у нас хорошее сотрудничество. Если это Facebook, удаление может

занять пять-десять минут. У соцсетей ведь есть собственные правила, и они многое ловят сами. Но есть и другие платформы, где удаление может занять несколько дней. Как здесь. Видео повсюду и, боюсь, ещё какое-то время будет.

— Но в этом только минусы? — спросил Олег. — Я понимаю: риск подражания, интересы родственников…

— …влияние на свидетелей и присяжных, уничтожение доказательств, — дополнила Сана.

— Да, но разве это не может привести и к тому, что кто-то увидит то, чего не видим мы? Кто-то, кто что-то знает и может дать нам наводку?

— Безусловно. И здесь нам это может понадобиться. Мы изучили каждый кадр и каждый пиксель и продолжим это делать, но пока извлечь почти нечего.

— Расскажи хотя бы, что у вас есть, — сказала Катрине.

Сана Тарик вздохнула.

— Поскольку камера находится на плече, мы оцениваем рост преступника примерно от метра семидесяти до метра девяноста. Это, конечно, исключает не так много, но в любом случае указывает на то, что это мужчина. На то же указывает и размер руки, которую мы едва видим.

Тип перчатки определить нельзя. Трудно понять и то, правша он или левша, потому что почти все плечевые камеры сделаны для ношения на правом плече. Рука закрывает слишком большую часть револьвера, поэтому его мы пока тоже не идентифицировали.

— Это «Webley Mk VI», — сказал Харри. — А отражения в окнах машины?

Сана покачала головой.

— Камера наклонена так, что мы не видим ни его, ни саму камеру.

— И звука нет?

— Никакого. Что с его стороны умно. Анализ окружающих звуков часто даёт нам больше, чем изображение. Если микрофон к тому же ловит дыхание снимающего, уже одно это может рассказать о поле, возрасте, весе и здоровье.

— А камера?

— Метаданных, по которым можно было бы это определить, в записи тоже нет.

— ОК, — сказал Харри и закрыл блокнот.

Катрине посмотрела на часы.

— У нас сейчас совещание следственной группы, но пока спасибо, Сана.

На выходе Харри остановился и вернулся.

— Ещё одно, — сказал он, и Сана повернулась. —

Можешь отправить запись одному человеку?

Голос Черно дрожал в телефоне.

— Нет, не случайно камеру не видно в окнах машины. Это блокинг. Но к-к-кроме того, это же больной человек. Чёрт!

Харри нашёл номер оператора и позвонил ему. Сначала предупредил его и только потом попросил открыть видео, которое прислала Сана.

— Блокинг? — спросил Харри, откинувшись в своём старом офисном кресле, которое вместе со столом чудом нашёл внизу, в Кульверте, и поднял в свой старый кабинет.

— Прости, но дай м-м-мне несколько секунд, — простонал Черно.

— Конечно, — сказал Харри и покатал между пальцами пятинкроновую монету, найденную в ящике стола. Он слышал, как Черно борется со слезами. Ждал. Прислушивался, чувствует ли сам хоть что-нибудь. *Что-то — да, но недостаточно, чтобы опровергнуть вывод Эйстейна, сделанный после восемнадцати вопросов из научно-популярного журнала, по которым якобы можно было определить, психопат ты или нет.*

Черно прочистил горло.

— Блокинг — это то, как актёры и камера движутся относительно друг друга.

— OK. А теперь стиль? Он тебе кого-то напоминает? Похоже на запись, которую я показывал вам сегодня днём?

— Стиль? Стиль? — Черно повысил голос. — Это т-т-тридцать секунд, где какой-то подонок снимает, как убивает моего режиссёра! Это хорошее ремесло, но это, чёрт возьми, не стиль, я же говорю! Антон мёртв, тебе следовало бы извиниться!

Харри балансировал монету между верхней стороной указательного пальца и нижней стороной среднего. Он знал, что ответил бы молодой Харри Холе: *что он может пожалеть о том, что вопросы приходится задавать, но не может извиняться за то, что делает свою работу.*

— Извини, — сказал Харри.

Монета со звоном упала на пол.

— Второе, о чём я хотел спросить, — тип камеры. Ты сказал, что смог бы сказать больше, если бы в кадре было движение. А здесь оно есть.

Последовала долгая пауза.

— Алло? — сказал Харри.

— Я снова смотрю запись, — сказал Черно. — Ответ — да.

— Да?

— Да, я могу сказать больше. Это почти наверняка камера «Aaton Minima».

— Насколько наверняка?

— Девяносто процентов. Minima очень узнаваема. Органичная, что ли. Минимальная тряска, движения ровные. Идеальна для одного человека, когда нужно двигаться. И ещё, конечно, у неё эта 16-миллиметровая зернистость.

— Значит, это профессиональная камера?

— Да, ещё бы. Она ведь подешевела после того, как цифровые камеры взяли верх, но теперь цена наверняка снова растёт. Думаю, придётся выложить намного больше ста тысяч — примерно столько она стоила новой.

— Почему?

— Качество. И у неё есть этот особый характер. Плюс их выпустили чертовски мало, так что это редкость.

Харри опустил ноги со стола и выпрямился в кресле.

— Насколько мало?

— Кажется, я слышал, что около пятисот.

Харри почувствовал, как учащается пульс.

— Сколько из них могло оказаться в Норвегии?

— Немного. Я могу поспрашивать, знает ли кто-нибудь кого-то, у кого она есть.

— Нет, — твёрдо сказал Харри. — Не делай этого. Пока мы сами тебя об этом не попросим, ОК?

Прошло несколько секунд, прежде чем Черно ответил:

— Понимаю. Вы не хотите будить медведя.

— Но подожди, — сказал Харри. — Если это 16-миллиметровая плёнка, её ведь нужно где-то проявлять?

— Да.

— Это может сделать любой, у кого есть тёмная комната?

— Там нужно немного больше.

— Где это делают?

— Есть частные лаборатории, которые занимаются этим там и сям, всякие киноманы. И ещё я знаю, что здесь, в Яре, где-то хранится старое проявочное оборудование. Из профессиональных коммерческих лабораторий, которые всё ещё работают с 16-миллиметровой плёнкой, в Осло осталось всего несколько, но дешевле и быстрее отправить её в Восточную Европу. Там традиционно были сильны в 16 миллиметрах.

— Почему?

— Длинная история, но, если коротко, они подхватили рынок 16-миллиметрового порно, когда США в семидесятых перешли на 35 миллиметров. Жуткая история. В коммунистических странах это продавали как «сексуальное просвещение».

— ОК. Есть лаборатории, которые популярнее других?

— Сомневаюсь, — сказал Черно. — 16 миллиметров, как я уже сказал, не популярны.

Они повесили трубку, и Харри остался сидеть, глядя на полки с канцелярскими принадлежностями. И думал. *У психопатов, кажется, пульс редко заметно учащается, так что, возможно, он ещё не пропал окончательно.*

ГЛАВА 37. [broken link: #TOC]

— Добрый вечер, — сказал Малик Хан, когда они с Сири Хеймен проходили мимо рабочего места Олега по пути к выходу.

— Добрый вечер, — ответил Олег и посмотрел на часы.

Все дела — Хение, Дейл и Вам — теперь формально объединили в одно расследование, руководителем которого стала Катрине. Для Олега это означало не меньше работы — просто задачи стали мельче. Как сегодня: искать владельцев камер «Aaton Minima» 16 мм. Единственные владельцы, которых ему удалось найти через дилеров, находились в Швеции и Дании, и он использовал контакты в Стокгольме и Копенгагене, чтобы исключить эти камеры из расследования. В архивах сайтов по продаже подержанных камер он тоже не нашёл «Aaton Minima». То есть объявления от желающих купить такую камеру были, но никто из них не находился в Норвегии.

Когда он рассказал об этом Харри в реквизиторской, тот предложил поискать в полицейской базе, не поступало ли заявлений о краже камеры такого типа. Харри полагал, *что преступник,*

столь тщательно скрывавший все остальные следы, мог подумать и о том, что камеру можно отследить. Но и там ничего не нашлось. Однако сейчас Олега больше всего беспокоило не это. *Ему придётся сказать Хельге, что он больше не руководитель расследования, и при этом объяснить, что это вовсе не обязательно означает меньше сверхурочной работы. Он скажет что-нибудь вроде того, что между такими крупными делами в отделе убийств могут пройти годы и что такое расследование требует полной отдачи от всех.* Но тревожило его не содержание лжи, а то, как он её преподнесёт. За всё время их отношений он мог вспомнить лишь один случай, когда солгал ей. Какая-то мелочь; он уже не помнил, о чём именно, помнил только, что она тут же его раскусила, потому что он, по её словам, выглядел глуповато и виновато.

Олег заёрзал на стуле. *Он будет ждать, пока все уйдут и уже никто не сможет поколебать его алиби — будто он весь вечер был на работе. Рано или поздно кто-нибудь начнёт задавать вопросы.*

Сиденье стула впивалось в копчик. В теле будто были муравьи. *Нет, на теле; невероятно, что никто, похоже, этого не замечал. Даже Хельга.*

Наверное, потому, что она была так сосредоточена на детях. При мысли о ней с детьми к горлу подступил комок. *Но не такой, чтобы его остановить; иначе он уже остановился бы.* Он был в свободном падении, но, пока мог внушать себе, что за спиной у него парашют и в любой момент можно дёрнуть кольцо, мог наслаждаться падением ещё немного. Или удариться о землю, так и не увидев её приближения.

Только теперь он видел, как она приближается, а парашюта не было. Он увидел, как Скарре встал со своего места и ушёл, не удостоив его взглядом. Он не знал, сидит ли Катрине всё ещё в кабинете. Или Харри. Но ждать больше не мог. Он набрал в телефоне: «Сегодня опять буду поздно», отправил сообщение Хельге, сорвал куртку и шарф со спинки стула и быстро пошёл к лифту.

— Это Харри Холе, извини, что звоню в нерабочее время.

— Харри, — ответила Софи Гулльстранд. Она звучала удивлённой. И радостной. — Ничего страшного. Как дела?

— Хорошо. Я звоню попросить о помощи в деле об убийстве.

Она на мгновение замолчала.

— Тройное убийство?

— Ты о нём знаешь?

— Да господи, об этом же по всем каналам. Я видела, что VG написал: полиция привлекла тебя к расследованию.

— Да. Для ясности: я не знал этого, когда увольнялся.

— Я и не думала.

— Спасибо. Я ведь не успел стать страховым экспертом, но, кажется, есть общий реестр страховых случаев для всех страховых компаний?

— Да, FOSS. Его используют, например, чтобы проверить, не заявляет ли кто-то об одном и том же ущербе в нескольких компаниях.

— Я хотел узнать, можешь ли ты проверить, не заявляли ли о краже одной редкой и дорогой камеры.

— Конечно, но мы всегда требуем, чтобы о кражах заявляли в полицию, так что у вас это тоже должно быть зарегистрировано.

— У нас нет, так что это лишь маловероятная зацепка. Я могу отправить тебе SMS с названием камеры.

— OK, я проверю завтра утром.

Харри не ответил.

— Что? — спросила она.

— Ты, наверное, читала детективы, где следо-

ватель всегда говорит, как важны первые сорок восемь часов.

— Понимаю. Проверю сегодня вечером.

— Спасибо.

— Кстати, Ксавье звонил какой-то человек, сказал, что работает над документальным фильмом и хочет получить сведения. О тебе.

— Да?

— Ксавье сказал, что мы не выдаём информацию ни о сотрудниках, ни о бывших сотрудниках. Но мужчина сказал, что речь не об этом, а о полицейской машине, в которой много лет назад ты и другой полицейский попали в аварию. Полиция тогда страховала свои машины у нас, поэтому он хотел посмотреть наш отчёт об ущербе.

У Харри пересохло в горле.

— И?

— Я сказала Ксавье, чтобы этот человек обратился в полицию и попросил копию там.

— ОК. Спасибо.

Харри повесил трубку и уставился на телефон.

Авария. Она сидела в нём, как инкапсулированная пуля: большую часть времени он её не чувствовал. А когда всё же просыпался ночью именно от того кошмара, то даже испытывал какое-то облегчение оттого, что ещё способен

чувствовать. *Пусть даже только вину. Если уж ничего другого, это должно было означать, что в нём всё ещё осталось что-то человеческое.* Но он не боялся, что правда выйдет наружу; *чёрт побери, не он хотел скрывать её — ни тогда, ни сейчас.*

Сломанный стул коротко вскрикнул, когда Харри поднялся. Он попытался размять спину по дороге в коридор к кофемашине. Впереди, у дверей лифта, он увидел спину Олега и уже собирался его окликнуть. Но что-то заставило его сдержаться. *Может, осанка — нетерпеливая и напряжённая, как у человека, которого тянет к чему-то, чего он не может дождаться.* Харри вдохнул. *Олег сказал, что вчера вечером сидел на работе до полуночи, но Катрине его не видела. Конечно, он мог быть в туалете или ненадолго выйти как раз тогда, когда она проходила через общий рабочий зал. Но было и другое. Сам факт, что Харри вообще спросил об этом Катрине, чтобы проверить слова Олега.* Харри стоял неподвижно и просто смотрел на человека у дверей лифта. Потому что в нём было что-то странно знакомое. Что-то в том, как он нетерпеливо переносил вес с ноги на ногу, словно рвался к чему-то, чего не мог дождаться. Харри понял, откуда это

знает.

Из зеркала.

Холодные порывы, гнавшие по Грёнланнслейрет, остужали горящие щёки Олега, пока он шёл широким шагом. Мимо станции метро. К реке.

— Да?

— Да, — ответил он.

Прошла секунда, потом зажужжал замок. Он натянул шарф на лицо и быстро поднялся по потрёпанной лестнице. Он всегда приходил после рабочего времени и никогда никого здесь не встречал, но *Осло — маленький город, всегда рискуешь попасться на глаза знакомому.* В здании была только одна квартира, на верхнем этаже, и теперь он услышал, как там наверху открылась дверь. Почувствовал, как тело автоматически реагирует, готовясь к знакомому приливу возбуждения. Она стояла в дверях и ждала его. На ней было только неглиже.

— Привет, — сказал он; голос был таким же хриплым, как в первый раз.

— Тише, — сказала она и притянула его к себе.

Он видел, как приближается земля, и закрыл глаза. Почувствовал тепло её кожи. Прилив, который испытывал каждый раз на протяжении шести месяцев. Отчаяние. Плач. И жадный голод,

который могло утолить только её тело.

Харри пришлось прибавить шаг, чтобы не потерять Олега из виду на Грёнланнслейрет, но вокруг было достаточно людей, и шанс, что Олег заметит его, даже если обернётся, был невелик.

Когда Олег свернул в Олафиаганген, Харри остановился на углу и смотрел ему вслед. Увидел, что тот направляется к двум наркоторговцам. Потом Олег скрылся из виду, и у Харри ухнуло сердце.

Но вместо того чтобы подойти к ним, Олег позвонил в дверь и исчез внутри. Харри свернул на улицу и шагнул в темноту.

— Что нужно, мужик? — крикнул один из мужчин на ломаном норвежском.

Харри покачал головой и подошёл к двери. Начал читать имена на домофоне, но уже на первом, верхнем, остановился и замер.

Зазвонил телефон. Он посмотрел на экран и ответил.

— Заявление о краже такой камеры поступило четыре месяца назад, — сказала Софи Гулльстранд. — Не у нас, но указано, что заявление должно быть подано и в полицию. Страхователь — Трюм Хауген, я могу прислать тебе контактные данные из системы.

— Спасибо, — сказал Харри.

— Кстати, управляющий спрашивал о твоей машине, которая стоит на парковке компании.

— Да, она не завелась. Я её заберу.

Возникла пауза.

— Удачи с расследованием, — сказала она.

— Спасибо.

Они повесили трубку. Харри снова посмотрел на имя на домофоне.

Хильде Витт.

ГЛАВА 38. [broken link: #TOC]

— В массовой культуре так много историй о серийных убийцах, что именно о них мы часто думаем в первую очередь, когда читаем о нескольких жертвах и одном преступнике, — сказала Хильде Витт. Её вызвали на утреннее совещание, и она стояла перед новой следственной группой, расширенной до семнадцати человек и занявшей большую переговорную, превратив её в КП — командный пункт.

— Особенно когда убийства имитируют фильмы, посвящённые именно серийным убийцам. Но единственное, что роднит эти убийства с серийными, — тематический слой. Я не стала бы называть это ритуалом, поскольку сходство здесь скорее в контексте, чем в отдельных деталях. — Витт отошла в сторону, чтобы остальные увидели на экране фотографии трёх мест преступления.

— Для классического серийного убийцы убийство, само действие, важнее личности жертвы. Тот факт, что в нашем случае между жертвами есть связь, заставляет думать, что преступник как-то связан и с ними. Либо лично с каждой из них, либо с жертвами как с группой. Это дела-

ет менее вероятным, что речь идёт об убийце, который наслаждается убийствами независимо от того, кто становится жертвой. Мы также не видим классического признака серийных убийств — периодов охлаждения между убийствами, прежде чем потребность снова нарастёт. Здесь всё больше похоже на тщательно спланированную череду актов возмездия за короткий промежуток времени. То есть массовое убийство, а не серийное. Поэтому я осторожно предположу, что перед нами человек с тем, что очень неточно называют синдромом школьного стрелка. Это не один диагноз, но есть общие черты. Я не буду перечислять их все, а назову несколько конкретных признаков, которые можно использовать в расследовании. Ищите людей с психическими проблемами и депрессией в прошлом, увлечением оружием и случаями жестокости к животным. ОК?

С заднего ряда Харри видел, как сидевшие перед ним коллеги склоняли головы, делая записи.

— Но самая важная и отчётливая общая черта людей, становящихся массовыми убийцами в школе, на рабочем месте или в семье, — та, которую труднее всего заметить. Отвержение. Это может быть травля; их может бросить девушка,

от них может уйти супруг, их могут уволить. Но главное — отвержение.

Витт посмотрела на них, словно хотела вбить это слово им в память. Потом развела руками.

— Проблема в том, что начинать поиски с этого безнадёжно. Всех нас отвергали, и это не сделало нас убийцами. Потому что решает не то, чему мы подверглись, а то, как мы это восприняли. Так что я бы сказала: сначала используйте простые общие признаки. А когда у вас появится подозреваемый и вы захотите найти мотив, думайте об отвержении.

Витт хлопнула в ладоши и пошла к своему месту.

— Спасибо, Хильде, — сказала Катрине. — Харри?

Пока Харри шёл вперёд, Хильде Витт кивнула ему и села. *Разумеется, на стул на приличном расстоянии от Олега.* Харри прокрутил в голове события предыдущего вечера: *как смотрел на имя Хильде Витт на домофоне, пока фрагменты складывались на место, а потом позвонил в оперативный центр и попросил прислать патрульную машину, чтобы забрать его с Грёнланнслейрет.*

Полицейская машина отвезла его по указанному адресу, к таунхаусу на Рёдтвет, где он и один из

полицейских позвонили в дверь под табличкой с именем Трюм Хауген. Дверь открыл мужчина с взъерошенными волосами, седой щетиной и животом, из-за которого футболка торчала, как балетная пачка. Он подозрительно смотрел на них из-за приоткрытой на цепочку двери, пока Харри объяснял цель визита. Потом стёр хлебную крошку с нижней губы и открыл.

— Трюм Хауген, — сказал Харри. Он указал на теперь уже чёрный экран телевизора и нажал кнопку на пульте. Ничего не произошло. Он тихо застонал. Олег бросился вперёд, взял пульт, и фотография Хаугена сразу появилась.

— Спасибо, — сказал Харри, глядя на кривые улыбки перед собой. — Хауген утверждает, что у него украли профессиональную кинокамеру редкого типа, которая, как мы полагаем, использовалась для съёмки убийства Вама.

Харри нажал кнопку на пульте — снова ничего. Он пробормотал «чёрт», и Олег уже поднялся со стула, когда Харри нажал ещё раз и на экране появилось изображение кинокамеры среднего размера. Послышался разрозненный смех.

— OK, — сказал Харри. — Эта камера, насколько нам известно, единственная в Норвегии. О краже заявили в полицию, но название камеры написа-

ли неправильно — Aaron вместо Aaton, поэтому мы нашли заявление только сегодня утром. Хауген говорит, что был зол, потому что страховая хотела возместить только первоначальную стоимость комплекта — около ста тысяч крон, тогда как сегодня такой комплект на вторичном рынке стоит более двухсот тысяч. Он впустил нас, и вот место, где, по его словам, хранилась камера.

На экране появилась фотография гостиной, фактически служившей рабочим кабинетом. Письменный стол с большим экраном Mac, различные инструменты и принтер со стопкой листов. Книжная полка за столом была набита перевязанными пачками сценариев, названия которых были написаны маркером на корешках.

— Что-нибудь ещё пропало? — спросила Сири Хеймен.

— Нет.

— Взлом, и украдена только камера?

— Да, но это было единственное действительно ценное, что я там увидел.

— Что мы знаем о парне? — спросил Малик Хан.

— Судимостей нет, — сказал Харри. — Он говорит, что всю жизнь занимался кино. Довольно рано ушёл из производства — на жизнь этим было

не заработать. Стал консультантом государственных кинофондов, то есть тех, кто распределяет поддержку.

— Типичный бюрократ?

— Ну, впечатление он производил скорее эксцентричного художника.

— Его… отвергали? — крикнул Скарре, рассмеялся и огляделся, но не смог добиться от остальных никакой реакции.

— Если он был тем, кто решал, кто получит киноподдержку, то скорее это он отвергал, — сказала Сири.

— Что ты хочешь делать с ним дальше? — спросила Катрине.

— Ну, — сказал Харри. — Если кража ненастоящая, то она хорошо замаскирована. Если бы я был Хаугеном и собирался убивать людей, я бы не использовал камеру, которую легко опознать и по которой можно выйти на меня, хотя заранее поданное заявление о краже, конечно, помогло бы.

— Значит, ты не считаешь, что нам надо наблюдать за Хаугеном?

Харри пожал плечами.

— Даже не факт, что использована его камера; это может быть камера, купленная за границей. Мы проверим его телефон. Почту. Если не по-

явится ничего подозрительного, думаю, ресурсы лучше использовать в других местах. Я попросил Хаугена составить список всех, кто знал, что у него есть такая камера. Он сказал, что попробует, но это большинство людей, с которыми он имел дело в киносреде, плюс куча других.

— ОК, спасибо, — сказала Катрине. — Что с 16-миллиметровым следом, Малик?

— Кинолаборатории в Осло говорят, что им уже несколько недель ничего не приносили на проявку. Мы сотрудничаем с Европолом, который проверяет лаборатории в Праге, Будапеште, Риге, Таллине и других городах, где работают с 16-миллиметровой плёнкой и куда её могли успеть отправить самолётом из Осло, чтобы сканированную копию вернули по сети в течение суток. То есть до того момента, когда цифровое видео появилось в сети. Но пока ничего. Мы сообщаем лабораториям, какой материал ищем, но они, по их словам, не смотрят то, что проявляют для клиентов. Вообще, работа с 16-миллиметровой плёнкой, похоже, довольно подпольная сфера, так что до многих мы не достучались, а некоторые просто не хотят говорить нам, кто их клиенты. Но мы не сдаёмся.

— ОК, — сказала Катрине. — Переходим к следу-

ющему пункту. Сообщения от населения. Вульф?

Вульф поднялся неохотно, под аккомпанемент глубокого вздоха.

— В целом? Чертовски много, но и новый мировой рекорд по количеству чепухи. Вот те, что надо отработать…

Полчаса спустя, выходя с утреннего совещания, Харри подошёл к Хильде Витт.

— Понимаю, ты продолжишь с нами работать, — сказал он.

— Да. Мне даже где-то выделили стол.

— М-м. Тогда, может, съездишь со мной на место убийства Вама?

— Потому что тебе нужен психолог или водитель?

Харри криво улыбнулся.

— Возможно, и то и другое.

За покрытыми инеем окнами машины казалось, будто Бог выдохнул на город морозным паром и заставил его застыть, чтобы всё двигалось чуть медленнее: люди на тротуарах, машины, трамваи — даже светофоры будто переключались медленнее.

Витт и Харри проехали мимо наркомана, который выглядел так, словно окончательно примёрз к месту: согнувшись вперёд, вытянув подбородок,

он застыл в позе, технически невозможной с точки зрения равновесия.

— Наш отвергнутый школьный стрелок, — сказал Харри, пока они ехали под мостом Ватерланнс-бру, где голуби сидели, тесно прижавшись друг к другу. — Какой у него мотив?

— А ты как думаешь?

— Месть и известность? Но не обязательно в таком порядке?

— Видео указывают на желание известности, да. Но большинством массовых стрелков прежде всего движет общая ярость, так что я поставила бы месть на первое место.

— Они обычно заранее выкладывают предупреждения. Разве это не крик о помощи?

Витт покачала головой.

— Я знаю, что многие исследователи так утверждают, и согласна, что ими движут ненависть к себе и отчаяние. Но я думаю, они уже отказались от всякой надежды на помощь; это не то, чего они ищут. Насилие — форма самоповреждения, наслаждение от того, что видишь, как страдает и разрушается то, что ты ненавидишь, включая самого себя.

— М-м. — Харри посмотрел в зеркало, на город, опускавшийся всё ниже позади них.

— Разве ты сам иногда этого не чувствуешь? — спросила она и притормозила на красный.

— Ненависть к себе? — Он криво улыбнулся. — Не только иногда.

— Ого. Тебе надо записаться ко мне на сеанс. Но я больше имела в виду наслаждение разрушением. То чувство освобождения, которое оно может дать. Как когда швыряешь тарелки в стену. Особенно чужие тарелки.

— Звучит так, будто ты в этом разбираешься.

Она быстро посмотрела на Харри.

— В швырянии чужих тарелок, — добавил он.

— В каком-то смысле. Докторскую я писала о людях, которые бьют тарелки.

— Да?

— О гистрионном расстройстве личности. HPD. Часто встречается вместе с нарциссизмом. Люди с HPD манипулятивны, ищут внимания и одобрения и легко оказываются в неподходящих отношениях, которые… — Она повернулась к нему и улыбнулась. — …сексуально заряжены.

— Тебя это привлекает?

— Тебя тоже, разве нет?

Улыбка стала шире. Харри не ответил.

— Диссертация по сути была о моей матери. Она была классическим типом HPD. Очень ум-

ная и красивая художница, настоящая королева драмы, которая одевалась в цветастые вызывающие балахоны и спала со всеми, кто оказывал ей хоть какое-то сопротивление и связь с кем могла вызвать скандал. Господи, как мой отец, должно быть, страдал, пока длился этот брак. — Она повернулась к нему. — Или как думаешь?

— М-м. Не то чтобы я замечал, когда мы с ним работали.

— Нет, вы с ним, наверное, во многом похожи. Всё держите внутри. Он терпел ради меня и моей младшей сестры, как потом рассказывал.

— Потом?

— Когда мама его встретила, ей казалось захватывающим, что он следователь по убийствам, но по мере того как её круг общения всё больше ограничивался художественной средой, ей стало неловко, что он полицейский. Ей казалось безнадёжно буржуазным не только то, что он полицейский, но и то, что он так и оставался на зарплате рядового сотрудника. Она дорого обходилась, а на своём искусстве зарабатывала немного. Во всяком случае, недостаточно, чтобы оплачивать своё пристрастие к выпивке. Она пропила наш дом. В конце концов отец ушёл — опять же ради меня и сестры. Мы выросли у

него. С мамой виделись только изредка, в периоды, когда она более-менее контролировала свою жизнь. Потом она то попадала в психиатрические учреждения, то выходила из них. Думаю, её сломало то, что отец нашёл новую жену. Мама умерла четыре года назад, и знаешь что? Я до сих пор этого не пережила.

— Нет?

— Наверное, звучит безумно, но, когда я росла, я восхищалась ею больше всего на свете. Она ругала меня и сестру за то, что мы ей всё испортили, стояли на пути её художественной карьеры и помешали ей уехать с каким-нибудь фантастически богатым или гениальным мужчиной. Когда она заболела, она использовала нашу жалость как могла. Мы это знали — и всё равно любили её. Папу я тоже любила, но была готова на всё ради нескольких одобрительных слов от мамы. Разве не безумно, как мы устроены?

— Да. У тебя зелёный.

— Спасибо, приятно знать.

Она посмотрела Харри в глаза, прежде чем снова перевести взгляд вперёд и дать газу.

Харри откашлялся.

— Значит, твоя мать довольно часто переходила от одних неподходящих отношений к другим?

— Она давила до тех пор, пока мужчина не капитулировал и, образно говоря, не отдавал ей ключи от своего дома. После этого человек с HPD обычно теряет интерес и идёт охотиться за новым.

— Оставляя предыдущий дом максимально неповреждённым, надеюсь?

— Некоторые так делают.

— Но?

— Но не моя мать. Перед уходом она поджигала дом. Она была пироманкой. Наслаждение, понимаешь.

Она снова рассмеялась, и Харри напряжённо улыбнулся. *Если у него и был план этого разговора, то он давно съехал в канаву.*

— Я читал в отчёте, что ты присутствовала на допросе Теа Рууд, — сказал он. — Какие-нибудь следы этих HPD-штук там были?

— Потому что она спала с двумя женатыми мужчинами? По моему впечатлению, Теа Рууд — женщина, которая строит карьеру и любит секс. Такое описание подошло бы примерно девяти из десяти мужчин, разве нет?

Харри кивнул.

— Верно.

— Отношения Теи классические, — сказала она

и спокойно вывела машину из заноса на крутом повороте. — Если в отношениях один из партнёров состоит в браке, статистически чаще в браке состоит мужчина. Тогда женщину называют разлучницей. Но кто здесь разлучник, если не тот, кто женат? Или нет? — Она повысила голос. — Ты знал, что с тех пор, как такие вопросы начали задавать в шестидесятые, опросы дают логически невозможный результат: у женщин меньше сексуальных партнёров противоположного пола, чем у мужчин? Короче, мужчины завышают число, а женщины занижают. Разве не удручает, что мы всё ещё застряли в культуре двойных стандартов, где промискуитет осуждают только у одного пола? Да и вообще осуждают? Мы должны…

— Здесь, — сказал Харри и указал.

Витт свернула на короткую подъездную дорогу и остановилась за припаркованной чёрной «Тойотой». У края склона, снаружи полицейской ленты, стоял худой мужчина в чёрном. Когда он повернулся к ним, Харри сразу узнал тёмные очки Оззи.

— Знаменитый Харри Холе, — сказал он и пошёл им навстречу. — Я Роберт Брандт.

Мужчина остановился перед Харри, стянул перчатку с правой руки и протянул её. Харри пожал.

Витт он руки не подал, ограничившись кивком.

— Сценарист, — сказал Харри. — И священник, как я понял?

— Проповедник. Так может называть себя любой, кто чувствует призвание. То же самое касается сценариста. И следователя, полагаю. Я читал, что ты вернулся в отдел убийств, Холе. Чему мы все, конечно, рады.

— Мы? — спросил Харри.

— Во всяком случае, все, кто хочет, чтобы убийц ловили, — сказал Роберт Брандт и снял тёмные очки. Его широко раскрытые голубые глаза напомнили Харри глаза куклы-чревовещателя.

— Могу спросить, что ты здесь делаешь, Брандт?

Брандт опустил руку, которую явно собирался положить Харри на плечо, тяжело вздохнул и вместо этого указал ею на полицейскую ленту.

— Мы с Антоном были близки.

— Насколько близки?

— Мы знакомы с тех пор, как были подростками и оба собирались стать лучшими режиссёрами мира. Поэтому, думаю, меня и вызвали сегодня на допрос.

— Где ты был, когда услышал об убийстве?

Одна бровь Брандта подпрыгнула, и он удивлён-

но посмотрел на Харри. Потом устало улыбнулся и перевёл взгляд на Хильде Витт.

— Вот поэтому он такой хороший, верно? Никогда не отдыхает. — Взгляд вернулся к Харри. — Я был в кино. «Вега». Dark Water Хидэо Накаты, если знаете.

— Любишь J-horror? — сказал Харри, разглядывая Брандта. До него начало доходить, где он видел его раньше.

— Следователь, который что-то знает о кино, — сказал Брандт и одобрительно кивнул. — И да, ещё как. Шедевр Накаты, конечно, Ringu, но я считаю, что больше всего учусь на не самых удачных фильмах лучших режиссёров. Обычно именно там ремесло видно лучше всего. Видишь, чего они пытаются добиться, и тебя не отвлекает магия удачного результата. Понимаете?

— В новогоднюю ночь около полуночи где ты был?

— Тоже в кино. «Синематекет» каждый год показывает New Year's Evil. Полный зал: смесь тусовщиков и одиноких бедолаг.

— И ты был...?

— Одинокой бедолагой. И нет, я не встретил никого из знакомых, кто мог бы это подтвердить. Ни там, ни в «Веге».

— М-м. Можешь подробнее рассказать о своих отношениях с Вамом?

— Разве о таких вещах обычно не рассказывают в тёплой комнате для допросов, за хорошей чашкой кофе, двум милым полицейским, которые делают записи?

— Думаю, такая возможность у тебя тоже будет.

Брандт снова посмотрел на Витт.

— Мне нравится этот парень. Он заставляет меня верить, что убийцу поймают.

— Его поймают, — сказала Витт.

— Спасибо, приятно слышать. Антон этого заслуживает. Мы с Антоном не во всём соглашались, и бог знает, как мы ссорились. Но из этих ссор почти всегда рождался кусок хорошего кино. Или по крайней мере кино лучше, чем получилось бы без них. Хорошее кино встречается гораздо реже, чем большинство людей думает: девяносто процентов того, что снимается, — мусор. В том числе то, под чем мне самому приходилось ставить своё имя в качестве так называемого сценариста.

— Так называемого?

— Больно отдавать нечто прекрасное и знать, что это обезобразят, искалечат и неправильно

поймут идиоты, а потом в титрах заявят, что эта дрянь — то, что ты написал.

— Значит, Антон Вам портил твою работу?

Брандт устало растянул губы.

— Не только он. Все, с кем я работал, портили мою работу.

— Тогда почему не режиссировать самому? — спросила Витт.

— Потому что те, кто финансирует фильмы и распределяет государственную поддержку, никогда не осмелятся сделать ставку на настоящего художника, если он уже не доказал, что у него есть публика. А публику он, разумеется, должен получить, сняв фильм, чтобы доказать, что она у него есть, — и на этом всё стопорится. Вместо этого они дают деньги людям, готовым раздвинуть ягодицы и снимать либо фильмы, рассчитанные на самый непритязательный вкус, либо политкорректные фильмы, либо коммерческую дрянь, массирующую наше национальное эго: герои-полярники, герои войны или королевская семья.

— Когда ты последний раз видел Фелисию Хение?

Харри отметил: *Внезапный вопрос, похоже, не напряг Брандта.*

— Пару лет назад, — сказал тот. — Она торгова-

ла собой на улице в Квадратурене и сделала вид, что не узнаёт меня. Я был достаточно тактичен, чтобы тоже сделать вид, будто её не узнал. Да я и так едва её узнал. Было печально видеть, что с ней сделала жизнь.

— Ты знал Джона Дейла?

— Я его не знал. Но он был одним из идиотов, которые считали, что могут заработать деньги, скармливая людям дрянь. И заодно переспать с какими-нибудь юными кинозвёздами.

— Получилось? — спросила Витт.

— И то и другое оказалось для него немного труднее, чем он думал. Он сбежал, поджав хвост. Буквально, если угодно.

Брандт потопал ногами по льду и потёр руки.

— Последний вопрос, — сказал Харри. — Ты знал всех трёх жертв. Можешь представить кого-нибудь, у кого был мотив их убить?

— Нет, — без колебания ответил Брандт.

— Ты смотрел видео с Вамом? — спросила Витт.

— Вы имеете в виду убийство. Да, к сожалению.

— Тогда ты знаешь, что оно снято профессионально или полупрофессионально, — сказал Харри. — Есть идеи, кто мог быть за камерой?

— Да, — сказал Брандт.

Во время последовавшей театральной паузы — Харри не сомневался: *она была именно такой, нарочитой* — Брандт смотрел на них как человек, наслаждающийся вниманием своей публики.

— Любой, кто когда-либо работал на съёмочной площадке. От гримёров и работников кейтеринга до продюсеров. Потому что все они убеждены, что умеют снимать кино, и только ждут дня, когда кто-нибудь даст им камеру и кресло с надписью «режиссёр».

— Кстати, я соврал, — сказал Харри. — Это был не последний вопрос. Вот он. Прямо перед тем, как Вама убили, он якобы сказал Теа Рууд, что собирается её убить. Что ты об этом думаешь?

Брандт снова посмотрел на Харри этими голубыми немигающими глазами.

— Я думаю, именно это он и хотел сделать. С моей помощью.

— Тею Рууд должны были убить?

— Не Тею Рууд, а фрейлину, которая была любовницей короля. То есть мы собирались переписать сценарий так, чтобы она погибла в Лондоне от немецких бомб до того, как они успеют стать любовниками.

— Почему?

— Потому что Антон хотел дать королю вместо неё любовника-мужчину.

Брандт надел очки, и на краткое мгновение Харри увидел своё отражение в тёмных стёклах.

— Давай я провожу тебя до машины, — сказал Харри.

— С удовольствием.

Харри подождал, пока они отойдут достаточно далеко, чтобы Витт их не слышала.

— Я видел тебя раньше.

— Такое вполне может быть. Осло — маленький город.

— Но ты слишком часто попадался мне на глаза, Брандт. Кажется, помню бар отеля. Лифт. Возле больницы. Всё за последний год. А теперь слышу, что ты звонил в страховую компанию и просил сведения обо мне?

Брандт кивнул.

— Я всегда провожу как можно больше подготовительной работы, когда собираюсь делать фильм о чём-то. Я немного следил за тобой издалека. Можно сказать, ты проходил у меня прослушивание, сам того не зная.

— Прослушивание?

— Недостаточно просто быть известным Харри Холе и иметь отличную, напряжённую жевательь-

ную мускулатуру. Мне нужно было проверить, есть ли у тебя сценическое присутствие. То излучение, которое нужно, чтобы пробиться через экран или кинополотно. Так что да, немного слежки.

— Ты говоришь, что собираешься снимать фильм обо мне?

— Точнее, документальный фильм об одном убийстве, в расследовании которого ты сыграл одну из главных ролей.

Они подошли к машине.

— Значит, тебя интересуют дела об убийствах? — спросил Харри.

Брандт направил ключ на машину, и та послушно пикнула.

— Мой лучший друг когда-то работал в полиции. Можно сказать, он пробудил мой интерес.

У Харри снова пересохло во рту.

— Как его зовут и о каком убийстве идёт речь?

— Больше сказать не могу, — сказал Брандт и сел в машину. — Ты услышишь от меня, если я пойму, что проект можно реализовать. Даже из серьёзных кинопроектов только один из двадцати в итоге попадает на экран. Хорошего дня!

Дверь захлопнулась, но Харри остался стоять и смотреть в машину, пока Брандт заводил мотор. С

зеркала свисала модель самолёта — *«Спитфайр», если он не ошибался.* Задние сиденья были сложены, чтобы освободить место чему-то, накрытому брезентом.

Через несколько секунд он смотрел, как «Тойота» осторожно катится вниз по заснеженному склону к первому повороту.

Витт подошла к Харри.

— Что он сказал?

— Что у меня отличная напряжённая жевательная мускулатура. Что думаешь о парне?

— Обычно я мыслю диагнозами.

— У этого парня есть такие, как по-твоему?

— Не один.

— Вот как? Говоришь, он совсем безумен?

— Нет-нет. Или… я не знаю. Я просто смотрю на людей через призму диагнозов, так же как криминалист анализирует материал в лаборатории. Мы всегда находим что-то, что само по себе опасно. Но во всех веществах и в любой психике есть яд.

— Доза делает яд.

— Смотри-ка, ты и Парацельса знаешь. У тебя, у меня и у Роберта Брандта в мозге точно те же химические вещества, что у психопата, просто соотношение немного другое. Если у тебя вообще нет психопатических черт, ты не нормален.

— Ты не представляешь, какое облегчение мне это слышать, — сказал Харри.

Витт рассмеялась. Харри увидел, как веселье пляшет у неё в глазах, и понял: *смех вызвала не только его реплика.*

— Так что за соотношение у Брандта, как думаешь?

— Во всяком случае, там есть доза церебрального нарциссизма. Ты заметил, что он поправил меня, когда я сказала «преднамеренное убийство»?

— М-м. У него был лучший друг в полиции, так что он, наверное, знает: с юридической точки зрения здесь корректнее говорить просто «убийство».

— В то же время поправлять других, чтобы демонстрировать превосходство, — типичный признак нарциссизма. Но, конечно, маленькая доза такого нарциссизма совершенно безвредна. Вопрос в том, нет ли за ней злокачественного нарциссизма. Тогда он может быть склонен к насилию. Особенно опасно это потому, что он, очевидно, достаточно умён и наблюдателен, чтобы читать своих противников.

— С чего ты так решила? — спросил Харри. Он встряхнул зажигалку и попробовал снова, но она

только плюнула искрами.

— Например, из-за того, что он сказал о твоей жевательной мускулатуре, — сказала Витт и забрала у него зажигалку. — Он связал это с тем, что ты интроверт. Ты стискиваешь зубы так, что мышцы видны. Это классический признак того, что ты всё держишь внутри, боишься, что окружающие увидят твои чувства.

— Разве?

— Харри, я правда думаю, тебе стоит записаться ко мне. Попробовать немного соматической терапии, посмотреть, что почувствуешь. В тебе накопилось многое, что не мешало бы выпустить наружу. Вот…

Она поднесла к его сигарете белую зажигалку с ровным пламенем. Он поднял бровь, будто говоря «надо же», и втянул пламя в табак. Выдохнул. С удивлением наблюдал, как дым не поднимается, а опускается к земле, хотя, по логике, должен быть теплее окружающего воздуха.

— Зачем Брандт приехал сюда? — спросил он.

— Ты думаешь об убийце, который возвращается на место преступления? Это миф, ты же знаешь.

— Обычный убийца — да. Но не серийный. Он хочет снова увидеть место. Часто — поговорить

с теми, кто расследует дело, услышать, как им тяжело. Даже дать им наводки. Он вырезает газетные статьи о деле, хранит их. Наслаждается победой и тем, что провёл всех.

— Но он выкладывает видео?

— Это может быть его ритуалом.

— Нет, это послание массового стрелка. А видео с куклой на матрасе — предупреждение массового стрелка. Серийные убийцы так не делают.

— А что, если это новая смесь двух химических веществ? И оба в ядовитых дозах.

— Ну, — сказала она. — У некоторых массовых стрелков есть то, что мы называем вторичной психопатией. Ярость школьного стрелка и отсутствие эмпатии у психопата.

— Теа Рууд говорит, что они часто приезжали сюда. Убийца мог следить за ними или ждать их. Теа не видела припаркованных машин, когда они приехали, но я думаю, убийца в любом случае знал их привычки и понимал, что всё должно случиться здесь.

— Почему?

— Это слишком идеально, чтобы быть случайностью. Место расположено так, что их никто не видел, и достаточно далеко от людей, чтобы никто не услышал выстрел. Машин здесь мало,

но всё же достаточно, чтобы никто не обратил внимания на отдельный автомобиль, который приехал и уехал. И следов шин достаточно, чтобы одна машина не выделялась среди остальных.

Они стояли молча, глядя на место, где стояла машина.

— Это кровь Вама? — спросила Витт и указала на тёмное пятно во льду.

— Нет, — сказал Харри. — Вся кровь осталась в машине.

Он спокойно курил дальше.

— Вот как, — сказала Витт и вздрогнула. — Ты привёз меня сюда, чтобы посмотреть на это?

Харри помедлил. Уже собирался заговорить, но остановился. Сделал ещё одну затяжку. Он знал, *что крышку можно отвинтить только один раз, и трудно заранее понять, что может натворить рой пчёл, жужжащий внутри, когда его выпустят.*

— Мне нравится быть на месте преступления, — сказал он. — Смотреть, слушать, нюхать. Иногда это помогает мне залезть в голову преступника. А иногда и жертвы.

— Ясно. Сейчас помогает?

Харри посмотрел на неё. *Ему нетрудно было понять, почему Олег сорвался. У неё была красота,*

которая не бросалась в глаза сразу: её нужно было чем-то зажечь. Пламенем зажигалки у сигареты. Двумя химическими веществами, вступающими в реакцию. Улыбкой, когда кто-то из вас сказал то, чего другие не поняли. Но, чёрт побери, она была врагом. А с врагом надо было столкнуться лицом к лицу.

Харри откашлялся.

— Нет, здесь я не вижу ничего полезного. А ты?

Она медленно покачала головой, не отрывая от него задумчивого взгляда.

— Поедем обратно? У меня приём пациента.

В машине Харри включил радио; в новостях говорили об убийстве, но ничего нового не было. Они молчали, пока Витт не остановилась, чтобы высадить его у Полицейского дома.

— Я рассказала тебе своё впечатление о Брандте, — сказала Витт. — А твоё?

— Что он ростом от ста семидесяти до ста девяноста сантиметров и у него коричневые перчатки.

— Перчатка на видео чёрная.

— Да. У него на зеркале висела модель самолёта. Такая же, как у Вама.

— Supermarine Spitfire, — сказала Витт. — Это самолёт, на котором летала 331-я эскадрилья.

Харри посмотрел на неё, подняв бровь.

Она пожала плечами.

— Раз уж стало довольно вероятно, что это кинопроизводство имеет отношение к делу, я зашла на сайт фильма. Эти модели самолётов — всего лишь сувенирная продукция. Стоят 299 крон. 399, если хочешь с полосой норвежского флага на хвосте. Ещё что-то заметил?

— У Брандта в машине было что-то под брезентом.

— Что?

— Не знаю.

— Мозг рационален. Мы замечаем вещи не просто так.

— Ага.

— Если ты это знаешь, почему не спросил, что там?

Харри выждал мгновение, прежде чем открыть дверцу и впустить холод.

— Потому что иногда кажется, что сейчас неподходящий момент, чтобы задавать человеку прямой вопрос о том, что заметил. Спасибо, что подвезла.

— Не забудь записаться! — крикнула она ему вслед.

ГЛАВА 39. [broken link: #TOC]

За окнами отдела убийств стемнело. В недавно созданной комнате КП Катрине разбирала последние допросы, которые они провели за день. В центре внимания были люди из киносреды, знавшие как минимум двух погибших. Некоторые из них участвовали в съёмках военного фильма в Яре.

— Трюм Хауген тоже говорит, что был дома один, когда Вама застрелили. На время убийств Хение и Дейла у него только частичное алиби. Вообще, похоже, работа в кино и семейная жизнь плохо сочетаются. Да и социальная жизнь вообще. Большинство говорят, что в нужные моменты сидели дома одни.

— Неудивительно в такой холод, — сказала Сири.

— Люди устали от общения после Рождества, — поддержал Малик.

— Похоже, — сказал Олег. — В любом случае минимум один из них врёт.

— Если у них нет других причин врать, — сказал Харри, но не увидел у Олега никакой реакции.

— Окей, следующее совещание завтра утром, —

сказала Катрине. — Но телефоны у всех должны быть включены.

Шумно заскребли ножки стульев.

Харри подошёл к Олегу.

— Поговорим?

— Конечно. — Олег посмотрел на часы. — За ужином? Я обещал заехать домой до того, как дети лягут.

В машине Олег включил Ramones на полную громкость. Отбивал по рулю ритм «I Wanna Be Sedated», фальшиво подпевал припеву. Казался радостным. Да, возбуждённым.

— Когда ты впервые поставил мне это, — крикнул он сквозь музыку, — ты хотел, чтобы я полюбил панк? Или чтобы полюбил тебя?

Харри улыбнулся.

— Не помню. Наверное, и то и другое. Думал, что если мне придётся делить с тобой твою мать, надо найти что-то ещё, что мы с тобой сможем делить. Хотя, конечно, не каждый мальчишка так сразу проникся бы Ramones.

— Ты сел рядом с мальчишкой, которого не знал, и поставил ему свои любимые песни, — крикнул он. — Ты, должно быть, был влюблён по уши.

— Был, — крикнул Харри в ответ.

Я и сейчас влюблён, — подумал он.

Он убавил громкость.

— А ты?

— Что?

— Влюблён.

— Ого. Ну. Влюблённость ведь проходит, теперь это скорее… любовь. Не все могут быть как ты с мамой, знаешь.

— Я имел в виду не Хельгу. Я имел в виду Хильде Витт.

Харри посмотрел на Олега. Лицо его застыло в гримасе. Он быстро заморгал и, казалось, сосредоточился на дороге. Харри вдруг понял, что они едут по тем же улицам, по которым он с Витт проезжал несколько часов назад, только в обратную сторону.

— Как?.. — начал Олег.

— Это неважно.

Олег кивнул. Сглотнул.

— Ладно. Да, мы влюблены. Очень.

— Мы? Значит, по-твоему, она тоже?

— Нет. — Голос слегка дрожал. — Я не думаю, я знаю.

— Окей. И к чему, по-твоему, это приведёт?

— Разве не очевидно?

— Ты уйдёшь от Хельги?

Олег затормозил на красный.

— Я же должен.

— Должен?

— Если бы ты был с другой, когда встретил маму, тебе пришлось бы уйти. Или нет?

Харри не ответил.

— Да, — продолжил Олег. — Потому что такое случается только раз в жизни. Хотя нет, с большинством такого вообще никогда не происходит, я в этом уверен. Когда встречаешь того, кто значит всё, кто значит больше, чем ты сам. Ты это пережил, и теперь я тоже. Мы просто двое счастливчиков.

— Олег…

— Нет, так и есть! — простонал он и хрипло задышал носом. — Просто мне ещё и не повезло. Ты собираешься напомнить мне, что у меня дети, но ты ведь понимаешь, что не нужно. Я не спал неделями, и не из-за Хильде. И даже не из-за Хельги, хотя я знаю, что ей будет больно. Если бы у тебя были дети, ты бы понял. Когда ты готов позволить, чтобы это сказалось на них, потому что должен быть с кем-то, значит, ты вынужден. Это как…

Он отчаянно махнул рукой, и Харри почувствовал, что они оба думают о слове на «г».

— …да, как сила природы, — сказал Олег. — Или физический закон. От этого никуда не деться, правда? Так было и у тебя с мамой.

— Ты сказал, что влюблённость проходит…

— Да, но есть исключения. Как у тебя с мамой. И это.

— Ты уверен?

— А ты уверен, что должен сидеть здесь и отговаривать меня от того, что сам бы сделал? Слушай, я знаю, что ты хочешь мне добра. И добра Хельге, и нашим детям, которые зовут тебя дедушкой. Но поверь, лучшее, что ты можешь сделать здесь, — держаться в стороне. Я должен сделать это так, как сам считаю лучше для всех. Понял?

Харри смотрел в окно.

— Понял? — повторил Олег.

— Понял, — тихо сказал Харри.

Олег дал газу. Уставился в ветровое стекло. Снова прибавил громкость. Ramones, «Sheena Is a Punk Rocker».

— Халли!

Герт соскользнул со стула за обеденным столом, подбежал и бросился ему в объятия.

— Ты здесь? — рассмеялся Харри, чувствуя, как тёплая маленькая голова уткнулась ему в ямку у шеи.

— Да!

— Привет, Харри, — пропела Хельга на финнмаркском диалекте спокойным, ровным голосом. Она стояла у плиты и смотрела на него и Герта.

— Очень мило с твоей стороны присмотреть за мальчиком Братт, — сказал он.

— Мило? — Она улыбнулась. — Я просто подлизываюсь к начальнице Олега.

— Халли! Мы пойдём на коньки и какао? Да! Да!

— Дедушка! Я тоже хочу!

Олав, старший сын Хельги и Олега, стоял за Гертом и выглядел огорчённым, протягивая к Харри пухлые детские ручки. Харри освободился от рук Герта и поднял Олава, тот радостно взвизгнул.

— Вот у кого подход к детям, — улыбнулся Олег, поднимаясь по лестнице. Он поцеловал дочь, которая сидела в детском стульчике и бросалась кашей, подошёл к Хельге и обнял её.

Харри заметил, что Хельга смотрит на него и Герта, а не на Олега. Изучающий взгляд. Знающий взгляд. *Он снова испускал этот запах? Она поняла, что у Олега любовница, и могла учуять, что именно об этом они с Харри говорили по дороге сюда? Невозможно.* Он отбросил эту мысль.

За ужином разговор шёл как обычно, разве что

чуть медленнее. Темами были детский сад, дни рождения и предстоящие детские занятия. Существовало негласное правило, что Олег и Харри не говорят о полицейской работе в присутствии семьи. После ужина Олег спустился укладывать детей и читать им книжку. Герт пошёл с ним, так что Хельга и Харри снова остались одни.

— Ты не очень умеешь хранить секреты, — сказала Хельга, наливая Харри кофе.

— О чём? — спросил он и внутренне приготовился.

— Об измене.

— Об измене? — Харри поднёс чашку ко рту, чтобы выиграть время.

— Да, — сказала она.

Невозможно. И всё же.

Харри откашлялся.

— О какой измене, Хельга?

— Он ведь твой.

— Кто мой?

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Герт.

Ошеломлённый, Харри сделал глоток кофе и снова поставил чашку.

— Ты признаёшь? — спросила она.

— Имеет значение, признаю я или нет?

— В общем-то нет. — Она тихо рассмеялась. — Значит… Олег знает?

— Нет.

— Ты предпочитаешь, чтобы так и осталось, я полагаю? Раз уж ты изменил его матери.

Харри медленно кивнул.

— Ладно, — сказала Хельга. — Тогда я ничего не скажу, пока ты сам, возможно, не решишь сказать.

— М-м. Спасибо. Полагаю, ты считаешь, что мне стоит рассказать.

Она пожала плечами.

— Клише «чего не знаешь, от того не страдаешь».

— Да?

— На мой взгляд, у него незаслуженно плохая репутация.

Харри улыбнулся.

— Окей. Так как ты поняла? По запаху?

— По запаху? Господи, достаточно просто посмотреть на тебя и Герта. У меня уже какое-то время было подозрение, но когда я увидела вас вместе сейчас… Когда он обнял тебя, у тебя на лице не было никакого poker face. Такое блаженство. И ещё эти коньки и какао, да.

Она рассмеялась. Харри потёр шею.

— Ну и, конечно, этот жест, — сказала она и продолжила смеяться. — Ты знаешь, что Герт тоже кладёт руку на затылок, когда думает, нервничает или смущается?

— М-м. Нет. И ты считаешь, это генетическое?

— Да. Есть исследования на близнецах, посвящённые наследуемости жестов и тиков. В любом случае я просто хотела спросить, можем ли мы с Олегом говорить об этом или нет, — сказала она. — Он… да, я размышляла, не мучает ли его что-то, о чём он не хочет рассказывать.

Она остановилась и посмотрела на него, и Харри понял: за этим стоял вопрос.

— Ну, — сказал Харри. — Когда начинаешь в отделе убийств, там много стресса и сильных впечатлений. Некоторым нужно говорить об этом. Другим нужно не говорить. Я, например, принадлежал ко второй категории.

— Да, и мы знаем, чем это закончилось.

Харри чуть улыбнулся.

— Я, наверное, был алкоголиком ещё до Полицейской академии, Хельга.

— Я думала, что действую на опережение, и заставила его ходить к этому психологу, к которому вы обращаетесь. Но через какое-то время он сказал, что с этим покончено. Может, это было

правильно, потому что он стал только беспокойнее и вспыльчивее.

— Наладится, — сказал Харри и почувствовал, как ложь обожгла горло желчью.

Они услышали шаги Олега на лестнице и сосредоточились каждый на своей чашке кофе. Олег был так бледен, что Харри на мгновение решил: он, должно быть, подслушал их разговор.

— Это из КП, — сказал Олег, поднимая телефон. — Он выложил ещё одно видео. Я только что его посмотрел. Оно…

— Хуже? — спросил Харри, когда продолжения не последовало.

Олег молча кивнул.

ГЛАВА 40. [broken link: #TOC]

Съёмка на две камеры.

Первый кадр — общий план рабочей бытовки, где Фелисия Хение сидит привязанная к стулу посреди комнаты. На ней фехтовальная маска. Склейка: экстремально крупный план её лица. Камера, должно быть, закреплена внутри фехтовальной маски и снабжена широкоугольным объективом. Её дыхание тяжёлое, широко раскрытые глаза направлены на что-то, чего сначала не видно. Потом это входит в кадр. Она выкрикивает слова, которые заглушает высокочастотный визг сверла:

— Почему? Почему ты это делаешь?

Склейка: Фелисия сидит на стуле и отчаянно извивается, пытаясь освободиться. Снова клаустрофобный крупный план изнутри. Кажется, будто двигается стена на заднем плане, но это она мотает головой, а закреплённая камера следует за движением. Крик переходит в сплошной бессловесный вопль. Она закрывает рот, сжимает губы, когда сверло добирается до неё и начинает входить в рот. Вибрации сверла, вгрызающегося в зубы, расходятся по лицу, по щекам текут слёзы.

Лицо перестаёт трястись, проходит пара секунд — и оно застывает. Взгляд покрывается плёнкой, нижняя челюсть опускается, из уголков рта вытекает немного крови. Картинка уходит в чёрный.

— Чёрт, — громко сказал Скарре.

— Да, — сказала Катрине, остановила запись и посмотрела на бледные, потрясённые лица всей следственной группы, собравшейся на утреннее совещание. — Чёрт. Видео было в сети полчаса, прежде чем вчера вечером сетевой патруль получил первые сообщения. Сана?

Сана Тарик заправила прядь волос под хиджаб и заговорила, не вставая.

— Его удалили из соцсетей и с крупных платформ, но на то, чтобы сдержать распространение, потребуется время.

— Сдержать? — спросил Малик. — Не уничтожить?

— Когда говорят, что что-то распространяется вирусно, то есть как вирус в организме, это одновременно точное и довольно неточное сравнение. Точное хотя бы потому, что организм может изолировать и подавить вирус, но некоторые его типы всегда остаются в организме в латентной форме. Так что те, кто действительно хочет увидеть видео и обладает нужными навы-

ками, смогут это сделать.

— И начать распространять его снова?

— Да.

— Есть хорошие новости? — спросила Катрине.

— Да. — Телефон Саны, лежавший перед ней на столе, загорелся. — Нам удалось найти IP-адрес, с которого было отправлено видео, и прямо перед этим совещанием мы получили разрешение суда установить, из какой сети оно было отправлено. Я передала данные своим людям, и, если не ошибаюсь, то… — Она посмотрела на телефон. — …теперь у нас есть адрес.

В комнате стало тихо.

— В Беруме, — прочитала она. — Ведель-Ярлсбергс-вей, 36.

— Чёрт возьми, он у нас! — крикнул Скарре. — Вызывайте «Дельту».

— Сомневаюсь, что в этом есть смысл, — сказал Харри. — У них не хватит людей на дежурстве.

Скарре фыркнул.

— Не думаю, что здесь хоть кого-то интересуют твои сомнения, Холе. У «Дельты» сейчас как минимум дюжина человек на круглосуточном дежурстве.

— Харри имеет в виду, — сказал Олег, — что Ведель-Ярлсбергс-вей, 36 — это «Фильмпаркен» в

Яре. Там дюжина зданий и… сколько людей было на работе в прошлый раз, Харри?

— Во всяком случае, больше пятидесяти. Большинство со своими компьютерами, и у всех смартфоны.

— Понимаю, — сказала Сана. — Но если мы получим доступ ко всем устройствам, то сможем точно установить, с какого из них было отправлено видео.

Катрине подняла руки.

— Я сейчас же получу ордер на обыск. Вульф, собери патрульные машины, которые нам нужны. Людей должно хватить, чтобы перекрыть парк и не дать никому уйти после того, как мы войдём.

Скарре стиснул зубы, и желваки заходили у него на скулах. Затем он снова заговорил.

— Даже если патрульным недавно разрешили носить оружие, это не значит, что они достаточно хорошо обучены им пользоваться. Звони в «Дельту».

Катрине посмотрела на него. Помедлила. Кивнула.

— Окей. Совещание окончено, новое — после обеда.

Все поднялись, и Скарре, проходя мимо Олега и Харри, победно ухмыльнулся.

— Разум побеждает.

«Полиция штурмовала крепость на рассвете».

Я смотрю на предложение, которое только что написал. В принципе, оно правдиво: солнце собиралось встать, но все ведь уже давно встали и были на работе. В любом случае это был сюрприз, должен признать. Видеть, как две чёрные коробки-машины останавливаются перед воротами и из них выпрыгивают двое одетых в чёрное солдат в полной выкладке. Остальные въехали на территорию нашего кинопарка и разошлись по зданиям парами. Они держали винтовки так, будто это электрогитары, а они сами — рок-звёзды. *Наверное, они так себя и чувствуют*, — думаю я.

Сразу за ними пришли полицейские машины, целых шесть.

Высокий светловолосый полицейский вышел из той, что остановилась перед студией «А», где Грип, добродушный болван, устроил один из своих вечных перекуров, и встретил блондина так, будто тот был… *как лучше сказать?* Вокалистом прибывшей группы. Я, конечно, знаю, что они здесь из-за видео с Фелисией, которое только что убрали из сети. Как они установили, что оно имеет отношение к «Фильмпаркен», я не знаю. Но я знаю, что больше пяти миллионов просмотров

менее чем за сутки — это безумно много. Это говорит мне, что где-то там есть аудитория, готовая к чему-то новому. К чему-то радикальному. К моей истории.

— Отправлено с этого, — сказала Сана Тарик, указала на компьютер и встала.

Олег и Харри посмотрели на стационарный Мас, стоявший на одном из столов в большом производственном офисе. С момента их прибытия прошло сорок минут, и в комнате на первом этаже Малик Хан и двое сотрудников сетевого патруля проверяли собранные телефоны и компьютеры. Кида Ширер, прежняя руководительница съёмок, а теперь режиссёр, бушевала из-за того, что им пришлось прервать съёмку. Объяснила, что уход Вама настолько задержал съёмки, что сегодня им обязательно надо отснять три сцены с исполнителем главной роли, лётчика-аса Мариуса Эриксена; на следующей неделе он уезжает в Ригу на другую постановку.

— Значит, это твой компьютер, — спросил Харри Полковника, сидевшего на стуле у стены и затылком опиравшегося на киноплакат.

— Верно.

Осветитель снял куртку от спортивного костюма Adidas, и по бицепсам скрещённых рук

и грудным мышцам под плотно сидящей футболкой Харри мог заключить, что тот немало тренируется с весами.

— М-м. Кто пользуется компьютером?

— В основном я.

— В основном? Кто ещё?

Полковник Нильс пожал плечами.

— Там у нас световая карта в Vectorworks, так что им пользуются старший помощник осветителя и двое ассистентов. Трое.

Звуки «к» в его речи отстукивали сухую барабанную дробь.

— Значит, только у тебя и этих троих есть пароль к компьютеру?

Нильс покачал головой.

— Только к Vectorworks. У компьютера пароля нет.

— Ты говоришь, что кто-то ещё на площадке мог отправить видео с этого компьютера?

— Нет, — сказал Нильс, и Харри показалось, что он заметил намёк на улыбку. — Я говорю, что это мог сделать кто угодно. Производственный офис открыт круглосуточно, так что отправить его мог не только кто угодно на этой площадке, но, теоретически, любой человек с ключ-картой «Фильмпаркен».

Сана посмотрела на телефон.

— Согласно логу, видео было отправлено с этого компьютера вчера в 19:17.

— Невозможно. Я тогда был здесь, — категорически сказал Нильс и не изменил расслабленной позы.

— Значит, либо это был ты, — сказала Сана, — либо кто-то заранее загрузил видео и поставил его на отложенную отправку. Тогда ты не обязательно должен был что-то заметить.

Нильс нахмурился.

— Вы хотите сказать, что видео с убийством Фелисии находилось на моём компьютере без моего ведома?

— Ну, — сказал Харри, — на это можешь ответить только ты сам. То есть знал ли ты о нём. Сейчас тебя отвезут на допрос, так что на твоём месте я бы позвонил и предупредил, что к ужину не вернёшься. Если понимаешь, о чём я.

Впервые осветитель выглядел обеспокоенным.

— Вы не можете. У нас три сцены, которые…

— Решите как-нибудь, — сказал Харри. — Нужно ведь просто включить несколько ламп, правда?

Харри вышел из офиса и подошёл к грязно-серому окну. Посмотрел вниз на парковку, пока

Олег инструктировал полицейского в форме отвезти Нильса и сообщить в отдел убийств, что они выехали.

— Что думаешь? — спросил Олег, когда они спускались по лестнице.

— Я ведь стараюсь ничего не думать, — сказал Харри. — Но наш человек редко ошибается, а это был бы огромный промах. Так что нет, я не думаю, что это немец.

— Немец?

— Adidas, пулемётные согласные и солдатская стрижка?

— Окей, а если он сделал это именно так, чтобы мы подумали то, что думаем сейчас, и вычеркнули его из списка подозреваемых?

— Это предполагало бы, что он считает нас умными, разве нет?

— Верно, — вздохнул Олег.

Телефон Харри зазвонил. Это был Эйстейн. Голос звучал устало.

— Окей, я посмотрел видео, которое ты прислал, и да, у меня есть пара идей. И время на пиво в «Шрёдере». Платишь ты.

— М-м. «Шрёдер» ещё не открылся.

— Открывается через восемь минут. Я уже стою снаружи и жду.

— Иисус, Эйстейн.

— Это ты мне говоришь.

— Окей, еду.

У машины их ждали двое мужчин. Грип, одетый в парку, стоял и переминался с ноги на ногу.

— Я сказал, что ему надо поговорить с вами, — сказал Грип и кивнул на второго.

Это был Черно, оператор, в шортах и тонкой куртке.

— Я видел видео, — сказал Черно. — Или первые десять секунд, потом пришлось выключить. Не знаю, какая камера закреплена внутри маски, может, просто мобильный. Но вторая камера, на которую переключается изображение, — я почти уверен — та же самая. То есть «Aaton Minima».

— Спасибо, — сказал Харри и с интересом посмотрел на оператора, стоявшего совершенно расслабленно и, казалось, не замечавшего холода. — Это всё?

— Нет, — сказал Черно. — Монтаж. Смонтировано чертовски музыкально.

— Вот как. И ты понял это за… десять секунд?

— Это видно по одной-единственной склейке. В одной секунде фильма двадцать четыре кадра, и хорошего монтажёра от менее хорошего отличает не секунда, на которой сделана склейка, а

конкретный кадр.

— То есть ты говоришь, что перед нами профессионал?

Черно пожал плечами.

— Или просто природный талант.

— Окей. Спасибо. Всё пригодится.

Олег открыл машину, но Харри остался стоять.

— Скажи, ты не мёрзнешь?

Черно криво улыбнулся, словно к этому вопросу привык, и встряхнул кудрями.

— Гипертиреоз.

— Прости?

— Сверхактивная щитовидная железа. Мы как атомные реакторы с отказавшей системой охлаждения.

— М-м. Значит, Черно...?

Он улыбнулся.

— Да, сокращение от Чернобыль и прозвище.

В машине по пути в «Шрёдер» позвонила ещё и Хильде Витт. Её голос звучал серьёзно и возбуждённо одновременно:

— У меня есть мысли о видео с убийством Фелисии Хение. Можем встретиться как можно скорее?

ГЛАВА 41. [broken link: #TOC]

Харри стоял у короткого писсуара-желоба в ресторане «Шрёдер». Места там хватало максимум на двоих, да и то лишь при условии, что они хорошо знакомы.

— Харри Холе?

Харри едва повернул голову. Он не знал человека, который встал рядом, широко расставив ноги и развернувшись к нему, но узнал татуировки над воротом и эмблему байкерской банды «Корпус» на кожаной куртке. Харри наконец удалось наладить более-менее ровную струю, и прерывать её, чтобы защищаться от преступников, считавших, что у них с ним остались незаконченные дела, ему не хотелось.

— Я писаю, — сказал Харри. — С трудом.

— Извини. Я только хотел сказать, что обязан тебе. Ты взял того типа, который изнасиловал мою сестру. Если тебе что-нибудь понадобится, что угодно…

Он поднял бумажку с номером.

— Как я уже сказал, я…

— Вот, — сказал парень.

Харри почувствовал на ягодице большую

крепкую ладонь, но, прежде чем успел воспротивиться, парень убрал руку, и дверь в ресторан качнулась за его спиной. Харри нащупал в заднем кармане бумажку и тихо пробормотал:

— Господи.

— Пожалуйста, сладкие мои, — сказала Нина.

Официантка поставила полулитровый стакан на дырявую скатерть перед Эйстейном, а чашки с кофе — перед Харри и Олегом.

В этот час в «Шрёдере», как обычно, было немноголюдно: только завсегдатаи, сосредоточенные на своих стаканах.

Харри дождался, пока Эйстейн сделает долгий глоток.

— Что у тебя?

Эйстейн провёл рукой по длинным редким волосам.

— Есть из чего выбирать: кое-что массовое, кое-что поэкзотичнее. Вся суть, похоже, в этой маске.

— Возможно.

— Ладно. Поскольку у нашего убийцы, судя по всему, утончённый вкус в кино, первым мне приходит в голову *Les Yeux sans visage* — «Глаза без лица».

— М-м.

— Что? — спросил Олег.

— Французская классика 1960 года, — сказал Эйстейн. — Предтеча всех этих фильмов про убийц в забавных масках. А название потом стащил английский софт-панкер.

— Билли Айдол, — сказал Харри. — *Eyes Without a Face*.

— Второй фильм, о котором я подумал, классикой не назовёшь, — продолжил Эйстейн. — «Восемь миллиметров» с Николасом Кейджем. Про садиста в маске, который снимает свои убийства и выкладывает их как снафф-видео, верно? И ещё название: восемь миллиметров. Там речь о формате плёнки, но, если учесть, как убивают женщину на этом видео…

— Сверло, — сказал Олег.

Эйстейн кивнул. Над входной дверью звякнул колокольчик.

— Сверло? — Харри посмотрел на одного, потом на другого.

— Харри не мастер на все руки, — сказал Олег. — Восемь миллиметров — очень распространённый диаметр сверла.

Харри почувствовал на затылке тёплую ладонь и поднял глаза. Хильде Витт.

— Так вот где сидят мальчики и ботанствуют?

Свободную руку она протянула Эйстейну.

— Эйстейн Эйкеланн. *Enchanté.*

Он пожал ей руку и бросил на Харри одобрительный взгляд, когда Витт повернулась и, указав на чашку Харри, подала знак Нине.

— Ладно, — сказал Харри. — Но в тех фильмах маска на убийце, а не на жертве.

— Ну ты и обломщик, — сказал Эйстейн и снова основательно приложился к стакану. — У тебя есть вариант получше?

— Допустим, фон Триер. «Дом, который построил Джек».

— Почему?

— Потому что там серийный убийца надевает маски на жертв. Потому что считает убийства личными произведениями искусства. И потому что общается с полицией и играет с ней.

Эйстейн причмокнул.

— Ладно. Неплохо.

— Но недостаточно хорошо, — сказала Хильде Витт и с улыбкой кивнула Нине, поставившей перед ней чашку. — Вы сосредоточились на физической стороне убийства и забыли о психологической. А она, конечно, гораздо важнее. Бр-р, ну и холод сегодня.

Она подняла чашку и подула на дымящийся кофе, пока остальные трое ждали. Отпила. Дважды.

Поставила чашку.

— Фехтовальная маска — всего лишь удобное приспособление для крепления камеры. Суть в том, чтобы жертва видела собственный ужас и чтобы этот ужас был снят. Запечатлеть подлинный страх. Поймать тот миг в человеческом сознании, когда человек понимает, что сейчас умрёт страшной смертью. Фрейд называл это *Schaulust*. Это желание наблюдать. И быть объектом наблюдения. Сегодня мы называем это вуайеризмом и скопофилией — сексуальным наслаждением от наблюдения за другими, когда тебя самого не видят.

Она снова подняла чашку и сделала вид, будто лишь теперь заметила выжидающие лица собеседников.

— Ах да, ботаники хотят знать, что за фильм. — Она улыбнулась. — Мне следовало догадаться раньше: я приводила его в пример в магистерской работе о вуайеризме. Фильм называется «Подглядывающий».

— Ага! — воскликнул Эйстейн. — Жемчужина. Майкл Пауэлл. Так, посмотрим… 1960-й?

— Ты говоришь как человек, который прав, но меня, пожалуй, больше интересует содержание, чем даты, Эйстейн.

Харри невольно криво улыбнулся, увидев, как её ослепительная улыбка поставила приятеля на место.

— Убийство Фелисии почти буквально повторяет сцену убийства в «Подглядывающем», — сказала она. — В начале фильма проститутку приводят в комнату, где её лицо снимают крупным планом, а к горлу приближается острый нож. Прямо над объективом закреплено зеркало, поэтому она видит не только нож, но и собственное лицо. Я ещё раз посмотрела видео с Фелисией. Она глядит не на сверло, а на что-то прямо над ним.

— Черно, оператор, считает, что камерой внутри маски мог служить мобильный телефон, — сказал Харри. — Возможно, в режиме селфи, чтобы она видела себя.

— Браво! — сказала Хильде без тени иронии и сжала под столом колено Харри. — Фелисию убили первой, и я думаю, что выбор именно начальной сцены из «Подглядывающего» может рассказать нам об убийце больше, чем два других убийства.

— Например?

— Не знаю, но уверена: это что-то личное, сознаёт он это или нет. Наш выбор часто определяется тем, что скрыто в психике или личной истории

и чего мы сами не замечаем, однако именно поэтому он особенно красноречив. Но одна деталь кажется мне важнее всего.

Она грела руки о чашку.

— В конце фильма убийца лишает себя жизни так же, как убивал жертв. И снимает это.

— М-м. Думаешь, здесь будет то же самое?

— Разумеется, это всего лишь предположение, но я бы не стала исключать такую возможность.

— По крайней мере, есть на что надеяться, — сказал Олег. — Что он сам закончит дело, я имею в виду.

— Ну-у, — протянул Эйстейн, взглянув на часы. — Если фрёкен Витт права и он следует сценарию «Подглядывающего», то продолжит убивать и покончит с собой лишь после того, как полиция его разоблачит. Будем здоровы.

Он допил пиво и встал.

— Рад знакомству, фрёкен Витт, но меня ждёт такси.

— Правда? Я могу тебя подвезти, если недалеко.

— Спасибо, но за рулём такси буду я, — сказал Эйстейн и галантно поклонился.

— Разве ты как полицейский не обязан остановить пьяного водителя? — недоверчиво спросила

Витт, когда Эйстейн уже вышел, а Олег направлялся в туалет.

— Несомненно, — ответил Харри. — Хотя именно Эйстейн, по-моему, безопаснее водит после полулитра пива.

— Правила тебя не слишком заботят, верно?

Харри посмотрел на неё, ничего не ответив.

— Ничего страшного, меня тоже, — сказала она. — В сущности, мы с тобой довольно похожи. Может, поэтому так хорошо работаем вместе.

— Правда?

— Не нужно притворяться, будто ты этого не заметил. — Она улыбнулась. — Жду не дождусь нашего терапевтического сеанса, Харри.

Он лишь кивнул и подал Нине знак принести счёт.

— О чём вы говорили? — спросил Олег в машине.

— О «Подглядывающем», — сказал Харри и подумал, почему он лжёт.

Нет, неправда.

Он знал почему.

ГЛАВА 42. [broken link: #TOC]

В кабинете Катрине Братт уже пахло мужским потом. Она скрестила руки и посмотрела на крупного мужчину в кресле перед столом, стараясь во время разговора дышать ртом.

— Значит, вам нужна полицейская охрана, потому что вы боитесь, что вас попытаются убить?

— Кто-то вломился ко мне и украл камеру, — сказал Трюм Хауген. — А теперь трое моих знакомых мертвы.

Он заёрзал, словно сидел на чём-то неудобном.

Геморрой, — подумала Катрине.

— Если предоставить охрану всем, кто знал троих жертв… — Она вздохнула. — Это просто невозможно. Есть основания считать, что лично вы подвергаетесь особой опасности?

— Да, есть. — Каждый раз, когда Трюм Хауген выдыхал, его огромное тело словно сдувалось, будто большей частью состояло из воздуха. — Когда я устроился консультантом в тогда ещё совсем новый Норвежский кинофонд, я, как и многие там, был неудавшимся кинематографистом. Нужно было проводить собеседования с претендентами на государственное финансирование

кинопроектов и по итогам давать рекомендации правлению, которому в девяти случаях из десяти оставалось лишь согласиться. Короче говоря, я был неудачником, внезапно получившим власть решать судьбу чужих мечтаний — большой палец вверх или вниз. Такое легко превращает человека в негодяя.

— Вас превратило?

— Все понимают, что рекомендовать всё невозможно, и начинают льстить. Говорят, что доверяют человеку с таким прекрасным вкусом в кино. Когда видят, что это не помогает, встают на колени. А если и это не срабатывает, порой плачут. Или предлагают взятки.

— Деньги?

— Да. Или другие… услуги.

— Понимаю.

— На какое-то время это сделало меня мелким садистом, иначе не скажешь. Я выполнял свою работу, не брал взяток и рекомендовал проекты, в которые верил. Но заодно наслаждался приятным бонусом — смотреть, как другие унижаются. Я мог пригласить на собеседование авторов проекта без малейшей художественной или коммерческой перспективы, заранее зная, что шансов у них нет, — только ради того, чтобы увидеть, как

люди, вошедшие уверенными и заносчивыми, постепенно сдуваются и впадают в отчаяние: мои вопросы становятся всё критичнее, и до них доходит, что их пригласили не за деньгами, а чтобы снять с них стружку. Так что я нажил несколько врагов.

— Но теперь вы уже не… э-э… садист?

— Садист, только частично лишённый полномочий. — Он устало улыбнулся. — Когда фонд объединили с другими программами поддержки и создали Норвежский институт кино, число штатных консультантов сократили. Гендерный баланс был официальной политикой, а поскольку я родился с членом…

Он развёл руками, и Катрине увидела, что свитер у него промок от пота. Она кивнула, хотя сильно сомневалась, что причиной увольнения был один лишь гендерный баланс.

— Теперь я внештатный консультант, и институт время от времени даёт мне задания. Так что кое-какая власть у меня всё ещё есть.

— Понимаю. Хорошо, Хауген, заполните анкету, а я передам ваше обращение дальше.

Хауген глухо и горько рассмеялся.

— Простите? — спросила Катрине.

— Будто слушаю самого себя. Мы оба знаем, что

на практике решение принимаете вы. И вы его уже приняли.

Катрине посмотрела на него. Кивнула.

— Как вы, вероятно, понимаете, ресурсы у нас ограничены, а конкретной угрозы вы назвать не можете. Вы работаете дома?

— Отчасти. Консультанты могут почти даром арендовать маленькие кабинеты в «Фильмпаркене».

— Хорошо. В любом случае советую вам соблюдать осторожность, запирать дверь дома и, возможно, сменить замок. В анкете перечислены и другие рекомендуемые меры безопасности.

Хауген простонал.

— И это всё?

Нет, — хотелось сказать ей. *Не дайте себя убить. Только не после того, как пришли сюда просить полицейскую охрану.*

— Мне жаль, — сказала она.

— Спасибо, что смог прийти.

Ламай отступила в сторону, пропуская Харри в квартиру. Она провела его в маленькую комнату, где из мебели был только низкий столик с позолоченной статуэткой Будды, тремя горящими свечами, чашей с фруктами, чайником и двумя чашками.

Ламай без усилий опустилась на паркет перед алтарём и жестом велела Харри сделать то же. Он присел на корточки.

— Ниже, — сказала она. — Мы всегда должны находиться ниже глаз Будды.

Он подчинился, принял чашку чая и молча пил горький напиток маленькими глотками.

— Да, — наконец сказала она. — Ко мне приходили дважды. Сначала датчанин. С ним была женщина с татуировкой на шее.

— М-м. Как всё прошло?

— Я сделала, как ты велел: показала им документ, подтверждающий, что скоро получу страховую выплату.

— Они дали отсрочку до выплаты?

— Да. При условии, что получат всю сумму.

— Всю? Но это же…

— Да, почти вдвое больше долга Биргера. Они назвали это процентами за просрочку. Вернутся в день выплаты.

— М-м.

— Это всего лишь деньги, мы как-нибудь справимся. Но мне страшно.

— Понимаю.

— Вторым был мужчина, которого я помню по «Проповеднику». Его зовут Роберт Брандт, он сце-

нарист. Сказал, что речь идёт о фильме, который он снимает. Об убийстве. Некто Клементс из страховой компании сообщил ему, что ты занимался делом Биргера. Он хотел поговорить со мной о тебе. — Она отчаянно посмотрела на Харри. — Я отказалась, и в конце концов он ушёл. Но если он копает это дело, потому что подозревает, как всё произошло, неприятности будут не только у меня, но и у тебя, Харри.

Харри положил руку ей на плечо.

— Успокойся, Ламай. Его интересует не дело твоего мужа, а я. Так ты его знаешь?

— Только помню со времён, когда работала гримёром. И ещё помню, что он уже тогда собирался снимать собственный фильм. Бедняга.

— Почему бедняга?

— Потому что удаётся лишь немногим избранным. Помню, например, одного молодого человека — почти мальчика, — который был так уверен в себе. Говорил, что ждёт только согласия кинофонда и инвестора, обещавшего деньги. Он был так счастлив. Я думала: *каждый день, когда он ничего от них не слышит, — счастливый, потому что мечта пока жива.* Но Брандт был другим. Он злился. Считал личным оскорблением то, что идиоты снимают фильмы, а он вынужден ждать

и тем временем писать идиотские сценарии для других идиотов.

— Он был на похоронах Фелисии.

— Да, я его видела и не удивилась. Он был очень в неё влюблён.

— Как я понял, в неё были влюблены многие.

— Да, но у Брандта это, наверное, было серьёзнее. Я поняла это в тот день, когда гримировала Фелисию, а Брандт вошёл. Посмотрел на неё и спросил, зачем костюмеры дали ей бюстгальтер с эффектом пуш-ап, если она играет пятнадцатилетнюю. Фелисия ответила, что это не пуш-ап — она беременна. Роберт посерел и выбежал в соседнюю гримёрку, но мы обе слышали, как он рыдал.

— Она действительно была беременна?

— Да!

— М-м. Ты знаешь, от кого и что стало с ребёнком?

— Никто не узнал, кто отец. Ребёнка отдали на усыновление, и, наверное, так было лучше: Фелисия к тому времени уже стала наркоманкой. Она не могла заботиться ни о ребёнке, ни, к сожалению, о себе.

Ламай пробормотала несколько слов на языке, который Харри принял за тайский, и подержала

палочку благовоний над одной из свечей. Комнату сразу наполнил приятный аромат.

— Роберт Брандт, — сказал Харри. — Ты когда-нибудь думала, что он может… причинить кому-нибудь вред?

— Ты спрашиваешь, мог ли он причинить вред Фелисии?

— Как думаешь?

Ламай задумалась. Потом покачала головой.

— Не Фелисии. Он слишком сильно её любил.

— Но… другим?

— О да, — сказала она. — Ты ведь знаешь, что прежние поступки создают карму, которую мы излучаем?

— Ты считаешь, что у Брандта плохая карма?

— Очень плохая. В нём есть тревога. Потому что в нём есть килеса.

— Что это?

— Ненависть. И страсть. Он хочет всего. А если не получает — готов всё сжечь.

Харри кивнул.

— Как я уже сказал, Ламай, бояться его тебе не нужно. Речь не о твоих грехах.

— Может, для него и нет. А для других? — Она посмотрела на Харри. — Когда мы получим страховку, они придут и отберут деньги, верно? Тот,

что говорил по-датски.

Харри помолчал, прежде чем ответить:

— Я не знаю, Ламай.

Она быстро улыбнулась.

— Конечно. У тебя много дел, Харри. Ступай и занимайся ими.

— Спасибо за чай.

— И тебе спасибо, Харри.

Спускаясь по лестнице, он думал о вопросе, который едва не задал. *Может ли она почувствовать и его карму? Холодное излучение прежних поступков. Прежних предательств.*

Грип вытащил два маленьких деревянных клина, пока его помощник удерживал камеру.

— Вот так, — сказал он, и помощник снова опустил камеру.

— Так лучше, — крикнула Кида Ширер из-за монитора.

На вчерашнем совещании руководителей отделов она сказала, что короля Хокона всегда следует снимать с точки чуть ниже уровня глаз. Это должно было придать персонажу авторитетность, серьёзность и достоинство. Но Грип заметил, что Вам избегал этого избитого приёма: напротив, словно хотел сделать короля менее величественным, а не более.

Но теперь командовала Кида.

Казалось, у разных мониторов, расставленных по павильону, собрались все участники съёмок. Даже помощник монтажёра Тим Каландер, которого обычно никто не видел. И Роберт, разумеется, хотя всем своим видом показывал, что скучает.

Грип подозревал: они пришли посмотреть, справится ли Кида с переходом от первого помощника режиссёра к режиссуре. Если нет, продюсеру придётся найти человека поопытнее.

А может, после убийства они просто жались друг к другу? Плотнее окружили племенной костёр — ради утешения. И потому, что вместе было безопаснее.

Грип втиснулся рядом с Черно, чтобы посмотреть на маленький монитор над камерой. Экран заполняло серьёзное лицо Кристиана Боэнга.

— Видишь, как они похожи? — прошептал Черно.

— Конечно, — ответил Грип. — Гримёры хорошо поработали.

— Я не о Кристиане и короле Хоконе, — всё так же шёпотом сказал Черно. — О Кристиане и Киде.

Грип посмотрел на молодую девушку, потом снова на Кристиана за письменным столом. Рань-

ше он об этом не задумывался, но теперь увидел: Черно совершенно прав. Конечно, дело было не в коротких рыжих волосах и не в долговязом мальчишеском теле, а во взгляде. Подбородке. Носе.

Кида выросла у приёмных родителей в деревне, но получила первую работу первого помощника режиссёра в таком юном возрасте, что поговаривали, будто перед ней кто-то открыл нужные двери.

Кумовство в их отрасли, разумеется, было скорее правилом, чем исключением, но Грип никогда не подозревал Кристиана.

Операторы и звуковики сообщили о готовности, стукнула хлопушка, и новый первый помощник режиссёра крикнул:

— Мотор!

Снимали не целую сцену, а всего лишь дополнительный кадр: король читает письмо о сбитом норвежском лётчике, гибель которого подтверждает французское Сопротивление.

Крупный план с медленным наездом камеры; текст письма впоследствии должен был прозвучать за кадром.

Грипу казалось, всё идёт хорошо, и он удивился, услышав голос Киды посреди дубля.

— Стоп!

Осветители, звуковики и операторы непонимающе посмотрели на первого помощника режиссёра, но тот лишь пожал плечами. Кида встала и подошла к столу.

— Что теперь? — спросил Кристиан, приподняв бровь и всё ещё говоря королевским голосом — глубоким, сильным баритоном, которого хотел продюсер, а не гнусавым, тонким голосом короля на старых радиозаписях.

— Тебе не всё равно? — спросила Кида.

Бровь Кристиана поднялась ещё выше.

— Прости?

— Это был один из твоих. Норвежский лётчик, отдавший жизнь. И теперь ты, отец нации, его потерял, его у нас отняли. Можно хотя бы увидеть, что тебе не всё равно? Пожалуйста.

Члены группы обменялись недоверчивыми, но выжидающими взглядами. Грип заметил, что Роберт больше не скучает: он выпрямился, на губах появилась кислая улыбка.

Необычна была не сама резкость слов, а то, что перчатку бросил режиссёр — к тому же совсем юный и неопытный. Более опытный постановщик, конечно, дал бы актёру доиграть дубль, а потом отвёл бы его в сторону и дипломатично изложил свои указания. Грип знал: закончиться

это может только одним.

Кристиан Боэнг несколько раз сглотнул; под кожей заходили желваки. Потом он наклонился вперёд и заговорил тихо, но так, чтобы все в павильоне услышали каждый слог:

— Послушай, дорогая. Самый старый трюк новичка — пораньше заявить о себе, совершив символическое отцеубийство. Поверь, я сам пробовал. Но делать это нужно с известным изяществом, понимаешь? Думаю, все здесь только что увидели короля в глубокой и искренней скорби. Искренней — потому что она настоящая.

Если ты забыла, вчера мы тоже потеряли здесь лётчика. Антона Вама. Человека, который умел летать. Так что советую вернуться в кресло, которое тебе временно одолжили, и позволить нам снять этот дубль без дальнейших неуместных вмешательств. Тебя это устроит, дорогая?

Кида стояла совершенно прямо, плотно сжав губы. Грип видел, как её ладони сжимаются в кулаки и разжимаются, снова сжимаются и разжимаются. Он затаил дыхание. Это была лучшая сцена за всё время работы над фильмом.

— Подумай, — сказала Кида и остановилась: голос дрожал. Она снова вдохнула. — Подумай о чём-нибудь из своей жизни, что связано с этим.

Только на этот раз пусть тебе будет не всё равно. Хорошо?

Кристиан посмотрел на неё, теперь уже изумлённо. Кида развернулась на каблуках, вернулась к креслу и села, не отрывая взгляда от монитора.

— Готовимся к съёмке! — крикнула она.

— Что это сейчас было? — прошептал Нильс Грипу на ухо.

— Понятия не имею, — ответил Грип.

И действительно не имел.

Власть восхитительна. Всё так просто. Не обязательно пользоваться ею — достаточно знать, что она у тебя есть. Хотя порой всё же приходится её применять хотя бы затем, чтобы доказать себе и другим, что власть реальна. Восстановить порядок, прежде чем его поглотит энтропия. Неиспользуемая власть рано или поздно сгниёт и рассыплется.

У меня больше власти, чем кто-либо знает. Иногда они замечают её проблеск и пугаются, осознав её масштаб: пешка дошла до противоположного края доски и стала самой могущественной фигурой. Но обычно я держусь в тени. Собираю сведения, разрабатываю план. Наношу удар. Отступаю. И когда история завершена, я — и только я — знаю, что она моя.

Да, знание — сила, и быть единственным, кто знает то, чего не знают остальные, возбуждает.

Но иногда это и удручает. Зрячему среди слепых бывает одиноко. Сцену, которая только что разыгралась перед всей съёмочной группой, поняли лишь я и ещё один человек. Откуда знать остальным? Как уже сказано, они слепы и видят лишь собственную роль во всём происходящем.

Сначала я создам отдельные части, затем соединю их и покажу им целое, картину во всей полноте. Вообще-то это было бы хорошее название.

The Big Picture.

Но теперь я ничего менять не стану и импровизировать не буду: расскажу всё так, как было задумано с самого начала.

Уже не терпится написать следующую главу.

Они оцепенеют от ужаса.

ГЛАВА 43. [broken link: #TOC]

Утренний свет прошёл сквозь грязное окно и лёг на жёлтую папку и газету на столе тесного кабинета.

Газета была раскрыта на развороте, посвящённом убийствам в кинематографической среде Осло. Актёр средней известности заявил, что продолжать съёмки после убийства режиссёра — неуважение к погибшему; продюсер возразил, что автомобильный завод не прекращает выпуск машин после смерти генерального директора.

Правая рука Трюма Хаугена нашла рычаг под сиденьем и откинула высокую спинку кресла. Он положил голову на коричневую кожу, обеими руками приподнял складки жира на животе, несколько мгновений смотрел в потолок, потом закрыл глаза.

Он был так возбуждён, что попросил разрешения быть активным партнёром, но получил отказ.

Уже давно никто не говорил ему настолько прямо, без экивоков: положительное заключение консультанта Трюма Хаугена будет немедленно вознаграждено лучшим минетом в его жизни.

Тритмент сценария лежал в коричневой папке на столе: соискатель, полный надежд, явно полагал, что, *если передать его прямо консультанту Трюму Хаугену, шансы проекта возрастут. А Трюм вовсе не собирался сообщать парню, что внештатный консультант не решает, какие проекты будут рассматриваться. Но что с того? Трюм всегда мог переслать тритмент в Норвежский институт кино, сказать, что в нём что-то есть, и попросить передать его другому консультанту.*

Совесть его почти не мучила: минет оказался совсем не таким, как обещали, а довольно любительским. Исполнитель тоже был не красавец и к тому же старше того возраста, который предпочитал Трюм.

Но когда тебя, как Трюма Хаугена, разжаловали до внештатника, ты весишь сто тридцать килограммов и уже не внушаешь былого благоговения — и даже страха, — запросы приходится снижать.

Как бы там ни было, близости у него не случалось так давно, что кончил он быстро.

Соискатель принял всё, но не проглотил, а отвернулся с выпученными глазами.

На миг Трюм испугался, что парень испачка-

ет ковёр, за чистку которого придётся платить самому. Но бедняга вытащил из кармана полиэтиленовый пакет, поднёс ко рту и издал звук, очень похожий на рвотный позыв.

Трюму пришло в голову, что *плохая техника, возможно, объясняется тем, что соискатель никогда прежде этого не делал. Что ж, по крайней мере, в этом было что-то особенное.*

— Посмотрю сегодня вечером, — солгал Трюм, натягивая брюки. — Большое спасибо!

Трюм подошёл к окну и услышал, как за спиной закрылась дверь. Небо было затянуто облаками, но отражённый снегом свет всё равно так резал глаза, что пришлось вытереть слёзы. *Или это приближался новый приступ депрессии?*

Он посмотрел на студию «А». Снаружи курили двое парней в форме Королевских военно-воздушных сил. До него доносился их весёлый беспечный смех, и Трюм машинально вспомнил надпись на средневековых могилах: *«Когда-то я был таким, как вы; скоро вы станете такими, как я».*

Эта отрасль строилась на мечтах, которые суждено осуществить лишь немногим. И всё же она вербовала детей кинематографистов, словно мечта была наследственной болезнью.

Его отец принадлежал к самому распространённому типу режиссёров: снял один фильм и всю оставшуюся жизнь пытался получить второй шанс. Он говорил Трюму, что, если у того есть художественные амбиции, лучше стать краснодеревщиком: никто не помешает тебе сделать красивый стул, а кто-нибудь, возможно, даже согласится за него заплатить.

Трюм почувствовал, что вот-вот расплачется.

Да, это была депрессия. Он чувствовал: *чёрный пёс уже в коридоре*.

Это он тоже унаследовал. Найдя отца в подвале, Трюм дал мёртвому обещание исполнить его мечту. Но когда чёрный пёс подбирался совсем близко, Трюм иногда думал, что *сдержать обещание можно двумя способами, потому что у отца было две мечты. Создать нечто прекрасное. Или покинуть этот мир.*

Он опустил дырявую рулонную штору.

Зазвонил телефон. Номер был незнакомым, но Трюм ответил:

— Да?

— Надеюсь, я не помешал, но…

— Я сказал, что посмотрю вечером!

— Простите? Меня зовут Роберт Брандт.

— О, прошу прощения, Брандт, я думал… Чем

могу помочь?

— Я сценарист и…

— Я знаю, кто вы.

— Хорошо. У меня есть проект, который я хотел бы вам показать.

Трюм закрыл глаза. Приближалась головная боль — постоянная спутница чёрного пса.

— Послушайте, Брандт, если хотите подать заявку на финансирование, отправляйте её в институт. Там решат, стоит ли передавать её внештатному консультанту.

— Я знаю. Но поскольку вы внештатник, подумал, что могу заплатить вам за помощь в составлении заявки — чтобы повысить вероятность заинтересовать институт. Расставить нужные акценты, нажать нужные кнопки. Вы лучше других знаете, что им требуется.

— Послушайте, Брандт, с точки зрения этики…

— Я хорошо заплачу. Очень хорошо. И всё останется между нами.

Трюм почесал живот и понял, что *Брандт не совсем уловил суть.* Трюма беспокоила не сомнительная этика, а то, что Роберт Брандт позвонил, явно не узнав его. *Не вспомнив, что тогда произошло. Неужели такое возможно?*

— Послушайте, Хауген, давайте встретимся у

меня сегодня в пять. Вам удобно?

Трюм снова закрыл глаза. *Конечно, всё забывается.* Имя он помнил, но за голосом в трубке не возникало никакого лица.

Это даже утешало: *всё, абсолютно всё, рано или поздно будет забыто.*

Он откашлялся.

— Подойдёт.

— Отлично. Адрес: Лунскоттвейен, сорок три. Обойдите главный дом и спуститесь к амбару под соснами. Я буду один и н-никому не говорил, что собираюсь с вами связаться. Советую и вам никому об этом не упоминать. Да, и, Хауген, буду признателен за пунктуальность.

ГЛАВА 44. [broken link: #TOC]

Эйстейн подобрал Харри у здания Управления полиции.

Харри сел в такси.

— Аккумулятор?

— В багажнике, — ответил Эйстейн. — Ты должен мне две тысячи.

— За подержанный аккумулятор?

— За покупку и доставку подержанного аккумулятора. Скажи спасибо или выходи.

— Если пообещаешь сказать спасибо, когда пропьёшь ту тысячу, что кладёшь себе в карман.

— Обещаю, — рассмеялся Эйстейн.

— Ладно. Огромное тебе спасибо. Поехали.

Они покатили мимо мокрого снега, лежавшего вдоль бордюров, словно глазурь.

— Судя по настроению, с этими убийствами дела неважны?

— М-м. — Харри потёр шею. — Безумие какое-то. Ни один убийца ещё не показывал нам столько, а находили мы так мало. Кроме связи между тремя убийствами, нет ни одной твёрдой зацепки. На утреннем совещании кто-то сказал, будто мы участвуем в игре в пинбол, где шар — это мы.

— Юмор, во всяком случае, — признак ума. Кстати, та женщина в «Шрёдере» показалась толковой.

— Хильде Витт.

— Витт. У тебя с ней…?

— Что у меня? Хотя забудь, ответ — нет. С чего ты взял?

— Я парень чувствительный, сам знаешь. Уловил за столом кое-какие сигналы.

Харри покачал головой.

— Сигналы, наверное, были, но у неё отношения с Олегом.

— Вот чёрт. Серьёзно?

— Да. Но молчи.

— Разумеется. Как я мог так ошибиться? Хотя теперь, когда ты сказал, понятно, почему он сидел такой тихий. Он же отец маленьких детей. Надеюсь, это скоро пройдёт.

— Вряд ли. То есть у него вряд ли. У неё, уверен, всё иначе.

— Почему?

— Просто ощущение. Могу ошибаться, но, по-моему, она пироманка.

— Ага, я знал парочку таких! Думаю, дело в ощущении власти. Такие люди когда-то испытали бессилие. Когда-то голодали и с тех пор словно

лишились кнопки «стоп», когда дело касается еды. Ты знал, что дед Башмака во время войны сидел в Дахау? Он рассказывал: когда американцы их освободили, он и остальные заключённые попытались им поаплодировать. Но они были так истощены, что на ладонях почти не осталось мяса и хлопки не издавали звука. Беззвучные аплодисменты, понимаешь? А когда дед Башмака умер, он был таким толстым, что, скорее всего, от этого и умер. Вот что происходит с пироманами — и мужчинами, и женщинами. Из бессилия — к власти. Они не могут устоять перед возможностью стать режиссёрами. Но им всё время нужны новые драмы, которые можно режиссировать.

— М-м. Олег говорит, что уйдёт от Хельги.

— Вот это да. Он не понимает, что Витт бросит его, как только сжигать будет больше нечего. И что ты сделаешь?

— Я? Он взрослый мужчина, это его жизнь.

— Конечно.

— Что значит «конечно»?

— Я слишком хорошо тебя знаю, Харри. Для тебя он всегда будет твоим мальчиком. Ты не позволишь этому случиться, не попытавшись вмешаться.

— Если кто и не позволит этому случиться, то

не я, Эйстейн.

Эйстейн посмотрел на него.

— Да. Именно. Она. Его мать, Ракель, не позволила бы.

— Можешь остановиться здесь.

Эйстейн подъехал к тротуару перед многоэтажным гаражом.

Харри взял аккумулятор.

— Ещё раз спасибо. Переведу тебе деньги.

— Нет. — Эйстейн покачал головой. — Купишь мне пластинку Эллиса и Кейва *Carnage*. На виниле. В подарочной упаковке.

— Серьёзно?

— Серьёзно. Нам всем нужно чувствовать, что нас любят, Харри.

Если не считать слоя инея на стёклах, «Форд Эскорт» выглядел так же, как в тот день, когда Харри его оставил. Он поставил аккумулятор на пол рядом с водительской дверью и вставил ключ в замок. К его удивлению, ключ легко повернулся. Харри сел, не закрывая дверь, и нагнулся в поисках рычага капота.

Замер.

На плечо легла рука. Харри отреагировал скорее инстинктивно, чем осознанно. Подголовника в машине не было, поэтому, так и не разогнувшись,

он ухватил стоявший снаружи аккумулятор и швырнул его через плечо.

Послышался стон. Харри обернулся.

— Извини, извини! — задыхаясь, проговорил мужчина на заднем сиденье.

Это был Роберт Брандт. Шляпа съехала набок. Аккумулятор и тёмные очки лежали у него на коленях, одной рукой он прикрывал нос. Вторую поднял, показывая, что в ней ничего нет.

— Что вы делаете в моей машине?

Брандт убрал руку от носа. Из одной ноздри тянулась тонкая струйка крови. Бровь дёргалась вверх-вниз.

— То же, что и ты, Харри. Веду расследование.

— Вы взломали мою машину, чтобы… расследовать меня?

— «Взломали» — это громко сказано. Цилиндровый замок с изношенным механизмом на «Эскорте» восемьдесят восьмого года? Достаточно вот этого.

Он махнул рукой в сторону простого щупа и натяжного ключа.

— Я хотел лишь проверить, не хранишь ли ты в машине спиртное. Фильм будет о вождении в нетрезвом виде. О том, как ты сел пьяным за руль. О твоём убийстве.

Харри сглотнул.

— Держите руки так, чтобы я их видел. Вы понимаете, что я обязан заявить об этом?

Брандт рассмеялся. Голубые детские глаза блеснули, и бровь снова задёргалась.

— Не думаю, что ты станешь, Харри. Когда поймёшь, что сотрудничать со мной выгоднее, чем мешать.

— Вон! Немедленно!

— Ронни был моим лучшим другом. Единственным, если уж на то пошло. — Брандт прижал клетчатый платок к ноздрям. — Двое молодых полицейских, у обоих адреналин через край, верно, Харри? У меня есть источники в полиции — люди, которые приехали туда, где вы разбились. Говорят, кровь была повсюду. — Брандт посмотрел на платок. — Но до приезда скорой поступило распоряжение сверху пересадить тебя на пассажирское место: было очевидно, что ты пьян, а им хотелось избежать скандала. Не страшно, если вину свалят на Ронни. Он ведь мёртв. Думаю, у фильма есть хорошие шансы получить финансирование. Особенно если ты согласишься участвовать. Снимешь маску крутого парня и придашь убийце — себе — человеческое лицо. Все любят раскаявшихся грешников, Харри. Не

ты решил нас обмануть, а твоё начальство. Ты молчал из верности полиции, а не ради спасения собственной шкуры. Во всяком случае, не только ради этого. Но если ты откажешься, история, разумеется, может рассказать, что дело было именно в этом: ты жалкий трус.

Харри не ответил. Шея болела оттого, что приходилось выворачивать её к заднему сиденью.

— Послушай, я не охочусь за тобой, Харри. Просто хочу, чтобы справедливость восторжествовала и о Ронни помнили так, как он того заслуживает. Не он потерял управление машиной, а ты.

— Вы правы, — хрипло сказал Харри. — Ронни Стиансен заслуживает, чтобы о нём знали правду. И если получится, снимите этот фильм. Перед камерой я выступать не стану, но можете меня процитировать.

Харри вдохнул, повернулся вперёд и в зеркале встретился взглядом с Робертом Брандтом.

— Да, тогда машину вёл я, и да, отчасти я никогда ничего не говорил из-за… — Он поморщился. — Назовём это верностью. Но главная причина в том, что я был — и остаюсь — жалким трусом. Вот и всё. Теперь уходите.

Роберт Брандт кивнул.

— Можно повторить, а я сниму на телефон?

— Нет. Но могу дать письменное заявление, если хотите.

Харри вышел из машины и открыл Брандту заднюю дверь. Тот выбрался и надел тёмные очки.

— Ещё увидимся, Харри.

Харри *не сомневался в этом*, глядя, как Брандт идёт к лифту.

Через несколько минут Харри выехал из гаража, прижав телефон к уху. Хильде Витт ответила после третьего гудка.

— Ладно, — сказал он. — Я приду на терапию.

ГЛАВА 45. [broken link: #TOC]

Роберт Брандт сидел неподвижно на жёстком деревянном стуле. Но сердце колотилось так, словно он бежал.

За стенами амбара сгущалась тьма.

В руках он держал четырёхметровый отрезок нейлоновой верёвки, лежавшей на брезенте рядом с рулоном армированного скотча, ножом и жёлтой бензопилой. На конце отрезка была завязана скользящая петля. Или *hangman's noose*, как точнее называли её там, где он жил в США. Если всё же оставались сомнения, для чего её вскоре используют, достаточно было поднять глаза на железный крюк, вкрученный в одну из потолочных балок.

Романтическое представление отца о крестьянской стране, из которой эмигрировали его прадеды, побудило его приобрести одно из нелепых городских поместий с домом из фальшивых брёвен, крышей, поросшей дёрном, и изгородью из жердей. Первое, что сделал Роберт, унаследовав это убожество, — поставил письменный стол под огромными солёными окороками отца, висевшими там много лет. Ему нравилось писать

и творить среди отрубленных частей тела.

Камера на штативе была готова и смотрела на место казни, где он сидел. Свет лампы резал глаза даже сквозь очки. Но свет был красив. *Таким он представлял сияние, о котором рассказывают пережившие клиническую смерть.*

Смерть. Он думал о ней столько, сколько себя помнил. Боялся её, но испытывал и странную тоску по ней — как другие дети тосковали по волшебным местам из сказок и фильмов.

Для Роберта волшебным местом была смерть, и, если сам он не мог туда отправиться, ему хотелось находиться рядом с теми, кому это предстояло, а ещё лучше — говорить с вернувшимися оттуда.

Марк Твен называл смерть величайшим даром, который может получить человек. Но он сказал это после смерти сестры, страдавшей эпилепсией и шизофренией, а здесь всё было иначе.

Сценарий происходящего был написан, и следовало придерживаться его без отклонений. Роберту достались роли палача и приговорённого.

Скоро он выбьет стул, на котором сейчас сидел, петля затянется на шее и перекроет воздух человеку, вовсе не желавшему умирать. Роберт представлял, *как ноги отчаянно колотят пу-*

стоту, ища опору, а тело дёргается и ведёт последнюю безнадёжную борьбу. И всё же это будет акт любви. Вынужденной любви, конечно, но без неё не обойтись. Ибо из веры, надежды и любви величайшая — любовь.

Он встал на стул и продел верёвку в крюк на балке. *Всё готово.* Страх странно смешивался с благоговением и возбуждением. Он читал, что в момент смерти у повешенного иногда возникает эрекция, но о палаче там ничего не говорилось.

Роберт замер и прислушался. Снаружи под ногами скрипел снег.

Трюм Хауген уже задыхался, тяжело переставляя ноги. На склоне к амбару снег лежал так глубоко, что он проваливался до колен. Идти оставалось ещё далеко: поместье было большим. И мрачным, с высокими соснами. Единственный свет в саду лился из узких окошек амбара и был таким ярким, словно внутри находилась съёмочная площадка.

Эта ассоциация породила у Трюма мысль, но та оказалась недостаточно сильной, чтобы остановить его. Через глубокий снег вперёд его гнали не только жадность, но и страсть, которую дневная разрядка не утолила, а, напротив, разбудила после долгой спячки.

В свете из амбара он увидел, что вокруг одной сосны снег расчищен. Нижнюю часть ствола чем-то обмотали — похоже, скотчем. Выше, метрах в трёх над землёй, между этой сосной и соседней натянули верёвку. *Надо будет спросить Роберта Брандта, для чего всё это.* По слухам, Брандт был настоящим чудаком.

Однажды он подал заявку на финансирование документального фильма ни больше ни меньше как о смерти. Консультантом по заявке был не Трюм, но он запомнил её, потому что в столовой вслух читали напыщенные формулировки, и все хохотали.

А вот о месте Роберта Брандта на сексуальной карте слухи почти ничего не сообщали. Правда, поговаривали, будто молодой ассистентке продюсера заплатили за молчание о приставаниях Брандта, но это больше походило на обычный голливудский порядок вещей.

К тому времени, как Трюм добрался до каменных ступеней и постучал в дверь амбара, он весь был мокрым от пота. Из-за собственного тяжёлого дыхания он не слышал изнутри ничего, кроме скрипа ножек стула.

Пока ждал, Трюм решил сделать то, о чём размышлял: *попросить предоплату. Именно*

денежную. А остальное, если повезёт, станет бонусом.

Дверь открылась.

Трюм Хауген открыл рот, но не произнёс ни звука. Только уставился на предмет, направленный на него. Мысль, коснувшаяся его так легко, наконец ударила со всей силой.

Ассоциация со съёмочной площадкой. После событий последних дней это должно было послужить предупреждением.

Вторая мысль была о том, что помощь не придёт. Разумеется, он выполнил обещание, которое с него взял Брандт: никому не сказал, что идёт сюда. Трюм смотрел в дуло револьвера.

А третьим ударом стала рука, державшая револьвер.

Харри сидел в своём кабинете без окон и смотрел на единственный источник света — экран с поисковым запросом «Роберт Брандт». Ни в реестре судимостей, ни во внутренних полицейских отчётах он ничего не нашёл. Впрочем, и не ожидал: следственная группа в обычном порядке проверила всех из окружения жертв, и имя Брандта нигде не всплыло. Однако теперь оно всё же появилось — как метка, привязанная к отчёту более чем двадцатилетней давности, составлен-

ному Мортеном Рёрвигом из «Объединённого отдела профилактики полиции». Самого отчёта не было: его явно удалили.

Харри нашёл номер Рёрвига и позвонил.

Рёрвиг уже вышел на пенсию и не помнил ни отчёта, ни Роберта Брандта.

— По правилам мы удаляем все документы с именами несовершеннолетних правонарушителей через пятнадцать лет после достижения ими совершеннолетия.

— Значит, Брандт мог быть юным правонарушителем?

— Да. Оперативные сотрудники профилактики присматривали за юными правонарушителями, регулярно с ними беседовали. Старались найти общий язык, не читая нравоучений. Стать человеком, которому они со временем начинают доверять и которого действительно слушают. Поэтому мы брали на эти должности молодых полицейских, чтобы они могли стать добрыми старшими братьями или сёстрами в среде, где хватало дурных примеров.

— У меня был коллега, Ронни Стиансен, который первый год после Полицейской академии проработал в вашем отделе.

— Да, верно. Какая трагическая авария. По-

стойте, теперь я вспомнил Брандта. Худой, такой эксцентричный тип художника?

— Пожалуй, да.

— Помню, он очень привязался к Ронни. Даже можно сказать, слишком. В этом и была его проблема.

— Проблема?

— Детдомовец. Нарушение привязанности. Бродячий кот, который идёт за тобой до самого дома и просится внутрь, понимаете?

Ночами он проникал в машины, но ничего не крал. Просто сидел там совершенно один на заднем сиденье. Объяснял Ронни, что автомобиль кажется ему самым личным местом — даже более личным, чем дома. В машине, по его словам, можно приблизиться к владельцу. Познакомиться. Если машина семейная, а обычно так и было, он мог почувствовать себя членом семьи. Безумие, верно? Но все мы иногда немного сходим с ума. Как бы там ни было, насколько помню, с Брандтом всё закончилось хорошо. В отличие от бедняги Ронни. Харри Холе… Я не путаю, или это вы ехали с ним, когда Ронни разбился насмерть?

Харри откашлялся.

— Я был в машине. Спасибо за помощь, Рёрвиг.

— Рад, если помог. Если действительно помог.

Харри закончил разговор. Долго смотрел в стену.

Глубоко вдохнул и взглянул на часы. У него был сеанс терапии.

Трюм не знал, сколько пролежал без сознания, прежде чем снова открыл глаза. Всё вокруг было мягким и холодным, и он понял, что лежит на спине в снегу. Попытался поднять руки, но безуспешно. *Возможно, удар повредил нерв или что-то в мозге.* Зато он по-прежнему видел. Например, верёвку, натянутую между двумя стволами. И всё же немного двигаться мог. Он приподнял голову, и его ослепил свет из дверей амбара. В свет вошёл силуэт и опустился перед ним на колени.

— Кто ты? — простонал Трюм.

— Роберт Брандт.

Мужчина наклонился ближе. Возможно, он нажал на пульт: во всяком случае, позади него зажёгся свет, и Трюм увидел лицо. *Да, это был Брандт, чьи фотографии он встречал в Filmmagasinet.* Но голос звучал не так спокойно, как по телефону. *Может быть, потому что Брандт плакал. Он действительно плакал.* Большие мокрые слёзы катились из огромных голубых глаз.

— Что ты собираешься сделать?

— Убить тебя, — сказал Брандт и поднял руку. В ней был большой нож.

— Я думал, вы уже это сделали, — сказал Трюм и снова уронил голову в снег.

Он закрыл глаза — такая навалилась усталость.

Он умрёт, сомнений не было. По крайней мере, телесная часть мозга, похоже, в этом не сомневалась: наверное, поэтому перед ним на большой скорости прокручивалась вся жизнь.

Самым удручающим было то, что в мелькавшей под веками истории совсем не было ярких моментов.

Трюм снова открыл глаза.

Как жаль, что не видно звёзд. Это было бы хоть что-то.

Тёплая ладонь легла ему на затылок. Вцепилась в волосы и оттянула голову назад.

Не сильно — сильно не требовалось.

Лишь настолько, чтобы обнажить горло.

ГЛАВА 46. [broken link: #TOC]

— Моральный мазохизм, — сказала Хильде Витт и закинула ногу на ногу.

Харри глубже откинулся в одном из кресел «Болло». Они находились в комнате, которая, по словам Витт, служила одновременно кабинетом для приёма пациентов и её гостиной.

— Ты чувствуешь вину, — сказала она. — И подсознательно нуждаешься в наказании, поэтому ищешь ситуации, причиняющие страдание.

— Я пью. То есть пил. Разве это не противоположность? Искать облегчение от чувства вины и… ну, от всего такого.

На ней была юбка. До сих пор он видел её только в брюках. Харри не задавался вопросом, переоделась ли она в юбку специально к этой встрече: он был уверен, что да. Он задавался вопросом, *думает ли она о том, думает ли он об этом.*

— Возможно, «всё такое» — именно то, о чём нам сегодня следует немного поговорить, — сказала она голосом, таким же мягким и тёплым, как кожа коньячного цвета на подлокотниках. — Расскажи о родителях.

— Учителя. Мать умерла от рака, когда я был

молод.

— От рака. Но чувствовал ли ты…

— Да, чувствовал, будто виноват, — вздохнул он.

— Тебя раньше спрашивали про родителей?

— О родителях.

— Исправляешь меня, потому что занял оборонительную позицию?

— Исправляю, потому что мы говорим о моей матери, а она преподавала норвежский.

Витт улыбнулась.

— Но да, — продолжил Харри. — Ауне, мой прежний психолог, и спрашивал, и сам отвечал: что я чувствую себя виноватым в её смерти.

— В чём ещё ты виноват?

— В том, что мою младшую сестру изнасиловали, когда я за ней не уследил. В том, что моя первая девушка страдала депрессией и покончила с собой. В том, что я терял коллег на службе. Иногда мне только казалось, будто я виноват, а иногда я действительно был виноват. В сущности, разницы нет.

— Да, это верно. Но одного человека потерять было особенно больно, правда?

— Да, я потерял…

Голос сорвался. Он откашлялся и попробовал

снова, но комок в горле лишь вырос, давил, грозил выжать из головы слёзы, как сок из апельсина. Харри молча и изумлённо смотрел на неё.

— Это мой голос. — Она улыбнулась. — Он часто так действует. Если хочешь плакать — прекрасно. Многие приходят сюда только ради этого. А теперь закрой глаза. Почувствуй, как дышишь животом. Как тело тяжелеет и расслабляется.

Харри сделал, как она велела.

— Хорошо, — сказала она. — Теперь сосредоточься на букве «Р». И скажи, что видишь.

— Ракель, — сказал он. — Ведь это ты…

— Тише. Сосредоточься. Там есть что-то глубже. Позволь себе опуститься туда.

Харри почувствовал, как автоматически подчиняется её приказу. Как будто и правда погружается в воду, где становится всё холоднее и темнее, а давление на уши растёт.

— Ярость, — сказал он.

Стоило произнести слово, как по телу прошла волна именно ярости. На этот раз он не смог сдержать слёз.

— Вот так, — прошептала совсем рядом Хильде Витт, и он почувствовал лёгкое прикосновение её руки к груди.

Возможно, поэтому он снова поднялся к по-

верхности, к свету. Открыл глаза. Горячие слёзы уже остыли, стекая по шее. Во взгляде Хильде читалось что-то похожее на торжество. На то, чего Ауне никогда не удавалось добиться — или чего он никогда не пытался добиться, — у неё ушло несколько минут.

Харри вытер слёзы и сглотнул.

— Будь ты проклята, — хрипло пробормотал он.

Она улыбнулась.

— Теперь ты знаешь, что в глубине что-то есть. В следующий раз задержимся там подольше и попробуем немного расчистить.

— Вообще-то я пришёл не за этим.

— Нет, — медленно сказала она. — Не за этим.

Конечно, он мог вообразить, что она чуть сдвинулась вперёд, а юбка чуть задралась. Но не верил, что вообразил.

По мнению Харри, *возмутительно было не то, что женщины вроде Хильде Витт считали таких мужчин, как он, настолько простыми, что достаточно затуманенного взгляда, слегка хриплого голоса и пары чулок с силиконовой резинкой от Maison Close, чтобы заставить их сделать всё, что нужно. А то, что женщины были правы.*

— Ты пришёл за этим, — сказала она и развела

ноги.

Харри резко вдохнул, сглотнул и заставил себя смотреть ей в лицо.

— Думаешь?

— Нет. — Она рассмеялась и отложила блокнот. — Я знаю.

По-прежнему обнажив зубы, она упёрлась ладонями в подлокотники, словно собиралась встать, но замерла. Локти торчали вверх, как у кузнечика. Или у голодного богомола, готового к атаке. Она чего-то ждала. Возможно, движения жертвы или сигнала.

Наверное, Харри подал сигнал, потому что она поднялась. Сделала два шага между креслами и села верхом ему на колени — настолько широко, насколько позволяла юбка. Харри отодвинул ткань назад, чтобы она могла развести ноги сильнее и прижаться к нему всем телом.

— Ой, — промурлыкала она. — Кажется, сегодня я забыла надеть трусики…

Она так долго раскатывала «р» в слове «трусики», что это походило на рычание. Заёрзала, положила голени с внешней стороны подлокотников кресла «Болло», немного приподнялась и расстегнула брюки Харри под собой. Просунула внутрь руку. Он заметил тень на её лице. *Удив-*

ление, возможно, или разочарование. И всё же она обхватила его вялый член и начала двигать рукой. Через некоторое время наклонилась и прошептала на ухо:

— Не хочется, Харри? Или просто медленно разгоняешься?

— Может, страх неудачи. Психолог здесь ты.

Она рассмеялась, слезла с него и опустилась на колени. Провела головкой его члена по нижней губе, глядя снизу вверх, и заговорила тихо, медленно и нараспев:

— Дыши, Харри. Очисти голову от мыслей. Дыши. Вдох, выдох. Ничего не существует. Только ты и я. Мы никуда не торопимся и просто немного порадуем друг друга. Насладимся этим.

— Есть какая-нибудь особая буква, о которой нужно думать?

Она улыбнулась, но улыбка была натянутой.

Тишину заполнил звук вибрирующего телефона. Верхняя часть экрана засветилась над краем кармана куртки, висевшей на вешалке.

— Извини, — сказал Харри. — Мне придётся ответить.

— Правда?

— Правда.

Она раздражённо отодвинулась. Харри застег-

нул брюки и подошёл к вешалке. Звонил Олег. Харри на мгновение заколебался, затем ответил:

— Да?

— Ты где?

— У Витт. Что случилось?

— У… Что ты там делаешь?

— Обязательный сеанс терапии. Что случилось?

— Он снова нанёс удар. Сейчас пришлю адрес места преступления. Как быстро ты сможешь приехать?

— Довольно быстро, мы как раз закончили. Позвоню из машины.

— Хорошо. До встречи.

Связь прервалась. Харри повернулся к Хильде Витт, которая снова сидела в своём кресле.

— Мне нужно… — начал он, надевая куртку.

— Я слышала. — Она посмотрела на него со страдальческим выражением. — Беги.

— Прости, что всё вышло так странно. Сколько я должен?

— Боже, Харри, просто беги!

— Я серьёзно. И чек, пожалуйста.

— Чек? — Она уставилась на него. Сначала непонимающе, потом, кажется, догадалась. — Чтобы показать… Олегу?

Харри не ответил.

Она медленно покачала головой.

— Ясно. Он тебе рассказал.

Харри переминался с ноги на ногу, по-прежнему молча.

— Рассказал! Рассказал обо мне и о нём. А теперь ты боишься, что он что-то заподозрил насчёт нас двоих. — Она запрокинула голову и разразилась резким, злым смехом. — Поэтому тебе нужен чек, чтобы доказать, что это действительно был терапевтический сеанс!

Харри взял со стола платёжный терминал и протянул ей.

— Он — всё, что у меня есть.

Продолжая смеяться, она приняла терминал.

— Даже не знаю, кто из нас двоих ненормальнее, Харри.

Она набрала сумму, Харри расплатился картой. Потом остался стоять, глядя на чек.

— Разве ты не торопился? — спросила она.

— Сейчас будет та часть, за которую ты меня возненавидишь. Но, как я сказал, он — всё, что у меня есть. Я не могу смотреть, как ты пускаешь его жизнь под откос. И его мать не смогла бы.

Хильде Витт откинулась в кресле, словно так могла лучше рассмотреть его.

— О чём ты?

— Я понимаю: во мне ты видишь не невероятно привлекательного мужчину, а человека, которому есть что потерять, если он свяжется с тобой. Именно перед таким искушением ты не можешь устоять, верно? Как твоя мать?

Она покачала головой.

— Если прочитаешь мою диссертацию, увидишь, что HPD — истрионическое расстройство личности — сравнительно слабо наследуется.

— Ты написала её, чтобы выяснить, не стала ли своей матерью?

Витт улыбнулась.

— Может, мне просто любопытно, потому что твой плакат висел над моей кроватью. Я смотрела на тебя, когда в полном одиночестве получала первый сексуальный опыт.

— Вместе с Джастином Тимберлейком и Аароном Картером?

— Ником Картером. Аарон был для меня слишком милым. В любом случае, в отличие от матери, я умею устанавливать границы. Могу играть с тобой, потому что знаю: ты будешь молчать.

— Уверена? Не думала, что я могу позволить тебе себя соблазнить, а потом рассказать Олегу? Чтобы показать, какую ошибку он совершит,

если из-за тебя уйдёт из семьи?

— Думала. Если так сделаешь, я всё буду отрицать. Скажу, что ты пытался меня соблазнить, но получил отказ и теперь мстишь. Олег поверит мне, потому что отчаянно хочет мне верить. Мозг очень гибок.

— Согласен. Но гибкость имеет пределы.

Харри нажал на экран телефона и поднял его перед ней. Увидел, как она побледнела при виде видеозаписи.

Харри проверяет объектив, кладёт телефон в карман куртки, висящей на вешалке. Немного поправляет его. Отходит к креслам «Болло», и в кадре появляется Хильде Витт с двумя стаканами воды.

— Ты… нас снимал?

— Похоже на то.

— Сволочь! — Она рассмеялась. — И что дальше? Покажешь запись Олегу, если я его не брошу?

— Бросишь?

— Мне нравится безумие, Харри. Наверное, думаешь, что оказался умнее меня, но вам, мужчинам, пора перестать меня недооценивать.

— Вот как?

— Когда-нибудь я всё равно брошу Олега, но

не из-за этой записи. Ты ему её не покажешь. Знаешь, он никогда не простит тебя, если узнает, что ты был со мной. Его мозг, возможно, простит, но тело — никогда. Он, как ты сам сказал, — всё, что у тебя есть. — Она помолчала, склонила голову набок. — Или всё, что осталось от женщины, которую ты любил, скажем так.

Харри молча посмотрел на неё. Закрыл глаза.

Витт положила руку ему на плечо и заговорила тем мягким, тёплым голосом, который совсем недавно так легко довёл его до слёз.

— Знаешь, что сказала бы моя мать, глядя на тебя сейчас, Харри? Вид у тебя такой, будто масло продал, а денег так и не получил.

— М-м. Ты права. Если показать запись Олегу, средством давления она не станет. — Он открыл глаза. — Но смотреть её будет не он.

Хильде Витт нахмурилась.

Харри поднял чек. Она уставилась на него.

— Ты же не… — начала она.

— Секс с пациентом, — сказал Харри. — Я проверил. Закон о медицинских работниках, параграф двести девяносто пять Уголовного кодекса и правила вашей ассоциации психологов. Если не тюрьма, то гарантированное лишение лицензии.

— Харри, сядь и выслушай меня.

— Я постою, спасибо.

Он увидел мелкие подёргивания вокруг её рта.

— Ты знаешь, что я немного безумна. Но не настолько, как ты, очевидно, думаешь. Ненавижу скучную жизнь, и да, мне нужны острые ощущения. Но поверь, я не собиралась доводить всё до того, чтобы Олег ушёл из семьи. Я только хочу немного поиграть. Как хочу поиграть с тобой. Кому не хочется, чтобы молодой красивый парень вроде него какое-то время тебя любил? Но теперь я понимаю, что всё кончено.

— Правда?

— Да. Только дай мне немного времени, чтобы… ну, завершить отношения.

— Нет. Поговори с ним сегодня. Сорви пластырь одним движением.

— Не уверена, что для него это лучше всего, Харри.

— Даю сорок восемь часов.

— Ужасное клише, разве нет?

— Ладно, сорок семь.

Она сосредоточенно смотрела на Харри, как игрок в покер, одновременно рассчитывающий шансы и пытающийся понять, блефует ли противник.

— По записи ясно, что ты меня обманул, — сказала она. — Если всё всплывёт, ты тоже выйдешь из этой истории не в лучшем виде.

— Я потребую сохранить мою анонимность как заявителя, а ты обязана хранить профессиональную тайну.

— Какая же ты сволочь.

— М-м. В этом мы очень похожи.

Он снял с вешалки её пуховик и протянул ей.

— Что?

— Ты слышала, — сказал Харри. — У нас новое место преступления.

— Ты хочешь… взять меня с собой?

Харри пожал плечами.

— Сама сказала, что мы хорошо работаем вместе. Идём.

ГЛАВА 47. [broken link: #TOC]

Олег ждал у ворот, когда Харри и Хильде Витт приехали на Лунскоттвейен. Харри понятия не имел, что Олег читает на его лице; лицо Хильде Витт, во всяком случае, не выдавало ничего. К тому же Олег, наверное, был слишком занят тем, чтобы скрывать собственные чувства.

Он провёл их мимо главного дома с табличкой «Брандт» на двери и дальше по расчищенной криминалистами дорожке, проложенной чуть в стороне от протоптанной тропы к амбару.

— Он лежит так, как мы его нашли, — сказал Олег.

— М-м. Личность установили?

— Официально нет, но мы ведь уже его допрашивали. Трюм Хауген. Владелец украденной камеры.

— Как мы об этом узнали?

— Письмо от Брандта на твой старый адрес. «Убийство на Лунскоттвейен, 43».

Они приближались; щёлкали и жужжали камеры криминалистов. По старой привычке Харри не смотрел на залитое светом тело, лежавшее на снегу. Опыт научил его: если сразу увидеть

мёртвого, впечатление порой бывает настолько сильным, что притупляет восприятие — как взрыв, после которого некоторое время плохо слышишь. Поэтому сначала он старался осмотреть всё вокруг, уловить детали, которые могли потом не отложиться в памяти, если труп уже отпечатался на сетчатке.

Он заметил ствол дерева, обмотанный скотчем, и верёвку между деревьями. Кровавый след на снегу — от тела к ступеням амбара. И только убедившись, что увидел главное, посмотрел на мертвеца.

Больше всего бросался в глаза кровавый ореол на снегу под головой. За спиной у Харри Витт резко втянула воздух.

— Похоже, ему перерезали горло, — сказал Олег.

Послышались сдавленные рвотные звуки.

— Проследишь, чтобы её не вырвало прямо на месте преступления?

Харри слышал, как Олег тихо разговаривает с Витт, а сам присел на корточки, не заходя за флажки, которыми криминалисты обозначили участок вокруг тела. Эдди Юнассон — весь в белом — опустился рядом.

— Рана на лбу? — спросил Харри.

— Думаем, ударили револьвером. На нём нашли кровь. Он там, внутри. — Эдди указал на амбар.

Харри показал на шею Трюма Хаугена, где две пересекающиеся раны образовывали икс.

— Странный способ перерезать горло. Дважды, хотя одного раза более чем достаточно.

— Придётся дождаться судмедэкспертов, но, по-моему, сначала была перерезана сонная артерия — отсюда вся кровь. Когда он истёк кровью, ему нанесли второй порез. Видишь, вокруг этой раны крови почти нет.

— Согласен. Будто у второго разреза была другая функция.

— Какая?

— Подпись. Икс. Как «М» на воздушном шаре.

— Думаешь?

Харри пожал плечами.

— Во всяком случае, это первая мысль. А первая мысль у меня обычно самая удачная.

— Правда?

— Правда. А потом всё, как правило, катится под откос.

Эдди улыбнулся.

— Кстати, насчёт «под откос».

Он кивнул на Катрине, которая то шла, то скользила к ним. Её подхватили Олег и уже опра-

вившаяся Витт. Харри и Эдди подошли к ним.

— Итак, — сказала Катрине. — Ты всё-таки оказался прав. Как обычно.

— В чём прав? — спросил Харри.

— Что это Роберт Брандт.

— Прав — не прав, я лишь хотел, чтобы мы внимательнее его проверили. Мы ещё не знаем на сто процентов, что это он.

— Уже знаем, — сказала Катрине и достала телефон. — Это только что выложили в сеть.

Они собрались вокруг экрана.

Изображение не дрожало, поэтому Харри предположил, что камера — возможно, телефон — стояла на штативе прямо за Брандтом, который частично заслонял Трюма Хаугена. Зато голоса были слышны.

Трюм Хауген:

— Что ты собираешься сделать?

— Убить тебя.

Брандт поднял нож.

Трюм Хауген:

— Я думал, вы уже это сделали.

Нож словно застыл в воздухе. Спина Брандта дрожала. *Он плакал?* Звук исчез. *Может, зависло и изображение? Нет.* Брандт наклонился над Трюмом Хаугеном и опустил руку, так что нож

скрылся за телом. Вздрогнул и отшатнулся. Харри инстинктивно понял почему: Брандт только что перерезал Хаугену горло, и его обдало тёплой струёй артериальной крови.

Брандт рухнул в снег. Несколько секунд пролежал так, всё ещё беззвучно. Поднялся, снова наклонился. Сделал второй разрез. Наконец повернулся к камере. Резкий свет отражался от клинка и блестел в крови на груди, в дорожках слёз на щеках. Сомнений не было: это Роберт Брандт.

Экран погас.

— Думаю, можно считать дело решённым, — сказала Катрине.

— Убийство Трюма Хаугена — да, — ответил Харри.

— Брось, Харри. За всеми этими убийствами стоит один и тот же человек.

Остальные посмотрели на Харри. Он сильно растёр шею.

— Да, — наконец сказал он. — За всеми стоит один и тот же человек.

— Хорошо. — По голосу Катрине было слышно, что вердикт Харри принёс ей почти облегчение. — Покажешь нам остальное, Эдди?

— Идите за мной, наступайте только туда, куда

наступаю я, и ничего не трогайте.

Остальные четверо вереницей пошли за Эдди к амбару.

Олег, Катрине и Харри уместились на ступенях и заглянули внутрь. Двое криминалистов в помещении по знаку Эдди отошли в сторону. Харри повторил прежнюю процедуру: сначала осмотрел всё остальное в комнате.

Письменный стол с ноутбуком, револьвер «Webley Mk VI», телефон и фломастер. На настенном крюке — чёрные пальто и шляпа Брандта.

На полу под ними — начищенные чёрные туфли Брандта.

Штативы: на одном камера «Aaton Minima», на четырёх — осветительные приборы. Под потолочной балкой — вяленые бараньи ноги и большие окорока.

На куске брезента того же типа, который он видел в машине Брандта, — тонкая синяя верёвка, рулон чёрного скотча и нож. Рядом на полу — опрокинутый деревянный стул.

А между окороками, почти в самом центре комнаты, на верёвке, привязанной к железному крюку в балке, висел мужчина. Руки опущены вдоль тела. Обуви нет, только носки; стопы вытянуты, словно он пытался дотянуться до пола.

Рукава пиджака и штанины задрались, открывая полоски кожи. Подбородок опущен на грудь над жёстким пасторским воротничком. На руках чёрные перчатки, глаза скрыты тёмными очками.

Не было сомнений: это Роберт Брандт.

Харри повернулся к Эдди, и тот ответил на незаданный вопрос:

— Пока всё указывает на самоубийство. Следов борьбы нет, на запястьях нет признаков того, что руки были связаны. В снегу нет никаких следов, кроме следов сапог Хаугена, этих туфель и сапог, найденных в прихожей главного дома. Под ногтями покойного даже остались волокна верёвки — вероятно, он сам её резал или завязывал. Посмотрим, найдём ли отпечатки или ДНК, которые изменят эту картину.

— М-м.

— Что значит «м-м»? — спросила Катрине.

— Наверное, несущественная деталь, — сказал Харри. — Просто странно, что он так основательно готовился спилить дерево, если знал, что покончит с собой.

— О чём ты?

— Он расчистил снег вокруг ствола, обмотал место распила скотчем, чтобы кора не разлеталась во все стороны, и привязал дерево к соседнему,

чтобы оно упало в нужную сторону. Полагаю, где-то здесь найдётся бензопила.

— Надо же, — сказала Катрине. — Не знала, что ты умеешь работать руками.

— Не умею, — ответил Харри.

— Не умеет, — подтвердил Олег.

Харри криво улыбнулся.

— Как я сказал, несущественная деталь. Мы ведь строим планы так, словно собираемся жить вечно. И то, что мы видим, вполне укладывается в теорию нашего психолога.

Катрине повернулась к Хильде Витт, стоявшей у подножия лестницы и смотревшей на них. Та пожала плечами.

— По складу психики Брандт был массовым стрелком, а не серийным убийцей. Я предположила, что он поступит как главный герой «Подглядывающего»: лишит себя жизни.

— Хорошо, — сказала Катрине. — Вечером я созову пресс-конференцию и, разумеется, сделаю заявление со всеми необходимыми оговорками. Но если кто-то здесь сомневается, что мы установили виновника этих убийств, скажите сейчас.

Олег, Эдди и Харри покачали головами.

— Я не очень разбираюсь в полицейском жаргоне, — сказала Витт. — То есть вы спрашиваете,

раскрыто ли дело?

— Нет, — ответила Катрине. — Только установили ли мы, кто это сделал. Чтобы дело считалось раскрытым, нужно выяснить как, когда, где и так далее. Эта работа ещё впереди.

— Но… он же мёртв.

— Да, но наша обязанность — всё равно раскрыть убийства. Эдди, пришлёшь отчёт, как только закончите?

— Конечно.

Все четверо оставили Эдди и пошли обратно к машинам. У главного дома Харри остановился, а Витт и Катрине продолжили путь, обсуждая, стоит ли Витт составить предварительный профиль Брандта.

— Что такое? — крикнул Олег Харри.

— Почему его туфли стояли там, внизу, а сапоги — здесь, наверху?

— Что ты имеешь в виду?

— Если бы тебе пришлось идти туда по такому глубокому снегу, ты бы надел сапоги, верно?

Олег пожал плечами.

— Насколько я понял, Брандт был не таким, как все. Он убил четырёх человек. Так что его выбор обуви…

Олег не договорил.

— Ты прав, — сказал Харри. — И ещё кое-что. Сегодня мне сказали, что Роберт Брандт вырос в детском доме. Но этот дом, получается, остался ему от родителей?

— Да, — ответил Олег. — Я немного проверил и нашёл отчёт. Они погибли, когда он был маленьким.

— Вот как?

— Автомобильная авария по дороге домой с новогодней вечеринки в Аскере. Машину занесло, и она сорвалась с обрыва, пока он спал на заднем сиденье. Водитель был пьян.

Харри медленно кивнул.

— Витт приехала со мной. Может, отвезёшь её домой?

Харри пошёл к «Эскорту», не дожидаясь ответа.

ГЛАВА 48. [broken link: #TOC]

Хельга всё поняла, едва увидела Олега из окна гостиной. *Что-то было не так.* В последнее время его походка и без того утратила обычную пружинистую бодрость, но сейчас — с опущенной головой, волочащимися ногами и руками, засунутыми в карманы куртки, — он больше всего напоминал подстреленное животное.

Она спустилась, встретила его в прихожей, помогла снять шарф и повесила куртку в шкаф. Ничего не сказала, дала ему время заговорить. *Если захочет.* Но он, как слишком часто в последнее время, молчал.

— Они спят, — прошептала она, увидев, как он смотрит на дверь спальни. — Сделать тебе чаю?

Он посмотрел на неё. Во взгляде была мольба, но Хельга не понимала, о чём.

— Я видела это в новостях. Тяжело было?

В его глазах мелькнуло удивление, словно об этом он и не подумал. Она положила ладонь ему на затылок.

— Милый? Случилось что-то ещё?

Олег стиснул зубы и закрыл глаза.

Хельга поняла: не просто что-то не так — слу-

чилось нечто серьёзное.

— С кем-нибудь что-то произошло? С Харри?

Олег покачал головой. Открыл глаза. В них стояли слёзы. И тут Хельге пришла другая мысль — та, которую она уже некоторое время отгоняла.

— Почему ты так добра ко мне? — прошептал он.

— Потому что я тебя люблю.

— Нет! — прошипел он и крепко зажмурился.

— Боюсь, что люблю.

Он покачал головой, обнял её, притянул к себе. Она почувствовала горячую слезу в ямке у основания шеи. Его губы шевельнулись у самого её уха. И вот прозвучала та самая мольба, которую она увидела в его взгляде.

— Ты можешь меня простить?

Будто в тело впрыснули ледяную воду. Хельга вдохнула как можно глубже. Мысли, выводы проносились так быстро, что она поняла: подсознательно размышляла об этом куда больше, чем сама сознавала.

Она высвободилась из его объятий.

— Прежде чем я отвечу и прежде чем ты скажешь что-нибудь ещё… — Она помолчала. — Ты возвращаешься или уходишь?

Понадобилось несколько секунд, прежде чем

она увидела: он понял вопрос.

— Возвращаюсь, — хрипло прошептал он. — Возвращаюсь. Если ты меня примешь.

Хельга почувствовала, как подступают слёзы. Но сейчас они были ей ни к чему, и она заставила себя сдержаться.

— Я всё расскажу, — сказал он.

— Нет, чёртов ты идиот, ничего ты мне не расскажешь. Будешь молчать — это условие номер один, ясно?

После нескольких секунд растерянности он кивнул.

— Значит, думаешь, что сможешь меня простить?

— Пока я не знаю, что это было, мне и прощать нечего.

— Хорошо. Но ты хочешь, чтобы я вернулся?

— Не знаю. Но знаю, что дети хотят. Для начала этого достаточно. Сейчас слишком многое происходит, а на зимние каникулы я отвезу их на север и там немного подумаю.

Она уже собиралась уйти, но остановилась. Скрестила руки на груди.

— И независимо от того, удержится наша лодка на плаву или нет, мы больше никогда об этом не заговорим. Пока мы с тобой живём под одной

крышей, будем делать вид, будто ничего не случилось. И будь добр притворяться как следует. Понял?

— Понял.

— Но прежде чем мы спрячем всё это под ковёр, я хочу знать одно. Ты разбил кому-то сердце или разбили твоё?

— Моё.

— Хорошо, — сказала она, повернулась и пошла к спальне. — Чай сделаешь сам.

ГЛАВА 49. [broken link: #TOC]

Дежурный вынес стулья из зала для прессы, и журналисты теперь стояли там как сельди в бочке.

Доклад Катрине был кратким, но исчерпывающим. Поскольку преступник был мёртв и, следовательно, опасности уничтожения доказательств не существовало, не было и причин скрывать подробности, как сделали бы при иных обстоятельствах.

По согласованию с начальником полиции она также обнародовала имя преступника. Когда Кедзерски разрешил задавать вопросы, перед трибуной взметнулся лес рук. Первой была Мона Даа, пожелавшая узнать, откуда у полиции уверенность, что Роберт Брандт совершил и остальные три убийства.

— Мы этого не знаем, — сказала Катрине. — Но именно из этой гипотезы мы исходим.

— Если не знаете, зачем тогда обнародовали имя подозреваемого?

Катрине подавила зевок и произнесла стандартную формулировку:

— Мы решили сделать это, чтобы снять подо-

зрения с других людей из окружения жертв.

— Вопрос не вам, а Харри Холе.

Мона Даа, а вслед за ней и остальные журналисты повернулись туда, где Харри стоял, прислонившись к стене.

— Что вы чувствуете теперь, когда дело раскрыто, Холе?

Вместо того чтобы выпрямиться, Харри сполз по стене ещё на несколько сантиметров.

— Ну…

— Громче! — крикнул кто-то.

Харри откашлялся.

— Не мы раскрыли это дело — оно раскрылось само. А то, что нам не удалось остановить убийцу прежде, чем погибли четыре человека, лично у меня вызывает лишь разочарование оттого, что мы не справились.

На несколько секунд воцарилась полная тишина.

— Это критика руководства? — спросил чей-то голос.

— Это критика меня, — сказал Харри, посмотрел на завибрировавший телефон и оттолкнулся от стены. — А теперь мне нужно закурить, и это тоже критика меня.

Он вышел под смех и новые вопросы, посы-

павшиеся на Катрине. По пути через вестибюль принял видеозвонок.

— Привет!

— Нет, — сказала Александра, сердито глядя на него с экрана. — Мне нужен другой.

Харри улыбнулся.

— Говори со мной, — сказал он, толкнул дверь и вышел в вечернюю темноту.

— Спасибо! Не знаю, имеет ли это значение, но, когда я снимала с трупа перчатки, обнаружила вот что.

Она повернула камеру к стальному столу, на котором лежал обнажённый Роберт Брандт, и навела её на его правую руку. На каждой костяшке от мизинца до указательного пальца была написана буква.

— Татуировка? — спросил Харри.

— Нет. Похоже, написано фломастером. Почти не выцвело, так что, думаю, это сделали сегодня. Как по-твоему, что это значит?

— L-O-V-E. Любовь.

— Умник. Сейчас покажу другую руку.

— Дай угадаю. Там H-A-T-E.

— Откуда ты знал?

— Из фильма. «Ночь охотника». Классика.

— Но что это значит? Зачем он написал эти

слова на руках?

— Только то, что он до самого конца следовал своему проекту. В фильме убийцу — проповедника с такими же татуировками — в конце вешают. Все убийства в этом деле воспроизводят сцены из фильмов о серийных убийцах.

— Правда? А второй, которого привезли с перерезанным горлом, — из какого фильма?

— С этим сложнее. Я отправил фотографии Эйстейну, но он пока не ответил. Возможно, тоже ничего не нашёл. Что-нибудь ещё?

— Нет. Разве что тебе будет интересно: у Брандта был пигментный ретинит. Вероятно, поэтому он носил тёмные очки.

— Что-то с глазами?

— Наследственное заболевание сетчатки, вызывающее светобоязнь.

— Понятно. Спасибо, Александра.

— Кстати, теперь, когда дело раскрыто, все эти профили ДНК вам, возможно, уже не нужны?

— Их много?

— Много? Братт потребовала взять образцы у всех со съёмочной площадки военного фильма. А у нас, между прочим, хватает и другой работы.

— Катрине начальник, вот с ней и разбирайся.

— Хорошо, мне пора бежать.

— Беги.

— Только ещё раз.

Харри вдохнул и понизил голос, насколько смог.

— Говори со мной.

— Кажется, я совсем чуть-чуть кончила. Пока.

Харри стоял между сугробами на лужайке и тщетно пытался прикурить, когда из здания вышла Хильде Витт и огляделась.

— Вот ты где, — сказала она, подошла и выхватила у него белую зажигалку. — Что у тебя с этими штуками?

— То же, что с женщинами, — ответил Харри. — Не умею их зажигать.

— Фу. — Она поморщилась. — Где ты это взял?

— У Эйстейна. Одна из его лучших шуток.

— На него вину сваливаешь?

Она поднесла зажигалку.

— Всегда, — сказал Харри, затянулся так, что затрещала сигаретная бумага, и поднял тлеющую сигарету. — Спасибо.

— Я хотела тебя найти и сказать, что выполнила свою часть сделки. Значит, между нами всё в порядке?

— Да. Как воспринял Олег?

— Что сказать? Смесь шока, острой боли от

разбитого сердца и… чего-то ещё. Возможно, облегчения.

— М-м. Облегчения?

— Как когда наконец заканчивается то, чего ты наполовину ждал и всё это время боялся. Облегчение на эшафоте, когда можно наконец оставить надежду. Понимаешь?

— Ещё бы. — Харри глубоко затянулся. — И какой предлог ты придумала?

— Сказала, что всё обдумала и больше не хочу. Просто и ясно. Впрочем, это даже не предлог, а примерно то, что я сказала бы, когда пришло бы время. То есть когда отношения изжили бы себя.

— Твоё холодное сердце почти внушает уважение.

— Спасибо, ты мне тоже нравишься, мерзавец. Ладно, хватит об этом. Я заметила: ты согласился с Братт и остальными, что все убийства совершил Брандт. Насколько ты уверен?

Харри посмотрел на неё с лёгким изумлением. Она говорила серьёзно. Действительно считала: хватит об этом. Всё уже осталось позади.

— На девяносто процентов, — ответил он.

Она улыбнулась.

— Немало. Почему ты так уверен?

Харри пожал плечами.

— Теоретически некоторые убийства могли быть делом подражателей. После преступления, получившего широкую огласку, такое случается: идея воспроизводить убийства из фильмов может вдохновить других безумцев. Но совпадений слишком много. И ещё сам стиль.

— Стиль?

— Не знаю, как объяснить. Я и сам не могу точно определить. Даже если убийца меняет способ действия, остаётся нечто узнаваемое. Ты узнаешь соло Кита Ричардса, даже если посадить его в новую группу, дать другую гитару и велеть сыграть «У Мэри был барашек». За всем этим всё равно проступает человек. И я на девяносто процентов уверен, что за всеми четырьмя убийствами стоит один человек. А ты?

— Я тоже думаю, что Брандт. Но уверена меньше. Пара деталей вызывает вопросы.

— Каких?

— Мы знаем, что Брандт перфекционист. Тогда почему он повесился, а не перерезал себе горло? Именно так поступает убийца в «Подглядывающем».

— М-м. Возможно, он отождествлял себя с главным героем «Ночи охотника».

— Я не видела.

— Пятидесятые годы. Роберт Митчем играет странствующего проповедника, серийного убийцу, которого в конце ловят и вешают. Судмедэксперт только что позвонила и рассказала, что на руках Брандта был тональный грим. Под ним нашли надписи LOVE и HATE на костяшках — как татуировки Митчема в том фильме.

— Интересно. Конечно, это может быть объяснением…

— Я слышу «но»?

Витт посмотрела в темноту, через парк — на стены старой тюрьмы Ботсфенгселе.

— Ты знал, что в нескольких сотнях метров отсюда, на Гальгебергете, когда-то постоянно стояла виселица? На самом виду — для устрашения и предостережения. Когда кого-то вешали, публичное унижение, разумеется, было частью наказания. Насколько я помню, признаков морального мазохизма у Брандта мы не видели.

— Чувство вины и потребность наказать себя.

— Именно. Тогда зачем устраивать для себя грандиозный финал, воспроизводя сцену, в которой герой унижен? Это не вяжется с убийцей, которого мы видели в остальных преступлениях. Тот хотел демонстрировать власть и контроль.

— М-м. Самого повешения в фильме тоже не

показывают, о нём лишь говорят. Так что да, несколько странный выбор для кульминации. Но не слишком ли усердно мы пытаемся понять, почему безумцы действуют нерационально и непоследовательно? При том что и никто из нас, остальных, особой последовательностью не отличается.

Она покосилась на него.

— Ты сейчас обо мне?

— Кажется, я сказал «о нас». Мне пора возвращаться.

Харри затушил сигарету о кусок льда в сугробе.

— Позвони, если заметишь ещё что-нибудь странное. И спасибо, что… не позволила дому сгореть.

Харри сидел в кабинете и читал один из отчётов, когда Катрине заглянула в дверь.

— Две вещи, — сказала она. — Сири и Малик поговорили с оператором военного фильма, у него странное прозвище…

— Черно.

— Да. Он утверждает, что убийство Хаугена должны были снять цифровой камерой. Если бы снимали камерой с настоящей плёнкой… как она называлась?

— «Aaton Minima».

— Да. Тогда плёнку пришлось бы проявлять там, где есть тёмная комната и необходимые химикаты, причём одна только проявка заняла бы несколько часов. У Брандта ничего подобного нет, а с учётом промежутка между убийством и появлением ролика в сети он бы просто не успел. Но Черно осмотрел камеру и сказал, что по катушке видно: скорее всего, на плёнке что-то снято. На Яре есть закрытая фотолаборатория, там же хранится старое оборудование для проявки шестнадцатимиллиметровой плёнки. Катушку отправили монтажёру, у которого там студия и который умеет работать по старинке. Посмотрим, есть ли на ней что-нибудь.

— Понятно. Это были две вещи или одна?

— Одна. Вторая: Герт хочет завтра покататься с дядей Халли на коньках.

— Я согласен.

— Именно на коньках.

— Ох. Возможно, в подвале у меня лежит пара старых хоккейных коньков. Проверю.

— Ты играл в хоккей?

— Играл. Плохо. Надеюсь, на него не упаду.

Она скрестила руки.

— Ты выглядишь довольным. Или… повеселевшим.

— Ну, хорошо, что по улицам Осло больше не бегает кровожадный массовый убийца.

— Раскрытые дела никогда тебя не радовали, Харри. Наоборот, ты впадал в депрессию. Так отчего ты теперь такой… менее мрачный?

— Оттого, что сейчас темно, но становится светлее.

Катрине показала ему язык.

— Я пошла.

— Ещё одна вещь, — сказал Харри, указывая на экран. — Здесь написано, что нас известили письмом с адреса Брандта на мой старый адрес. В письме было: «Убийство на Лунскоттвейен, 43». У меня больше нет доступа к той почте, но слово приведено точно?

— Думаю. А что?

— Брандт не говорит *mord*, он говорит *drap*. У него был друг в полиции — наверное, тот его и научил.

Катрине переместила вес с одной ноги на другую.

— Понимаю, ты уже взял на себя роль адвоката дьявола.

— Возможно, это единственный адвокат, который нужен настолько очевидному делу.

— Я, разумеется, не возражаю, но не заходи

слишком далеко. Понятно, что командная работа не твоя сильная сторона, однако и мешать коллегам работать не следует. Принял?

— Принял.

Катрине пожелала спокойной ночи, а Харри вернулся к отчётам. Обыск дома и компьютера Брандта пока не обнаружил ничего, связанного с убийствами. Снимки экрана с перепиской за последний месяц показывали входящие письма с темами «CALL SHEET», «HOD-MEETING» и «LINK TO DAILIES». В исходящих значилось «SHOOTING SCRIPT EDITS». Единственная переписка в обе стороны велась с бухгалтерской фирмой «Скамместен», которая напоминала прислать недостающие чеки для отчёта о расходах за прошлый год.

Харри зевнул.

Зазвонил телефон. Эйстейн.

— «Исцеление».

— Группа?

— Фильм, болван.

— Не видел.

Эйстейн вздохнул.

— Ладно, ты такой не один. В видеопрокате Янсена была одна кассета. За всё время её брали раза три. Когда в последний раз не вернули, Янсен

даже не стал напоминать — только обрадовался, что она больше не занимает место на полке.

— Рассказывай.

— Япония, ранний J-хоррор, конец девяностых. Немного артхауса, но, по-моему, жемчужина. О гипнозе, который заставляет людей убивать без всякого мотива, а потом ничего не помнить. Они вырезают икс на шее жертв — точно как на присланных тобой снимках мужчины в снегу. И первый труп в «Исцелении» лежит среди деревьев, как ваш. Это самая эффектная сцена фильма, та, которую все помнят.

— М-м. Посмотрю, удастся ли найти его в сети.

— А самое странное: на этой неделе в «Веге» фестиваль J-хоррора, и завтра показывают «Исцеление».

— Да, странное совпадение.

— Или нет.

— Или нет. Думаю, схожу на сеанс. Пойдёшь?

— С удовольствием, но завтра весь день за рулём. Сходи с какой-нибудь женщиной. Пора бы уже, не находишь?

— Не думаю.

— Давно у тебя никого не было?

— Спасибо за заботу, приятель. И за подсказку насчёт фильма.

Они закончили разговор. Харри открыл сайт кинотеатра «Вега» и позвонил Олегу.

— Пойдёшь завтра в семь в кино?

— Спасибо, но я собирался приготовить ужин для домашних.

Харри попытался понять, радостно ли звучал голос Олега.

— Хорошо. Передавай привет.

Харри отложил телефон, нашёл в интернете описание фильма на сайте «Веги» и прочитал его под афишей, больше похожей на рекламу артхаусного кино, чем фильма ужасов:

«Исцеление» исследует, как месмеризм может управлять подсознанием и распространяться, подобно вирусу зла и насилия.

Он ввёл в строку поиска слово «месмеризм».

Месмеризм — предшественник современного гипноза, применяемого в психологии и медицине.

Харри поднял телефон. Снова отметил, что она отвечает после третьего гудка, и задумался, не стало ли это у неё навязчивой привычкой.

— Соскучился? — весело спросила Витт, но он услышал то же, что и в голосе Олега: человека, который пытается за волосы вытащить собственное настроение вверх.

— Что ты знаешь о месмеризме? — спросил он.

— Кое-что. Даже немало.
— Пойдёшь завтра со мной в кино?

ГЛАВА 50. [broken link: #TOC]

Александра повернулась к окну, чтобы дать глазам отдохнуть от экрана. Было всего половина третьего, но на Ring 3, проходившей прямо под её кабинетом в Риксхоспиталете, уже возникла пробка. Её испанский бойфренд решил, что она шутит, когда впервые увидел этот час пик и услышал объяснение: машины едут не домой на сиесту, а возвращаются после рабочего дня.

Сама Александра так и не привыкла одновременно наслаждаться жизнью и жаловаться на неё, как делали норвежцы. Она не назвала бы причиной собственную высокую трудовую мораль: дело было не в морали, а в смеси честолюбия и страха лишиться всего, как случилось с её семьёй в Румынии. *Munceste mai mult!* — «Работай больше!» — так бабушка отвечала на большинство жизненных вопросов.

Она снова повернулась к экрану.

В дверь постучали. В этом была главная перемена после повышения: раньше входили без стука.

— Да!

Сильвия открыла дверь. Увидев в проёме энергичную темнокожую девушку, Александра

машинально представила, как белоснежные местные едут домой, пока импортированная рабочая сила с более высоким содержанием меланина продолжает вращать колёса общества.

— Мы получили профили ДНК со съёмочной площадки, — сказала Сильвия и помахала стопкой листов.

— Отлично! Есть совпадения с реестром судимостей или с ДНК с мест преступлений?

— Нет, ни одного.

Александра слегка разочаровалась. Она надеялась помочь Харри и Катрине построить прочное дело против Брандта, хотя они, вероятно, найдут другие доказательства.

— Спасибо, Сильвия. Положи отчёт сюда, я сообщу.

— Я хотела сказать, что обнаружила частичное совпадение с другим профилем.

— Частичное в смысле…?

— Да, близкое родство. Хотя в документах такая связь не указана. Я подумала, что это может быть важно.

— Понимаю. Так какие двое…?

— Трое. Их трое.

— Чёрт возьми!

Харри крепче сжал маленькую детскую ладонь

и сильнее оттолкнулся коньком. Герт завизжал от восторга. К удивлению Харри, ощущение коньков, знакомое с детства, вернулось очень быстро. Они сделали три круга, Герт ехал на буксире. Проезжая мимо своей скамейки, Харри увидел, как в сумке, в которой они принесли коньки, что-то засветилось.

— Нет, не останавливайся! — заныл Герт.

— Может, мама звонит. Потом ещё покатаемся.

Харри затормозил перед скамьёй, одновременно подхватив Герта, который сам затормозить не успел. Поднял его и сел, усадив к себе на колени.

— Разве не изящно? — спросил Харри и достал телефон.

— Нет! — ответил Герт, надув губы.

— Это не мама, а другая очень милая девушка.

— Я! — сказал Герт, уже забыв про обиду, и потянулся к телефону.

— Привет, — сказал Харри. — Тут один парень хочет поздороваться.

Он поднёс телефон к Герту.

— Пливет! Меня зовут Гет. А тебя?

— Привет, Гет. Я Александра.

— Ты класивая?

— Спроси Харри.

— Дядя Халли, она класивая?

— Я уже сказал, что да.

— Он говолит, ты класивая. Ты умеешь кататься на коньках?

— Немного. А ты?

— Да.

— А дядя Харри?

— Он очень холошо катается. Лучше всех на… на…

— На свете, может быть?

Герт сморщил нос.

— Не-е-ет. Или… может быть.

Харри приложил телефон к уху.

— Говори со мной.

— Ты занят, поэтому быстро. Профили ДНК не дают ответов, которые ты, вероятно, ищешь, но показывают, что трое из них — родственники.

— Киноиндустрия считается семейным бизнесом, так что неудивительно.

— Возможно. Но что скажешь, если одна из жертв и убийца — родители человека со съёмочной площадки?

Харри молчал.

— Да, я обещала быстро. Кида Ширер — дочь Роберта Брандта и Фелисии Хение.

Кида, — подумал Харри. Рыжеволосая женщина на площадке. Этого он не предвидел. Или

предвидел? В памяти что-то всплыло и снова исчезло, спрятанное так глубоко, что ему пришлось закрыть глаза, прежде чем он это нашёл.

Дёргающаяся бровь.

— Спасибо, — сказал Харри, принял два билета, которые ему просунули под стеклом кассы, и один протянул Хильде Витт.

Он читал, что шестьдесят процентов билетов в кино в Осло теперь покупают в сети и некоторые кинотеатры думают вовсе закрыть кассы, но пока оставляют их главным образом ради пожилых. Это заставило Харри задуматься: не относится ли теперь и он, покупающий билет в кассе, к старикам — тем, с кем пока считаются, ожидая, когда они вымрут.

— Но вы ведь допросите Ширер? — спросила Витт, пока они шли к залу.

— Да, завтра на съёмочной площадке.

— Почему не в Управлении полиции?

— Обычно мы бы настояли, но она поставила условие: допрос между дублями на Яре.

— Условие? Разве свидетели могут ставить условия? Они обязаны явиться.

— Не если состоят в близком родстве с подозреваемым. Она могла вообще отказаться от показаний, поэтому берём что дают.

Как крабы, они боком пробрались по почти заполненному ряду и сели как раз в начале фильма.

— Обычно я не люблю ужасы, — сказала Витт через час пятьдесят пять минут, когда они вместе с толпой выходили из зала.

— А этот понравился?

— Да. В нём была некоторая психологическая глубина. И снят прекрасно. Понимаю, почему здесь столько кинематографистов.

— Здесь были кинематографисты?

— У тебя были глаза только для меня?

Харри улыбнулся.

— Так что ты можешь рассказать о месмеризме? Это всего лишь псевдонаучный *vrøvl* — чепуха?

— *Vrøvl*! Вот уж нижненемецкое словечко — давно его не слышала. Кстати, месмеризм тоже немецкого происхождения. Месмер был немецким врачом начала девятнадцатого века. Он считал, что вокруг нас существует невидимый животный магнетизм, влияющий на всё, что мы делаем. Те, кто знает секреты, могут направлять энергию этого магнетизма с помощью ритуалов — например, простых движений рук.

— Как в фильме: кто-то рисует крест в воздухе перед человеком — и раз! — тот убивает указан-

ную жертву?

— Именно это, конечно, чепуха. Но существуют техники гипноза, с помощью которых можно заставить человека делать то, что ты хочешь.

— Я читал, что под гипнозом человек не сделает того, чего на самом деле не хочет.

— Верно, но вопрос в том, что понимать под «на самом деле». На самом деле нам хочется довольно многого — того, в чём мы не признаёмся даже себе. Разве нет?

Она слегка толкнула его.

— М-м. Значит, нельзя исключить, что Роберт Брандт был загипнотизирован?

Она сморщила нос.

— Сомневаюсь, что человека можно загипнотизировать так, чтобы он покончил с собой.

— Если только он на самом деле этого не хочет?

— Возможно, — сказала Витт, взяла Харри за руку и потянула в сторону, пропуская других зрителей. — Я не убеждена, но, пожалуй, об этом стоит подумать.

— Хорошо, — сказал Харри, глядя вслед спине в сером пальто, исчезавшей в толпе на тротуаре. — Подумаем до завтра. Спокойной ночи, моя машина здесь неподалёку.

— Хорошо. Вот.

Она протянула ему билет.

Он непонимающе посмотрел.

— Полагаю, Катрине возместит расходы, — сказала она.

— На кино?

— Это же работа. Я бы с радостью списала билет на расходы. Уверена, кинематографисты, которые здесь были, тоже так сделают.

Харри что-то почувствовал. Волосы на затылке. Они поднялись дыбом.

— Думаешь?

— Мы, внештатники, должны списывать всё, что можно.

— М-м. Спокойной ночи. Созвонимся.

Я шёл прямо за ними, достаточно близко, чтобы услышать, как она говорит, что фильм ей понравился. Машинально представил, будто вышел с показа собственной картины, будто я — безымянный человек в толпе, который незаметно прислушивается к отзывам о своём произведении. Впитывал, как сильно они его любят. Или ненавидят. Это тоже приемлемо. Если мне удастся заставить их что-то почувствовать, я добьюсь успеха. Полицейский остановился, и я едва на него не налетел. Пришлось пройти мимо,

поэтому остатка разговора я не услышал. Жаль.

Как бы там ни было, повторный просмотр меня вдохновил. Искусство всегда возникает как продолжение искусства, как беседа прошлого с настоящим. Реальность переоценена; только вымысел способен создать прекрасное и облегчить боль, которую всем нам причиняет эта проклятая реальность. Но, разумеется, зло изгоняется злом; лишь катарсис трагедии может очистить нас, чтобы мы вышли в мир с невинностью новорождённого. Последние сцены ещё предстоит разработать, а потом вы увидите целое во всём его фантастическом ужасе. Я стою в переулке и смотрю, как она проходит по улице впереди. Теперь она одна. Я выхожу следом.

ГЛАВА 51. [broken link: #TOC]

Грип выпрямил ноющую спину, отложил гаечный ключ и посмотрел на большой, похожий на жирафа операторский кран. Вздохнул.

Мелкие неполадки стали возникать слишком часто, и скоро должна была появиться крупная. Значит, крану требовалась серьёзная переборка — или верного трудягу пора было отправлять на пенсию. Он услышал звук, ощутил холодный сквозняк и понял, что кто-то только что вошёл через главный вход в студию «А». Грип посмотрел на часы. Половина двенадцатого. Уборщики давно ушли, и в такой поздний час сюда обычно никто не приходил.

Дверь находилась в другом конце этой огромной пустой части павильона, затемнённой, если не считать его рабочего света. Поэтому Грип не видел, кому принадлежат шаги, коротким эхом отдававшиеся от бетонного пола и приближавшиеся к нему. В световой круг вошла фигура в пальто; голова и лицо были скрыты глубоким капюшоном. Некоторые на съёмочной площадке признавались, что убийства их напугали, но Грип к ним не относился.

Фигура остановилась и откинула капюшон. Грип понял, что ошибся: из-за роста он решил, будто это мужчина.

— Как дела? — спросила Кида Ширер.

Грип пожал плечами.

— В наклонной головке нужно заменить шарикоподшипник.

— Критично? Детали есть?

— Разберёмся. А ты что здесь делаешь так поздно?

— Я сегодня попросила художественный отдел заново оформить бар для лётчиков в студии «В». Хотела только проверить, всё ли они сделали, как я сказала.

— По продплану мы там снимаем только послезавтра?

— Хотела дать им два дня, чтобы они успели сначала сделать неправильно, а потом правильно.

Грип хмыкнул. Кида ему нравилась — и как человек, и потому, что прошла все ступени на съёмочной площадке, а значит, понимала проблемы каждого звена этого механизма.

— Я заглянула сюда, потому что увидела твою машину, — сказала она. — Ужасно, правда?

— Да, ужасно, — сказал Грип. — И совершенно

непостижимо, конечно. Что Роберт был особенным, с этим никто не спорит, но чтобы он… да. Непостижимо.

— Да.

Она кивнула. Постояла, переминаясь с ноги на ногу.

— Завтра полиция придёт сюда меня допрашивать.

— Тебя? Почему?

Она сглотнула. Помедлила. Грип понял, что она зашла к нему потому, что хотела что-то сказать, и это явно давалось ей нелегко.

— Фелисия Хение была моей матерью, — сказала она.

— Ох, — сказал Грип. — Я… я не знал.

— Нет, очень мало кто знает. Я сяду, ладно?

Грип подвинул ей складной стул и сам сел на табурет.

— Я никогда с ней не общалась, — сказала Кида. — Приёмные родители рассказали мне, что у неё были проблемы с наркотиками и что она не хотела ни общаться со мной, ни чтобы меня связывали с ней. Я не знаю, из уважения или из стыда я пришла на похороны в капюшоне и отправила цветы анонимно.

Грип вздохнул.

— К сожалению, это правда, Кида. У неё действительно были проблемы.

— Она никогда не называла отца, и, хотя никто ничего не говорил прямо, у меня сложилось впечатление, что им мог быть кто-то, кто… да, платил ей за секс. Несколько недель назад я разговаривала с Тимом о сценах с самолётами, которые он должен монтировать, и спросила, помнит ли он что-нибудь из тех времён. Он сказал, что у неё был постоянный, но тайный любовник из киноиндустрии. Тайный, потому что он был женат.

— Вот как?

— Я поискала на film.nb.no и выяснила, что моя мать и этот мужчина работали вместе не только над «Проповедником». Они должны были работать вместе и над предыдущим проектом. Он назывался «Final Cut».

— Верно. Вся наша компания «Новый Осло» была в нём задействована. Это должен был быть наш первый фильм, но, к сожалению, ничего не вышло.

— Значит, ты знаешь, о каком женатом мужчине я говорю?

Грип посмотрел на неё. Прикусил нижнюю губу.

— Полагаю, ты знаешь правило, Кида?

— То, что происходит на съёмочной площадке, остаётся на съёмочной площадке.

— Да. Но ладно, это было давно, и для тебя это важно. Так что да, у меня есть предположение, о ком речь. Кристиан был на несколько лет старше нас, так что он единственный из нас успел жениться.

Кида кивнула.

— Я решила, что не стану предъявлять ему претензии за то, что он бросил нас, спасая собственную репутацию и брак. Что хорошего из этого могло бы выйти? Но, как ты видел, я немного сорвалась в сцене, где он должен был играть скорбящего короля.

Она усмехнулась и покачала головой.

— Он, похоже, не понял, на что я намекала. Или сделал вид, думала я.

— И теперь ты думаешь сказать Кристиану прямо, что он твой отец? Только, может быть, не при всех.

— Нет.

— Нет в каком смысле?

— В том смысле, что ничего ему говорить не буду. Потому что я ошиблась.

— Да?

— Мой отец не Кристиан Боэнг. Мой отец — Ро-

берт Брандт.

— Роберт? Правда? Ты уверена?

— Полиция говорит, это показали взятые у нас образцы ДНК. Ты выглядишь очень удивлённым.

— Да, я не думал, что Фелисия и он… — Грип пожал плечами. — Но что я знаю?

— Я надеялась, что ты хоть что-то знаешь.

Грип задумался. Попытался вызвать в памяти события более чем двадцатилетней давности.

— Фелисия и Роберт, — пробормотал он. — Фелисия и Роберт.

Покачал головой.

— Если я что-то видел или слышал, то не помню. У меня это всё равно не складывается. Мы все были очарованы Фелисией, но Роберт был не в её вкусе. Он был недостаточно альфа-самцом, если понимаешь, о чём я. Фелисия была сильной и любила сильных мужчин.

— Ты думаешь?..

— Думаю что?

— Ты думаешь… — Кида поморщилась. — Роберт Брандт мог её изнасиловать?

Грип моргнул. И ещё раз. Медленно всплыло воспоминание. Смутное подозрение, когда-то мелькнувшее и тут же рассеявшееся, потому что казалось слишком невероятным. Вечеринка.

Одна из многих.

— Твоя мать… то есть Фелисия… была на вечеринке у Роберта на вилле. У них с Кристианом, кажется, что-то разладилось, и она была очень подавлена. Роберт дал ей какие-то таблетки — из тех, что обычно водились у Тима, кажется. Фелисия уже тогда начала довольно буйно кутить, так что я не придал этому значения. В общем, ей стало трудно сидеть прямо. Роберт сказал, что ей надо просто немного поспать, и помог ей подняться в спальню этажом выше. Он слишком долго не возвращался, вот из-за этого я… ну, ты понимаешь. Подумал. Что он мог воспользоваться шансом, которого, как он понимал, иначе никогда бы не получил. Она всё ещё спала, когда мы уходили; мы с Антоном даже заглянули к ней, и она выглядела… ну, ты понимаешь, безмятежно. Так что я решил, что всё в порядке. Она ведь и потом ничего не сказала.

Кида судорожно вдохнула.

— Нет. Потому что она не знала, что это произошло.

— Господи.

Грип покачал головой.

— Что мне, по-твоему, сказать полиции?

— Сказать? Думаю, тебе надо рассказать всё.

— Тогда станет известно, что я… дочь массового убийцы. И, если верить тому, что ты рассказываешь, скорее всего, ребёнок, зачатый в результате изнасилования.

— Не думаю, что они станут что-то обнародовать, если это напрямую не относится к расследованию убийств. Я могу уточнить у этого Холе, если хочешь.

— Спасибо, Грип. Ты хороший человек.

— Да нет, — криво улыбнулся он. — У меня просто бывают минуты, когда я чуть лучше.

Он проводил её до двери, и она обняла его. Он не знал почему — может быть, хотел убедиться, что она благополучно доберётся до машины, — но остался стоять в дверях и смотреть ей вслед. Видел, как она странно мелкими шажками семенила по льду, хотя его недавно посыпали песком. Как человек, которого жизнь научила: существует только один вид безопасности — ложная.

Машина уехала. Грип закрыл дверь и снова повернулся к крану. Тяжело вздохнул.

— Дело в том, что это расследование убийства, — сказал Харри. — А в таких делах всё всегда срочно. Так что не могли бы вы проверить прямо сейчас?

— Вы имеете в виду… э-э, сейчас?

— Да.

— Я уже лёг, так что мне придётся встать и спуститься в кабинет на нижнем этаже.

— Полиция была бы вам чрезвычайно признательна, господин Скамместен. Я подожду.

Скамместен, который, по-видимому, вёл свою маленькую бухгалтерскую фирму из дома, повесил трубку. Харри застегнул куртку у горла, поёжился и затянулся сигаретой. Вернувшись из кино, он прошёл прямо на балкон, не снимая ни обуви, ни куртки, нашёл номер человека, чьё имя запомнил по переписке Брандта, и зажёг последнюю сигарету за день. Он стряхнул пепел. Дым бесцельно метался вокруг, как его мысли.

И вдруг его поразила мысль: *это была не просто последняя сигарета дня, а последняя сигарета жизни*. Не то чтобы он собирался бросать курить; просто, возможно, кто-то собирался сделать так, чтобы он перестал жить. Он понимал, что мысль странная, но она уже возникла, а значит, откуда-то пришла. По опыту — из какого-то подвального помещения мозга, где уже выстроилась цепочка рассуждений, в которой остальная часть мозга ещё не участвовала.

Сигарета почти дошла до фильтра, когда зазвонил телефон.

— Да, я нашёл его, — сказал Скамместен.

— Можете прочитать, что там написано?

— Cinemateket, New Year's Evil, 31 декабря, 23:00. Сто семьдесят крон.

— Спасибо и доброй ночи, — сказал Харри и положил трубку.

Катрине ответила сонным голосом.

— Это не Брандт.

— Что ты говоришь?

Теперь она звучала совершенно бодро.

— Он был в кино, когда убили Фелисию.

— Да? Свидетели?

— Только билет. Он отправляет их своему бухгалтеру. Расходы на кино можно списать.

— Ага. Но он мог купить билет, чтобы обеспечить себе алиби, а потом уйти.

— Нет.

— Нет?

— Физический билет мог бы только разрушить его алиби, если бы его там не было.

— Объясни.

— Шестьдесят процентов билетов в кино покупают онлайн, а значит, если соседние с местом Брандта кресла были заняты, есть восемьдесят четыре процента вероятности, что мы сможем найти хотя бы одного из этих двух зрителей. Эти

показы были всего несколько дней назад, так что люди почти наверняка вспомнят, было ли рядом с ними свободное место. И Брандт это тоже понимает.

— Понимает?

— Поправка. Мозг, стоящий за этими убийствами, понял бы, что покупать билеты ради алиби — значит стрелять себе в ногу. Следовательно, этот мозг — не Брандта.

— Я не так силён в процентах, как ты, но, если я правильно понимаю, тогда есть и восемьдесят четыре процента вероятности, что мы сможем установить: Брандт купил билет и не пришёл, то есть создал ложное алиби.

— Алиби, которым он никогда не воспользовался. Поверь, он был на том сеансе.

— Скоро выясним. Но у нас есть плёнка, на которой он убивает Трюма Хаугена, так что в таком случае это означает, что убийц двое. Чёрт!

— Согласен. А значит…

— …значит, на свободе ещё один убийца, который убивает с такой частотой, что мы не можем ждать, пока всё выяснится, а должны немедленно поднимать тревогу. Я звоню в оперативный центр, пусть для начала предупредят всех, кто работает на съёмочной площадке Вама и Брандта.

— М-м. Вижу, кто-то пытается мне дозвониться.

— Ладно, буду держать тебя в курсе.

Харри переключился на другой вызов.

— Говорите.

— Говорите… А, да. Это Кнут Грип, тот парень с…

— Я знаю. Добрый вечер, Грип.

— Кида Ширер рассказала мне о завтрашнем допросе и о том, что она только что узнала: Брандт — её отец. Для неё это шок, и теперь она, конечно, спрашивает себя, не вынесут ли это на всеобщее обозрение.

— Мы не обнародуем ничего, что касается расследования, если это не представляет общественного интереса. Обещать не могу, но прослежу, чтобы этот вопрос рассмотрели внимательно.

— Спасибо, я только это и хотел.

— Хорошо. Только один вопрос, раз уж я с вами говорю, Грип.

— Да?

— Вы думаете, Брандт убил и остальных?

Ответа не последовало.

— Грип?

— Это, наверное, прозвучит дико, но нет. Не думаю.

— Почему?

— Потому что думаю, что это сделал кто-то другой.

— Кто?

— Это лишь догадки, и, скорее всего, я ошибаюсь, поэтому ничего говорить не стану. Не ждите слишком многого, но, может быть, послезавтра я буду знать больше.

— Если будете живы.

— Что?

— Я тоже не думаю, что это Брандт. И если я прав, каждый, кто работает на съёмочной площадке, — возможная следующая жертва. Вы тоже.

— Спасибо, Харри, я уж как-нибудь о себе позабочусь.

— Грип, послушайте. Если у вас есть хоть малейшее основание кого-то подозревать, вы должны сказать. Здесь под угрозой человеческие жизни.

— Если, вопреки всему, я всё-таки окажусь прав, прямо сейчас ничья жизнь не в опасности. Вам придётся мне поверить, потому что я ничего не скажу.

Харри помедлил.

— Хорошо, но как только узнаете что-нибудь…

— Договорились.

Они закончили разговор. Харри понимал, что ему надо лечь. Понимал, что не уснёт. А если уснёт — придут призраки. Поэтому он включил альбом «Goths» группы The Mountain Goats и закурил новую сигарету.

ГЛАВА 52. [broken link: #TOC]

Было за полночь, когда Грип отпер дверь своего дома на Фагерливейен в Дисене. Старый деревянный дом достался ему от родителей. Более двухсот квадратных метров на двух этажах плюс сад — для одного человека, конечно, непомерно много: и для жизни, и для содержания на фриланссерский доход в низкооплачиваемой отрасли.

В темноте он прислушался, прежде чем включить свет в прихожей. Джеронимо, французский бульдог, выкатился ему навстречу. Не из восторга от того, что хозяин наконец вернулся, а чтобы удостовериться, что всё как надо и можно возвращаться к любимому занятию — сну.

Тогда, когда они заводили собаку, никто вокруг не сказал этого вслух, но Грип знал, о чём все думали. Что это заменитель ребёнка, которого они не могут иметь. Которого, как выяснилось, не мог иметь он: с Андреа всё было в полном порядке.

Их брак начался со священника, у которого так дурно пахло изо рта, что, произнося «да», им пришлось отвернуться друг от друга, и продолжился тем, что через три месяца Андреа вернула себе прежнюю фамилию: фамилию Грип она ненави-

дела — слишком короткая, как она утверждала.

Когда выяснилось, что бесплоден он, Грип понял: это лишь вопрос времени — когда она его оставит. И действительно, она променяла его на парня с постоянным доходом, более длинной фамилией и хорошим качеством спермы. Она была настолько уверена в качестве его спермы, что позволила Грипу оставить Джеронимо. Тоже кое-что.

Он стянул ботинки и пошёл к кухонному уголку в глубине гостиной.

— Идём, Джеронимо, еда.

Ответила не собака, а темнота в гостиной.

— Я не понимаю команды.

Грип перестал дышать и машинально схватился за грудь. Джеронимо начал лаять.

— Спокойно, — сказал Грип, глядя на два красных огонька, зажёгшихся у кресла в глубине гостиной. — Никакой опасности.

Джеронимо перестал лаять, а Грип снова задышал.

Он всего лишь активировал голосовой датчик нового робота-пылесоса, стоявшего под книжной полкой. Ну что ж, в каком-то смысле приятно иметь хоть кого-то, с кем можно поговорить.

Он наполнил миску Джеронимо и поставил

на плиту кастрюлю с водой. Опустил туда порционный пакет Fjordland с мясными котлетами, картошкой и гороховым пюре. Можно было воспользоваться микроволновкой — так было бы быстрее, — но он был согласен с Черно, который утверждал, что кастрюля вместо микроволновки — это то, что отделяет нас от животных. Пока Грип смотрел на воду и ждал, когда на дне появятся пузырьки воздуха, он думал о точке кипения. И о Черно.

Это было вскоре после того, как Черно приняли в компанию и в «Пайнвуде» устроили вечеринку. Все были там, кроме него. Потом Антон и Роберт объявили премьеру короткометражки и показали запись: Черно сидел, приклеенный скотчем к креслу перед пультом, шорты и трусы спущены до икр. Он дёргался, пытаясь освободиться, кричал и визжал, а Антон входил в кадр, поднимал к камере банку мёда из кладовой, приседал перед Черно и намазывал ему член мёдом. На мониторе позади Черно включили запись с Фелисией, кресло повернули к экрану, и Антон потащил к Черно свою собаку — овчарку.

Больше им посмотреть не дали: Фелисия вскочила и закричала, Полковник тоже поднялся, багровый от ярости, оттолкнул Антона и Роберта

и выключил плёнку, пока те двое сгибались пополам от смеха. Полковник и Грип отправились в город, расспрашивали о парне в шортах и нашли его в жалком состоянии под мостом у площади Шоус. Черно был под чем-то, угрожал им маленьким ножом и, заикаясь, твердил, что всех их убьёт. Вместе Полковнику и Грипу удалось успокоить мальчишку и уговорить его вернуться в «Пайнвуд». Но только после того, как Полковник накинул на Черно своё шерстяное пальто и пообещал, что Антон и Роберт пожалеют.

Действие наркотика прошло, всё, казалось, было забыто и прощено, и с того дня Черно ходил за Полковником по пятам, куда бы тот ни шёл, и слушался малейшего его знака. Но заикание не исчезло. Оно держалось больше года и даже теперь — когда Черно прямо во время дубля мог заметить ошибку, например что частота кадров стоит на пятидесяти вместо двадцати четырёх, — могло возвращаться. Но, господи, кто хоть немного не заикается в стрессовой ситуации?

Грип вздохнул. Снова подумал о доказательствах, которые, возможно, сможет добыть. О риске, который это повлечёт. О том, не стоит ли просто позволить всему идти своим чередом. Может быть, это всё равно ничего не изменит,

зато он сам не окажется втянут.

Пузырьки воздуха всё не появлялись, и вместо того, чтобы смотреть на воду, он стал наблюдать за Джеронимо, который беззаботно уплетал еду. Может, быть животным не так уж плохо. Может, пора перейти на микроволновку.

— Эй!

Грип снова застыл. На этот раз это был не робот-пылесос. Он посмотрел на террасную дверь, откуда донёсся голос. Почувствовал, как волосы поднялись по всему телу. К стеклу было прижато лицо. Сплющенное, с чертами, настолько растянутыми, что Грип сначала его не узнал. Но не лицо заставило его сразу понять, что он в опасности, а то, что этот человек держал в правой руке.

Теа Рууд плакала. Плакала с тех пор, как он ушёл в полночь, то есть больше двух часов назад, но слёзы всё равно продолжали течь.

Когда она услышала стук в дверь гостиничного номера, первой её мыслью было, что Кристиан передумал и вернулся.

Он объяснил, что им больше нельзя встречаться. Что все эти смерти заставили его остановиться и как следует подумать о том, что важно в жизни. И что это — surprise, surprise — семья. Что она, Теа, правда, занимает почётное второе место, но

так уж вышло. Им лучше не общаться. Во всяком случае, какое-то время.

— Ты имеешь в виду, пока всё это не уляжется? — спросила она. — Ты боишься внимания прессы, что оно снова поднимет все слухи обо всех на площадке?

— И этого тоже, — ответил он. — Мы всё равно рано или поздно дошли бы до конца пути, Теа. Так что сейчас хороший момент, чтобы закруглиться.

Ей хотелось сказать, что в её голове «закруглиться» означает последний круг, но она этого не сделала. Не умоляла, не плакала, не говорила, что она же его Мэрион. Только кивнула, сказала «хорошо» и выпроводила его за дверь, пока у неё ещё оставалось хоть немного достоинства.

Она вытерла слёзы о пододеяльник, оставив на нём длинные чёрные полосы косметики, встала и подошла к двери. Перед тем как открыть, в голове мелькнула мысль: полиция предупреждала всех на съёмочной площадке быть осторожными; два часа ночи; надо бы спросить, кто там. Но дверь она уже открыла.

Это был не Кристиан.

— Привет, — сказала она, глядя на стоящего перед ней человека. — Вот это сюрприз.

— Можно войти на минуту? Это не займёт много времени.

Теа на мгновение помедлила, потом отступила в сторону и распахнула дверь. Гостья вошла, откинула глубокий капюшон, расстегнула куртку и села в кресло. Теа опустилась на край кровати.

— Ты, наверное, тоже не смогла заснуть, — сказала Кида Ширер, медленно стягивая перчатки.

Теа не знала, имеет ли новая режиссёр в виду её опухшее от слёз лицо или то, что она всё ещё полностью одета. Она покачала головой.

— У тебя кровь на руках.

Кида подняла одну руку к свету.

— У тебя острый глаз. Я думала, что всё смыла. Ты, может быть, не знаешь, Теа.

Она вертела руку так, будто разговаривала с ней, а не с Теей.

— Но вообще-то ты сейчас должна была быть мертва.

Теа вдавила пальцы в матрас под собой. Почувствовала, как её собственная голова кивает, будто тело знало что-то, чего мозг ещё не вполне понял. Кида взяла салфетку с подноса room service, вытерла руку и сунула салфетку в карман пальто.

— Да? Значит, Антон успел тебе это сказать?

— Да, — прошептала Теа. — Он сказал, что убьёт

меня. Теперь это должна сделать ты?

Кида медленно кивнула.

— Он рассказал, как тебя должны убить?

Теа покачала головой.

Кида опустила правую руку во внутренний карман пальто.

Теа сидела неподвижно и лишь безучастно смотрела. Не потому, что боялась, а потому, что так было нормально. Если ей суждено умереть, значит, она умрёт. И, как сказал Кристиан, сейчас хороший момент, чтобы закруглиться.

Она услышала, как где-то снаружи церковный колокол отбивает тяжёлые удары. То есть ей показалось, что услышала, ведь она знала: между полуночью и семью утра в Осло все колокола, даже ратушный, должны молчать.

Теа резко вдохнула, когда Кида снова вынула руку из кармана пальто.

Уставилась на то, что та держала.

Это была небольшая книга.

Точнее, стопка листов формата A5, скреплённых вместе и прикрытых прозрачной пластиковой обложкой. Теа знала, что это такое: у неё самой был такой же экземпляр.

Это был сценарий фильма — shooting script.

— Это пересмотренная версия, — сказала Ки-

да. — Та, которую Роберт написал по указаниям Антона и которую производственный офис разослал некоторым из нас в тот же вечер, когда умер Антон. Тебе её не прислали, но единственное крупное изменение в ней — ты погибаешь при бомбёжке ближе к концу первого акта.

Теа непонимающе смотрела на неё.

— П-погибаю?

— Да. Когда звучит воздушная тревога, ты находишься у Джеймса, а он не решается взять тебя с собой в бомбоубежище, потому что знает: тогда обнаружится, что он изменяет жене.

Теа медленно кивнула. Попробовала почувствовать, что хуже: умереть как Теа или как Грейс, её персонаж. И пришла к выводу, что как Теа было бы хуже. Но, значит, и эта роль не станет тем большим прорывом.

Она быстро рассудила, что ранняя смерть Грейс может объясняться одной из двух причин. Либо Антон в последнюю минуту решил, что так история станет лучше. Либо наконец сделал вывод из её ограниченного таланта и приказал Роберту как можно раньше выписать её из фильма, сохранив при этом большинство сцен, которые она уже отсняла.

Теа думала, что слёзы у неё кончились, но, оче-

видно, нет: они снова потекли.

— Тогда я не понимаю, почему меня ещё не вышвырнули из этого чертовски дорогого отеля, — всхлипнула она. — С такой историей мы ведь вчера сняли мой coup de grâce, и вы могли отправить меня домой.

— Возможно, — сказала Кида. — Но я до сих пор сидела и читала сценарий. Мы не можем вернуться к прежней версии: слишком много новых сцен уже снято. Но я написала вариант, где у тебя будет не меньшая, а более крупная роль. О мужской войне снято уже достаточно фильмов. Это шанс рассказать историю с женской точки зрения. О молодой незамужней женщине, которая должна бороться за своё место в мире, ввергнутом мужчинами в войну. О женщине, которую предали все, кто должен был быть ей ближе всех, но которая всё же отказывается терять веру в добро; которая, несмотря ни на что, готова подняться и бороться за нечто большее, чем она сама. Демократия, равенство, гуманизм, свобода. Прежде чем завтра я пойду с этим к нашему продюсеру, мне нужно знать, считаешь ли ты, что сможешь сыграть эту роль.

Кида достала из бокового кармана свёрнутую пачку листов и положила на журнальный сто-

лик.

— Я сказала, что это не займёт много времени, и не займёт, если ты скажешь «нет» прямо сейчас. Но если хочешь прочитать то, что я написала, прежде чем ответить, надо сделать это здесь и сейчас.

Теа посмотрела на бумаги на столе. Подняла первый лист и пробежала глазами.

— Если ты собираешься вставить всё это в сценарий, значит, что-то должно уйти.

— Да, — сказала Кида. — Там довольно много короля Хокона, а это ведь не история о нём.

Теа кивнула, взяла второй лист и стала читать быстро и сосредоточенно.

— Похоже, — сказала она после третьей страницы, — ты спрашиваешь меня, могу ли я сыграть одинокую женщину, которую бросил женатый мужчина и которая делает то, что должна, чтобы выжить, но при этом борется за то, во что верит.

Кида подалась вперёд в кресле.

— Как думаешь, можешь?

Теа вытерла последнюю слезу и почувствовала, как внутри поднимается что-то ещё. Не плач, а смех.

Бедный старый добрый Грип. Он сидит в кресле передо мной и выглядит таким испуганным.

Разумеется, у него есть для этого причина. Сначала я рассказал ему о своём кинопроекте. О том, что он про блестящего, но никем не замеченного одинокого частнопрактикующего гинеколога, несчастно влюблённого в красивую беременную жену-модель своего сводного брата. Чтобы заглушить депрессию, гинеколог подсел на самодельный наркотик и находится на грани психоза, когда брат с женой приходят к нему на последнее УЗИ.

Гинеколог говорит, что плод в опасности, надо действовать быстро, и вводит её в наркоз. Когда она просыпается, то оказывается одна в частной клинике, закрытой на ночь. Она не понимает, что произошло, но видит, что всё ещё беременна, несмотря на швы после операции. Она добирается домой, но там никого нет. На следующий день заявляет о пропаже мужа, и полиция отправляется искать его — и брата, который тоже исчез. Она едет в государственную больницу проверить, не пострадал ли плод после вмешательства.

Пока она лежит там, полиция находит машину мужа на пустынной дороге. Вскрывают багажник и обнаруживают труп мужа с отрезанной головой и плодом в сгибе руки. В это же время его жена лежит с закрытыми глазами, и ей делают

УЗИ. Она слышит, как обычно невозмутимая акушерка кричит и выбегает, зовя врача. Женщина открывает глаза и поворачивает голову к экрану. Там она видит плывущий, размытый контур чего-то, что может быть человеческой головой.

Это начало полицейской охоты на гинеколога, а также начало серии его зверских убийств бывших возлюбленных и их партнёров. Грип, конечно, выглядел потрясённым; другое меня бы разочаровало. Потом я показал ему проявленную плёнку, на которой Роберт вешается. Он боится, потому что, разумеется, понимает: я не могу просто показать ему кадры, раскрывающие, кто стоит за киноубийствами, а затем его отпустить.

ГЛАВА 53. [broken link: #TOC]

Утреннее совещание получилось странным.

— Это саботаж, — сказал Скарре после того как Харри изложил свои сомнения. — Мы должны направить ресурсы на подтверждение нашей гипотезы, а не на её подрыв. Сейчас обществу нужна уверенность, что Брандт был убийцей и что мы шли по его следу. Если именно сейчас посеять сомнения, люди испугаются, что безумный убийца всё ещё на свободе, и решат, будто мы не справляемся со своей работой.

— Это политика, и такие вопросы решаются не на нашем уровне, — сказала Катрине. — Наша работа — найти правду. Пока сверху не скажут иное, страхи общества и то, какое впечатление мы производим, для нас вторичны.

— Конечно, — сказал Скарре. — Я говорю только о выборе момента. То, что у Холе есть сомнения, — это… интересно. Но пока всё по-прежнему достаточно ясно указывает на Брандта, и сейчас нам надо вложить все силы в укрепление доказательной базы, а не в её ослабление. За эту работу переплачивают адвокатам защиты. Если вопреки ожиданиям увидим, что доказательства

указывают в другую сторону, тогда и построим новую гипотезу. Но не сейчас.

— Это логическая ошибка.

Остальные удивлённо повернулись к Олегу.

— Но это же само собой разумеется, — сказал он и посмотрел на Харри, который коротко кивнул, словно говоря: да, продолжай.

— Брандт мёртв, — сказал Олег. — Так что, если он виновен, у нас есть сколько угодно времени проверять другие гипотезы и ошибаться. Если убийца — кто-то другой, времени у нас чертовски мало. Потому что он будет убивать снова.

— Похоже, я нажил себе врага в лице этого Скарре, — сказал Олег, направляя машину к Яру.

— Значит, ты на верном пути, — сказал Харри.

Они ехали дальше молча.

На верном пути.

Харри не знал, только ему ли казалось, что слова повисли в воздухе: по Олегу трудно было понять, что у него на душе.

Он не знал и того, понял ли Олег, что Харри сыграл свою роль в том, что Хильде Витт порвала с ним.

Опыт Харри подсказывал: если чего-то можно не касаться — не касайся. Олег был таким же. Харри вздохнул. Олег вздохнул. Никто ничего

не сказал.

Они оставили всё как есть.

Черно и Полковник тихо разговаривали, когда Харри и Олег без пяти десять шли к студии «А». Полковник — в сером шерстяном пальто, натянутом поверх спортивного костюма Adidas; Черно — в шортах и тонкой куртке, попеременно выдыхая пар и табачный дым. Харри не знал, только ли из-за разницы в росте он инстинктивно подумал, что между ними есть и разница в статусе. Во всяком случае, Черно держал голову высоко, пока главный осветитель говорил прямо в воздух, не глядя на своего оператора.

— Добрый день, господа, — прогремел Полковник, с раскатистыми «р», разрывавшими утреннюю тишину.

— Добрый день, — сказал Харри. — У нас назначена встреча с Кидой Ширер. В её трейлере.

— У Киды появился трейлер?

Черно взглянул снизу вверх на Полковника.

— Антонов, — сказал Полковник и затушил сигарету. — Идёмте, покажу.

Он просто пошёл, а Харри с Олегом двинулись за ним.

— О чём вы собираетесь говорить с Кидой? Теперь, когда дело раскрыто.

— Остались вопросы без ответов, — сказал Харри. — Например, какой мотив мог быть у Брандта.

— Быть увиденным, — сказал Полковник.

Ответ прозвучал так быстро, что Харри насторожился.

— Он или его фильмы?

— Это одно и то же, — сказал Полковник, заворачивая за угол.

— М-м. Можешь пояснить, что это значит в случае Брандта?

Полковник замедлил шаг.

— Слушайте. Роберт Брандт был weirdo, и в нашей маленькой киношной семье его никто не любил. Причин много, и некоторые лежат в прошлом. Но что он окажется настолько сумасшедшим, никто не предполагал.

— Когда ты говоришь, что его не любили, это значит, что его… ненавидели? И если да, то почему конкретно?

Полковник пожал плечами.

— Можешь спросить Черно. Или Фелисию Хение.

— А ты? Ты его ненавидел?

— О, я уже это пережил, — мрачно усмехнулся Полковник.

— Пережил что?

Полковник остановился рядом с двумя белыми домами на колёсах. На двери одного было имя Антона Вама.

— No big deal. У нас с Черно была идея фильма, которую он по глупости рассказал Роберту и Антону на вечеринке в «Пайнвуде». Через четыре месяца они пришли к нам и спросили, не хотим ли мы уйти из «Final Cut» и стать осветителем и оператором на фильме под названием «Проповедник», который написал Роберт и который Антон должен был режиссировать. Трюм Хауген из Кинофонда решил выделить деньги «Проповеднику», а не «Final Cut». Уйти из «Final Cut» было предательством, но мы согласились и подписали контракт. Нам обоим нужны были деньги: мы с Черно как раз вскладчину купили квартиру и влезли в ипотеку по уши. Когда я прочитал сценарий, то увидел, что они украли нашу идею. Я сказал им об этом, и они, в общем, не отрицали, пообещали, что к вопросу о том, как нас укажут в титрах, мы ещё вернёмся. Но когда «Проповедник» неожиданно стал успешным и принёс прибыль, они заявили, что это всё время была их идея, а нам просто поддакивали, потому что мы были нужны им для съёмок.

Полковник пожал плечами.

— А может, это и правда была их идея. Чистой копией она не была. Может, наша идея их только вдохновила. Так что, как я сказал, no big deal.

— Уверен?

В ответ Полковник сжал кулак, оскалился и постучал в дверь трейлера Антона Вама. Открыла Кида Ширер.

— Ничего себе, прямо как киношники — пунктуальные, — сказала она.

Она обратилась к Полковнику:

— Кстати, с Грипом по-прежнему не связались?

— Нет. Наверное, проспал.

— Спасибо, что уделили нам время, — сказал Харри, пока они с Олегом втискивались на двойное сиденье и брали по бумажному стаканчику кофе из термоса.

Кида Ширер выглядела так, будто почти не спала, но на губах у неё была сонная, словно удовлетворённая улыбка.

Харри кивнул Олегу. Тот раскрыл блокнот и повторил сказанное по телефону: она может пригласить адвоката, а давать объяснения — дело добровольное. Она кивнула.

— Начинайте.

— Вы не против, если мы?..

Олег поднял один из полицейских цифровых диктофонов. Кида снова кивнула. Олег нажал кнопку записи, продиктовал время и место, перечислил присутствующих и отметил, что согласие на запись получено.

Харри откинулся назад и рассматривал молодую режиссёрку, пока Олег задавал вопросы, записанные в блокноте.

Кида отвечала обстоятельно и — насколько Харри мог судить — честно. Она рассказала, что до получения результата ДНК-теста понятия не имела, кто её отец. То есть как раз имела — предположение. Двухнедельной давности. Кто-то сказал ей, что у Фелисии в то время был любовник — уже женатый Кристиан Боэнг. То, что отцом оказался Роберт Брандт, стало шоком. Когда она рассказывала, как получила сообщение, её бровь дёрнулась точно так же, как у отца; Харри отметил, что, рассказывая об этом, она не пыталась разыграть шок. Возможно, это означало, что она не видит причин, по которым они ей не поверят, или что ей всё равно, верят они или нет. Олег расспрашивал, где она находилась в моменты убийств, и довольно быстро стало ясно, что как минимум для двух убийств у неё было крепкое

алиби. Поэтому многие дополнительные вопросы, которые они обсуждали в машине по дороге сюда, стали лишними.

— Спасибо за ваше время, — вмешался Харри, когда увидел, что Олег ломает голову, пытаясь придумать ещё вопросы.

Олег вышел, а Харри немного поборолся с прикрученными столиком и сиденьем, чтобы выбраться.

— Значит, опоздания у вас не в порядке вещей, — сказал он, пытаясь освободить колено.

— Ты про Грипа? У нас это называется burn rate — столько стоит каждый час, когда всё готово, а съёмки не идут. На этих съёмках — восемьдесят тысяч крон в час. У Кнута должно быть чертовски хорошее объяснение.

— Окей, — сказал Харри и вытянул освободившуюся ногу. — Позвоним, если у нас появятся ещё вопросы.

По пути к «Эскорту» у Харри зазвонил телефон. Это была Сири Хеймен.

— Я поговорила с молодой парой, которая сидела рядом с Брандтом.

— Да?

— Они его помнят, потому что сидевшие сзади попросили его снять шляпу, и он обиделся. Я

отправила им фотографию Брандта, и они подтвердили, что это был он.

— Спасибо.

Харри повесил трубку.

— У Брандта алиби.

Олег застонал.

— Снова в исходной точке.

Раздался хриплый крик, и на стекло посыпался снег. Тот же крик — ещё раз. Харри наклонился вперёд и посмотрел вверх. Увидел качающуюся ветку над ними и ворону, пролетавшую над машиной. Она крикнула в третий раз, потом скрылась за крышей студии «B».

— Чёрт, чёрт, — прошептал Харри и нажал на экран телефона.

Олег повернулся к нему.

— Что такое?

— Что-то забыл? — раздался в телефоне голос Сири Хеймен.

— Найди нам адрес Кнута Грипа, — сказал Харри. — Работает в кино. Если не найдёшь, его адрес есть в «Фильмпаркене» на Яре.

— Займусь.

— Харри… — начал Олег.

— У тебя есть мигалка? — перебил Харри и положил телефон в центральную консоль.

— В багажнике.
— Доставай.

ГЛАВА 54. [broken link: #TOC]

Тишина давила Харри на уши почти физически после того, как Олег выключил сирену. Они остановились у дома Кнута Грипа и смотрели на пустую, словно вымершую поздним утром улицу с виллами в Дисене. Харри хорошо знал этот район. Сблокированные дома здесь построили для государственных служащих в пятидесятые, а виллы изначально были скромными домами среднего класса с такими же скромными садами; теперь сами виллы достраивали и продавали почти по тем же ценам, что и дома на западной стороне города.

— Открой багажник, — сказал Харри и выпрыгнул из машины. — И возьми оружие.

— Может, стоит дождаться патрулей? — спросил Олег, но нажал кнопку под рулём.

Харри поспешил через калитку, прижимая телефон к уху и держа в руке монтировку. Олег шёл сразу за ним с готовым служебным пистолетом.

— Если он не отвечает, мы взломаем дверь.

— Но… — начал Олег.

— Опасность для жизни и так далее. С дежурным юристом полиции разберусь потом.

Харри поднялся по трём ступеням на крыльцо и нажал кнопку звонка под табличкой с именами Андреа Хэссельберг и Кнута Грипа. Изнутри донёсся приближающийся топот лап. Затем — сердитый собачий лай. Они подождали, но других шагов не услышали.

— Идём вокруг, — сказал Харри.

Они пробрались через снег в сад.

— Не наступи на… — начал Харри и указал.

— Вижу, — сказал Олег и обошёл глубокие следы в снегу перед ними.

Они поднялись на террасу, и Харри сложил ладони ковшом, приставил их к стеклу и заглянул внутрь.

Он сразу увидел светлый диван. И тёмные пятна. Полосы на светлом паркете.

— Кровь, — сказал он.

Поднял монтировку. Стекло лопнуло с хрупким звоном.

Они перебрались внутрь, переступая через осколки.

Собака, которую Харри определил как разновидность бульдога, подбежала и залаяла, словно стараясь казаться больше, чем была, но в остальном выглядела безобидной.

Харри пошёл по кровавому следу, похожему на

полосу от волочения, в коридор. Бульдог побежал впереди, словно показывая дорогу.

Снаружи уже слышались приближающиеся полицейские сирены. Бульдог остановился перед дверью, у которой кровавый след обрывался.

Харри жестом велел Олегу держать пистолет наготове. Вдохнул. Чтобы не испортить возможные отпечатки, он нажал на ручку, упершись в самый её конец только указательным пальцем.

Это был маленький гостевой туалет.

Кнут Грип лежал на спине на полу, головой рядом с унитазом; белая рубашка была пропитана кровью.

— О чёрт, — сказал Олег.

Харри опустился на колени. В центре груди, на залитой кровью рубашке, виднелось отверстие с чёрными краями, словно от сигаретного ожога.

— Выстрел в упор, — сказал Харри и осторожно обхватил запястье Грипа тремя пальцами, одновременно отодвигая собаку, которая пыталась лизнуть хозяина в лицо.

— Я проверю дом, вдруг убийца ещё здесь, — сказал Олег.

— Нет! — резко сказал Харри. — Не раньше, чем придёт подкрепление.

— Но что, если убийца уйдёт, пока…

Снаружи послышалось, как сирены приблизились и смолкли.

— Его здесь нет, — сказал Харри. — Кроме того, технически в этом конкретном случае он пока ещё не убийца.

Олег моргнул.

— Ты хочешь сказать…

— Пульс есть. Вызывай скорую.

ГЛАВА 55. [broken link: #TOC]

Был полдень — самое светлое время короткого дня, — когда Харри вёл «Эскорт» вниз по Мункедамсвейен и проехал под стеклянным переходом Концертного зала.

Он перестроился в соседнюю полосу и плавно поравнялся со старым чёрным Mercedes, стоявшим первым в очереди свободных такси.

Эйстейн оторвался от книги и нажатием кнопки опустил стекло, пока Харри крутил ручку своего стеклоподъёмника.

— Сейчас? — сказал Эйстейн и взял сигарету из пачки, протянутой Харри.

— Вот фото, которое я хотел тебе показать.

Харри передал ему телефон. Эйстейн изучил экран, на котором Кнут Грип лежал головой к унитазу. Харри прикурил им обоим.

— Харри, я же говорил, тебе надо избавиться от этой зажигалки.

— А я говорил, что это суеверие.

— Это, чёрт возьми, не суеверие, когда весь «Клуб 27» помер с белой зажигалкой в кармане.

— Я вчера проверил. Bic не выпускал белые зажигалки до семьдесят третьего, то есть Хенд-

рикс, Джоплин и Моррисон к тому времени уже умерли.

— Никто не говорил, что это были зажигалки Bic. Так или иначе, кто этот парень на фото?

— Его зовут Кнут Грип.

— Зовут, не звали?

— Нет. Он выживет. Есть ассоциации?

— В «Разыскивающем» восьмидесятого года есть похожая сцена обнаружения трупа, — сказал Эйстейн и стряхнул пепел за окно. — Серийные убийства в нью-йоркской гей-среде. Не самый славный момент в карьере Аль Пачино: полнейший мискаст, если спросишь меня. Да и Уильям Фридкин был, мягко говоря, неровным режиссёром: то гениальным, то никуда не годным.

— Кто жертва? — спросил Харри.

— Насколько помню, один из немногих симпатичных, отзывчивых людей в этой, ну, знаешь, мачистской гей-среде, где все ходят в коже. Он дружит с Пачино, который расследует убийства.

— М-м.

— Есть ещё фото?

— Только это, я сам его сделал, — сказал Харри. — Грипа срочно увезли в больницу.

Эйстейн снова изучил экран.

— Столько крови. Удивительно, что он выжил

после выстрела прямо в грудь, разве нет?

— Ага. Мы не знаем, выживет ли он и насколько тяжело ранен, потому что вообще-то такой выстрел смертелен. И убийца наверняка так тоже думал, раз ушёл, не доведя дело до конца.

Задняя дверь такси Эйстейна открылась.

— Не видите, мы тут убийство расследуем! — крикнул Эйстейн.

Кашемировое пальто, уже начавшее садиться в машину, быстро отступило.

— Но, — продолжил Эйстейн, — если парень выживет, это же, наверное, чертовски хорошие новости. Не только потому, что он не умрёт, а потому что сможет рассказать вам, кто такой Киноубийца.

— Киноубийца?

— Ты газет не читаешь?

Эйстейн схватил бумажный VG, лежавший на пассажирском сиденье, и поднял перед Харри.

— У него появилось имя.

— М-м. Грип пока не приходил в сознание, а если это из-за кровопотери, прогноз плохой. Клетки мозга начинают умирать через несколько минут, так что, даже если он очнётся, велика вероятность, что он будет овощем.

— Понятно. Невезение внутри везения, да?

Эйстейн поёжился.

— Это тебе, — сказал он и протянул Харри телефон, который теперь светился и вибрировал.

Харри приложил телефон к уху.

— Да?

Пауза.

— Сейчас буду.

Он сунул телефон в карман.

— Грип очнулся.

— И?

Харри включил передачу и начал поднимать стекло.

— Говорит полными предложениями.

В боковом зеркале Эйстейн видел, как «Эскорт» ускоряется к перекрёстку, а пешеходы торопливо переходят на красный. Харри даже не пришлось пользоваться клаксоном: старый, громко тявкающий мотор сделал работу за него.

Эйстейн взял книгу о Джоне фон Неймане, но снова отложил. Продолжал курить и смотреть вслед приятелю. Мало чему в жизни Харри он завидовал, но вот это хотел бы иметь и сам. Работу, которая и спустя столько лет могла придавать человеку то голодное, лихорадочное выражение, какое появлялось у Харри, когда он выходил на след убийцы.

— Такой выстрел был бы опасен для жизни и для вас, и для меня, — сказал врач, торопливо шагая вместе с Харри по больничному коридору. — Но у этого пациента в грудную клетку вживлена титановая пластина.

— Титановая пластина?

— Да. Мы устанавливаем их, когда грудную клетку нужно реконструировать после травм, например полученных в автомобильных авариях, или при заболеваниях вроде рака.

— И всё же, — сказал Харри. — Звучит довольно невероятно, что тонкая пластина могла остановить пулю, выпущенную в упор.

— О, пулю она бы не остановила.

Врач и Харри отошли в сторону, пропуская медбрата, катившего кровать.

— Если бы это была пуля, пациент был бы мёртв. К счастью, пули не было.

— Что вы имеете в виду?

— Это был холостой патрон. Из тех, что используют…

— В кино, — сказал Харри.

— Именно. Но если приставить ствол вплотную к груди и нажать на спуск, велик риск, что давление пороховых газов пройдёт сквозь мягкие ткани и разрушит сердце. Я такое уже видел. И

вы, возможно, слышали о Брэндоне Ли? Его убили на съёмочной площадке, когда выстрелили холостым патроном.

— М-м.

— Здесь повреждены только мягкие ткани перед пластиной. Понимаю, при таком количестве крови всё выглядело драматично, но кровопотеря тоже была не такой значительной, как, вероятно, казалось.

— Но он был без сознания. Разве не из-за кровопотери?

— Нет.

Они свернули направо в новый коридор.

— Нет?

— Пациента накачали препаратом, который ещё предстоит подробно исследовать судмедэкспертам. Всё, что я могу сказать: речь должна идти о сильном депрессанте ЦНС, то есть веществе, которое приглушает сигналы тревоги в центральной нервной системе. Передозировка может быть смертельной, но здесь, к счастью, всё обошлось.

Полицейский в форме, стоявший у двери палаты Грипа, узнал Харри, кивнул ему и открыл дверь.

На единственной кровати в палате полусидел бледный Кнут Грип. Грудь охватывала широкая

повязка, воду он пил через трубочку.

— Оставлю вас поговорить, — сказал врач и исчез.

Харри проводил его взглядом, потом повернулся к Грипу, который криво улыбнулся.

— Без цветов?

— Если бы я и собирался купить что-нибудь в цветочном, то венок, — сказал Харри, вытаскивая из-под окна стул и придвигая его к кровати. — Но вид у тебя такой, будто тебя вот-вот выпишут.

Грип попытался пожать плечами, но движение заставило его болезненно поморщиться.

— Так они и говорят, — простонал он. — Я слышал, это ты меня нашёл. Спасибо, Харри.

— Nada, я просто делал свою работу.

— За то, что человек делает свою работу, благодарность принимать можно, знаешь ли.

— Ладно, спасибо за спасибо, — улыбнулся Харри, достал блокнот и стал шарить по карманам в поисках ручки. — Значит, в тебя, как я понимаю, встроили броню.

— Да, несколько лет назад у меня был рак грудной стенки. Насколько я понял, эта металлическая пластина спасла меня уже во второй раз.

Харри щёлкнул кнопкой ручки.

— Готов коротко рассказать, что произошло?

Харри увидел, как на лице Грипа проступило отчаяние, и не понял, как его трактовать.

— Вот именно, Харри. Я ни черта не помню.

— Я имею в виду, что происходило до того, как всё отключилось.

— Я понимаю. И не знаю. Последнее, что помню: я дома и собираюсь приготовить себе что-нибудь из Fjordland. После этого — будто занавес опустили.

Харри посмотрел на Грипа.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь, кто в тебя стрелял?

Грип кивнул.

— Меня, видимо, накачали наркотой. Но я и этого не помню.

— Окей, — сказал Харри, глядя на пустую страницу блокнота. — Кто был рядом до того, как всё отключилось?

— Я. И Джеронимо. То есть моя собака. Что вы с ним…

— Олегу пришлось его забрать, чтобы он ещё сильнее не загрязнил место происшествия. Но сейчас он в собачьем приюте Solplassen, с ним всё хорошо.

— Хорошо. Ещё раз спасибо.

— Но всё-таки… полный провал? Ни одной

детали, ничего? Пусть даже что-то совершенно отрывочное и бессмысленное. Что-то, что кажется сном, например.

Грип покачал головой.

— Врач говорит, память ещё может вернуться.

— Будем надеяться. Когда мы в последний раз виделись в кинопарке, ты сказал, что подозреваешь одного человека и должен это проверить.

— Разве?

— Ты и это забыл?

— Видимо.

— М-м. Ты в порядке, Грип?

Грип закатил глаза.

— Не могу сказать. Голова кружится, вся грудь болит, но соображаю вроде нормально, если ты это имеешь в виду.

Харри убрал блокнот в карман.

— Вряд ли преступник попробует снова, теперь, когда знает, что мы сосредоточились на тебе, но я всё равно поставлю полицейскую охрану.

— Нет, — твёрдо сказал Грип. — Ни за что.

— Почему?

— Это свободная страна, и я не хочу, чтобы меня пасли. Я буду осторожен, и так тому и быть. Basta.

Харри долго смотрел на мужчину в крова-

ти. Большинство людей охотно мирились бы с неудобством постоянного присутствия телохранителя, если бы им грозила смерть. Но, конечно, существовали исключения. Харри, пожалуй, и сам был одним из них.

— Посмотрим, Грип, но тот, кто стоит снаружи, останется. Позвонишь мне, если что-нибудь вспомнишь?

— Само собой.

Идя через парковку, Харри думал, что делать с Грипом. Потому что беспокоила его не потеря памяти. А то, что он ни на мгновение не поверил, будто Кнут Грип говорит правду.

Он сел в машину и завёл двигатель. Проверил телефон. Сообщение от Катрине. Это уже становилось рефреном: он садился в машину и получал сообщение о новой плёнке.

— Это шестнадцатимиллиметровая плёнка из камеры Роберта Брандта. Её проявили.

ГЛАВА 56. [broken link: #TOC]

Харри закрыл глаза, пока остальные в переговорной смотрели запись в третий раз. Ему казалось, будто внутри у него — космическая чёрная дыра, точка, которая притягивает и пожирает всё человеческое, что в нём ещё осталось, и требует ещё. Требует пищи. Чем угодно. Спиртным. Сексом. Кровью. Даже болью — лишь бы это удерживало смерть на расстоянии вытянутой руки.

Всё было на удивление буднично — и, возможно, именно поэтому так потрясало. Словно смотришь, как человек решает не слишком сложную техническую задачу — например, забирается в гамак.

Первым они увидели, как Роберт Брандт — очевидно, сам включивший камеру — подошёл к низкому деревянному стулу в центре кадра. Он взобрался на стул, надел петлю на шею, повернулся к камере. Согнул колени, пока верёвка не натянулась. А потом — осторожно, будто боялся повредить стул, — оттолкнул его ногой, и стул опрокинулся.

Запись была без звука, зернистая, с отдельными рывками, и никакого предсмертного танца

не было: только три подёргивания тела через несколько секунд, как у ребёнка, который засыпает. От этих подёргиваний тело повернулось вправо, потом влево; затем плёнка ещё раз, почти незаметно, дёрнулась, после чего они смотрели, как тело совершенно неподвижно висит последние две минуты трёхминутной записи.

Но не сам переход от жизни к смерти разверз в Харри эту чёрную дыру. Хотя тёмные стёкла Брандтовых очков в стиле Оззи скрывали глаза, они не могли скрыть лунатического безразличия человека, который уже сделал выбор, уже был мёртв.

Отчаяние — да, но и решимость. Но и не это разверзло в Харри чёрную дыру. Он увидел самого себя — собственные фантазии о самоубийстве, которые преследовали его сразу после смерти Ракель.

— Вот и всё, — услышал он голос Малика, но глаза по-прежнему держал закрытыми. — Три минуты, вся катушка. Больше похоже на домашнее видео, чем на то, что мы видели раньше.

Голос Катрине:

— Возможно. Что думаешь, Хильде? Язык тела нам о чём-нибудь говорит?

— Может быть, — сказала Витт. — Как спе-

циалист я, конечно, могу сказать кое-что о невербальной коммуникации, но её всегда нужно интерпретировать в контексте. Здесь контекст настолько экстремальный, что судить трудно. Чтобы сделать то, что он делает, ему нужно подавить то, что он чувствует. Либо посредством того, что мы называем диссоциацией, либо за счёт того, что префронтальная кора подавляет реакции миндалевидного тела. Первое происходит бессознательно, второе — то есть подавление импульса страха — часто требует тренировки. Например, у солдат, пожарных или…

— Полицейских, — сказал Олег.

— Да.

В комнате на пару секунд стало тихо.

— Другие впечатления? — спросила Катрине. — У остальных?

— Вялые движения, — сказала Сири Хеймен. — Мне кажется, он что-то принял.

— Это тоже возможно, — сказала Витт. — Что-то, способное убрать часть реальности. В крови до половины людей, погибших в результате самоубийства, обнаруживают алкоголь, а среди тех, кто повесился, до трети принимали бензодиазепины.

Харри снова увидел фильм на внутренней сто-

роне век, и эхом прозвучали слова, только что сказанные Хильде.

Убрать часть реальности.

Она сказала это о наркотиках, но его мозг связал слова с чем-то другим; только Харри никак не мог понять, с чем именно.

— Так или иначе, — сказала Катрине. — Нет сомнений, что Брандт покончил с собой, и всё по-прежнему указывает на то, что он убил Трюма Хаугена.

— Указывает? — спросил Олег.

— Да, — сказал Эдди. — Мы обнаружили отпечатки пальцев на шее Трюма Хаугена, и они совпадают с отпечатками Роберта Брандта. Брызги крови на одежде Брандта и следы в снегу соответствуют тому, что он встал на колени, наклонился над Хаугеном, подложил левую руку ему под затылок, приподнял голову и правой рукой перерезал горло ножом. То же самое с отпечатками на ноже и кровью на руке Брандта.

— При этом мы знаем, что Брандт был в кинотеатре «Вега», когда убили Фелисию, — сказала Катрине. — Следовательно, у нас не один убийца, а два. Насколько это необычно, Харри?

— Необычно, — сказал Харри, по-прежнему не открывая глаз.

Он открыл их и выпрямился на стуле.

— Но примеры есть. Когда их двое, обычно это супруги.

— Почему?

— Общее представление о реальности, — подхватила Витт. — Типичная ситуация: одна доминирующая личность, чаще мужчина, со временем создаёт моральную вселенную, которую другой принимает.

— Брандт не был женат, и, насколько мы знаем, у него не было девушки, — сказала Катрине.

— Я как раз видел фильм о двух чокнутых серийных убийцах, которые не были парой, — сказал Скарре. — Убили минимум одиннадцать человек в восьмидесятых и снимали это на видео, прямо как здесь. Один американец и один желтолицый…

В комнате кто-то кашлянул.

— …Ладно, азиат. Их звали… э-э…

— Леонард Лейк и Чарльз Нг, — сказал Харри, подавив зевок.

— В любом случае, — сказал Скарре. — Этот Лейк покончил с собой, приняв цианид, когда его взяли. Они были просто двумя мужиками, которые разделяли фантазии о насилии.

— Значит, ты думаешь, у нас то же самое? —

спросила Катрине.

— А разве это не очевидно? — Скарре развёл руками. — Мы слышали выводы криминалистов. Брызги крови, следы — всё это невозможно инсценировать.

— Можно, — сказал Харри.

Наступила тишина, все повернулись к нему.

— Можно устроить всё так, чтобы выглядело, будто человек убивает по собственной воле. У нас один убийца, и он напичкал Брандта наркотиками, точно так же, как сделал с Кнутом Грипом. Угрожал Брандту — например, приставил револьвер к его голове — и заставил убить Хаугена ножом. Брандт обычно носит перчатки, но он заставил его снять их, чтобы тот оставил отпечатки. Потом заставил Брандта включить камеру и повеситься.

— Эй! — воскликнул Скарре. — Ты сам слышишь, насколько неправдоподобно это звучит?

— Слышу, — сказал Харри. — Но когда мы исключили вероятное, остаётся невероятное. А из невероятных гипотез сначала нужно рассматривать наименее невероятную. Вероятность того, что Брандт или любой другой человек окажется одним из двух сотрудничающих серийных убийц, по данным ФБР, составляет десять в минус

девятой степени. Можешь посчитать, Скарре, а остальным стоит подумать о более вероятном: как наш единственный массовый убийца мог заставить Брандта покончить с собой.

— Угроза продолжительной физической или психической боли, — сказала Витт. — Или необратимой утраты близких отношений. В «The Interpersonal Theory of Suicide» Джойнер говорит…

Она заметила выражение лица Катрине.

— …много всего.

— Спасибо, Хильде, — сказала Катрине. — Хорошо. Берём за основу одного убийцу, ничего при этом не исключая. Что-нибудь ещё?

— Мы нашли револьвер, из которого стреляли в Грипа, — сказал Эдди. — Он валялся в снегу перед террасой. «Webley Mk VI». С холостыми патронами, как ты и сказал, Харри.

— С какой стати он пытался убить человека холостыми? — спросил Малик.

— Патроны уже были в револьверах, когда он украл их на Яре, — сказал Харри. — Он не знал, что в одном из них холостые. Думал, что всадил в Грипа пулю.

Скарре ухмыльнулся.

— Чистое невезение, значит?

— Я бы назвал это везением, — сказал Харри.

— Хорошо, — сказала Катрине. — Перейдём к распределению задач…

— Откуда ты взял десять в минус девятой степени? — спросила Витт, спускаясь вместе с Харри по лестнице Полицейского дома.

— С курса по серийным убийствам в Чикаго.

— Это число мне ни о чём не говорит.

— Это вероятность перетасовать колоду, а потом вытянуть пики по порядку от двойки до валета. И повторить то же самое ещё раз.

— Но если у нас уже есть один серийный убийца, какова вероятность, что он сотрудничает с кем-то?

— Между десятью и двадцатью процентами.

— Эй! Это же высокая вероятность. Зачем ты соврал?

— Я не врал.

— Ты представил это как совершенно невероятное.

— Я думаю, он один, — сказал Харри и достал телефон из кармана.

— Значит, когда Харри Холе что-то думает, статистика и психологические исследования могут идти спать?

Он приложил телефон к уху.

— Ты говоришь, что это массовый стрелок, а они действуют в одиночку гораздо больше чем в девяноста процентах случаев.

— Но, чёрт возьми, это всё равно почти десять процентов…

— Он один, — перебил Харри и поднял руку, показывая, что отвечает на звонок. — Говорите.

Хильде Витт возмущённо покачала головой, пока Харри слушал.

— Я включаю громкую связь, чтобы наш специалист тоже слышала, — сказал он. — Можешь повторить, Александра?

Он поднял телефон между ними. Голос судебного медика в каменной лестничной клетке звучал ещё жёстче, чем обычно.

— Я говорю, что мы нашли у Кнута Грипа ту же комбинацию опиоидов и бензодиазепинов, что и у Роберта Брандта. Мы раньше не встречали именно такую смесь, но вообще подобное используют при изнасилованиях с применением снотворных. Комбинация особенно опасна, потому что вызывает более глубокую потерю сознания и действует гораздо дольше.

— Грип утверждает, что ничего не помнит, — сказал Харри. — Даже того, что случилось до того, как ему дали наркотик, то есть кто ему его дал.

Ты бы в это поверила?

— Абсолютно. Бензодиазепины нарушают работу гиппокампа и вызывают антероградную амнезию.

— А по-человечески?

— События не сохраняются в долговременной памяти, — сказала Витт рядом с ним.

— Дама права, — сказала Александра. — Окей? Мне надо бежать.

— Окей, спасибо, — сказал Харри и убрал телефон в карман.

— То, что наркотик один и тот же, ничего не доказывает, — сказала Витт. — Брандт и его сообщник делили наркотики так же, как делили фантазии об убийствах, — совсем как те два серийных убийцы, о которых вы говорили.

Харри придержал для неё дверь, потом вышел следом на холод и пошёл вниз по склону к церкви Грёнланн.

— Если предположить, что Грип всё забыл, — сказал Харри, — можно ли как-то вернуть воспоминания?

— Зависит от обстоятельств. Если вещество не помешало так называемой консолидации памяти, теоретически это возможно.

— Как?

— Ну, подсказки, гипноз. Или воссоздание контекста.

Они остановились: до её домашнего кабинета было рукой подать, а Харри собирался недорого пообедать в «Шрёдере». Он пригласил её с собой.

— Во-первых, так называемый сбой извлечения воспоминаний может исчезнуть, когда вещество полностью выйдет из организма, — сказала Хильде, ковыряя вилкой в тарелке с блюдом дня — свининой с белым соусом. — Если нет, существуют, как я уже сказала, и другие методы.

— Например, гипноз.

— Гипноз не даёт доступа к тому, чего там нет. А даже если воспоминание там есть, гипноз срабатывает далеко не всегда. На самом деле лишь в исключительных случаях. И в любом случае он бессмыслен, если человек хочет что-то скрыть.

— Потому что гипнотизёр не может заставить человека сделать то, чего тот на самом деле не хочет?

— Да. Но у него, конечно, может быть скрытое желание рассказать правду. Кстати, ты так и не ответил, когда я спросила, почему ты думаешь, что он лжёт.

— Не знаю.

— Опять нутром чуешь?

Она подняла глаза и улыбнулась.

Харри не знал, нравится ли ему Хильде Витт, но её язвительная улыбка уже начинала его привлекать. И её мозг тоже. Во всяком случае, та его часть, которую можно было использовать в расследовании. Он пожал плечами.

— Я знаю, исследования показывают, что полицейские, годами ведущие допросы, распознают ложь не лучше уборщиц и самих исследователей. Но у меня есть кое-какие факты по делу, немного контекста. А внутреннее чутьё — это смесь того, что ты видишь, и фактов по делу, которые сознательная часть мозга ещё не успела как следует свести воедино. Согласна?

— Да, — просто сказала она.

— Да?

Она подняла стакан с пивом.

— Это называют интуицией, когда мой мозг говорит мне, что ты алкоголик, хотя на самом деле он всего лишь сложил несколько фактов: ты заказал воду, но всё равно следил за этим стаканом взглядом каждый раз, когда я делала глоток.

Харри медленно кивнул, наблюдая, как она допивает пиво и ставит пустой стакан на стол. Слова из переговорной снова всплыли у него в голове.

Убрать часть реальности.

Это можно было сделать алкоголем. Наркотиками. Или ножницами.

— Ты можешь провести такой сеанс гипноза?

— Нет, — сказала Витт.

— Нет?

— Я знаю самые базовые техники, но нужен специалист, и даже в этом случае, как я уже сказала, нет смысла, если Грип не хочет…

— Смысл есть, — сказал Харри и дал Нине знак, что хочет расплатиться у стойки.

Витт неодобрительно посмотрела на него.

— Простите, но я ещё не закончила есть.

— Извиняться не за что, — сказал Харри и встал. — Идёшь?

ГЛАВА 57. [broken link: #TOC]

— Привет, приятель, — бледно улыбнулся Грип, когда Харри и Витт вошли в палату. — Я говорю «приятель». Два визита за день — это уже тянет на приятеля, разве нет?

— Мм.

— Или ты просто что-то забыл?

Харри сел рядом с больничной койкой.

— То, что мы где-то забываем, как правило, можно найти. И именно поэтому мы здесь. Это Хильде Витт, она психолог и специалист по восстановлению памяти под гипнозом.

— Вот как? — сказал Грип и непонимающе посмотрел на неё.

— Мы хотим, чтобы ты позволил загипнотизировать себя, — сказал Харри. — Чтобы доктор Витт смогла заглянуть в то, что у тебя спрятано в подсознании.

Грип дважды моргнул.

— Она может?

— Да, может, мы уже пробовали это на свидетелях.

— Правда? — спросил он и посмотрел на Витт с выражением, похожим на смесь заворожённости

и испуга.

— Мы даже добивались признаний под гипнозом, — сказал Харри. — Жаль только, что в суде мы, конечно, не могли их использовать.

Грип почесал лоб.

— Я…

— Да?

Он надул щёки, выпустил воздух.

— Дайте мне подумать.

— Ты чего-то боишься, Грип?

Грип бледно улыбнулся.

— Когда кто-то собирается инспектировать твой подвал… ты бы тоже немного насторожился, Харри?

Харри криво улыбнулся.

— Как я уже сказал, ничего из того, что ты скажешь, мы не сможем использовать против тебя. Так что, если ты присваивал деньги на работе или спал с женой коллеги, это останется тайной между тобой и Витт: она обязана хранить профессиональную тайну. Но мы пытаемся остановить серийного убийцу.

Грип примирительно поднял руки.

— Я чертовски хорошо это понимаю, Харри, и всё, о чём прошу, — дайте мне немного времени. Пусть вся эта дрянь выйдет из организма, чтобы

я мог яснее думать.

Дверь открылась, вошла медсестра и объяснила, что ей нужно сменить пациенту повязки, а это они предпочитают делать без посторонних в палате.

— Может, память вернётся сама, — сказал Грип. — Если нет, я, наверное, соглашусь на гипноз. Ладно?

Харри медленно кивнул.

— Хорошо, Грип. Отдыхай. Мы вернёмся.

— Что это тебе дало? — спросила Витт по дороге к парковке.

— Подтверждение, что он лжёт, — сказал Харри. — Он знает, кто пытался его убить. И по какой-то причине он больше боится рассказать нам об этом, чем того, что убийца вернётся и доведёт дело до конца.

Харри достал телефон. Убрал его обратно.

— Кто это был? — спросила Витт.

— Бывший работодатель.

— Ты врёшь.

— Да?

— Это женщина. Ты ухмыляешься.

— Работодатель — женщина, да, но я не ухмыляюсь.

— Ты ухмыляешься внутри. Я же вижу, я пси-

холог.

— Господи.

Хильде Витт громко рассмеялась.

— Спасибо, что нашли время, — сказала Софи Гуллстранд.

— Да что вы, — сказал Харри. — «Эскорту» полезно немного полазить по подъёмам. И мне тоже.

Они припарковали машины у Трюванна и поднялись к башне, где стояли вдвоём, выдыхая морозный пар в луч света от фонаря. Оттуда открывался вид во все стороны: на юг — к городу и фьорду, на север — туда, где лес и необитаемая глушь тянулись во тьму на многие мили.

— Ужасно всё это, с убийствами, — сказала она. — Но по большей части это хороший и мирный город.

— По большей части, — сказал Харри и достал пачку сигарет. — Не возражаете, если я?..

Она кивнула. Он сунул сигарету между губами, заметил её взгляд и протянул пачку ей. Она рассмеялась.

— Хотите испортить двадцать лет воздержания?

— Простите, — сказал он и уже собирался убрать пачку в карман, когда почувствовал её

руку на своей.

— Да плевать.

Она щёлкнула пальцем по пачке и вытащила сигарету.

— Дети только что съехали из дома, так что…

Харри прикурил ей.

— Белая зажигалка? Вы знаете, что Джими Хендрикс…

— И вы туда же? — вздохнул Харри.

Она затянулась, втягивая пламя.

— Значит, знаете и всё равно ею пользуетесь.

— Видимо, люблю жить опасно, — сказал Харри и прикурил свою сигарету.

Они выдохнули дым в темноту.

— Джим Моррисон, — сказала она. — Разве многие его тексты не просто немного банальные попытки казаться глубоким? Вроде «Let's swim to the moon, у-у…»

— «Let's climb through the tide», — улыбнулся Харри. — Согласен. Но парню только-только стукнуло двадцать, можно сделать ему небольшую скидку.

— Двадцать, и он отчаянно хотел быть Рембо. Кем вы хотели быть, когда вам было двадцать?

— Трудно сказать. Дедом. Во всяком случае, всем тем, чем не был мой отец. Хотя он в этом не

виноват. А вы?

— Я хотела быть лучшей. Лучшей в школе, лучшей в картинге, самой популярной. Именно в таком порядке.

— Вы всем этим были?

— Я уделывала всех по всем предметам в школе и, будучи единственной девочкой в своей картинговой категории, обгоняла всех мальчишек. Ergo…

— Популярнее всех вы не были.

— Именно, — рассмеялась она и затянулась. — И это было совершенно нормально.

— Мм.

— Ладно, — сказала она. — Я хотела рассказать вам, что Ламай Неслунд завтра получит выплату по страхованию жизни.

— Вот как. И зачем рассказывать это мне?

— Причина, по которой я начальница таких, как Ксавье Клементс, в том, что я умнее. Я знаю, что вы приложили к этому руку и не рассказали нам всего, что знаете об этой смерти.

Харри ничего не ответил.

— Я хочу знать, что эти деньги не достанутся тому, кому они не должны достаться.

— Потому что, если это всплывёт, вы окажетесь в дурном свете?

— Мне вообще не нужен свет, Харри. Мне нужны перемены, и я собираюсь уйти с этой работы. Нет, я просто хочу услышать это от вас, потому что терпеть не могу несправедливость.

— Это не несправедливость, — сказал Харри. — Это соответствует замыслу страхового договора в том виде, в каком он заключён сторонами. Возможно, есть техническая деталь, которую страхователь неверно понял, но, мне кажется, вам не обязательно о ней знать.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда будем считать, что всё так.

Они продолжали курить в тишине, и, странным образом, это не казалось неловким.

— Кстати, раз уж мы заговорили о том, что это хороший город, — сказала она и кивнула на огни внизу. — Вы когда-нибудь чувствовали желание… смыться? Уехать от всего этого совершенства.

— Не потому, что всё было идеально, но пару раз я сбегал. А потом возвращался. Вы чувствуете такое желание?

Она пожала плечами.

— Видимо.

Она подняла сигарету как доказательство. Они пошли обратно к машинам.

— Эта встреча… — сказала она перед тем как

сесть в «Теслу».

— …никогда не происходила, — закончил Харри и понадеялся, что «Эскорт» заведётся.

Когда «Тесла» бесшумно исчезла вниз по склонам к Хольменколлену, Харри остался сидеть и думать. Он нащупал бумажку в заднем кармане, вытащил её. Набрал номер, который был на ней написан.

— Да?

— Это Харри Холе. Мы встречались в сортире у «Шрёдера». Вы сказали, что должны мне услугу или что-то в этом роде.

Никто не сможет меня найти. Я так глубоко под землёй, за такими толстыми запертыми дверями, что они могут хоть сбрасывать бомбы, искать тепловыми дронами или спустить всех собак мира. Никто, никто меня не найдёт. Потому что это тайное место. Место, где мы с тобой можем монтировать наш фильм и придавать ему форму, чтобы нам никто не мешал, как скульптор, который отсекает от камня всё, чему там не место. Пока он не станет совершенным, пока не станет тем, чем и должен был стать.

Стэнли Кубрик и Найджел Галт непрерывно монтировали Eyes Wide Shut четыреста дней,

Ричард Линклейтер потратил на Boyhood двенадцать лет. У меня нет столько времени. Честно говоря, я не знаю, сколько времени у меня есть, но часы тикают. Здесь так мёртво тихо, что я слышу, как стрелка каждую секунду дрожащим рывком перескакивает и замирает.

Грип уставился на меня, когда я стоял снаружи у его террасной двери, словно я был ему чужим. Но когда он наконец узнал меня, я увидел по нему, что он понял. Что я пришёл забрать его. И всё равно он открыл, впустил меня. Конечно, впустил, а что ещё ему оставалось?

Сюда не проникает ни звука, и наружу не выходит ни звука. Ни сигналов, ни музыки к фильму, ни криков о помощи — ничего. Только ход часов, шум вентиляторов и свет аппаратуры.

ГЛАВА 58. [broken link: #TOC]

Харри чувствовал, как маленькая тёплая ладонь сжимает его руку, пока они с Гертом скользили по льду в свете прожекторов на мачтах.

Когда Харри забрал его у Катрине, Герт уже был в коньках с защитными чехлами на лезвиях. Катрине рассказала, что едва удержала Герта от того, чтобы он лёг спать в коньках, и что он так радовался, что снова пойдёт с дядей Халли на каток, что его стошнило. Харри спустил Герта на спине на четыре этажа и усадил в «Эскорт».

— Мама говолит, что ты и папа были лучшими длузьями.

— Это правда, — сказал Харри и посмотрел на низкие трибуны за западным виражом стадиона «Фрогнер».

Они тонули в темноте, и свет отчасти слепил его, но не сидела ли на самом верхнем ряду какая-то фигура? Он заметил её ещё на втором круге. Если это был человек, место он выбрал странное. Слишком далеко от катка, чтобы общаться с кем-то на льду, и слишком холодно и темно, чтобы просто так там усесться. Первую, автоматическую мысль — что это Катрине шпионит за

тем, как они с Гертом справляются одни, — он легко отбросил. Он знал, что она ему доверяет, знал, что, несмотря на свойственную родителям склонность ожидать худшего, она понимает: он никогда не потащит мальчишку в бар напиваться или что-нибудь в этом роде.

— А у тебя появился новый лучший длуг? — Герт посмотрел на Харри с выражением, похожим на тревогу.

— У меня есть Эйстейн, — сказал Харри. — Мы с ним дружим с детства.

— Он доблый?

— Добрый? Ну… наверное. И с ним весело.

— Как с тобой?

— Со мной?

— Ты доблый и смешной.

Харри улыбнулся и сжал руку Герта. Добрый и смешной. Пожалуй, неплохое резюме.

— А у тебя? — спросил Харри. — У тебя уже есть лучший друг?

— Да, — сказал Герт. — У меня есть ты.

— Мм.

У Харри что-то встало в горле, и ему пришлось пару раз сглотнуть, прежде чем он смог ответить.

— Хорошо. Значит, у меня теперь два друга.

— Это много?

— Не знаю, но если они хорошие, этого достаточно.

Зазвонил телефон.

— Какао? — спросил Харри.

— Да!

Они подъехали к скамейке, Харри расстегнул застёжки на коньках Герта и налил какао в пластиковый стакан из термоса, который Катрине дала Герту с собой. Звонил Эдди. Харри перезвонил.

— Отпечатки пальцев на внешней стороне стекла террасной двери, — сказал Эдди. — Большинство найденных нами отпечатков были стёрты солнцем и непогодой. Но один был свежим. Сегодня нам даже повезло: он дал совпадение по базе судимостей.

— Вот как?

Харри посмотрел на Герта, который с напряжённым вниманием смотрел на него снизу вверх; возможно, мальчик уловил ожидание в голосе дяди Халли.

— Это Тим Каландер, — сказал Эдди. — Живёт здесь, в Осло. Адрес — Блиндернвейен. Рабочий адрес — Ведель-Ярлсбергс-вей, 36.

— Это «Фильмпаркен». Что нашли в реестре

судимостей?

— Только один приговор — за хранение наркотиков. Это было больше двадцати лет назад: он получил год, большую часть условно, так что, видимо, дело было не очень серьёзное.

— Мм. Сделаешь мне одолжение: позвони в «Дельту» и организуй задержание?

— Серьёзно? — сказал Эдди.

— Что ты имеешь в виду? Если он тот, кого мы ищем, он забрал с Яра несколько единиц огнестрельного оружия.

— Да, конечно, я просто подумал, не захочешь ли ты передать всё задержание кому-нибудь другому. Это же, насколько я слышал, самый лакомый кусок для сыщика. От одного человека в управлении. Который цитировал Харри Холе.

— Видимо, сейчас это уже не так важно, как раньше. Я занят, понимаешь.

Харри протянул Герту салфетку и жестом показал, чтобы тот вытерся вокруг рта, где всё было коричневым от какао.

— Как хочешь, — сказал Эдди. — Я всё устрою.

Они повесили трубки.

— Хочешь ещё немного покататься? — спросил Харри.

— Да, — сказал Герт.

— Сколько?

— Не знаю.

— Три круга?

Герт наклонил голову и сосредоточенно посмотрел на Харри, словно внимательно оценивал предложение.

— Три круга — хорошо, — сказал Харри, защёлкнул застёжки на коньках Герта и взял его за руку.

На втором круге он посмотрел на трибуны. Никакой фигуры там больше не было. На третьем круге он заметил, что идёт так быстро, что скорее тащит Герта за собой, чем катается вместе с ним.

Они снова подъехали к скамейке, и Харри расстёгивал застёжки на коньках Герта, зажав телефон между плечом и щекой.

— Привет, Эдди. «Дельта»…

— Они уже едут.

— Какой номер на Блиндернвейен?

Он получил номер.

— Ты тоже можешь туда подъехать? — спросил Харри.

— Да.

Они повесили трубки, и Харри набрал «К» — Катрине Братт. Посмотрел на кнопку вызова. Вместо этого перешёл к «В» — Хильде Витт. В

телефоне Витт прозвучали привычные три гудка, прежде чем она ответила.

— Почему? — спросила она, когда Харри объяснил, чего хочет.

— Потому что мне нужно твоё первое впечатление от этого парня.

— Приеду.

Харри убрал телефон обратно в карман и погладил Герта по голове.

— Хочешь прокатиться побыстрее?

— Да!

— На коньках или без?

— На коньках!

Герт взвизгнул от восторга, когда Харри поднял его и закинул себе на спину.

Адрес в Блиндерне находился в пяти минутах езды от стадиона «Фрогнер». Как и Дисен, Блиндерн был тихим жилым районом со старыми деревянными домами. Но это был запад Осло — с большими виллами, не изуродованными пристройками, просторными садами и изгородями, которым жильцы позволили вырасти высокими и густыми.

Когда Харри и Герт приехали, признаков «Дельты» не было.

Харри припарковался у тротуара и посмотрел

на двухэтажную деревянную виллу выше по дороге. Югендстиль, вероятно, начала двадцатого века. Дом был тёмным, кроме одного окна на первом этаже. Свет падал на садового гнома — или, может быть, рождественского гнома. Тот, казалось, смотрел на них с широкой усмешкой и мёртвым взглядом. Харри посмотрел на часы.

— Мы не поедем быстлее?

Харри взглянул в зеркало на Герта, пристёгнутого в детском кресле.

— Сейчас мы поиграем в «Мой корабль загружен».

— Да!

— Готов? Начинаем с «К».

— К?

— Да. Буква «К». Как кекс. Котлеты. Кольраби.

— Я голодный.

Харри вытащил из кармана пакетик и протянул назад.

— Вот. Печенье.

— Это не К.

— Да, но… нет, ладно.

— Мой колабль заглужен о-кей!

— Мм. Мой корабль загружен… э-э…

— Чем?

Харри открыл рот, но ничего не сказал: мозг

застрял на «кадаврах».

— Мой колабль заглужен тиглами, — сказал Герт, жуя печенье.

— Тигры — хорошо, но это не К, это Т.

— Да, Т намно-о-ого смешнее.

Он довольно посмотрел на Харри.

— Слу.

— Слу?

— Нет, слу-у! Полицейская машина.

И правда: теперь Харри тоже услышал далёкую сирену. Когда чёрный Mercedes-Benz Vito «Дельты» остановился у тротуара в пятидесяти метрах перед ними, сирена уже была выключена.

Ничего не произошло.

Свет в окне виллы погас.

— Мой колабль заглужен тиглиными зубами.

На миг Харри подумал, что их заметили, что они сидят здесь под уличным фонарём как на ладони. Но затем дверь машины «Дельты» открылась, и он понял, что всё наоборот. «Дельта» связалась с энергоснабжающей компанией и просто согласовала точный момент отключения электричества в доме. Даже в шлеме и забрале Харри сразу узнал Фалкейда, командира отряда, когда тот вышел из машины. Спокойная, уверенная манера двигаться. В чёрном, с MP5 на груди.

— Халли?

— Да. Мой корабль загружен тупицами.

— Ха-ха! Ты смешной!

Фалкейд пересёк пустую дорогу, открыл калитку и быстро двинулся по обледеневшей гравийной дорожке впереди шестерых своих людей. Они опустили приборы ночного видения и рассредоточились: по двое в каждую сторону, причём двое исчезли за домом. Фалкейд и двое последних, подняв оружие, двинулись к входной двери.

— Мой колабль заглужен Тоне.

— Тоне?

— Тоне из детского сада. Я хочу её на моём колабле. Твой ход.

Харри разглядел в темноте, как таран, рассчитанный на одного бойца, качнули к замку входной двери, услышал хруст и увидел, как трое на крыльце исчезли в доме.

— Мой корабль загружен зубами.

— Это я уже сказал. Ты плоиглал.

В зеркале Харри увидел, как знакомая машина подкатила сзади и остановилась. Витт вышла, подошла к «Эскорту» и села на пассажирское сиденье.

— Они уже внутри, — сказал Харри.

— Кто ты?

Витт обернулась к заднему сиденью.

— Привет. Я Хильде. А ты кто?

— Угадай.

— Э-э… Уле?

— Его зовут Герт, — шепнул Харри.

— А. Привет, Герт.

— Мой колабль заглужен тюбиком зубной пасты.

— Ого, это уже целая фраза. Мой корабль загружен толстыми большими пальцами.

— Большими пальцами! — икнул Герт. — Хильде смешная. И класивая.

— Хорошо, — сказал Харри и в тот же миг увидел, как Фалкейд вышел на крыльцо с телефоном у уха, покачал головой и стал всматриваться в сторону дороги.

— Тима Каландера нет дома, — сказал Харри.

— Вот как, — сказала Витт. — Значит, мои услуги здесь не нужны, и я ещё успею на ужин с…

— Твои услуги нужны на десять минут, — сказал Харри и расстегнул ремень безопасности. — Если вы доиграете на Т, я скоро вернусь, и тогда возьмём С. Договорились?

Гертово «да!» заглушило прошептанное Витт «нет».

Харри бегом поднялся к дому и остановился у калитки. Фалкейд заметил его, кивнул и подозвал к себе.

— Дом проверен, никого нет, — тихо сказал Фалкейд. — Нет и признаков, что совсем недавно там кто-то был.

— Хорошо, — сказал Харри. — Криминалисты уже едут. Можете поставить кого-нибудь на пост на случай, если он всё-таки вернётся?

— Да.

Харри прошёл мимо Фалкейда и вошёл в прихожую.

Куртка на крючке.

Под ней — пара кроссовок, а рядом невысохшее пятно от растаявшего снега и соли. Куртка была слишком тонкой для зимней погоды, а на этом пятне недавно стояла зимняя обувь. Тим Каландер оделся и вышел отсюда, а не бежал сломя голову. Харри прошёл через две гостиные и кухню, по пути включая свет. Чисто и прибрано. На стенах старые пейзажи. Унаследованная, ухоженная мебель. Пианино и книжная полка с несколькими книгами в кожаных переплётах: Диккенс, Гамсун, Фолкнер, Вирджиния Вулф. На кухне — плакат Харриет Баккер. Никаких личных фотографий. Классический запад Осло. Никакой

роскоши — просто добротный быт верхушки среднего класса тех времён, когда в Норвегии ещё не было достаточно богатых людей, чтобы они составляли отдельный класс.

Впечатление несколько изменилось, когда он поднялся по лестнице на второй этаж и включил свет. Перегородки между комнатами, прежде служившими спальнями, были снесены, и теперь здесь было большое рабочее помещение, явно использовавшееся для монтажа фильмов.

Потёртое кожаное кресло с высокой спинкой стояло перед письменным столом с двумя мониторами среднего размера, а за ними — закреплённый на стене огромный экран, наверное, девяносто дюймов. У противоположной стены стоял стеллаж с глубокими полками, на которых размещались разные электронные блоки и устройства почти антикварного вида. Несколько книг явно были о кино; во всяком случае, он узнал имя Уолтера Мёрча, монтажёра, работавшего над фильмами серии «Крёстный отец» и The Conversation. Он узнал и большинство VHS-кассет, заполнявших две полки под видеомагнитофоном Sony. Citizen Kane. All About Eve. Seven. Peeping Tom. Platoon. Sunset Boulevard. Night of the Hunter. Zodiac. «Семь самураев». Cure.

Он вытащил последнюю. Под названием и слоганом Madness. Terror. Murder. была наклейка с надписью Jansen Video — магазин, где работал Эйстейн. Так, по крайней мере, загадка о том, куда делась их единственная копия этого фильма, была решена.

Харри закрыл глаза и втянул воздух. Человек, живший здесь, не курил, не приносил сюда еду, принимал душ и переодевался. Но он провёл в этой комнате столько времени, что его запах всё равно въелся в стены. Когда они будут опрашивать соседей, те расскажут, что редко видели Тима Каландера выходящим из дома.

— Нашёл что-нибудь?

Харри открыл глаза. Это был Эдди.

— Нет.

— Я могу снять отпечатки и, может быть, взять ДНК-образцы с постельного белья, но здесь, похоже, действительно очень чисто и аккуратно. Хочешь, чтобы я сделал это сейчас, или подождём и посмотрим, не объявится ли он?

— Он не объявится, — сказал Харри.

— Да? Откуда ты знаешь?

— Не знаю, — сказал Харри. — Но если ошибусь, с меня пиво.

— Вот как? Кто-то говорил, что ты…

Он резко осёкся.

— Верно, — сказал Харри и пошёл к лестнице. — Пиво выпьешь без меня.

— То есть ты взял Герта к дому… массового убийцы? — прошипела Катрине и упёрла руки в бока.

Харри чувствовал, как крошечные капли слюны попадают ему на лицо, пока они стояли друг напротив друга в её прихожей.

— Во-первых, Каландер только подозреваемый, — сказал Харри и посмотрел через её плечо на кухню, где довольный Герт сидел и уплетал кукурузные хлопья, постукивая ногой по ножке стола. — А во-вторых, не к дому, а на улицу, где живёт этот подозреваемый. Если правило такое, что нам следует избегать любой улицы в Осло, где живёт человек, когда-либо подозревавшийся в убийстве, то таких улиц останется немного…

— Харри! Сейчас ты замолкаешь и слушаешь меня, ясно?

Харри кивнул и провёл указательным пальцем по губам.

Она глубоко вдохнула. Заговорила тихо и отчётливо:

— Если ты когда-нибудь — и я имею в виду вообще когда-нибудь — снова поведёшь нашего

сына куда-нибудь…

Она резко остановилась, и он на мгновение увидел в её взгляде растерянность, прежде чем она продолжила:

— Поведёшь моего сына туда, где есть хоть малейшая опасность, что с ним что-то может случиться, ты исчезнешь из нашей жизни. Понял?

— Понял, — сказал Харри и опустил голову.

— Да? Можно услышать, что именно ты понял?

— Я никогда, никогда больше не возьму нашего сына или твоего сына на улицу, где живёт массовый убийца.

Он продолжал держать голову опущенной. Услышал яростное фырканье.

— Ты думаешь, я шучу, Харри?

— О нет, определённо нет.

— Тогда почему шутишь ты?

Он изучал узор ковра и новые тапки Sportsklubben Brann, которые подарил ей на Рождество.

— Я просто пытаюсь придать серьёзному обещанию чуть менее смертельно серьёзный тон, — сказал он. — Это не значит, что я говорю неискренне. Меня понесло, когда я понял, что у нас, возможно, есть наш человек, и поехать туда было ужасной ошибкой в оценке ситуации, тут

никаких сомнений.

Он рискнул поднять глаза. Катрине отчаянно покачала головой.

— Халли!

Они обернулись к Герту.

— Да?

— Мой колабль заглужен колаблём.

Была почти полночь, и Харри сидел на балконе, дрожа, с сигаретой в руке. Небольшие колебания температуры заставляли огни Хольменколлена казаться мигающими. Зазвонил телефон. Это был Олег.

— Похоже, Каландер ушёл в подполье, — сказал он. — Соседи говорят, он почти всегда дома и один. Никуда не ездит. Ходит в магазин, возится в саду, выносит мусор, чистит снег. И всё. Но теперь его никто не видел уже сутки.

— Мм. Может, он знал, что мы на подходе.

— Думаешь?

— Не знаю. Вы что-нибудь нашли?

— Нет, — сказал Олег. — Скорее то, чего мы не нашли. Мы проверили дом от подвала до чердака, и нигде нет оборудования для монтажа шестнадцатимиллиметровой плёнки. Он арендует маленький офис в «Фильмпаркене» на Яре, там есть кое-какое оборудование для проявки 16 мм,

но монтажного нет.

— Он мог взять монтажное оборудование из дома и увезти куда-то ещё?

— Думаешь, он нашёл новую базу и собирается продолжать оттуда?

— Не исключено. Странно другое: как он мог узнать, что мы разоблачим его именно сейчас.

— Может, он всё равно собирался перенести всю операцию, и ему просто повезло.

— Мм. Может. Ты дома, я понимаю.

— Да?

— Ты говоришь тихо, потому что остальные в доме спят.

Олег хмыкнул.

— Много ты понимаешь, Харри. А кое-чего не понимаешь.

— Ты о чём-то конкретном?

Олег понизил голос до напряжённого шёпота.

— Я думаю о ней всё время. Это крутится в голове. Никакого покоя. Как опухоль мозга, которую я хотел бы вырезать. Это как…

— Я знаю, как это. Ты прав в том, что я многого не понимаю, но вот это понимаю.

Харри посмотрел на огонёк сигареты.

— Я знаю, легко сказать, но думай о том, что у тебя есть, думай о том, что ты потеряешь. Думай

об этом каждый раз, когда накатывает тяга. Это единственный совет, который я могу дать.

В наступившей тишине он услышал далёкую полицейскую сирену.

— Ладно, — сказал Олег. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Они повесили трубки, а Харри остался сидеть и смотреть на один из далёких огней.

Примерно там раньше жила Ракель, и этот свет вдруг исчез на долю секунды.

Теперь он снова горел ровно.

Наверное, это было небольшое колебание температуры, изменившее преломление света, но Харри не мог избавиться от мысли: словно кто-то намеренно вырезал несколько из двадцати четырёх кадров, составляющих эту секунду.

ГЛАВА 59. [broken link: #TOC]

Харри лежал в постели в темноте и ждал, когда старый радиобудильник включится с шестичасовыми новостями.

Когда радиобудильник наконец включился, Харри уже стоял в ванной, одетый, и чистил зубы. Сообщение о Киноубийце шло сразу после новостей о том, что Норвежский банк оставил процентную ставку без изменений и что в Финнмарке установлен рекорд холода. Репортёр подытоживал вчерашнюю пресс-конференцию, на которой полиция сообщила, что поиски одного или нескольких других преступников продолжаются после того, как подозрения в отношении покойного Роберта Брандта ослабли. Ни подозреваемых, ни задержаний не упоминали, и Харри знал: это значит, что Тим Каландер всё ещё на свободе. Он проткнул фольгу на новой банке растворимого кофе и вдохнул аромат, пока эфир передавали на Яр.

— Я здесь с двумя первыми, кто приехал на съёмочную площадку на Яре, — прошептала репортёр, явно желая усилить драматическое настроение. — Съёмки будут продолжаться и

сегодня, несмотря на то что двое ключевых людей проекта погибли, а один ранен после покушения в собственном доме. Как бы вы описали настроение на площадке сейчас?

Харри узнал голос Полковника.

— Само собой, подавленное.

— Вы боитесь, что преступник или преступники могут снова ударить по кому-то из тех, кто здесь работает?

Репортёр, очевидно, повернула микрофон к Черно, который ответил так, будто его застали врасплох.

— Всем сказали быть о-осторожными, а тем, кто живёт один, временно переехать к друзьям и знакомым, чтобы рядом б-были люди. Д-д-д…

Полковник перехватил:

— Посмотрим, все ли сегодня выйдут на работу.

Репортёр с плохо скрытым восторгом тут же подхватила:

— Вы думаете, убийца мог снова нанести удар ночью?

— Н-н-нет, — сказал Черно. — И мы думаем, что их скоро арестуют.

Эфир вернулся в студию как раз в тот момент, когда у Харри зазвонил телефон. Это была Кат-

рине. Голос у неё был напряжённый и злой.

— Микаэль Беллман хочет встретиться со мной и начальником полиции как можно скорее. Детский сад открывается только в семь, я могу пока завезти Герта к тебе?

— Ко мне?

— Неудобно? Забыл пропылесосить? Гостья осталась на ночь?

— Почему ты такая злая?

— Потому что у нас министр юстиции, который считает само собой разумеющимся, что бывшие коллеги должны бросать всё и становиться навытяжку, когда ему приспичило устроить разнос.

— По поводу чего?

— Партия прогресса вчера в «Дебатах» заявила, что нераскрытое дело Киноубийцы — доказательство падения профессионального уровня полиции при власти Рабочей партии. Беллман принимает это на свой счёт.

— Нарциссы часто так делают. Есть что-нибудь новое по Каландеру?

— Пропал. Никаких следов, ни физических, ни электронных. Мы нашли его машину, она стояла ниже по Блиндернвейен. Насколько мы знаем, он может быть за границей.

— Или на дне фьорда, или в петле.

— Думаешь?

— Нет. Как Герт пьёт кофе?

— Ха-ха. Буду через двадцать минут.

— Пахнет пятницей, — сказал Герт, стоя перед проигрывателем и оглядывая квартиру.

— Пятницей?

— Мама убилает в пятницу.

— Мм.

Харри протянул Герту стакан воды и оглядел квартиру. Она не только пахла чистотой, но была прибрана и минималистично обставлена. Всё было организовано с почти болезненной точностью. Кресло и диван отличного качества были куплены в магазине Армии спасения. От части книг он избавился, но те, что сохранил, стояли на полке в алфавитном порядке. То же самое, конечно, относилось к пластинкам. Ещё он раздобыл подержанный Linn Classic для компакт-дисков, которые начал покупать после того, как Эйстейн поставил ему «Bus To Baton Rouge» Люсинды Уильямс и доказал, что качество звука превосходит и винил, и стриминг.

— Я тоже люблю лисовать, — сказал Герт.

Он уселся на диван и заболтал ногами. Показал на журнальный столик, где лежала раскрытая записная книжка, а страница была заполнена

короткими карандашными чёрточками, сгруппированными по пять.

— Вот, — сказал Харри и протянул ему карандаш.

Герт набросился на чистую правую страницу блокнота.

Харри посмотрел на левую страницу и на последнюю чёрточку, которую поставил вчера вечером перед сном. Он не считал, сколько дней оставался трезвым после последнего срыва, но их набиралось уже немало. Скоро пора будет купить новый блокнот. А заодно, может быть, альбом для рисования и цветные карандаши.

— Это тебе, — сказал Герт с явной гордостью и положил карандаш.

— Спасибо, — сказал Харри и посмотрел на творение. Было совершенно невозможно угадать, что оно должно изображать, поэтому он и не стал пытаться, а просто сказал, что красиво.

— Очень класиво, — поправил Герт и наклонил голову. — Можешь повесить на холодильник. Поиглаем в «Мой колабль заглужен»?

— В машине, — сказал Харри и погладил его по волосам. — Идём.

Национальная библиотека находилась на краю Солли-пласс, там, где когда-то было несколько

баров, куда Харри захаживал в молодости. Теперь её окружали роскошный отель, дорогой азиатский фьюжн-ресторан и кокаиновый клуб для молодых наследников и инфлюенсеров. Для жителей Осло библиотека была своего рода тайным оазисом покоя и материалов для исследований. Это Ракель привела туда Харри, и он просидел в читальном зале, слушая старые записи NRK с Торлейвом Х. Бьёргумом — панком хардингфеле послевоенных лет. Харри поговорил с одной из библиотекарей, и та устроила его за терминалом в пока ещё почти пустом читальном зале и показала, как проигрывать фильмы из базы. Она сказала, что там есть практически всё, что было создано норвежским кино для публичного показа, причём многое в других местах недоступно, и спросила, что он ищет.

— Сначала Антон Вам, — сказал он.

— Тогда лучше искать просто Wam, — сказала она и набрала. — В небольших, старых и незавершённых проектах встречается довольно много опечаток, которые мы не успеваем исправлять при внесении в базу, поэтому лучше искать пошире.

На экране появился список кинопроектов в хронологическом порядке, большей частью ре-

кламные фильмы. Первым полнометражным фильмом был проект более чем двадцатилетней давности, «Final Cut», с пометкой НЕ ЗАВЕРШЁН. Под режиссёрами K. Kalander и H. Boeng был указан Wam — без имени — как оператор. Brand — без t — значился среди сценаристов вместе с Kalander.

Антон Вам был указан полным именем как режиссёр «Проповедника», работу над которым начали в том же году.

— Можно посмотреть остальных, кто участвовал в «Проповеднике»?

— Вот, — сказала библиотекарь и нажала на значок вверху экрана, имевший форму старомодной кинокамеры.

Появилось
меню, где она выбрала creators&crew&cast. На экране возник длинный список имён, и Харри скользнул по нему взглядом. Имена в титрах были словно кратким пересказом кровавого начала нового года в Осло. Антон Вам — идея и режиссура, Роберт Брандт — сценарий, Фелисия Хение — в одной из главных ролей. Продюсером был Джон Дейл. Даже Ламай Неслунд мелким шрифтом значилась в разделе «костюмы и грим». Среди других имён Харри узнал Кристиана Боэнга

в роли капеллана Скуле, Клауса Исаксена по прозвищу Черно — оператора, и Нильса Хальмгрена, Полковника, — осветителя.

Харри набрал Kalander и нашёл десятиминутную короткометражку под названием «Лето», которую Вам снял вместе с Каландером за год до «Проповедника». Он надел лежавшие рядом с терминалом наушники и нажал play. Фильм был не очень хорош и не очень плох. Но десять минут спустя Харри понял, что Вам был прав и почему Фелисии Хение прочили будущее кинозвезды. Не потому, что она играла так убедительно. Вернее, убедительна она была именно потому, что невозможно было заметить, что она играет. Она просто позволяла этому неуловимому присутствию нести на себе всё — то, что делала, думала и говорила. Не то чтобы Харри не мог оторвать от неё глаз — это было бы преувеличением, — но в ней была тихая, почти застенчивая уверенность, и в каждой её сцене словно таилось обещание: она доберётся до звёзд.

Когда Харри поднимался к зданию полиции, он увидел чёрный внедорожник, незаконно припаркованный прямо перед главным входом. Один человек сидел в машине, другой стоял снаружи; оба были в чёрных куртках, одновременно

строгих и практичных. Мужчины, не скрывавшие наушников. Поднимаясь по тесной, обычно безлюдной лестнице на шестой этаж, Харри услышал глубокий рокочущий голос, за которым последовало эхо смеха Хильде Витт. Когда двумя этажами выше он обогнул поворот, то увидел Микаэля Беллмана: тот стоял, прислонившись к перилам, а Витт — на ступеньке выше. По лицу Беллмана расплылась широкая улыбка. Он напоминал Джорджа Клуни — одного из тех мужчин, которым с самого начала повезло с внешностью, но с возрастом они всё равно становились только красивее.

— Харри! Ты, я смотрю, всё ещё предпочитаешь лестницы.

— Министр юстиции тоже, я смотрю.

— На этой работе мне любая тренировка не помешает.

Беллман оттолкнулся от перил и слегка одёрнул рукава пиджака Brioni — классический жест, который Харри не раз видел у коллег Ракель из адвокатской фирмы и у состоятельных соседей из Хольменколлена, но не на востоке Осло, где выросли и Беллман, и он сам. В прессе уже отмечали, что выбор одежды и часов Микаэля Беллмана не свидетельствует о солидарности с рядовыми

членами Рабочей партии, на что Беллман отвечал: это всего лишь выражение уважения к своей должности и к министерству, которое ему поручено возглавлять.

— Мы с Витт как раз говорили об этом ужасном деле, — сказал Беллман.

— Да, я слышал смех.

Беллман посмотрел на Харри с лучистой улыбкой, словно это всё ещё была та улыбка, которой он только что одаривал Хильде Витт.

— Харри, Харри. Хорошо выглядишь.

— А ты, Беллман, всё так же хорошо врёшь.

Беллман громко рассмеялся.

— Знаешь что, Харри? Это дело тревожит меня меньше теперь, когда ты вернулся в наши ряды.

— Беру слова обратно: теперь ты врёшь ещё лучше. В политике натренировался?

Беллман повернулся к Витт.

— Мы с Холе много лет работали вместе. У нас были разногласия, но мы добивались результатов. Поскольку Харри совершенно не умеет себя рекламировать, вся слава досталась мне. Именно благодаря таким вещам здесь и продвигаются наверх и — если повезёт ещё больше, опять же незаслуженно, — однажды получают звонок от премьер-министра.

Его белые зубы блеснули в плохо освещённом лестничном пролёте. Харри было трудно понять, действует ли на Витт обаяние Беллмана. То есть трудно было понять, что именно на неё действует: его обаяние, внешность или положение во власти. Или просто мысль о скандальном романе с женатым министром юстиции. Но что-то действовало, в этом почти не было сомнений: они буквально пожирали друг друга глазами. Харри решил, что они друг друга заслуживают; по крайней мере, он мог надеяться, что хронически неверный Микаэль Беллман наконец встретил ту, кто сможет его переиграть.

— Катрине сказала мне, что вы установили личность преступника, — сказал Беллман. — Значит, осталось только найти его. И я рассчитываю, что вы сделаете это довольно быстро. Верно?

— Возможно, — сказал Харри.

— Надеюсь, ты не против, если я тебя процитирую.

— Процитируешь?

— У меня интервью с NRK.

Он посмотрел на часы — классический Omega Seamaster.

— Они будут спрашивать об обвинениях в том, что мы отодвигаем полицию на второй план. Я

скажу, как есть: полиция вполне определённо подозревает одного человека, а сам Харри Холе говорит, что рассчитывает на скорое задержание преступника. Ты не против?

— Категорически против.

Беллман вздохнул и посмотрел на Хильде.

— С ним трудно работать, правда? В любом случае, было приятно вас видеть, но мне пора.

Витт осталась стоять, и они слушали, как кожаные подошвы ботинок Edward Green Микаэля Беллмана цокают по ступеням.

— Значит, вы так хорошо знакомы, — сказала она.

— Мм. Что-нибудь выяснила о Тиме Калландере?

— Меньше, чем надеялась. В его прошлом нет документально подтверждённых проблем с психическим здоровьем. Судимость за наркотики, но ничего, что указывало бы, о каких именно возможных расстройствах личности может идти речь. Нет близких людей, которых можно было бы опросить, чтобы составить представление о его личности. Холост, бездетен и — насколько я понимаю по отчётам, которые прочла, — без друзей. Единственными коллегами, с которыми он общался, были те, кто сидел с ним в монтажной:

в основном Антон Вам и иногда Роберт Брандт. В этом смысле у меня вроде бы есть какой-то профиль, но он очень расплывчатый.

— Одинокий волк, ушедший в подполье.

— Но куда?

— Ну. Я знаю только одного человека, у которого, возможно, есть ответ. Но он не хочет говорить.

— Думаю, Грип расскажет нам больше, если мы поставим его перед фактом, что поняли: стрелял в него Тим Каландер.

— Возможно.

Харри потёр шею.

— Но шансов что-нибудь из него вытянуть было бы больше, если бы мы знали, почему он не хочет говорить. Давай сначала попробуем это выяснить.

Над ними открылась дверь, и по лестнице прокатился крик:

— Харри!

— Здесь!

Бегущие шаги — на этот раз не кожаные подошвы.

Олег резко остановился, увидев их. Уставился на Витт, потом на Харри.

— Я увидел твою машину и решил, что ты

поднимаешься. Черно сказал, что мы можем приехать сейчас.

— Хорошо, — сказал Харри и пошёл вниз по лестнице, Олег — следом.

— Эй, куда вы? — крикнула им вслед Витт.

— В кино! — ответил Харри.

На всём пути вверх по Уэланнс-гате они попадали на красный свет.

Маленькая светящаяся фигурка на светофоре напомнила Харри детский рисунок. *Мой колабль заглужен тиглами. Но это не К, это Т. Да, Т намно-о-ого смешнее.*

— Так больше нельзя, — сказал Олег, пустым взглядом глядя на молодую пару с детской коляской, переходившую дорогу перед ними.

— Что нельзя? — спросил Харри, уже догадываясь об ответе.

— Мне нужно вернуть её.

— Хильде Витт?

Олег кивнул.

— Разве уже не поздно?

Олег быстро посмотрел на Харри, прежде чем снова перевести взгляд на красный свет.

— Она прекратила отношения, потому что не хотела быть той, кто разрушит семью. Не потому, что не хочет меня.

— Ты уверен?

— Да, ещё бы! Если я стану свободным, а она не будет к этому причастна, она примет меня обратно.

— Олег…

— Хельга через пять дней забирает детей и уезжает на север. Она сказала, что не хочет знать подробностей моего романа, но я должен рассказать ей всё, прежде чем она уедет. Мы не можем просто притворяться, будто ничего этого нет. Так нельзя.

— Олег, подумай о…

— Я схожу с ума. Когда Хельга узнает, может, уйдёт уже она. И это, конечно, было бы лучше всего.

— Подожди хотя бы до дня перед её отъездом, — сказал Харри.

— Почему?

— Потому что в ту секунду, когда ты откроешь рот, ты разрушишь то, чего уже не исправить. Так что подожди эти несколько дней и дай себе время посмотреть, не изменится ли что-нибудь до того момента.

— Что должно измениться?

— Сделай это ради меня, Олег. Хельга пригласила меня на ужин, и я бы предпочёл не оказаться

посреди семейной драмы.

Олег посмотрел на Харри.

— Ладно, — коротко сказал он.

— У тебя зелёный, — сказал Харри с чувством дежавю.

Олег дал газу. Резко, почти зло.

Мой корабль загружен неприятностями, — подумал Харри.

— Вот!

Харри указал на экран.

Черно нажал кнопку остановки, и Роберт Брандт — с петлёй на шее и ногами, болтающимися в воздухе, — застыл на огромном телевизионном экране перед ними. В затемнённом просмотровом зале, больше всего напоминавшем Харри командный мостик из Star Trek, сидели он сам, Олег и Черно.

Когда Харри позвонил час назад, Черно объяснил, что продюсер только что приостановил съёмки до конца дня из-за сложившихся обстоятельств, а он и Кида вместо этого уехали в офис постпродакшна у Мюренс-Веркстед, чтобы просмотреть сборку военного фильма.

— Видите? — спросил Харри и указал на экран, на Брандта, висевшего перед ними на пороге смерти.

— Вижу, — сказал Черно.

Голос у него был усталый, лицо в свете экрана казалось осунувшимся. Он отмотал несколько секунд назад, туда, где Роберт Брандт ещё был жив, и снова запустил видео.

— Вот! — сказал Харри. — В тот самый момент, когда его голова поворачивается влево. Там скачок, верно?

— Я не вижу, — сказал Черно.

— Есть, — раздался голос у них за спиной.

Харри обернулся и увидел Киду, вернувшуюся с чашкой чая в руке. В темноте, в свете телевизионного экрана, был различим только её силуэт.

— Там не хватает нескольких кадров.

— Может, камера просто на мгновение дала сбой? — спросил Олег.

Черно покачал головой.

— Это вырезано из плёнки, — сказала Кида и пододвинула к остальным кресло на колёсиках.

Теперь Харри видел её лицо. В отличие от Черно, она казалась совершенно невозмутимой при виде собственного биологического отца, который вот-вот повесится.

— И раз это настоящая киноплёнка, ты имеешь в виду, что кадры вырезали физически? — спросил Харри. — Ножницами, что ли?

— Верно. Та маленькая вспышка, которую ты заметил, означает, что это сделано не цифровым способом. У Тима ведь всё ещё есть гильотинный резак и аппарат для склейки плёнки, Черно?

Черно секунду смотрел прямо перед собой, прежде чем ответить:

— Д-да.

— Но я не понимаю, зачем ему понадобилось это делать, — сказала Кида. — Это совершенно неестественное место для склейки.

— Чтобы убрать часть реальности, — тихо сказал Харри.

— Что?

— Просто кое-что, что кто-то сказал. Думаю, дело в очках.

Кида наклонилась вперёд.

— Господи, — прошептала она. — Ты прав. Или как думаешь, Черно?

— Я н-не знаю.

— О чём вы сейчас говорите? — вмешался Олег.

— Об отражении в стёклах очков Брандта, — сказал Харри. — Когда Тим просматривал запись, он заметил, что в тот момент, когда Брандт поворачивает голову в сторону, сам Тим на мгновение отражается в стёклах. Поэтому ему пришлось

этот кусок вырезать. Можно включить свет?

Черно нажал выключатель, и комнату залил холодный белый свет. Харри повернул кресло к Черно и Киде.

— Итак, мы всё ещё ищем Тима Каландера. Можете рассказать что-нибудь, что поможет нам его найти?

Оба покачали головами.

— Хорошо. Что вы можете о нём рассказать?

— Хороший вопрос, — сказала Кида. — Тим Каландер — будто призрак. Он почти никогда не появлялся на съёмочных площадках, где работала я. Но ты-то его знаешь, Черно.

— Ну, знаю — это громко сказано.

— Да ладно, вы же были в одной компании, ты сам много раз об этом рассказывал.

Харри перевёл взгляд на Черно, тот пожал плечами. В этом свете он выглядел странно бледным.

— Что сказать? Тим был не такой, как остальные.

— В каком смысле? — спросил Харри.

— Во-первых, он был амбициозным. И серьёзным. Мы мечтали и говорили заглавными буквами, а он помалкивал, просто садился и делал дело. Позволял фильму говорить за себя. Он

был лучшим из нас и знал это. Не хвастался, но у него было… как это назвать? Этакая позиция: «Я-лучше-вас-и-однажды-вы-это-поймёте».

— Мм. Тихое высокомерие одинокого волка, может быть?

— Именно. Но это высокомерие было смешано с сильной неуверенностью и… да, с презрением к себе. Из такого-то и рождается искусство. Если Тим и говорил, то только о кино. Но в первые годы, когда мы всем этим занимались, он хотя бы появлялся. Потом что-то случилось, не знаю что. Возможно, дело было в его наркотике — может, тогда у него случился срыв. После этого его почти перестали видеть. Мы отправляли ему материал и получали обратно готовую смонтированную версию; он не хотел никого видеть в монтажной. Но работу он делал, так что, видимо, с наркотиком завязал. Режиссёры присылали ему замечания о том, что хотели изменить, и получали новую версию — по большей части с тем, что просили.

— По большей части?

— Тим талантливый, но упрямый. У него свои взгляды на эстетику, ритм и на то, как изображения должны рассказывать историю. Поэтому работы у него не так много. Но режиссёры, которым нравится его стиль, возвращаются. Как

Антон. Хотя со временем Тим перестал пускать в монтажную даже его.

— В ту, что у Тима дома?

— Честно говоря, я не знаю, где он монтирует. Он работает дома?

— Это необычно? Разве он не всегда так делал?

— Нет. Вначале, когда у нас был бункер, он монтировал всё там.

— Бункер?

— Это было наше помещение для работы над фильмами. Там прошло немало хороших вечеринок и родилось немало безумных фильмов. Но потом оборудование устарело, денег на обновление ни у кого не было, и он снял офис здесь, на Яре, где всё и монтировал. Хотя, конечно, после того как всё стало цифровым, можно спокойно сидеть в домашнем кабинете и просто пересылать файлы туда-сюда.

— Если бы тебе пришлось назвать одного человека, который сейчас или когда-то был его лучшим другом, кто бы это был?

— Кнут Грип. Без сомнения.

— Почему?

— Во-первых, между ними была особая связь из-за… ну да. Но важнее то, что они единственные остались верны друг другу, когда проект «Final

Cut» развалился.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну сам подумай: когда ты получаешь место режиссёра в проекте, который считаешь своим будущим opus magnum, а потом все разбегаются, ты чувствуешь себя преданным.

Харри уже собирался задать вопрос, чтобы прояснить возможное недоразумение, когда почувствовал вибрацию телефона. Он достал его и хотел отключить звонок, но передумал, увидев, кто звонит.

— Говори.

— Господи, так это и правда, — сказала Александра. — В этой киношной среде все друг другу родня.

Харри некоторое время слушал.

— Спасибо, — сказал он, когда она закончила, повесил трубку и встал. — Спасибо, что уделили время.

— Да не за что, — сказала Кида.

Черно только кивнул.

— Что это было? — спросил Олег, когда они вышли наружу.

— Ответ на вопрос «почему», — сказал Харри.

ГЛАВА 60. [broken link: #TOC]

Сгустились вечерние сумерки, когда Харри приложил своё удостоверение к стеклу «Вольво», припаркованного на тихой и безлюдной Фагерливейен в Дисене. Стекло опустилось, и из салона поплыли приглушённые звуки «Welcome To the DCC» Nothing But Thieves. Двое полицейских в штатском на передних сиденьях посмотрели на Харри и Витт.

— Просто хочу сообщить, что мы good guys, — сказал Харри.

— OK, — сказала женщина за рулём.

Харри кивнул в сторону дома Грипа чуть дальше по улице.

— Он всё ещё не знает, что его охраняют?

— Думаю, нет. Мы его не видели.

— Хорошо.

Витт и Харри пошли дальше по улице, миновали подъездную дорожку соседней с домом Грипа виллы, где Харри заметил на почтовом ящике надпись «Ассоциация электрочувствительных». Собачий лай они услышали ещё до того, как нажали на звонок Грипа. Прошло немало времени, прежде чем дверь открылась и перед ними по-

явился Грип — бледный, сгорбленный.

— Тебе стоило спросить, кто там, прежде чем открывать, — сказал Харри, когда они вошли в прихожую, а Джеронимо поставил передние лапы ему на колено и лизнул руку.

— Знаю, но я посмотрел из кухонного окна, кто это, — сказал Грип.

— Как ты?

— Лучше, — сказал он и прижал руку к груди. — Но должен сказать: обезболивающие — фантастическое изобретение.

Они прошли в гостиную и сели.

— Перейду прямо к делу, — сказал Харри.

— Ладно, — сказал Грип и скривился, словно готовясь выдержать удар.

— Ты знаешь, кто пытался тебя убить. И я знаю, почему ты не хотел нам рассказывать.

Грип неуклюже попытался улыбнуться.

— Знаешь?

— У нас есть веские основания полагать, что за убийствами стоит Тим Каландер. И за покушением на тебя тоже.

Кнут Грип не ответил, но грудь его тяжело поднялась, а лицо исказилось от боли.

— Мне позвонили из судебно-медицинского отдела, — сказал Харри. — Они проанализирова-

ли ДНК с зубной щётки из дома Каландера — мы полагаем, что она принадлежит Тиму. И нашли совпадение.

Харри подождал, давая Витт возможность понаблюдать за реакцией Грипа.

— Совпадение не с образцами с мест преступлений, — продолжил Харри. — Там он был осторожен и ничего не оставил. И, по правде говоря, совпадение только частичное — с одним из других ДНК-профилей со съёмочной площадки. Понимаешь, к чему я веду?

Грип сглотнул и кивнул.

— Тим Каландер — твой брат, — сказал Харри.

— Брат по отцу, — поправил Кнут Грип.

Некоторое время они сидели молча. Грип быстро моргнул несколько раз. Огляделся.

Словно искал чего-нибудь покрепче, — подумал Харри.

— Хочешь рассказать, Грип?

— Что тут скажешь? Когда это твой брат…

Он запнулся.

— Sometimes you look the other way, — подсказал Харри.

Грип кивнул.

— Да. Спрингстин?

— «Highway Patrolman». Продолжай.

Грип тяжело вздохнул. Опустил голову. Посидел так немного, потом снова поднял её.

— Да, это был Тим. Он пришёл оттуда.

Грип указал на террасную дверь.

— Было темно, так что я не сразу его узнал.

— Тебя не удивило, что он пришёл к террасной двери, а не к входной? — спросил Харри.

— Меня насторожило не это. Летом он часто обходил дом с этой стороны. Мы с Андреа обычно сидели снаружи и не слышали звонка.

— Но тебя насторожило что-то другое?

— У него в руке был пистолет.

— Ты имеешь в виду револьвер?

— Да, наверное.

— И всё равно ты его впустил?

— Да.

— Тебе не было страшно?

— Было.

Грип вздохнул.

— Я, наверное, замечал, что в последнее время он был… не то чтобы нестабилен, но сам на себя не похож. У него бывали периоды депрессии, но последний был давно. Когда я увидел револьвер, то, конечно, автоматически связал его с убийствами и, да, испугался. Какая-то часть моего мозга кричала, предупреждала меня, но я, видимо,

плохо слышу этим ухом. Потому что другая часть говорила, что Тим в беде, что охотятся за ним и что он пришёл ко мне за убежищем.

Грип попытался улыбнуться, но вышла только гримаса.

— Это вроде бы объясняло, почему он пришёл именно ко мне. Я же и раньше за ним присматривал. Помните, я никогда, никогда не видел, чтобы он хоть кошку обидел.

— Мм. Раньше — может быть?

Грип только кивнул и спрятал лицо в ладонях.

Витт кашлянула.

— Хочешь, мы сделаем паузу, Кнут?

Он покачал головой, не убирая ладоней, и продолжил сдавленным голосом:

— Я открыл, спросил, что случилось и не взять ли мне револьвер. Он сказал, что за ним кто-то охотится, и я подумал, что был прав. Он вошёл, погладил Джеронимо и сделал себе кофе, пока я пошёл и сел здесь. Потом принёс кофе нам обоим. Сел там, где сейчас сидишь ты, Харри, положил пушку и начал рассказывать, как ему страшно, что он стал слышать голоса. Не в голове, а в доме. Он сказал, что думает, будто убийца живёт там, в стене, и что следующий в списке — он сам, Тим. Я не помню всех подробностей, потому что к тому

моменту у меня уже начало кружиться в голове.

— Наркотик, который он подмешал тебе в кофе, — сказал Харри.

— Я сказал, что мне надо лечь, а он может устроиться на диване. Но когда я начал вставать, он схватил револьвер, обошёл стол, толкнул меня обратно на диван и приставил ствол к груди. Я спросил, какого чёрта он творит, а он ответил, что папа велел ему это сделать.

— Папа? — спросила Витт. — Или папин голос?

— Не знаю, он просто сказал «папа». Потом выстрелил. Кажется. Во всяком случае, больше я ничего не помню до того, как вы пришли и нашли меня. То есть и это я помню не очень хорошо.

— Мм.

Все трое несколько секунд сидели молча.

— Вы совершенно уверены? — спросил Грип. — Что он… Киноубийца?

— Ну, — сказал Харри. — Тебе удавалось убедить себя, что это не он?

Грип кивнул.

— До сих пор, наверное, удавалось. Он ведь не снимал, как стрелял в меня, как снимал другие убийства. И в том револьвере были только холостые. Может, он это знал и не хотел меня убивать. Так что…

— Так что ты решил, что не обязан рассказывать нам правду?

Грип потёр руки.

— До сих пор я думал: Тим просто заболел, и это моя вина, что я позволил ему гнить одному в том доме. Моя вина, что не заметил, как он медленно, но верно шёл к… да, к психическому срыву. Я думал, что эти киноубийства не имеют к нему отношения, а просто довели его до срыва. Думал, что, пока Тим не представляет опасности для других, я могу оставить это между ним и мной. Добиться, чтобы его положили в больницу, назначили лекарства, понимаете? Так поступают братья. Они не сдают тебя. Но, конечно…

Он снова замолчал и тяжело задышал.

— Но? — тихо и спокойно сказал Харри.

— Но сомнения всё-таки закрались, — прошептал Грип. — И если у вас теперь есть доказательства против Тима…

Он посмотрел в окно пустым взглядом, глаза его блестели.

— Кнут, — сказала Витт. — Мы благодарны, что ты рассказал нам об этом. Но нам нужно больше. Лучший способ помочь сейчас твоему брату — помочь нам его остановить.

— Помочь ему? — Грип фыркнул и вытер сле-

зу. — Ты имеешь в виду — помочь тем, кто в его списке, а не ему. Он ведь просто убийца.

— Нет, я имею в виду твоего брата. Мы думаем, что он не серийный убийца-психопат, а человек другого типа. Массовый стрелок. Депрессии, социальная изоляция, ненависть к себе, употребление наркотиков и травма — всё это типично для такого рода расстройства личности. То, что он выкладывает записи убийств, указывает на нарциссические черты — это тоже типично. Шизофрения для такого типа нехарактерна, но, если он слышит голоса, её тоже можно добавить к списку. Ещё мы знаем, что для самих массовых стрелков всё обычно заканчивается плохо. Более семидесяти процентов планируют покончить с собой — самостоятельно или посредством так называемого suicide by cop, то есть спровоцировав полицию на смертельный выстрел. Мы хотели бы не убивать его, Кнут, но тогда ты должен нам помочь. Ты должен рассказать нам о нём.

Грип посмотрел на неё. Сглотнул.

— Тим там один. До смерти напуган и чертовски зол на… на всё, думаю. Чем поможет то, что мы сидим здесь и говорим о нём?

— Потому что это может дать мне достаточно материала для так называемого профиля, кото-

рый позволит нам, возможно, предсказать его следующий шаг.

Грип заёрзал в кресле. Снова скривился от боли и схватился за грудь. Наклонился вперёд.

— Давайте сварим кофе.

— Мы с Тимом не росли вместе, — сказал Грип и отпил из чашки в полоску под зебру. — Его мать была ассистенткой по сценарию, а мой отец — главным осветителем, и у обоих были свои семьи. Но киношники держатся вместе, как цыганский табор, с детьми и всем прочим, так что мы, конечно, знали друг друга. Оба, разумеется, собирались стать режиссёрами. Я никогда не понимал, почему мой отец так интересовался Тимом. Он проводил с ним больше времени, чем со мной, гораздо больше учил его постановке света, хотя знал, что мне это тоже было интересно. Я решил, что дело в том, что они были похожи. Знаешь, два интроверта-зануды, которые говорят о диффах, гридах и гелях. В четырнадцать лет мне всё это было неинтересно — я больше хотел играть в футбол. Только позже, когда мы стали постарше, уже после смерти отца Тима, мы узнали, что мы братья по отцу, что мой отец — отец нас обоих.

— Как Тим на это отреагировал? — спросила Витт и подняла свою чашку.

Грип пожал плечами.

— Обрадовался. Даже гордился. Моего отца считали лучшим осветителем в индустрии. А тот, кого Тим прежде считал своим отцом, был пьяницей, забросившим семью и избивавшим Тима по пьяни. Тим считает, что тот понял: Тим ему не сын, — но никогда об этом не говорил. Только бил его и ругал.

— А ты?

— Я? Я, конечно, злился на отца за то, что он изменял маме. Именно на неё я был больше похож и к ней был сильнее привязан. Она была из Гамлебюэна, и благодаря ей у меня речь восточного Осло, хотя вырос я на западной стороне. Фантастическая женщина.

Грип посмотрел в кофейную чашку и покачал головой с меланхолической улыбкой.

— Но тогда она от него не ушла — вот ведь тупица.

Харри не понял, кого Грип назвал тупицей — отца или мать, но ничего не сказал. Решил, что лучше пусть Витт ведёт разговор.

— В любом случае, со временем я сменил фамилию на мамину. А Тим сменил свою на фамилию моего отца.

— Ты чувствовал, что Тим забрал у тебя отца? —

спросила Витт.

Грип покачал головой.

— Да пусть забирает, мне-то что. Я был только рад, когда отец и мама развелись несколько лет спустя. Он не был злым человеком, но был слабым и эгоистичным. Да, мне казалось, она заслуживала лучшего.

Харри бросил взгляд на Витт, и она едва заметно кивнула. *Это был не сеанс психотерапии.*

— Как тогда обстояли дела у Тима? — спросила она.

— Он часто бывал у нас. Они с моим отцом много говорили о том, чтобы снять вместе фильм. Мы с Тимом тоже подружились. Мы были разными, но ровесниками, и я тоже стал больше интересоваться кино, так что… да, мы стали близки. Со временем очень близки.

Харри кашлянул.

— Черно рассказал, что в какой-то момент с Тимом что-то случилось. Что-то связанное с наркотиком, который он употреблял, как предполагал Черно. Что это было?

— Да, что это было? — повторил Грип и уставился перед собой. — Ну… Тим, как я уже сказал, был замкнутым чудаком. Но при всей своей застенчивости он был до крайности одержим мыслью,

что станет знаменитым. Он собирался создать шедевр, который войдёт в историю кино. С общением у него было тяжело, но через меня у него хотя бы появился круг знакомых. Мы были компанией любителей, у нас было помещение, где мы снимали кино, и довольно быстро выяснилось, что Тим лучший из нас — и в написании сценариев, и в раскадровках. Но особенно в монтаже: всё, что мы ему приносили, он выстраивал так, что из этого получалась история. Можно сказать, он расцвёл. Зато во многом другом он пасовал. Был слишком застенчив, чтобы руководить актёрами, особенно девушками. Да и вообще с девушками у него было трудно.

— Вот как?

— Да. Мы были молодые и похотливые. И девушки, и парни. Но у Тима с этим просто ничего не получалось. Наверное, то, что сейчас называют… как это называют?

— Инцел, — сказала Витт.

— Инцел, да. Замкнутый, не то чтобы обаятельный, да и внешность не подарок. И всё равно он влюблялся в самых красивых женщин, в тех, кого не мог заполучить. Так что он начал приносить на вечеринки этот наркотик, смесь, которую готовил сам. Угощал. Видимо, надеялся, что это

сделает его популярным, поможет расположить к себе женщин.

— Ты когда-нибудь думал, что его можно использовать как средство для изнасилования? — спросил Харри.

— Для изнасилования…

Грип посмотрел на них.

— Нет, никогда. Вы хотите сказать, что…

— Мы ничего не хотим сказать, — сказал Харри.

— Расскажи ещё о Тиме и женщинах, — сказала Витт. — Ты что-нибудь знаешь о его отношениях с собственной матерью?

Грип покачал головой.

— Она как будто выпала из кадра. Перестала работать ассистенткой по сценарию, вернулась в родной город и… да, исчезла. Тим почти никогда о ней не говорил.

— А о других женщинах он с тобой говорил?

— Да. Постоянно появлялась новая женщина, в которую он влюблялся. Каждый раз одинаково сильно. Они его отвергали, и он говорил, что ещё пожалеют, когда он станет знаменитым. Но выбирал он настолько недосягаемых женщин, что словно заранее был обречён на неудачу. Как будто на самом деле ему и не нужна была женщина,

если понимаете. Когда он стал профессиональным монтажёром, эта его особенность стала для меня ещё заметнее. Потому что особенно часто Тим влюблялся в актрис из фильмов, которые монтировал.

— Вот как?

— Это не так странно, если подумать. Актрисы, с которыми он проводил целые дни, понимаете? Его работа — заставить их сиять. Вырезать плохо произнесённые реплики, кадры, где они выглядят не лучшим образом. Вставить ту волшебную маленькую паузу или уязвимый взгляд, которых актриса сама не придумала и не сыграла именно в этом месте, но которые монтажёр вытащил из совсем другого места того же дубля, чтобы создать нужную дрожь. Проявить красоту и поэзию. Но когда актрисы получают своего «Оскара» и благодарят Бога и всех на свете, они обычно забывают монтажёра.

— То есть ты хочешь сказать, — сказала Витт, — что Тим создавал себе виртуальные отношения с этими женщинами, не имея дела с реальным человеком?

— Да! — Грип решительно кивнул. — Именно это он и делал. Он любил их, и в его голове они любили его. Слушались его, становились теми,

кем он хотел их сделать. А когда эти женщины его отвергали…

— Комплекс Пигмалиона, — сказала Витт.

Грип неуверенно посмотрел на неё, потом вопросительно — на Харри.

— Простите, — сказала она. — Пигмалион — персонаж греческого мифа, скульптор. Он создаёт статую такой прекрасной, что влюбляется в неё. Когда мышление инцела сочетается с пигмалионовскими чертами, до ярости инцела уже недалеко.

Харри кашлянул.

— Среди тех, кто отвергал Тима, есть кто-то, кто особенно выделяется?

Грип закусил нижнюю губу.

— Да. Поэтому объяснение, которое я сам себе придумал, — будто Тим не имеет отношения к киноубийствам, — начало, можно сказать, давать течь.

— Вот как?

— Фелисия. Фелисия Хение. Он был по уши в неё влюблён с первого взгляда. Или, во всяком случае, с первого раза, когда увидел её на экране в своей монтажной.

— Он тебе это рассказывал?

— Поначалу нет, но это было совершенно оче-

видно. Даже в сценах, где по сценарию она играла третью скрипку, в готовом монтаже она становилась главной героиней. Тим удлинял её крупные планы, давал тому, кто по сценарию должен был вести сцену, говорить за кадром, а сам держал в кадре её лицо…

— Значит, с Фелисией он не общался в реальной жизни? — спросила Витт.

— Общался, конечно. У него же был Тим.

— Тим?

Грип откинулся на спинку кресла и провёл рукой по волосам.

— Так мы называли наркотик, который он приносил на вечеринки.

— Его собственная смесь опиоидов и бензо, — сказал Харри.

— Да. Не знаю, где он это доставал, но Фелисия приходила к нему, когда ей что-нибудь было нужно. А нужно ей становилось всё чаще. Пока она просто не исчезла…

Грип смиренно улыбнулся.

— …из кадра.

— Мм. Могло быть так, что она платила ему тем, чего он хотел?

Грип решительно покачал головой.

— Потом она подсела на героин и оказалась на

улице, но это было позже. Тогда? Нет. Не думаю, что Тим хотел секса. Он хотел…

Грип развёл руками.

— Всю Фелисию Хение. Всё, что видел в монтажной, плюс то, что видел в собственной голове. Она значила для него всё. Когда она исчезла, Тим тоже начал исчезать. И для меня. Он больше не хотел никого видеть в монтажной.

— Ты сказал, что, по-твоему, он… — Витт посмотрела в свои записи. — «Один там и зол на всё». Можешь уточнить? Есть что-то конкретное или кто-то конкретный, на кого он зол?

Грип покачал головой.

— Как я уже сказал, ненависти к себе в нём было немало. Но если он питал к кому-то личную неприязнь, я этого не замечал. И тем более не замечал, чтобы он ненавидел меня. Тот Тим, которого я увидел, когда он пришёл сюда, — это Тим, которого я никогда раньше не видел и о существовании которого даже не подозревал.

Грип достал из кармана коробочку, открыл её и проглотил две белые таблетки, запив кофе. Харри увидел, как взгляд Грипа затянула пелена.

Джеронимо подошёл, мягко ступая, словно учуял, что хозяину больно, и лизнул Грипа в руку.

— Всего один последний вопрос, прежде чем

мы закончим, — сказал Харри. — Тим знал, что у тебя в груди вживлена металлическая пластина?

Грип моргнул.

— Нет.

— Нет? Вы братья, но он этого не знал?

— Он и не знает, что у меня был рак.

Грип печально улыбнулся, погладив Джеронимо.

— В нашей семье такие вещи держат при себе как можно дольше.

— Мм. Знакомо звучит. Ладно, завтра мы свяжемся с тобой, если нам понадобится ещё что-нибудь. Хорошо?

Грип кивнул.

— И запри дверь за нами. И на этот раз никому не открывай.

Грип бледно улыбнулся и снова кивнул.

ГЛАВА 61. [broken link: #TOC]

— «И запри за нами дверь», — передразнила Витт, семеня рядом с Харри по льду вниз по подъездной дорожке. — Мог бы сказать бедняге, что мы поставили машину, чтобы за ним присматривать.

— Нет, — сказал Харри и посмотрел на соседнюю виллу. В одном из окон мерцал свет.

— Почему?

Харри указал на соседнюю виллу.

— Из того окна видна входная дверь Грипа. Поэтому Тим Каландер и обошёл дом с другой стороны — не хотел, чтобы его заметили.

— Я спросила…

— Я слышал. Идём.

Она тщетно пыталась поспевать за ним, пока он широкими шагами поднимался по подъездной дорожке соседей. Догнала только на крыльце, когда он уже держал палец на кнопке звонка.

— Никого нет, — сказал он.

— Электричества нет, — сказала она и громко постучала в дверь. — Если тебя нет дома, свечи в гостиной не жгут.

Он одобрительно посмотрел на неё.

— Зачем ты спрашивал, знал ли Тим Каландер о пластине у Грипа в груди? — спросила она.

— Ну. Я думаю, Грипу невероятно повезло. А когда что-то кажется невероятным, я начинаю сомневаться. По словам Черно, Грип был лучшим другом Тима. Может, Тим и не собирался его убивать, ему просто нужен был кто-то, чтобы воссоздать сцену из «Круизинга». Так Грип и попал в его шот-лист.

Дверь открылась. Женщина лет сорока вопросительно посмотрела на них.

— Который был час, когда вы увидели, как этот человек пришёл? — спросил Харри, глядя на супругов, сидевших на диване. Им с Витт достались стулья поближе к теплу дровяной печи.

— Не знаю, мы не пользуемся часами, — сказала женщина.

— В темноте, наверное, было трудно разглядеть, но это мог быть он?

Харри поднял перед ней телефон и показал фотографии, которые прислала Сири Хеймен: одну — с лицом крупным планом, другую — в полный рост.

Женщина отпрянула, и Витт положила руку Харри на предплечье.

— Простите, — сказал Харри и убрал телефон.

— Это был он, — сказала женщина. — Я видела его здесь несколько раз, поэтому узнала по походке. Думаю, он близкий друг семьи. Был. То есть она ведь больше там не живёт. Они развелись, разве нет?

— Но вы не слышали хлопка?

— Нет. Но это, наверное, неудивительно. Я занималась глубокой медитацией, а тогда немного выпадаю из этого мира. Потом поднялась на Грефсен собирать дрова. Вернулась уже поздно.

— Может, уже после того, как здесь побывала полиция?

— Может быть. Я никого не видела. Легла спать. После сбора дров хорошо спится.

— Полиция наверняка звонила в дверь, чтобы узнать, не видели ли вы чего-нибудь. Вам не пришло в голову связаться с полицией, когда вы узнали, что произошло?

— Я не знала, — сказала она. — Пока вы сейчас не рассказали.

— Ничего себе. Как такое возможно…

— Мы не смотрим телевизор, — сказал мужчина, которого женщина представила своим мужем. — Нас нет в интернете. С соседями почти не общаемся. Последний год перестали читать газеты. Семьдесят процентов того, что там пи-

шут, — ложь.

— Мм. — Харри изучал мужа, сидевшего со скрещёнными руками в традиционной норвежской кофте, застёгнутой до самой жиденькой бородёнки. — Значит, вас дома не было?

— Забирал лосятину, — сказал тот. — Осенью мы добыли двух лосей. Брат хранит их у себя.

— В морозилке? — спросил Харри.

Мужчина не ответил, только поднял скрещённые руки выше на груди. По дороге к выходу Харри указал на металлический шкаф в прихожей.

— Оружейный сейф?

— Да, — сказал мужчина.

— Думал, такие держат в подвале.

— В тот день, когда они придут, не факт, что у тебя будет время сбегать в подвал.

— Они?

Мужчина взял со стопки на комоде в прихожей что-то похожее на брошюру.

— Прочтите. В отличие от газет, здесь написана правда. Неприятная, но это правда, которую большинство людей не способно увидеть.

Харри остановился в дверях.

— Вы сказали, что не общаетесь с соседями. Значит, с Грипом или его братом тоже не разго-

варивали?

— Не разговаривал, но я прекрасно знаю, кто такой Каландер. Он был гением.

— Вот как?

— Я немного крутился в киноиндустрии, но очень давно. Каландер меня не помнит.

— Вы говорите «был гением», а не «есть»?

— Бог дал каждому из нас дар. Но если мы пользуемся им не так, как Он задумал, Он может забрать его обратно. Каландер отказался использовать свой талант. Это предательство не только самого себя и Бога, но и всех нас. Всего сообщества. Потому что дар даётся отдельному человеку, чтобы он приносил пользу всем.

Харри медленно кивнул.

— Спасибо…

— Гудмунд.

— Гудмундсон. Надеюсь, вам удастся поймать того, кто ранил Грипа.

— Сделаем всё, что сможем, — сказала Витт.

На обратном пути по обледенелой дорожке Витт поскользнулась. Харри выбросил руку, и она машинально обхватила его обеими руками. Он узнал этот запах — её запах. Ему показалось, что он чувствует её тепло сквозь оба пальто.

— Ой, — рассмеялась она и так и повисла на

нём, не двигаясь.

— Мм.

Он приподнял её и отстранил, чтобы она снова встала на ноги. Они пошли дальше. Она взяла его под руку и засеменила рядом.

— А ты быстрый, — сказала она.

Он задумался, имеет ли она в виду его реакцию или то, как быстро он прервал объятие. А потом сообразил, что она, конечно, именно этого и добивалась — чтобы он задумался.

Когда они поравнялись с синей полицейской машиной без опознавательных знаков, он высвободил руку и постучал по стеклу. Оно опустилось, а Харри достал блокнот и начал писать.

— Как тебя зовут?

— Юлие Оннеруд.

— Хорошо, Оннеруд. Если Грип выйдет из дома, следуйте за ним и сообщайте мне, куда он едет. Ясно?

— Но у нас приказ…

— Через пару минут по рации получите новый. — Он вырвал листок и протянул им. — Сейчас отправьте мне эсэмэску на этот номер и держите меня в курсе.

— Так вот зачем, — сказала Витт, когда они пошли дальше, а Харри ждал, пока Катрине возьмёт

трубку. — Ты не хочешь, чтобы Грип знал, что за ним следят, потому что думаешь, что он может вывести нас на Тима Каландера. Верно?

— Ну. Нет, я так не думаю. Но пока исключить этого нельзя…

— Ты и правда не исключаешь, что он захочет помочь брату? После того как фактически подал его нам на блюдечке?

Из телефона донёсся голос:

— Алло? Харри?

— Привет, шеф. Мне нужно, чтобы ты приказала следить за Грипом, если он выйдет из дома. Я не хочу исключать…

— Что он может вывести нас на Каландера, — закончила Катрине. — Посмотрю, что скажет прокурор полиции.

— Спасибо.

Харри отключился, и они с Витт сели в машину.

— Значит, — сказала Витт, — Грип хочет помочь Тиму Каландеру?

— Не помочь, — сказал Харри. — Может, остановить.

— То есть заставить его сдаться? Метод Роммеля — положить револьвер на письменный стол?

— Не знаю. Просто не думаю, что Грип из тех,

кто станет сидеть и ждать. В его взгляде я увидел человека, который чувствует вину. И, может быть, ответственность за младшего брата, у которого всё пошло наперекосяк. В любом случае, если Грип хоть немного догадывается, где Тим, думаю, он туда поедет.

Они ехали молча.

Высадив Витт у Олафиаганген и провожая её взглядом до двери, Харри почувствовал беспокойство, тягу, связанную не только с алкоголем. Но, возможно, и не только с Хильде Витт.

Часы подсказали ему, что надо поспешить, если он хочет вовремя попасть на ужин к Хельге и Олегу. Он включил передачу, нажал на газ и врубил на полную громкость «God's Gonna Cut You Down» Джонни Кэша. Не потому, что эту песню нужно было слушать громко, а в попытке заглушить псов в животе и дьявола на плече.

ГЛАВА 62. [broken link: #TOC]

Могущественна она, смерть.

Я стараюсь сосредоточиться только на ней. Погрузиться в искусство, позволить кадрам, бегущим по экрану передо мной, указать направление, решить, куда нам двигаться. Что реально, что вымысел, и существует ли вообще между ними граница? Эти люди в одном кадре живы, а в следующем — мертвы. Тайна скрыта от нас: всё происходит где-то между двумя из двадцати четырёх кадров, составляющих секунду. В какое-то незаметное мгновение они исчезают, уходят куда-то ещё. Должно быть, так оно и есть.

Фелисия видит, что сейчас произойдёт. Она кажется скорее злой, чем испуганной. Слёзы катятся по щекам. И у неё, и у меня. Жаль, что я не могу смонтировать сцену так, чтобы её чувства проявились ещё сильнее, чтобы было больше дублей на выбор. То же самое с Джоном Дейлом. Антоном и Робертом. И Трюмом Хаугеном. Но у исполнителей главных ролей больше не осталось дублей.

Для убийств я использую нидл-дропы с классической музыкой. Восьмая симфония Шуберта

и кровь — в этом что-то есть. Звук с записей усилил бы всё: их крики впивались бы в барабанные перепонки, словно ледяные иглы. Но тогда открылось бы слишком многое.

Я знаю: за этот фильм мне придётся умереть. Но это будет и фильм, благодаря которому меня запомнят, который подарит мне вечную жизнь. Возможно, поэтому мне удаётся отгородиться от всего остального и делать то, для чего я родился. Создавать кино. Превращать хорошее в фантастическое. Я собираю материал в хронологическом порядке. Или в хронологическом беспорядке.

Да, смерть могущественна. Смотрите: кровь хлещет из раны Джона Дейла, лежащего на столе. Слёзы так же хлещут из моих глаз, а я смаргиваю их, чтобы разглядеть, нельзя ли что-нибудь — хоть что-нибудь — сделать, чтобы сцена стала ещё чуточку лучше.

Олег тихо спустился по лестнице из гостиной и остановился у двери детской. Сверху, из гостиной, доносилось, как Хельга напевает, убирая со стола, а за дверью Харри читал сказку.

За ужином, что было непривычно, больше всех говорил именно Харри. Он рассказывал забавные истории о своих детских зимних каникулах в

Ромсдале — теперь, когда Хельга с детьми тоже собирались на север, к снегу и полярной ночи.

Кажется, это была сказка о лисе-вдове. Сам Олег не хотел, чтобы ему читали сказки, когда Харри вошёл в их с матерью жизнь. Ему совсем не хотелось, чтобы этот чужой мужчина, который пытался украсть у него мать, сидел на краю его кровати. Нет, дверь сердца вовсе не была распахнута настежь перед высоким парнем с ёжиком светлых волос и голубыми глазами. Но всё изменилось, и Харри стал вторым по важности человеком в жизни Олега. Конечно, Харри не раз их подводил. Алкоголь и безумие. Но всякий раз, когда жизнь Олега оказывалась на самом краю, Харри был рядом. Не просто рядом — вмешивался. Принимал на себя пули, не думая о себе. Одним словом, Харри был тем человеком, каким Олег сам хотел однажды стать. За вычетом пары вещей, конечно. Но эта цельность. Честность…

Олег едва расслышал первые ноты «Will the Wolf Survive?» Los Lobos и увидел, как в одном из карманов куртки, висевшей на стойке у входной двери, вспыхнул свет. Он подошёл и выудил телефон Харри. На экране высветилось имя, о котором Харри рассказывал за ужином, — Оннеруд. Олег принял вызов.

— Да?

— Грип выходит. Уже отпирает дверь.

— Следуйте за ним, — сказал Олег.

— Потому и звоним. Прокурор полиции запретил.

— Что?

— Говорит, парень ни в чём не подозревается, а слежка за третьим лицом требует судебного постановления.

— Он может вывести нас на массового убийцу!

— Нам остаётся соблюдать правила, Холе.

— Это не Холе. Не отключайтесь и не дайте Грипу исчезнуть!

Олег поспешил к двери детской и нажал на экран, чтобы поставить разговор на удержание. Приоткрыл дверь.

— Грип выходит.

Он закрыл дверь и услышал, как Харри заканчивает чтение и переходит к объятиям перед сном. Посмотрел на телефон. Оказалось, он промахнулся по значку: нажал туда, куда нажал бы на своём телефоне. Вместо того чтобы поставить звонок на удержание, открыл совсем другое приложение. Галерею.

И теперь смотрел на фигуру, почти — но лишь почти — заслонявшую собой комнату, знакомую

ему слишком хорошо.

Хильде Витт сидела в своём кресле «Болло», отвернув лицо в сторону. Очевидно, это был первый кадр видеозаписи продолжительностью почти полчаса. Мозг молниеносно и автоматически перебрал все возможные объяснения, но ни одно не подходило.

Он нажал воспроизведение. Уставился на экран. Услышал, как Харри выключает свет в детской. Передвинул ползунок вперёд. Увидел Харри в другом кресле «Болло» — том самом, в котором Олег сидел во время первого сеанса терапии.

Снова передвинул ползунок.

Те двое, которые прежде сидели каждый в своём кресле, теперь словно слились в одно целое. Олег слышал их голоса, дыхание. Сам он перестал дышать. Он закрыл видео в тот момент, когда дверь открылась.

— Связь оборвалась, — сказал Олег и протянул Харри телефон. — Им не разрешили следить за ним.

Он увидел, как Харри внимательно всматривается в него.

— Всё нормально?

— Да. Что будем делать?

— Поедем туда, где они.

Олег стоял и смотрел, как Харри снял куртку со стойки и натянул ботинки. Харри поднял глаза.

— Ты едешь?

Олег кивнул.

— Это они, — сказал Харри и указал на синюю машину у светофора перед больницей Уллевол.

Олег пристроился рядом. Кипело в голове, кипело во всём теле. Он пытался сморгнуть картинки, отпечатавшиеся на внутренней стороне век, но они не исчезали. Стёкла двух машин опустились почти синхронно.

— Где он? — спросил Харри.

Юлие Оннеруд ответила, не поворачиваясь к нему:

— «Пассат» через две машины впереди.

— Вижу. Дальше мы сами.

— Для протокола, — сказала Оннеруд. — В рапорте будет указано, что мы закончили смену и запросили замену. Что мы действительно и сделали. Поэтому то, что мы сейчас находимся за машиной Грипа, — не слежка, а всего лишь совпадение: оказалось, что он едет в ту же сторону, что и мы.

— Мм. Так и есть?

— Можно сказать и так.

— Принято к сведению.

— Тогда не пиши в своём рапорте ничего, что не совпадёт с нашим, Холе. Хорошо?

— Какой рапорт? Пасынок просто везёт меня домой после ужина.

Оннеруд пожала плечами, и стекло снова поднялось.

Олег держал между собой и «Пассатом» одну машину. Тот свернул на Согнсвейен, перед трамвайным кольцом ушёл налево, спустился по склону и снова повернул налево. Покатил вдоль штакетников перед солидными виллами с занесёнными снегом яблоневыми садами.

— Держи дистанцию, — сказал Харри.

— Заткнись, — пробормотал Олег, не успев удержать слова.

— Что, прости?

Олег вдохнул.

— Ты что, оглох?

Краем глаза он увидел, как удивлённый Харри повернул к нему голову.

— Смотри лучше за Грипом, — сказал Олег и кивнул вперёд.

Харри снова посмотрел на дорогу. Метров в пятидесяти впереди, перед рощицей в конце улицы, «Пассат» остановился. Олег быстро нырнул между двумя припаркованными машинами

у штакетника и выключил двигатель и фары. Из машины вышла коренастая фигура. В руке у человека был пакет с покупками.

— Это Грип, — тихо сказал Харри.

Не оглядываясь, Кнут Грип засеменил по гладкому льду к рощице.

— Мы его потеряем, — сказал Олег, открыл крышку центральной консоли и достал табельный пистолет.

Протянул правую руку к замку ремня безопасности и почувствовал, как Харри схватил его за запястье.

— Подожди.

Олег вырвал руку, нажал кнопку замка, ремень с шорохом втянулся, открыл дверь и вышел. Быстро направился к «Пассату». Услышал, как Харри выбрался следом и побежал, чтобы не отстать.

— Что с тобой? — прошептал Харри.

— Со мной всё нормально, — ответил Олег, не сбавляя шага. — Это ты уже староват для такой работы.

— Я сказал, подождём! Он услышит, как мы идём по снегу.

— Мы его потеряем, говорю же!

— Нет! Смотри, надо просто идти по следам в лес.

Олег, не останавливаясь, покачал головой.

Следы ботинок на снегу напомнили ему точки на белом листе из детства и почти забытый голос, который между приступами кашля говорил: просто проведи между ними линию — и поймёшь. Именно это Олег сейчас и сделал. Провёл линию между Хильде, которая ни с того ни с сего заявила, что больше не хочет продолжать, и видео в телефоне, где Хильде сидела у Харри на коленях. То, что Харри снял их, только доказывало: либо они делали это и раньше, либо он заранее знал, что всё получится без труда. Теперь запись была трофеем, материалом для мастурбации.

— Стой, — прошептал Харри. — У нас есть следы, говорю же.

— Но ему не в лес, — процедил Олег. — Он идёт через лес. Он хитрый. По ту сторону — Блиндернвейен. Знает: если выйдет туда, сможет оторваться от тех, кто идёт за ним пешком.

— Если он хоть подозревает, что за ним следят, сейчас он всё равно не приведёт нас к Каландеру. Отпусти его. Слышишь?

Олег почувствовал руку Харри на плече. Тот удерживал его. Олег отреагировал не думая. Резко развернулся и услышал хруст. Только увидев, как Харри падает навзничь, а от переносицы

тянется тонкая полоска крови, словно повисшая в воздухе, Олег понял, что изо всей силы ударил его пистолетом по лицу.

Олег смотрел вниз на Харри, лежавшего в снегу. Глаза были закрыты, одна нога подёргивалась, он стонал.

Олег уже хотел опуститься рядом на колени, но перед глазами снова возникли Хильде и Харри. Он развернулся и побежал в лес, в темноту.

ГЛАВА 63. [broken link: #TOC]

Фелисия.

Как могло нечто столь прекрасное оказаться так изуродовано?

Я остановил фильм, и кадр, на который смотрю, настолько ужасен, что разрушает и меня. Одна часть меня хочет вырвать целлулоид и изрезать на мелкие кусочки созданного мной монстра — этот фильм. Другая знает: это шедевр, нечто неприкосновенное, которому не хватает лишь нескольких крошечных правок, чтобы стать совершенным. Именно эта часть кричит, что столько людей не могли так страшно погибнуть ради искусства лишь затем, чтобы их забыли, чтобы они оказались на полу монтажной истории.

Но сам я жить дальше не могу, это исключено. Даже если можно сказать, что я невиновен, что меня заставили сделать всё, что я сделал, что всякий, кому дан талант художника, обязан служить искусству, я всё равно стал частью того ужаса, который изображаю. Поэтому должен разделить судьбу этих невольных актёров, одним из которых являюсь и сам.

Фелисия.

Ты могла бы быть со мной, если бы захотела.

Насколько всё могло быть иначе.

А может, и нет.

За стеной пищит крыса. Хочет внутрь. Я могу покормить её целлулоидом. Или постой. Она предупреждает о чём-то? О чём-то, что приближается.

Грип торопился между деревьями. Кроме следов, которые оставлял он сам, на снегу под ногами не было ни одного отпечатка ботинка. Но он видел углубления от прежних следов, недавно заметённых. Такое правило существовало у маленькой компании киношников, когда-то устроивших тайную незаконную студию в закрытом бункере времён Второй мировой войны: прятать любые следы, способные привести посторонних в их подземную студию. И не рассказывать ни единой душе, где находится «Пайнвуд». Потому что даже самые крепкие замки и двери не остановят взломщиков, если те знают, какое кинооборудование хранится внутри.

Грип знал это, потому что когда-то и сам был взломщиком. Однажды ночью, ещё в юности, Тим, Кристиан и он вломились в помещение на Яре и утащили монтажный аппарат для 16-

миллиметровой плёнки — тот самый, который теперь стоял в их бункере.

Грип пригнулся под нижними ветками сосны.

Бетонная лестница находилась в стороне от тропы, между деревьями. Когда-то муниципалитет положил над спуском железную решётку, чтобы случайные прохожие не свалились в скрытую, неожиданную яму посреди леса. Но решётку убрали, и теперь она ржавела где-то под снегом. Грип осторожно спустился по десяти ступеням, чтобы не поскользнуться на льду. Внизу валялись разбитые бутылки из-под спиртного и пахло кошачьей мочой. Там он достал ключ и вставил его в ржавый замок. Потянул на себя тяжёлую, обитую железом дверь, и навстречу ударил знакомый запах плесени — в молодости он казался им упоительным ароматом, потому что ассоциировался с кино.

Грип пошёл в темноту к студии, построенной словно деревянная хижина посреди огромного бункера. Изнутри не доносилось ни звука, но в щели между стеной и бетонным потолком он увидел свет. Другим ключом отпер дверь студии. Открыл.

Для большинства звук двери утонул бы в гуле большого тепловентилятора, который здесь,

внизу, приходилось держать включённым постоянно. Но Тим всегда замечал, когда входил Грип, даже когда из его студийных мониторов Yamaha HS громко неслась музыка.

Кресло перед консолью повернулось.

На мгновение Грип так и застыл в дверях, глядя на настенный монитор, где фильм был остановлен на изображении поблекшей красавицы. Красота ещё не исчезла совсем, но её истёрли наркотики, чужие и собственные предательства, разочарования, которыми обернулись слишком большие мечты. Фелисия смотрела прямо в камеру.

К её смыкающимся губам приближалось сверло.

Грип опустил взгляд и посмотрел на брата по отцу.

Тот выглядел плохо. Больным. Как и сам Грип.

— Привет, Тим. — Грип поднял пакет с покупками. — Держу пари, ты голоден?

Тим схватил лежавший сбоку от консоли револьвер «Webley Mk VI». Поднял его. Направил на Грипа.

— Нет. Но хорошо, что ты пришёл.

Олег стоял в лесу там, где оборвались следы ботинок. Фонариком телефона он осветил лест-

ницу, уходившую под землю. Вдохнул. Потом спустился. Дверь была закрыта, но не заперта.

Он выключил фонарик и осторожно открыл дверь. Вздрогнул, когда что-то — какое-то животное — проползло по его ботинку.

Из другой двери, примерно в десяти метрах впереди, падал свет. Силуэт Грипа с пакетом в руке закрывал почти весь проём. Олег поднял табельный пистолет и бесшумно двинулся ближе.

Изнутри донёсся голос. Грип шагнул в комнату и влево, и Олег увидел помещение с чем-то похожим на микшерный пульт звукозаписывающей студии и телевизионным экраном. На экране застыл кадр из записи убийства Фелисии Хение. В поворотном кресле перед консолью сидела сгорбленная фигура с бледной кожей и длинными тёмными редкими волосами, свисавшими на плечи поверх кожаного пальто. Лицо казалось более одутловатым, чем на фотографиях, но сомнений не было: Тим Каландер.

Кресло было повёрнуто к левой стороне комнаты, где Кнут Грип исчез из поля зрения, поэтому Олег видел Каландера в профиль и его правую руку с револьвером, направленным на Грипа. Каландер что-то сказал, но из-за гула вентилятора Олег не расслышал. Он снял с предохранителя

свой табельный H&K P30 и сделал ещё два шага. Нужно было решать: похоже, Каландер всё больше распалялся. Он заговорил снова, на этот раз громче, и сквозь шум вентилятора Олег разобрал два отрывочных слова — «должен стрелять».

— Полиция! — крикнул Олег.

Каландер отреагировал и повернулся к нему. Рука с револьвером пошла следом. Олег нажал на спуск.

Я же вижу, что Кнут не понимает, хотя я протягиваю ему пистолет. Поэтому повторяю:

— Ты должен застрелить меня, Кнут.

Не понимаю, что тут сложного: сил больше нет, остаётся только исчезнуть.

Крик. Снаружи.

— Полиция!

Я поворачиваюсь к открытой двери. Молодой мужчина. С пистолетом. И с пустой яростью в глазах. Может быть, он сможет спасти…

Олег увидел, как первая пуля попала Каландеру в шею. Вторая — в грудь. К третьему выстрелу Олег уже сделал ещё два шага, так что расстояние сократилось до менее чем пяти метров, и всё же он промахнулся, хотя револьвер Каландера к тому моменту уже упал на пол. Олег выстрелил

снова. И снова. И снова.

— Стой!

Это был голос Харри.

Олег опустил пистолет.

Каландер соскользнул с кресла и лежал бесформенной кучей на полу, а под ним растекалась лужа крови, похожая на красный нимб.

Грип вышел из тени у стены и опустился на колени рядом с Каландером. Олег стоял словно оглушённый и апатично смотрел, как Харри вошёл в комнату, присел рядом с Грипом и тихо заговорил с ним. Как положено, проверил пульс Каландера. Двумя пальцами поднял револьвер за ствол, чтобы не испортить отпечатки; что-то его озадачило, и он осмотрел оружие, прежде чем снова положить его. Положил руку Грипу на плечо, что-то спросил; Грип ответил. Потом Харри встал, помог Грипу подняться, и они вдвоём вышли из студии.

Снаружи Грип сразу сел на мокрый бетонный пол и закрыл лицо руками.

Лужа крови вокруг Каландера продолжала расти. Олег смотрел. Он, Олег Фёуке, убил человека. Мысль была настолько огромной и оглушительной, что, сколько Олег ни пытался, вместить её в себя не мог — словно пытался затолкать пляж-

ный мяч себе в рот.

И всё же он уже сочинял речь в свою защиту. Не для отдела внутренних расследований полиции, а для самого себя. Сколько выстрелов он вообще сделал?

— Ты слышал?

Это был Харри.

Олег наконец оторвал взгляд от Каландера и повернулся. Увидел вмятину на окровавленном носу отчима. Покачал головой.

— Я сказал: «Отдай мне пистолет».

Олег посмотрел на оружие и понял, что забыл о нём. Протянул Харри.

— Здесь, внизу, нет связи, — сказал Харри. — Я выйду и позвоню в экстренную службу. А ты проследи, чтобы Грип не сделал глупостей. Хорошо?

Олег попытался ответить, но смог только кивнуть.

Когда Харри вернулся в бункер, его поразило, что запах здесь был тем же, что в монтажной у Тима Каландера. Значит, Каландер пробыл здесь уже какое-то время.

Трое в студии находились ровно в тех же позах, в каких он оставил их две минуты назад, словно кто-то нажал паузу.

— Они едут, — сказал Харри.

Он отвёл Олега подальше от Грипа, в конец помещения, где непрерывная, будто вздыхающая капель с потолка словно ставила точку после каждой фразы.

— Так что времени у нас мало, — прошептал Харри.

— Мало для чего?

— Чтобы согласовать, что мы расскажем о том, как это произошло.

— Тут нечего согласовывать, — сказал Олег. — Каландер собирался застрелить Грипа. Я крикнул: «Полиция!» — и он начал направлять пистолет на меня.

— Вполне понятно, что ты так воспринял ситуацию, — прошептал Харри. — Проблема в том, что Каландер не угрожал Грипу. Он говорил, что Грип должен застрелить его.

— Его?

— Полагаю, у массового стрелка тяга к смерти. Но сейчас не время в это углубляться.

— Ладно, но пистолет он направил на меня.

— Я как раз к этому моменту подошёл. Он повернулся к тебе, а рука с револьвером последовала за движением лишь отчасти. И есть ещё одна проблема.

— Какая?

— В револьвере нет патронов.

— Что?

— Я проверил. Да, знаю, безумие: Каландер просит застрелить его из пустого револьвера. Может, где-нибудь здесь найдём боеприпасы.

— Какой же это дурдом! — простонал Олег и в отчаянии покачал головой.

— Да, довольно безумно, — согласился Харри. — Но у нас есть одно преимущество.

— Конечно. Огромное преимущество.

— Грип не видел, кто из нас стрелял.

— И что? — Олег посмотрел на него.

Харри не ответил. Из открытой двери доносился далёкий звук, то нарастающий, то спадающий. Полицейские сирены.

Олег дважды крепко моргнул. Начал понимать.

— Это просто логично, — сказал Харри. — У меня нет семьи и карьеры, которые нужно беречь. И мне будет легче выкрутиться. Плохо вижу, плохо слышу и всё такое.

Олег словно перестал дышать; лицо налилось красным.

— Даже не думай, что я позволю тебе это сделать, — хрипло сказал он.

— Поздно. Я уже сказал, что стрелял я.

— Забудь.

— Это не ради тебя, Олег.

— Тогда ради кого?

— Ради Хельги. И детей.

— Вот как? Ты у нас святой, да? Жертвуешь собой, значит. Или ты просто лжец? Делаешь вид, что желаешь мне добра, а сам врёшь прямо в лицо. Бабник, который только и думает о…

Олег замолчал. Наверное, и сам услышал это, подумал Харри. Плач, прокравшийся в его голос.

Полицейские сирены были уже совсем близко.

— Я не знаю, что Хильде Витт тебе рассказала, — сказал Харри. — Но между ней и мной ничего не было.

— Да что ты. «Ничего» — это когда она сидит на тебе, задрав юбку до живота?

Харри закрыл глаза.

Чёрт. Чёрт.

— Я могу объяснить, Олег. Послушай…

— Не хочу…

— Хочешь! — Харри вдохнул ртом, потому что проход через нос был перекрыт костью и хрящом. — Я знаю: при том, что сейчас творится у тебя в голове, ты не поверишь ни единому моему слову. Ладно. Я прошу только одного: отложи это на ближайший час и постарайся сохранять холод-

ную голову, пока мы отсюда не выберемся. Если не сделаешь этого, будешь жалеть всю оставшуюся жизнь. А у тебя впереди гораздо больше жизни, и она касается куда большего числа людей, чем моя. Понимаешь?

Олег фыркнул.

— Значит, по-твоему, я не буду жалеть, если совру о том, что здесь произошло. Не буду жалеть, что струсил, спасая собственную шкуру.

— Я говорю, — сказал Харри, слыша крики снаружи, — что историю, которую мы сейчас расскажем, — будто стрелял я, — потом при желании можно изменить. И нам поверят. Но наоборот не получится: если сначала скажем, что стрелял ты, а потом решим поменять версию и заявить, что это был я, твой отчим, — никто не поверит. Джинна обратно в бутылку не загонишь. Понимаешь?

Харри увидел, как Олег открыл рот, собираясь что-то сказать. Передумал. Хорошо: значит, способность рассуждать начала возвращаться.

— Ты хотел, чтобы мы ждали в машине, — сказал Харри. — Я хотел следить за ним дальше, в лесу. Поэтому, пока мы сидели в машине, я забрал твой табельный пистолет и побежал за ним, а ты пошёл следом, но не смог за мной угнаться. Успел только увидеть, как я стреляю в Каландера.

Они увидели лучи фонарей и услышали шаги на лестнице. Показались двое полицейских в форме, и Харри поднял удостоверение, висевшее на шнурке у него на шее.

— Так, — сказал один. — Что здесь произошло?

— Я стрелял в предполагаемого преступника, — сказал Харри. — Он там. Идёмте со мной.

Полицейский пошёл за Харри к двери, мимо Грипа.

— А вы кто? — спросил второй полицейский, оставшийся на месте.

— Специальный следователь Фёуке, — сказал Олег и показал своё удостоверение.

— Так это сам Харри Холе застрелил массового убийцу?

Олег сглотнул. Кашлянул.

— Он.

ГЛАВА 64. [broken link: #TOC]

— Бункер построили немцы во время Второй мировой войны как частное убежище на участке семьи Боэнг, — сказал Грип. — Их виллу реквизировали, кажется, там жил полковник вермахта.

Грип теребил картонный стаканчик на столе перед собой. В стене маленькой комнаты для допросов были низкие окна в аппаратную, с клетчатыми, по-домашнему уютными занавесками — словно в кукольном домике.

— А потом вы устроили там студию? — спросил Харри.

Осторожно, чтобы не задеть болезненный нос под пластырем, он поднёс чашку ко рту. Харри сопровождал тело Тима Каландера в отделение судебной медицины. Там Александра ловким движением болезненно, но быстро вправила носовую кость и зафиксировала её пластырем. Прошло меньше суток, но отёк и кровоподтёки уже добрались до глаз, так что, по словам Катрине, он выглядел как панда.

— Ага, сколотили там киностудию, — сказал Грип. — Антон Вам, Роберт Брандт, Кристиан Боэнг, Полковник, Тим и я, а отец Кристиа-

на нам помогал. Там же было репетиционное помещение нашей группы. И то и другое — довольно по-панковски, можно сказать. Назвали её Pinewood Studios: вокруг сосновый лес, к тому же так называлась студия, где Стэнли Кубрик снимал «Сияние», наш любимый фильм. Когда родителям Кристиана пришлось продать эту часть участка муниципалитету, забор перенесли, и бункер оказался в зоне отдыха. Муниципалитет его закрыл. Двери намертво закрутили болтами, электричество отключили. Но мы взломали вход, поставили свои замки, незаконно подключились к сети и продолжили как прежде.

— Что-то вроде сквота?

— Да, — сказал Грип с печальной улыбкой и отпил кофе.

Накануне вечером он был безутешен, проявлял признаки шока и, по словам врача на месте, испытывал проблемы с грудью. Теперь, похоже, пришёл в себя.

— Поэтому мы старались держать «Пайнвуд» в тайне. Но в нашей среде ходили слухи о месте в лесу с довольно хорошей техникой, которую легко сбыть. После двух попыток взлома мы сделали крепость почти неприступной, можно сказать. Железные двери, двойные замки. Сделали так,

чтобы ключи были только у четверых. Тим чувствовал себя там в безопасности. Туда он уходил, когда его мир рушился. Когда какая-нибудь женщина его отвергала. Или продюсер, или Кинофонд говорил «нет» очередному гениальному проекту, из которого так ничего и не выходило.

— Да, один из таких проектов я нашёл в базе Национальной библиотеки. «Final Cut»?

— Ах да, этот…

— Я видел, Тим значился сорежиссёром?

— Правда? — Грип удивлённо посмотрел на него.

— Ты этого не знал?

Грип почесал затылок.

— Просто забыл. Мы ведь все хотели стать режиссёрами.

— Что это был за проект?

— Это был… — Грип резко остановился и посмотрел на Харри. Губы едва шевельнулись. — Чёрт.

— Что?

— Это должна была быть дань всем фильмам о серийных убийцах, которые мы смотрели. — Он хлопнул себя тыльной стороной ладони по лбу. — Господи, почему никто об этом не подумал?

— Мм. Есть ответ?

Грип покачал головой.

— Наверное, потому что это было очень давно. Мы вообще почти об этом не говорили. Все, кто обещал участвовать в «Final Cut», бросили Тима и сразу перешли в «Проповедника», когда тот проект получил финансирование. Кроме меня.

— Почему ты не пошёл с ними?

— Наверное, из солидарности с Тимом. Его ведь предали. Снова. Story of his life, правда?

— Мм. Значит, он всё-таки снял свой фильм. Только с настоящими актёрами — теми, кто его предал.

— Когда ты так говоришь… да.

— Но почему он хотел убить тебя?

Грип посмотрел в стакан с кофе.

— Я тоже его предал.

— Вот как?

— Тим не сдавался, хотя «Final Cut» не получил финансирования и все ушли. Вместо того чтобы снимать новый материал, он придумал использовать фрагменты всех любимых фильмов о серийных убийцах плюс нескольких сотен других — по несколько секунд отсюда и оттуда. Объяснить правообладателям, что это арт-проект. Отец как раз умер, и мы, к своему удивлению, унаследовали кое-какие деньги. Тим пришёл ко

мне с проектом и сказал: если мы оба вложим свою долю наследства, он сможет запустить «Final Cut». Он был одержим желанием прославиться или хотя бы создать что-нибудь, что прославится. Но я отказался.

— Не верил в проект?

— В коммерческом смысле — нет. Большинство людей этого не знает, но из десяти фильмов, которые снимают во всём мире, восемь-девять убыточны или едва выходят в ноль. Я только что женился и собирался ремонтировать дом, на котором и так висел долг. Но Тим, конечно, воспринял это как предательство. Продолжил один. Может, и получилось бы, но тут вышел фильм Дьёрдя Пальфи.

— И?

— Венгерский режиссёр. Он снял фильм о любви, целиком составленный из фрагментов более чем четырёхсот пятидесяти классических романтических картин. И назвал его тоже «Final Cut». Фильм попал в программу Каннского фестиваля, и на идее Тима, конечно, можно было ставить крест.

— Мм. Но он пошёл ещё на шаг дальше.

Грип кивнул.

В наступившей тишине он посмотрел на ок-

но, в котором виднелось только их собственное отражение.

— Кто там сидит?

— Звукооператор, Катрине Братт, руководитель расследования, и Витт. Витт составит профиль Тима. Хотя суда не будет, нам всё равно нужно доказать с высокой степенью уверенности, что за убийствами стоял именно Тим.

— Понимаю.

Грип тяжело вздохнул и повертел картонный стаканчик.

— Просто ещё раз повторю, Грип: ты здесь не обвиняемый, тебя вызвали только как свидетеля. Хорошо?

— Да знаю я, Харри, что должен был рассказать вам: я думал, Тим может быть в «Пайнвуде».

— Так почему не рассказал?

— Я же объяснил.

— Да, но расскажи и здесь, чтобы у нас всё дословно осталось на записи.

Грип глубоко вдохнул.

— Ладно. Я подумал, что «Пайнвуд» для Тима — лучшее укрытие. Как я уже сказал, ключи были только у нескольких человек. Я хотел добраться до него раньше полиции и отвезти в отделение неотложной психиатрической помощи в Гауста-

де. Добиться, чтобы его госпитализировали. Я ведь видел, когда он пришёл ко мне тем вечером: у него совсем сорвало крышу, он либо был в психозе, либо под каким-то своим наркотиком. Лучше сразу положить его в больницу и начать лечение, чем чтобы вы бросили его в голую камеру и ему стало ещё хуже. Вы же сами слышали: он хотел умереть.

— Мм. С собой у тебя был пакет с готовыми бутербродами?

— Да. Тим всегда забывал есть, когда монтировал. Я положил в бутерброды несколько таблеток, от которых отключаешься, — мне их дали в больнице. Ничего незаконного, можете проверить — ваши люди забрали пакет. Я просто думал, они его успокоят и я смогу увезти его с собой. План, может, и не лучший на свете, но лучше альтернативы.

— Расскажешь, что произошло после того, как ты пришёл?

— Мы почти не успели поговорить. Он хотел, чтобы я его застрелил. Настаивал, пытался отдать мне револьвер.

— Кстати о револьвере. Это был последний из трёх, которые он украл на Яре. Мы знаем, что он арендовал там офис и имел ключ-карту, но как,

по-твоему, он узнал, что у вас есть револьверы и где они лежат?

— QTake, — сказал Грип.

— QTake?

— Это система, которая передаёт картинку и звук с площадки тем, у кого есть доступ, так что продюсеры и прочие могут смотреть всё на ноутбуке или телефоне, где бы ни находились. Они видят и слышат всё, даже то, что происходит между дублями, — почти как если бы сами находились на площадке. Тим должен был монтировать сцены в самолёте, поэтому у него было место в первом ряду.

— То есть он мог шпионить из первого ряда?

— Во всяком случае, возможность была.

— Хорошо, — сказал Харри. — Давайте на этом сделаем паузу. Ты не против, если после перерыва войдёт Витт и немного расспросит тебя о Тиме?

Грип бледно улыбнулся и прижал руку к груди; Харри увидел слёзы от боли. Но Грип кивнул. Стулья заскребли по полу, когда они встали.

— Кстати, — сказал Харри, придерживая для Грипа дверь. — А кто ещё двое, у кого есть ключи от «Пайнвуда»?

— Кто?

— Да.

— Полковник, — сказал Грип и криво улыбнулся. — И король, конечно.

— То есть…

— Да. Кристиан Боэнг.

— Мы отправляем тебя в административный отпуск, — сказала Катрине, стоявшая со скрещёнными руками в глубине аппаратной.

— Мм. Это теперь такой эвфемизм для отстранения? — Харри смотрел через стекло на Витт и Грипа по другую сторону окна с клетчатыми занавесками. Техник нажал кнопку mute, поэтому они видели только, как там шевелятся губы.

— Мне только что позвонил начальник уголовной полиции, — сказала Катрине. — Дело передали в SEFO, и первым делом они захотели убедиться, что тебя отстранили от оперативной работы. Немедленно. Мне вообще не следовало разрешать тебе вести эти допросы.

— Правда? Обычно нам позволяют заниматься бумажной работой, даже если мы сделали несколько выстрелов.

— Несколько? — Она вздохнула. — Как ты собираешься объяснить SEFO, почему не остановился после двух, а продолжил и сделал шесть?

— Скажу, что хотел быть совершенно, совершенно уверен: в нём не останется столько жизни,

чтобы он смог застрелить своего брата, моего сына или меня.

— Тебе не очень помогает то, что Грип только что сказал на запись: Каландер вообще не собирался ни в кого стрелять.

— Ситуацию было трудно оценить.

— Ты знаешь, что всё уже в соцсетях?

Харри обшарил карманы в поисках пачки сигарет.

— Признаю, про это я не в курсе.

— В «Х» тебя уже называют Харри-Шестизарядником, и это расходится. На Reddit кто-то написал, что ты дал Каландеру по пуле за каждую его жертву. Это было задумано как похвала, но не все воспринимают это так. Беллману задают вопросы, добралась ли полицейская жестокость до Норвегии.

— Извини, но тут я мало что могу поделать.

— Ты слишком уж невозмутим, Харри. Даже для тебя.

— А внутри у меня полный хаос.

Катрине подняла бровь.

— Если ты сейчас стоишь здесь и шутишь, Харри, я всерьёз беспокоюсь. Слышала, ты отказался разговаривать и с психологом.

Харри посмотрел на Витт, принявшую позу

внимательного слушателя.

— По моему опыту, это не всегда приводит к чему-то хорошему.

— Вот как? Есть кто-нибудь ещё, с кем ты можешь поговорить? Кто-нибудь не из Управления?

— Да. Сейчас как раз пойду с ним встречусь. Свободного времени у меня, вижу, будет много. Административный отпуск. Звучит так, будто я должен вас благодарить.

Катрине покачала головой, пока Харри застёгивал морскую куртку.

— Это тот твой приятель-таксист, Эйстейн Эйкеланн?

— Нет, парень по имени Джим. Мы то общаемся, то нет, но для этого он вполне подходит.

ГЛАВА 65. [broken link: #TOC]

— Это довольно ужасно, — сказала Теа Рууд, не отрывая глаз от экрана, где Катрине Братт завершала прямую трансляцию пресс-конференции.

— Да, — сказал Кристиан Боэнг, поднялся с дивана и с бокалом шампанского подошёл к окну.

Наверное, хочет убедиться, что машина, которую они услышали, — не жена с детьми, неожиданно вернувшиеся с дачи, — подумала Теа.

Она не знала, что и думать, когда Кристиан пригласил её к себе и сообщил, что после ссоры с женой остался дома один. Хотел ли он ещё одного, последнего раунда перед окончательным расставанием? Или передумал насчёт того, что им с Теа никогда не быть вместе?

Чего Кристиан, вероятно, не знал: для неё оба варианта были исключены. Она согласилась прийти по трём совершенно другим причинам.

Во-первых, ей хотелось увидеть дом, который она столько раз пыталась себе представить.

Во-вторых, ей действительно стало немного его жаль, когда она увидела, насколько близко к сердцу он принял то, что в новом сценарии его роль урезали до скромной второстепенной.

Третья причина была совсем простой: она хотела поставить точку так, чтобы совершенно ясно было — это она уходит от него, а не наоборот. Ей это было нужно, а он этого заслуживал. Хотя ей было его жаль и она вовсе не собиралась этим кичиться. В конце концов, у них оставалась одна важная совместная сцена, и Теа не хотела рисковать тем, что ей помешают внешние обстоятельства. То есть внутренние.

— Ты ведь никогда не встречала Тима, — сказал Кристиан у окна. — Так что вряд ли тебе может быть настолько ужасно.

— Это ужасно в любом случае, — сказала Теа. — Его ведь и застрелили совсем рядом отсюда.

— Там. — Кристиан указал в темноту, на рощицу. — У нас там было что-то вроде студии. Тим и Грип жили чуть дальше по этой улице. Это было в те времена, когда у нас были мечты.

— Вот как. И что случилось? С мечтами, я имею в виду.

— То, что всегда случается с мечтами. Мы проснулись, и они исчезли, забылись. — Он щёлкнул пальцами. — Вернее, двое из нас не забыли. Знали, что мечту нужно осуществить. Визуализировать. Прожить. Материализовать. Что только ради этого и стоит жить.

— Кто эти двое?

— У кино как искусства есть уникальная черта: оно полностью зависит от сотрудничества, — продолжил он, словно не услышал. — Архитектурный проект, симфония или пьеса могут существовать только на бумаге и всё равно быть искусством. Но киносценарий — нет. Это всего лишь более или менее грубый инструмент, смутная отправная точка. «Оскар» за лучший сценарий получают не лучшие сценарии, а сценарии выше среднего, которым повезло: кто-то превратил их в очень хорошие фильмы.

— Не думаю, что ты рассказываешь мне что-то новое, Кристиан.

— Хорошо. Тогда посмотрим фильм. Хороший.

Он допил шампанское и подошёл к большому глубокому стеллажу, в который был встроен телевизор. Покрутил навесной замок на дверце шкафа и открыл её.

— Шкаф со спиртным, — пояснил Кристиан. — Чтобы дети не таскали.

За бутылками Теа увидела несколько DVD.

— Ты действительно пригласил меня смотреть кино?

— Считай это скорее… тизером, — сказал он и протянул ей один диск.

На обложке был толстый мужчина в женском кожаном корсете с кнутом в руке. Перед ним, прикованная к гинекологическому креслу, сидела обнажённая женщина: во рту ремнями был закреплён резиновый шар, на голове — терновый венец.

— Это… порно?

— Давай попробуем и посмотрим, что получится. Ты нос морщишь, дорогая. Не твой жанр?

— Я… э-э, не совсем понимаю, что это вообще за жанр, — сказала она, изучая обложку. — Тут… много всего.

Она уже хотела сказать, что пришла не ради порно, но с кухни донёсся громкий звон.

— Попкорн готов, — улыбнулся Кристиан и широкими шагами ушёл на кухню.

Теа встала. Старую, почтенную виллу рода Боэнг попытались осовременить. По инициативе значительно более молодой госпожи Боэнг, предположила Теа. С предсказуемо неоднозначным результатом. Чёрный дуб, каменные плиты и дизайнерские стулья, которые украсили бы более современный дом, здесь казались доставленными не по адресу.

Она подошла к шкафу и поставила фильм обратно. По названиям на корешках можно было

предположить, что остальные тоже были порнофильмами пожёстче, а пара обложек, лежавших лицом вверх, уже не оставляла никаких сомнений. Может, супруги Боэнг были фетишистами, которых возбуждал S&M, — что ж, их дело. Взрослые играют во взрослые игры. Просто немного неожиданно: с Теа Кристиан никогда не проявлял подобных склонностей.

Она слышала, как он возится на кухне. Он обожал попкорн. С маслом, мёдом, трюфелями или своей маленькой фирменной добавкой — тёртым козьим сыром.

Наверное, он поймёт намёк, когда увидит, что она убрала фильм и закрыла шкаф. Если нет, она даст ему проглотить пять пригоршней попкорна, а потом объяснит: пауза в их отношениях дала ей время подумать. Сегодня она приехала, чтобы сказать ему в лицо, что всё кончено. Что надеется, они смогут остаться друзьями. И хорошими коллегами, конечно. В основном — последнее.

Она уже собиралась закрыть шкаф, когда заметила кое-что. У стеллажа была двойная задняя стенка, внутренняя — тонкая раздвижная панель, возможно, чтобы протягивать за ней провода. Но за панелью, частично скрытый ею, торчал CD или DVD. На диске что-то было написано марке-

ром. Теа видела лишь последние четыре буквы: R-I-O-N.

Её осенила мысль. Она прижала палец к диску, осторожно вытянула его и прочла слово целиком.

MARION.

Услышав шаги Кристиана, Теа быстро сунула DVD в карман вязаной кофты.

— Не будем смотреть? — Кристиан поднял бровь и поставил на журнальный столик стеклянную миску с золотистым попкорном.

— Нет, — сказала она и села в кресло по другую сторону стола.

— Ого. — Он медленно опустился на диван. — Похоже, ты хочешь со мной расстаться.

— Нельзя расстаться, если мы не вместе, Кристиан.

— Тогда нам придётся снова сойтись. Прямо сейчас. Чтобы ты могла меня бросить. Ты заслужила право меня бросить. Теперь очередь Мэрион.

Теа передёрнуло, когда она услышала своё ласковое прозвище.

— Я просто хотела сделать всё как следует, — сказала она. — Ты мне дорог. И мы ведь продолжим работать вместе.

— Возможно. Ты будешь работать больше ме-

ня, насколько я понимаю. Идём, я кое-что тебе покажу.

— Кристиан, я…

Он уже встал и шёл из гостиной.

— Идём.

Глубокий гулкий голос, когда-то пробуждавший в ней желание, теперь звучал театрально и натужно.

Он исчез в коридоре.

— Теа?

Она мысленно выругалась и пошла следом.

Кристиан стоял в дверном проёме в конце коридора. По стенам висели написанные красками портреты жены, детей и самого Кристиана. Теа подошла.

Это была спальня.

Он указал на акварель — букет цветов под стеклом в раме над кроватью.

— Это подарок моему деду от немецкого полковника после капитуляции. Моей жене нравится. Она ведь не знает, кто художник. Иногда лучше всего воспринимать искусство непредвзято. Не позволять личности автора вмешиваться в восприятие.

— И кто художник?

— Его зовут Адольф Гитлер.

— Ты шутишь.

— Возможно. Но замечаешь, как теперь изменилась картина?

Она не отрывала взгляда от акварели. Медленно цветочные стебли превратились в тонкие руки, протянутые к ней в безмолвном отчаянном крике о помощи. Жёлтые головки цветов стали человеческими головами, наполненными газом и рвотой, красные цветы — потоками крови и разорванными лицами.

— В тесте личности у меня был высокий балл по воображению, — сказала она. — Но я ухожу, хорошо?

— Сейчас? Даже не думай. Идём, прими душ. Идём, давай…

— Нет. Я не хочу ложиться с тобой в кровать твоей жены.

— Сначала прими душ. Дай мне посмотреть, как ты…

— Нет!

Она вырвала руку из его хватки.

— Можете с Адольфом развлекаться без меня, Кристиан!

Она бросилась по коридору и услышала, что он идёт следом. Сердце бешено колотилось, и вдруг Теа осознала: Кристиан, которого она все-

гда считала надёжным добрым медведем, теперь пугал её. Стоило этой мысли укорениться, как она словно что-то высвободила.

Панику.

Теа схватилась за перила и помчалась вниз по лестнице в прихожую, успела подхватить с обувной полки один сапог и снять пальто с крючка, после чего вылетела наружу.

Она бежала в носках, чувствуя ступнями гравий под снегом, к воротам. С первого раза открыть их не смогла, ударила ногой по кованому железу, вскрикнула от боли. Но ворота распахнулись, и она вывалилась наружу, поскользнулась на тротуаре и выбежала на Блиндернвейен.

Машина засигналила и едва успела выйти из заноса, прежде чем пронеслась мимо. Не оглядываясь, Теа продолжала бежать; плач подступал к горлу, а взгляд был прикован к огням высоток впереди.

Только на более оживлённой Киркевейен она почувствовала себя в безопасности и остановилась. Села на скамейку автобусной остановки, натянула единственный сапог и пальто. И обнаружила, что пальто не её. Значит, и телефон, и кредитная карта остались в доме. До гостиницы далеко, с одним сапогом туда не дойдёшь.

Пульс уже не бешено скакал, паника отступила, и она почувствовала, как холодно. Казалось, здравый смысл тоже возвращается.

Что именно так её напугало?

Картина, которую она вообразила меняющейся прямо перед глазами?

Нет, дело было не в ней. Изменился он. Словно принял другую форму. Стал Кристианом Боэнгом, которого она раньше не видела. Каким-то… Она не знала каким. Ведь, если подумать, он ничего ей не сделал.

Теа стучала зубами.

Может, это всего лишь та реакция, о которой предупреждал психолог: нужно быть готовой, что она может возникнуть после случившегося в машине там, на Грефсенколлене.

Теа оглянулась. Увидела свет в окнах дома, так красиво стоявшего на холме. Если бы она была немецким полковником, тоже выбрала бы этот дом. Возможно, Кристиан сейчас стоит у окна и ломает голову, что на неё нашло.

Что бы это ни было, теперь прошло. Ей даже стало немного смешно. Она попробовала тихонько рассмеяться сама для себя.

Да, смех звучал как обычно.

Она встала и пошла. Уже представляла, как

звонит в дверь, Кристиан открывает. Он тоже смеётся. Тем своим добрым смехом. И одновременно раскрывает объятия. Она заберётся в них. А потом они будут сидеть в тёплой гостиной и спокойно всё обсудят, расставят по местам.

С попкорном и тёртым козьим сыром.

ГЛАВА 66. [broken link: #TOC]

Нильс «Полковник» Хальмгрен посмотрел на вяз, заслонявший вид из их дома. Вид на Уллевол-Хагебю — скромные двухэтажные каменные дома и маленькие яблоневые сады; когда-то район строили для небогатого среднего класса, а теперь здесь жил средний класс побогаче. Сосед упорно утверждал, что дерево принадлежит ему, однако факт оставался фактом: ствол стоял прямо на границе участков и, если провести прямую линию между ближайшими межевыми знаками, сильнее склонялся на сторону Полковника и Черно.

Луна выскользнула из-за облаков и залила сад светом, от которого старый вяз отбрасывал драматические тени. Что ни говори, Бог был лучшим осветителем. Полковник застегнул молнию куртки до самого верха, наклонился и поднял жёлтую бензопилу, которую поставил в снег.

Минут двадцать назад он видел из окна, как соседи сели в машину и уехали в вечернюю темноту. Они были нарядно одеты, значит, вряд ли скоро вернутся. Полковник уже собирался завести пилу, когда заметил фигуру, с трудом пробиравшуюся к нему по глубокому снегу.

Он подождал, пока Черно не остановился перед ним — в пуховике, шортах и с голыми ногами, торчавшими из резиновых сапог, наверняка полных снега.

— Думал, ты вернёшься поздно, — сказал Полковник.

Черно пожал плечами.

— Я видел пресс-конференцию по телевизору.

— Да? Что сказали?

— Что преступник — Тим Каландер и что полицейского, который его застрелил, отстранили от службы и будут расследовать его действия. Имя не называли.

Полковник тихо рассмеялся.

Черно строго посмотрел на него.

— Это же смешно, правда? — хихикнул Полковник. — Тот самый парень, который заметил склейку в фильме, где Роберт вешается, теперь сам пойдёт под раздачу.

— Он заметил склейку, но они не увидели, что именно было вырезано.

— Он увидел, что исчезли четыре кадра, Черно. Четыре кадра — и понял, что Роберт повесился не добровольно! С таким человеком надо быть осторожнее.

— Именно.

Черно подошёл к дереву и одним движением сорвал гафферную ленту, обмотанную вокруг ствола.

— Ты что делаешь? — воскликнул Полковник.

— Предотвращаю неприятности. — Черно свернул ленту и сунул моток в карман. — Сейчас меньше всего нам нужно, чтобы сосед заявил на нас в полицию, Нильс. Где ты взял бензопилу?

Полковник не ответил, только фыркнул, как бык, готовый броситься в атаку. Черно шагнул ближе к более крупному мужчине и понизил голос до угрожающе дружелюбного шёпота.

— Я спросил: где, Нильс?

Полковник закрыл глаза, стиснул зубы и затопал ногами.

— Я её просто одолжил.

— Ты её украл, Нильс?

— Нет!

— Ладно. Идём, приготовлю нам ужин.

Черно легко взял Полковника под руку.

Тот дёрнулся и высвободился, но Черно снова его подхватил. На этот раз Полковник позволил вести себя через глубокий снег к дому.

В «Шрёдере» приближалось время закрытия.

Харри закрыл глаза и слушал гул голосов вокруг. Он приятно убаюкивал, словно шум моря

и мерные гребки деда, когда Харри лежал на носу лодки, ему было десять и летние каникулы в Ромсдале казались вечными. Потом гребки прекращались, и он знал: стоит открыть глаза — увидит, как дед снова отпивает из карманной фляжки, которую тайком от бабушки взял с собой. И знал: если откроет глаза сейчас, увидит перед собой на столе стакан виски.

В «Шрёдере» в основном пили пиво. Сам Харри пиво не любил и никогда не любил, но пил, когда не было крепкого или когда хотел опьянеть совсем немного. То есть почти никогда.

Прозрачный крепкий алкоголь понравился ему с первого дня, тёмный — после некоторого привыкания, а в конце концов любимым ядом стал Jim Beam. Что пил дед, Харри не знал, хотя однажды пробовал. Как-то дед попросил его сходить в магазин за табаком для него и карамельками для себя и сказал взять кошелёк из клетчатой шерстяной куртки, висевшей в сенях. Во внутреннем кармане Харри нашёл фляжку и сделал крошечный глоток. Не закашлялся, не выплюнул — просто подумал, что на вкус это бензин.

Сладкое жжение, как называл его Эйстейн.

Возможно, это был соседский самогон, смешанный с домашним яблочным соком; Харри

никогда не спрашивал. До следующего раза, когда он попробовал алкоголь, прошли годы, но, может быть, уже тогда он что-то почувствовал? Может, тогда в нём что-то зародилось — смутная заочная влюблённость?

Харри провёл слишком много более или менее терапевтических разговоров со своим другом и психологом Столе Ауне о собственной зависимости, чтобы верить, будто когда-нибудь получит окончательный ответ. Было ли дело в желании притупить боль после болезни и смерти матери? В отчаянии после того, как его страдавшая депрессией юношеская любовь покончила с собой? Или он просто был генетически предрасположен к безудержному пьянству?

— Привет.

Харри открыл глаза и посмотрел вверх.

Это был Олег.

— Эйстейн сказал, что я найду тебя здесь. Как дела?

— По шкале от девяти до десяти…

— Девять, — закончил Олег привычный ответ Харри и кивнул на стакан на столе. — А насколько пьян?

Харри пожал плечами.

— Недостаточно.

Олег выдвинул стул и сел.

— Сколько ты собираешься пить на этот раз?

— Ну. Других планов на ближайшее время нет, так что…

— Мама однажды сказала, что до встречи с ней после каждого раскрытого дела ты срывался. И тогда мог пить неделю или больше.

— Значит, так она говорила.

— Да. — Олег кивнул на Jim Beam. — Почему стакан не тронут?

Харри пожал плечами.

— Потому что боюсь начинать.

— Да?

Харри кивнул в сторону дверей туалета.

— Меня уже дважды вырвало. И это ещё до первой капли.

— Значит, стакан стоит давно?

— С тех пор, как я пришёл. Думаю, тело пытается мне что-то сказать.

Олег медленно кивнул.

— Я пришёл сказать, что поговорил с Хильде.

— Вот как?

— Она рассказала мне всё.

— Мм. Мне нужно бояться ещё сильнее?

— То, что на видео… Я знаю, ты сделал это ради… — Олег скривился. — Если не ради меня, то

ради нашей семьи.

Харри не ответил.

— Я просто хотел извиниться. И… — Олег остановился: голос внезапно стал глухим. Он провёл рукой по глазам и несколько раз сглотнул, прежде чем продолжить. — Я самый большой идиот на свете. Ты, может, второй, но тут я тебя всё-таки превзошёл. Не знаю, смогу ли простить себя. Я хотел спросить: а ты сможешь?

Харри протянул руку через стол и положил её поверх руки Олега.

— Вопрос, Олег, в том, существует ли вообще что-то, что ты мог бы сделать, а я не смог бы тебе простить. — Он криво улыбнулся, почувствовав, как натянулся шрам на щеке. — Ты мой мальчик. Это как с выпивкой и влюблённостью. Никакого здравого смысла.

Он сжал руку Олега.

Олег сжал его руку в ответ. Кадык скользнул вверх-вниз.

— А Хельга? — спросил Харри. — Она сможет простить?

Олег кивнул.

— Мы с ней долго разговаривали. Дольше, чем любой наш разговор за очень долгое время.

— Ты рассказал всё?

— Не вдаваясь в лишние подробности, да. Оказалось, пару лет назад у неё тоже был короткий…

— Мне этого знать не нужно, Олег.

Олег улыбнулся.

— Конечно. Я забыл, что ты как Хельга. Если без чего-то можно спокойно обойтись, ты предпочитаешь этого не знать.

— Точно. Твоя мать была такой же. Мозг — раб сердца. Поэтому, если хочешь, чтобы решения принимал мозг, кое-что от сердца лучше скрывать.

— Наверное, верно. — Олег оглядел зал. За несколькими столами мужчины сидели поодиночке и пили. — Скажи. Тебе бывает одиноко?

— Нет, — сказал Харри.

— Нет?

— Мне всегда одиноко.

— Всегда?

— Ничего страшного. Я лучше всего справляюсь один. Когда я с кем-то, хуже всего всегда тому, кто рядом со мной. Я тот парень, которого не стоит пытаться втащить в лодку: я её переверну. Мой совет — позволять таким, как я, плыть к горизонту.

— Немного сентиментально?

— Чересчур сентиментально.

Они улыбнулись друг другу.

— Мама этому совету не последовала.

— Нет. Она вытащила меня в лодку. Она была единственной, с кем я оказался совместим. Но не думаю, что найдётся ещё одна такая. Поэтому, если тебе так повезло, что Хельга…

— Мне так повезло, — сказал Олег. — То, что у нас с Хельгой, с детьми и всем остальным, на самом деле идеально. — Он потёр шею. — Но во мне есть вот эта штука по отцовской линии.

— Когда что-то идеально, тебе нужно это разрушить?

— Да. Что-то вроде того.

— Харри Холе?

Они подняли глаза. Рядом стоял слегка пьяный мужчина, покачивался и глуповато ухмылялся. Большим пальцем указал себе за спину.

— Мы там, за столиком, подумали: может, зайдёшь к нам сделать селфи? Мы тебя пивом угостим.

— Пойдём, — сказал Харри, встал и схватил куртку со спинки стула.

— Вот они обрадуются, увидишь, — невнятно произнёс мужчина и пошёл впереди к столику. Потом заметил, что друзья смотрят куда-то мимо него с досадой. Обернулся как раз вовремя, чтобы

увидеть, как закрывается входная дверь.

— Меня вызвали в SEFO, — сказал Олег, ёжась в пальто, пока они с Харри переходили Уллевол-свейен.

— Просто держись того, о чём мы договорились, — сказал Харри. — Если спросят о деталях, которых нет в нашей версии, говори, что не помнишь. В таких ситуациях нормально многое забывать.

— Мы не договорились, что говорить о твоём сломанном носе.

— Ты ничего не говоришь, потому что не видел, что произошло. А я, значит, поскользнулся в снегу и приземлился носом прямо на пистолет, который стащил у тебя. Это совпадает и с отпечатком моего тела на снегу, и со следами крови, и с кровью на пистолете.

Некоторое время они шли молча.

— Харри, я…

— Я знаю. Но это не ради тебя. Слышишь? Это ради Хельги и детей. Только пообещай мне: в следующий раз, если первый выстрел попадёт в шею, ограничься двумя, ладно? Кстати, здорово, что попал с первого. Ты в последнее время много бывал в тире?

Олег не ответил.

Харри обнял его за плечи.

— Как насчёт десяти выстрелов по мишени C25 — кто лучше?

Олег попытался пожать плечами под крепкой рукой.

— Это «да» или «нет»? — спросил Харри.

Олег криво улыбнулся.

— Если проигравший угощает свининой с соусом в «Шрёдере».

ГЛАВА 67. [broken link: #TOC]

Кристиан Боэнг стоял у окна и смотрел в темноту. Он чувствовал себя старым. Он и был старым. Всегда был. По крайней мере по сравнению с остальными из их компании. Антоном, Робертом, Фелисией, Тимом. Теперь их всех не было. Остались только он и Кнут.

Они делили всё: деньги, пиво, наркотики, женщин. Идеи, сценарии, кинооборудование, время перед камерой и за ней. Но прежде всего они делили мечту. Мечту снять шедевр.

Но режиссировать не могли все, и со временем, конечно, выяснилось, что таланты у них разные. После «Проповедника» все считали, что самым талантливым режиссёром среди них был Антон Вам, но в самой компании знали: это не так. Настоящим режиссёром был тот, кому так и не дали расправить крылья, кого предали все, когда это действительно имело значение. Они струсили, и теперь все заплатили цену. Все, кроме того единственного, кто остался.

Кристиан посмотрел на свои руки. Большие, но чувствительные руки, которым до сих пор не довелось сделать то, для чего они на самом деле

были созданы.

Он был весьма способным актёром, заметно выше среднего, временами популярным. Коллеги его уважали, режиссёры и продюсеры любили. Потому что он был предсказуем. Они знали, что получат. И чего не получат. Великим актёром он не был, после себя следа не оставит. А теперь именно это и имело значение. Потому что он был стар. Представление скоро закончится.

Кристиан обернулся и посмотрел на закрытую дверь спальни. Изнутри не доносилось ни звука. Разумеется. А с чего бы там быть звукам? Там не было ни единой живой души.

Он тяжело вздохнул и оглядел гостиную. Нужно убрать всё до возвращения жены и детей. Если они вообще вернутся. Оставалось только взяться за дело. Он знал, что делать — теперь у него уже был опыт.

Убирать следы с места преступления.

Он отнёс бокалы из-под шампанского — один из них разбитый — на кухню. Целый вымыл, осколки второго завернул и выбросил. Достал мусорный пакет и приготовил его. Напомнил себе не забыть вынести её обувь и пальто.

Подошёл к двери спальни и открыл. Вошёл и остановился у изножья кровати. На саму кровать

не смотрел — смотрел на картину над изголовьем.

Он читал, что акварели Адольфа Гитлера описывали как точные, но лишённые художественного нерва и тепла. В них, мол, было больше архитектуры, чем живописи. Вполне предсказуемая интерпретация, если знать, кто художник. Но что, если именно так Гитлер и видел мир? Холодным, но функциональным? Величественным, но бесчеловечным?

Разве величайшие произведения кино тоже не бывают холодными и точными — как «Гражданин Кейн», «Метрополис» и почти всё у Стэнли Кубрика? Возможно, эту отстранённую манеру представляли как социальную критику, как обнажение присущего людям человеконенавистничества. Но не выдавали ли эти парадоксально прекрасные фильмы одновременно и восхищение, и тягу к эстетике того, что они критиковали? Подобно тому как лучшие из так называемых антивоенных фильмов лучше всего показывают, почему мы любим войну.

Кристиан наконец опустил взгляд на кровать.

Туда, где сегодня вечером они должны были заниматься любовью. Где Теа должна была лежать, полная жизни.

Но её там не было.

Теперь на кровати лежало только одеяло.

— Ты хочешь сказать, что у вас с Кристианом тайные отношения? — Кида Ширер налила чаю Теа, затем себе.

— Были, — сказала Теа, кутаясь в шерстяной плед.

Медленно и восхитительно болезненно чувствительность возвращалась в ногу, опущенную в таз с тёплой водой.

— Теперь всё кончено, — сказала Теа. — Совсем кончено. Но было бы очень хорошо, если бы это осталось тайной.

Кида изобразила, будто застёгивает молнию на губах, и села на диван рядом с Теа.

— Спасибо, Кида.

— О, я в любом случае не собираюсь сейчас делать ничего, что может выбить Кристиана из колеи. — Кида похлопала Теа по спине. — Мне нужен король Хокон в полной форме к последней сцене послезавтра.

Теа улыбнулась. Всего полчаса назад она решила вернуться к дому Кристиана и уже направилась туда, когда сунула руки в карманы чужого пальто. И почувствовала под ним, в кармане вязаной кофты, острый край DVD.

Она почти забыла о диске.

Ведь что-то было не так. Именно поэтому.

Тогда Теа вспомнила, что Кида живёт совсем рядом, на Фагерборггате. Туда она сможет добраться и в одном сапоге. Она испытала такое облегчение, когда стояла внизу у входной двери и Кида ответила по домофону: «Заходи, третий этаж», что взбежала по лестнице наверх.

Теа достала тонкий блестящий диск.

— Что это? — спросила Кида.

— DVD.

— Я вижу. Но что на нём?

— Не знаю. Я нашла его у Кристиана. Взяла, потому что он написал на нём «MARION». Это ласковое имя, которым он меня называет.

— Интересно.

— Нет, просто… жутковато. Ты знаешь кого-нибудь, кто умеет проигрывать такие штуки?

Теа почти ожидала, что Кида посмотрит на неё так, словно она спросила, знает ли та кого-нибудь с паровой машиной. Вместо этого Кида указала на серебристый блок под телевизором.

— Marantz, — сказала Кида и положила DVD в лоток. — Blu-ray/DVD. И картинка на нём гораздо лучше, чем при стриминге.

Она нажала play, села обратно, и какое-то время

они смотрели молча. Обе перестали пить чай.

— Это не Blu-ray, — прошептала Кида.

— Чёрт, — сказала Теа.

Вода в тазу стала ледяной.

ГЛАВА 68. [broken link: #TOC]

Харри стоял у окна в квартире Катрине и смотрел наружу.

Первый дневной свет резал глаза словно ножами, но теперь валил снег, приглушая свет и звуки и постепенно укрывая Осло мягким белым одеялом. Зазвонил телефон.

Вчера Харри выключил его после седьмого звонка от журналиста. Всем, конечно, нужен был комментарий, а ещё лучше — интервью о расследовании киноубийств вообще и о стрельбе в Киноубийцу в частности. Одна журналистка успела предложить ему пятизначную сумму за эксклюзив, и Харри повесил трубку посреди её фразы о том, что интервью лучше всего провести в баре Revolver, раз уж там тоже показывают кино. Но сегодня Катрине велела ему держать телефон включённым. Он посмотрел на экран. Хильде Витт.

— Слушаю.

— Мне нужно кое-что тебе показать. Ты где?

— У Катрине.

— Братт?

— Да. У Герта температура, в садик нельзя.

— Значит, выручаешь?

— Мм. Из-за SEFO мне нельзя выходить на работу, вот и приношу пользу другим способом.

— Ладно, и больше не буду спрашивать про тебя и Братт. Что сейчас делает Герт?

— Спит.

— Отлично. Какой адрес?

— Послушай…

— У неё телевизор с HDMI?

Харри сидел на трёхместном диване, по женщине с каждой стороны, а на коленях у него лежал горячий от температуры мальчишка. Услышав, что пришли дамы, Герт настоял, что встанет, но теперь снова уснул, завернувшись в одеяло.

Теа Рууд стояла на коленях и подключала DVD-плеер к телевизору, а Витт объясняла: Теа позвонила именно ей, потому что после того, как оказалась в машине, где застрелили Антона Вама, её по стандартной процедуре направили к психологу — и попала она к Витт.

— Я хочу услышать и твою оценку: может ли быть связь между делом Каландера и тем, что записано на этом диске, — сказала Витт.

Теа нажала play на DVD-плеере, который они с Витт принесли с собой. На записи, явно сделанной ручной камерой через отверстие в стене,

обнажённая женщина принимала душ в общем помещении с туалетными кабинками. Она выключила воду и сняла с крючка полотенце. Запись оборвалась, когда женщина повернулась к камере. Затем началась другая запись: другая женщина, но то же место, то же отверстие в стене. Объектив запотел.

Через некоторое время после начала третьей записи, с молодой блондинкой, Харри кашлянул.

— Все записи такие?

— Все, — сказала Теа. — Ничего не происходит, просто душ.

— И нигде не видно того, кто снимает?

— Нигде.

— Хм. Есть мысли, где и когда это снято?

— Да. Именно это меня так напугало. И ещё то, что на диске написано его ласковое прозвище для меня. Это пансион для актёров Боэнга. Я знаю, потому что однажды мы с мамой жили там во время съёмок. Мне было одиннадцать. Пансион закрыли несколько лет назад.

— А ты… есть на записи?

Теа покачала головой.

— Мы были там всего два дня, и я не принимала душ. На этом диске записи почти ста женщин. Моя мама — одна из них. Плюс… — Она набрала

временной код на DVD-плеере и снова нажала play. — Она.

Харри уставился на экран. Возле душа стояла женщина с полотенцем вокруг тела и другим вытирала волосы.

Молодая Фелисия Хение.

Харри почувствовал горячее дыхание на шее.

— Халли…

— Привет, дружище.

— Писать…

Харри отнёс Герта в туалет, а потом в кровать. Подал стакан воды с тумбочки.

— Теперь ты всё из себя выписал, надо попить, чтобы не высохнуть и не превратиться в изюм.

— Изюм! — рассмеялся Герт и выпил.

— По-моему, тебе уже немного лучше, — сказал Харри и положил руку ему на лоб. — Хочешь чего-нибудь?

— Можно всё, что захочу?

— Когда болеешь — почти всё.

— Тогда я хочу всегда болеть. И хочу, чтобы Хильде пришла и обняла меня. Она класивая.

Харри закатил глаза и вышел.

Теа стояла в прихожей — в чуть великоватых ботинках и чуть тесноватом пальто, прижимая к боку DVD-плеер.

— Спасибо, что выслушали, — сказала она. — Я понимаю, там просто голые женщины в душе. Но после всего, что случилось, Кида сказала, что мне не стоит держать это при себе.

— Правильно сделала, — сказал Харри. — Какие планы на сегодня?

— Кажется, у меня тоже температура. К счастью, сегодня съёмок нет, так что, думаю, останусь в гостинице.

— Хорошо. Оставайся там. Никому не открывай, пока не услышишь от меня или от полиции. Ясно?

— Ты думаешь...?

— Я ничего не думаю, просто перестраховываемся. Хорошо?

Когда Харри вернулся в гостиную, Витт сидела, набирая что-то на телефоне, и улыбалась.

— Что-то интересное? — спросил Харри, усаживаясь в единственное кресло.

— Министр юстиции хочет выпить со мной кофе, — сказала она. — Предлагает в восемь вечера.

— И ты не смогла отказать?

Она отложила телефон.

— Как уже говорила, я не моя мать. К тому же так поздно я кофе не пью.

Харри улыбнулся.

— Что думаешь о молодом Кристиане Боэнге и этом DVD?

— Похоже на довольно стандартный вуайеризм, — сказала Витт. — Мы знаем, что у серийных убийц это может быть ранней ступенью эскалации. Часто всё начинается с такого подглядывания. Потом кражи, взломы.

— Издевательства над животными, поджоги и насилие, — сказал Харри. — А потом первое убийство.

Витт кивнула.

— Кемпер, Банди и Рейдер — у всех троих в молодости были явно выраженные вуайеристские склонности.

— Но…

— Но к массовым стрелкам, как в нашем случае, это не относится. Связи с вуайеризмом у них нет.

— Хорошо, — сказал Харри. — Герт хочет, чтобы ты его обняла перед уходом.

— Могу и тебя, если хочешь, — промурлыкала она, чуть наклонив голову и скрестив ноги.

— Ты так говоришь только потому, что теперь считаешь, будто я во вкусе Катрине Братт.

Хильде Витт громко рассмеялась и поднялась.

— Шучу. А из тебя мог бы выйти неплохой психолог, Харри.

— Не знала, что ты умеешь готовить, — сказала Катрине.

— Мм. — Харри смотрел, как черничное варенье выдавливается с обоих концов толстого блина, когда она отрезала очередной кусок.

— Я выбирал, что мы будем есть, — торжествующе сказал Герт. — Потому что я больной.

— Не такой уж и больной, — сказала Катрине и положила ладонь ему на лоб.

— Такой! И Хильде меня обняла.

— Хильде? — Катрине взглянула на Харри.

— Она милая.

— Они с Теа Рууд заходили, — сказал Харри. — Витт настояла, чтобы показать мне кое-какие видеозаписи.

— Что ты сказал? — Лоб Катрине стал угрожающе красным. — Ты отстранён, Харри!

— В административном отпуске.

— Если SEFO узнает, что ты снова имеешь дело с киноубийствами, то…

— Это не имеет отношения к киноубийствам.

— Нет? Насколько я знаю, Теа Рууд…

— Да, но пока что это может быть совершенно отдельное дело о типе, который подглядывал и снимал сотни женщин в душе в пансионе.

— Ты хочешь сказать, что смотрел записи вуай-

ериста, пока Герт лежал в кровати прямо через коридор? — прогремела Катрине, показывая пальцем.

— Халли? — сказал Герт, демонстрируя синие от черники зубы. — Мама на тебя селдится.

— Сначала… — Катрине пришлось заново набрать воздуха. — Сначала ты берёшь его с собой, когда «Дельта» штурмует дом убийцы, потом…

— Прости, прости. — Харри поднял руки.

Он решил пока умолчать о том, что в какой-то момент Герт на самом деле сидел перед телевизором. Вместо этого кивнул на блюдо между ними.

— Последний блин?

Лицо Катрине дёрнулось между новым приступом ярости и смехом. Получилась ничья — усталый вздох.

— Да, спасибо.

Закончив сказку на ночь, Харри вышел в гостиную. Катрине сидела на диване с ноутбуком на коленях.

— Тебя зовут, — сказал он и показал большим пальцем себе за спину.

Она поставила ноутбук на журнальный столик и исчезла в спальне. Харри открыл окно, сел на подоконник и закурил, чиркнув чёрной зажигалкой. Он купил её, хотя в белой ещё оставался

бутан: та всё-таки как минимум дважды показала себя ненадёжной.

Прислушиваясь к голосу Катрине, Харри заметил на экране ноутбука фотографию из дома Тима Каландера. Снимок был сделан сверху — видимо, с одной из стремянок, которые криминалисты брали с собой, чтобы фотографировать лежащие тела, рисунок брызг крови или просто свести к минимуму хождение по месту преступления.

С такой высоты на снимке были видны верхние стороны видеокассет на самой верхней полке. Харри щёлкнул окурком в окно и подошёл ближе. В резком свете вспышки было видно, что все кассеты сверху покрыты серым слоем пыли — кроме одной.

Конечно, Тим Каландер мог недавно достать эту кассету, стереть с неё пыль и поставить обратно.

Харри нажал клавиши со стрелками. Появились другие снимки. Он листал, пока не нашёл тот, где был виден кусочек корешка кассеты без пыли.

Cure.

Из детской донёсся тихий щелчок выключателя. Харри вернулся к первому снимку и вышел в прихожую. Катрине появилась из спальни и закрыла за собой дверь.

— Прости, что я раньше разозлилась, — прошептала она, пока Харри надевал куртку. — Просто сейчас навалилось слишком много. Беллман хочет устроить из поимки Киноубийцы медийное шоу, погреться в лучах славы, ну, сам знаешь. Короче, сейчас не время всё усложнять. Дело раскрыто, мы победили и хотим насладиться победой до следующего поражения. — Она горько усмехнулась. — Ладно? Не впутывай сейчас в эту картину ещё и какого-то жалкого любителя подглядывать.

— Мм.

— Есть одна вещь, о которой я часто думала, Харри. Что вообще значит твоё «м-м»?

— Оно, — сказал Харри, открывая дверь, — значит ровно то, что ты хочешь, чтобы оно значило. Хорошего вечера.

Харри вышел из ворот как раз в тот момент, когда мимо проехал снегоочиститель, и едва успел отскочить от каскада снега, шлёпнувшегося на тротуар. Он пошёл вверх по Нурдаль-Брунс-гате, набирая номер.

— Самое весёлое такси Осло, слушаю.

— Мэрион и мужчина, который через дырку подглядывает за женщинами в душе. Что первым приходит в голову?

— Это викторина? Тогда слишком просто.

— Я так и думал.

— Мэрион Крейн в душе в «Психо». Перед самым тем, как Норман Бейтс её убивает.

— Да, это я и сам разгадал. Так что звоню, собственно, не поэтому.

— А почему?

— «Исцеление». Хочу узнать, кто взял эту кассету напрокат и так и не вернул.

ГЛАВА 69. [broken link: #TOC]

После третьего удара ногой дверь поддалась и распахнулась.

— Давненько здесь никто не бывал, понимаешь, — тяжело выдохнул Янсен.

Некогда чудовищно толстый владелец закрывшегося видеопроката всё ещё был тучным, но заметно похудел. Эйстейн, однако, отметил, что кожа похудеть следом не успела, и в результате Янсен стал похож на кресло-мешок с ногами и головой. Эйстейн не стал спрашивать бывшего начальника, не рак ли у него, хотя мысль напрашивалась сама собой. Янсен щёлкнул выключателем за дверью и, переваливаясь и покачиваясь, двинулся вглубь помещения, словно переносившего на несколько десятилетий назад.

Эйстейн пошёл следом. В нос ударил запах прежних времён: подвала, влажных ковров, табачного дыма и, конечно, сладковатый запах полиэтилена и ПВХ от кассет VHS. Пустые обложки всё ещё стояли на полках.

— Ты ведь под конец уже здесь не работал? — пропыхтел Янсен, шаркая между самыми новыми хитами тех лет, которые всегда стояли ближе

всего ко входу: «Гладиатор», «Матрица», «Красота по-американски», «Шестое чувство».

— Нет, — сказал Эйстейн. — Почему с помещением ничего не сделали?

— Ты спрашиваешь, почему никто не хочет арендовать подвал в жилом районе на Экеберге? — Янсен простонал чуть громче; видимо, так он смеялся.

Они дошли до отдела вечных фаворитов: «Титаник», «Схватка», «Семь», «Криминальное чтиво», «Побег из Шоушенка».

— После закрытия я в офисе ничего не трогал, так что всё должно быть там, — сказал Янсен. — Но зачем тебе обязательно нужна именно эта кассета?

— Как я говорил, для кинофестиваля, который мы устраиваем. А кассеты с «Исцелением» нигде не достать.

Эйстейн подумывал сказать правду — что помогает приятелю из полиции, — но передумал: у Янсена было две судимости за уклонение от налогов, и подозрительность была у него в крови.

— Да, говорил, — сказал Янсен. — Но разве нельзя найти фильм на каком-нибудь стриминге?

— Это чисто VHS-фестиваль, Янсен.

— VHS-фестиваль?

— Ну как с винилом. Нас много таких, кому цифровые форматы кажутся слишком стерильными и мёртвыми. На VHS картинка просто лучше.

— Такого я ещё не слышал. Но как хотите.

Они миновали норвежские фильмы, которые, как когда-то заметил Эйстейн, по какой-то причине всегда оказывались у торцевых стен видеопрокатов. Вместо того чтобы идти прямо к стойке, они свернули в мало посещаемую дальнюю часть, где усталая, гудящая люминесцентная лампа то гасла, то снова вспыхивала. Именно там когда-то стояло «Исцеление» — рядом с подборкой более или менее классических фильмов из неанглоязычных стран и другими жестокими фильмами, которые никто не хотел брать. Эйстейн мельком увидел «Техасскую резню бензопилой 3», «Кровавую вечеринку», «Убийцу с электродрелью» и фильм, который когда-то сам настоял закупить, — итальянский метаслэшер «StageFright» 1987 года.

Янсен отпер маленький офис без окон. Свет там был подключён к тому же выключателю, что и в остальном магазине, поэтому комнату уже заливал белый свет.

— Ищи сам, — сказал Янсен и показал на полки, прогнувшиеся под тяжестью папок-регистра-

торов.

Эйстейн увидел, что на корешке каждой была наклейка: «НЕ ВОЗВРАЩЕНО».

— Ничего себе. Не помню, чтобы невозвращённых фильмов было столько.

— Ты ведь ушёл до того, как всё стало совсем плохо, — сказал Янсен. — Знаешь, именно это в конце концов добило нас, независимых. Не то чтобы нас всё равно не добили бы, но под конец люди просто перестали возвращать кассеты.

— Вот как?

— Не только у нас. Последние два года, пока мы работали, в Осло не возвращали до четверти всех взятых напрокат кассет. Не вру, это статистика отраслевой ассоциации.

— Что случилось?

Янсен пожал плечами; движение волнами разошлось по всему телу.

— Нам пришлось отказаться от залогов, клиенты отказывались их платить. Уже пришли DVD, люди понимали, что нам конец и за ними гоняться никто не станет. Большие сети, может быть, ещё могли. Но не подвальные прокаты вроде нашего.

Эйстейн посмотрел на папки.

— Это надолго, Янсен.

— Ладно. Я оставлю ключ здесь и поеду. Потом занесёшь ко мне домой.

— Хорошо.

Эйстейн начал листать квитанции в первой папке и вдруг застыл. Внезапно стало темно, люминесцентные лампы издали предсмертный хрип и погасли. Янсен, очевидно, по старой привычке выключил свет у входной двери, уходя. В тишине и темноте Эйстейну послышались какие-то другие звуки, но он не мог понять, что именно слышит.

Он включил фонарик на телефоне, собираясь дойти до входной двери и включить свет, однако передумал. В одиночку и в темноте ему не хотелось проходить мимо «Кровавой вечеринки» и особенно «StageFright».

Вместо этого он прислонил телефон к стене за письменным столом и продолжил листать папку.

— Мы уже закрываемся, — сказала женщина у двери Национальной библиотеки.

Харри показал полицейское удостоверение.

— Мне нужно десять минут.

Женщина вздохнула и отступила.

Пять минут спустя Харри сидел перед монитором в тёмном пустом читальном зале, а женщина

нетерпеливо ждала на стуле у двери.

В базе данных Харри нашёл «Final Cut», вывел на экран титульную страницу и сделал то же, что в прошлый раз на странице «Проповедника»: нажал значок кинокамеры, а затем «синопсис».

Синопсис был коротким.

«Монтаж серийных убийств в истории кино».

Потом он открыл creators&cast&crew.

Как и в «Проповеднике», они были там все: А. Вам, Р. Брандт, Дж. Дейл, Ф. Хение. В графе «идея и создатели» стояли два имени. Харри убедился: те же два, что были указаны режиссёрами на титульной странице, одно — с той же опечаткой.

То, чего тогда им так и не удалось создать, теперь они создали. Один держал камеру и пистолет, нажимал «record» и спусковой крючок. А второй сидел за монитором, наблюдал, всё спланировал и решал, что на самом деле должно происходить.

Режиссёр.

Возможно.

Вот и теория.

Харри достал телефон.

— Харри? — ответила Хильде Витт. Её голос отозвался коротким эхом. — Ты где?

— В ванне. С бокалом шампанского.

— Одна?

— Пока да. Чем могу помочь?

— Помнишь, мы говорили о вероятности того, что два серийных убийцы могут действовать вместе?

— Только то, что ты соврал: вероятность выше, чем можно подумать. Иногда они действительно находят друг друга.

— Да, находят. А если серийный убийца найдёт массового стрелка?

— Серьёзно?

— Я вот о чём, — сказал Харри. — Допустим, есть серийный убийца, который сам в своей эскалации ещё не дошёл до убийства. Но уже начал мечтать об этом. Что, если он найдёт человека с синдромом массового стрелка и выставит его вперёд как исполнителя? Тот будет совершать убийства, а сам он останется в тени. Насколько меня занесло?

— Ну… довольно далеко. Ближайший пример, который приходит в голову, — школьная бойня в Колумбайне в 1999 году, Харрис и Клиболд. У Харриса были ярко выраженные нарциссические и психопатические черты, типичные для серийного убийцы, и он был лидером. Клиболд был депрессивным, уязвимым, с суицидальными

мыслями — профиль школьного стрелка. Кливболд хотел умереть, а Харрис на самом деле хотел выжить и прославиться.

— Мм. Когда двое убивают вместе, обычно один доминирует и манипулирует другим. У него выше IQ, он способен планировать сложные убийства так, чтобы его не поймали. Киноубийства сложны, тщательно спланированы и хладнокровно исполнены. Кроме того, преступник заметал следы и не проявлял заметного желания, чтобы его раскрыли. Это соответствует твоему профилю Тима Каландера?

Витт не ответила.

— Это «нет»?

— К чему ты ведёшь, Харри?

— Посмотрим.

— Ты знаешь, что сейчас от нас хотят одного — сидеть тихо и не раскачивать лодку? Особенно от тебя: ты отстранён.

— Кто такие «они»?

— Те, кто сейчас греется в лучах славы после раскрытия дела. Кстати, они собираются особо подчеркнуть вклад всей следственной группы и Катрине Братт в частности. В их картину плохо вписывается, что спившийся старый любитель пострелять сделал то, чего не смог больше ни-

кто.

— Откуда у тебя эта информация?

Харри услышал, как открылась дверь, а затем нежные ноты Taylor Swift — «August».

— Изнутри, — быстро прошептала Витт и отключилась.

За долю секунды до обрыва связи Харри услышал голос. Всего один слог, и хотя ему показалось, что он узнал бывшего коллегу, ныне политика, он, конечно, мог ошибиться.

Он сидел, глядя на экран, и думал. О Тиме Каландере, который хотел умереть. О первой мысли, пришедшей ему в голову, когда он спускался в старый подземный бункер: тот напомнил ему темницу. Об опечатке. О потёкшей букве D, написанной кровью внутри сейфа.

— Скоро? — спросила библиотекарша.

— Скоро, — сказал Харри и снова достал телефон.

— Да? — ответили ему. На заднем плане раздавались крики «Аллилуйя!» и экстатическая речь.

— Привет, Эдди. Чем занят?

— Пытаюсь верить. Но сомневаюсь.

— Я тоже. Скажи, когда вы осматривали студию Каландера, нашли ключ от бункера?

— Что ты имеешь в виду?

— Он был заперт внутри?

В наступившей тишине Харри слышал истерический смех и всхлипывания.

— Ты отстранён, так что, думаю, мне нельзя отвечать тебе на это.

— Это называется «административный отпуск», и вы об этом не подумали, — сказал Харри. — О том, что ключа не нашли. Потому что люди чаще думают о том, что находят, чем о том, чего не находят.

— Мы ещё не успели исследовать каждый квадратный сантиметр студии. Но нашли кое-что другое, что, возможно, интересно.

— Что?

— Помнишь, я говорил, что по волосу можно определить, когда человек в последний раз проходил химиотерапию?

— Да. Биргер Неслунд лечился от рака полгода назад.

— Но в студии мы нашли волос человека, проходившего химиотерапию три месяца назад. Волос там вообще много, от разных людей, но этот я заметил потому, что нам приказали обработать куклу в лесу как полноценное место преступления. Среди того, что мы нашли и сначала не сочли важным, был волос без корня на ветке у са-

мой тропы. И в его кератине тоже обнаружились отложения цитостатиков — примерно трёхмесячной давности.

— Мм. Что ещё?

— Мы нашли стопку бумаг, судя по всему киносценарий, по крайней мере заголовок — «Фильм». Похоже, о несчастном гинекологе. Я не читал целиком, но мы отправили его в отдел убийств из-за первой фразы.

— Какой?

— «Фелисия мертва».

— Мм.

— Может, совпадение. Возможно, он просто позаимствовал строку из песни Корнелиса Вресвика.

— Может быть. Всё?

— Всё.

— Спасибо, Эдди.

Харри отключился и поднялся.

Когда он снова оказался на каменных ступенях перед библиотекой, взглянул на часы. Двадцать минут десятого.

Он оценил ситуацию.

Грип говорил, что от «Пайнвуда» было четыре ключа. И называл двух человек, кроме него самого и Тима, у которых они были.

Пора поднимать тревогу — или ещё рано? Не приведёт ли нежелание начальства портить праздник к тому, что полиция будет действовать слишком медленно и появится ещё одна жертва? И если так, не лучше ли ему сделать следующий шаг самому, а потом предъявить полноценные доказательства своей теории?

Харри прислушался к себе. Это был здравый практический расчёт? Или он просто подыскивал рациональное оправдание желанию раскрыть дело в одиночку?

Самому быть режиссёром этого фильма.

Он и не заметил, как мозг уже начал строить план.

Зазвонил телефон. На экране: Э — Эйстейн.

— Слушаю.

— Я узнал, кто взял «Исцеление» напрокат.

— Говори.

Харри выслушал.

— Спасибо, — сказал он и отключился.

Вот чёрт.

Никакой опечатки не было.

Герт был прав: Т веселее К.

ГЛАВА 70. [broken link: #TOC]

Кнут Грип лёг рано и уже закрыл глаза, когда услышал вибрацию. Вздохнул и снова открыл глаза. Потолок освещал экран телефона на тумбочке. Надо было его выключить. После того как застрелили Тима, прошли два долгих, изматывающих дня почти без сна. Одно сменялось другим: полицейские допросы, журналисты, раздобывшие его номер и не принимавшие «нет» за ответ, линейный продюсер, требовавший наконец сказать, сможет ли Грип выйти на последние съёмочные дни, похоронное бюро, желавшее встретиться и обсудить похороны Тима.

Он некоторое время слушал вибрацию. Она прекратилась, затем началась снова. Грип понимал, что всё равно не уснёт, перевернулся на бок и взял телефон. Прищурился на экран. Принял вызов.

— Привет, Кристиан.

— Привет, Кнут. Как ты?

Глубокий рокочущий голос Кристиана Боэнга звучал так надёжно и успокаивающе.

— Как… и можно ожидать. Господи, Кристиан, их больше нет. Всех. Это какое-то безумие. Тим…

он ведь был не таким.

— Нам кажется, что мы знаем людей. Но это не так. Многие из нас едва знают самих себя, Кнут.

— Да, но мы-то с тобой знаем, что он на такое не способен. Это болезнь.

Последовала долгая пауза, прежде чем Кристиан продолжил:

— Наверняка ты прав. Хотя теперь, похоже, мы все больны. В любом случае я звоню не поэтому. Под конец мы с Тимом кое в чём пересекались.

— Да? Я думал, вы…

— Да, была та история с Фелисией, но мы всё уладили и оставили позади.

— Правда? Как?

— Сейчас это неважно. Важно то, что у меня есть кое-что, что он хотел передать тебе.

— Что?

— Фильм, который мы с ним сделали. На это ушло время, но теперь он готов. — Кристиан вдохнул. — Это «Final Cut», Кнут.

— Что ты говоришь?

— Я на Яре. Нашёл старое оборудование для копирования 16-миллиметровой плёнки и пытаюсь сделать тебе копию.

— Сейчас?

— Да. С контактным копировальным аппа-

ратом я разобрался, но не помню всех этапов проявки в проявочной машине. Это всегда умел ты. Тебе надо приехать и помочь.

— Но сейчас? Почему ночью?

— Об этом фильме никто не должен узнать. Днём мы этого делать не можем. Сейчас или никогда.

— Я…

— Это были последние слова Тима мне: «Кнут должен это получить».

Грип посмотрел на часы. Половина двенадцатого.

— Хорошо, буду через полчаса.

— Я в студии «А», — сказал Кристиан. — И ещё раз: ни единой душе не говори, куда едешь и что встречаешься со мной. Оставь машину за пределами студийного комплекса и не включай свет, когда придёшь. Хорошо?

Грип помедлил. Что-то здесь было не так. Что-то подсказывало ему остаться дома. Но ведь теперь всё уже закончилось, все кусочки встали на свои места.

К тому же на это ухо он всегда был немного туговат.

— Нильс.

Всё было готово ко второму дублю сцены смер-

ти Фелисии, и Полковник только что поправил свет, добиваясь нужного эффекта кьяроскуро.

— Нильс.

Он не понимал, кто к нему обращается, да и не хотел, чтобы ему мешали. В первом дубле не хватало драматической тени на одной стороне её лица в тот момент, когда она видела приближающееся сверло. Но теперь всё будет идеально.

— Нильс.

Полковник открыл глаза. На фоне луны в окне спальни он увидел силуэт Черно: тот стоял у кровати полностью одетый и тряс его за руку.

— Что такое? — сонно пробормотал Полковник.

— Вставай. Всё начинается.

— Что начинается?

— Финальная сцена. Контрольный выстрел. Быстрее.

ГЛАВА 71. [broken link: #TOC]

Без четырёх минут полночь Грип отпер студию «А». Стряхнул снег с ботинок, достал миниатюрный LED-фонарик и, освещая себе дорогу, пошёл к самой большой студии. Остановился в дверях.

Там, в небольшом оазисе света посреди тёмного помещения размером примерно с половину гандбольной площадки, сидел Кристиан — в высоком режиссёрском кресле. Перед ним стояли круглый стол и пустое режиссёрское кресло.

— Кристиан?

Бетонные стены подхватили голос Грипа эхом.

— Рад, что ты пришёл, Кнут.

Казалось, Кристиан Боэнг говорит почти не напрягаясь, но голос всё равно заполнял огромное помещение.

— Но оборудование для копирования не…

— Подойди и сядь.

Грип сделал, как он сказал. Предмет на столе между ними был накрыт красным платком. Грип попытался угадать, что там, но это могло быть что угодно.

— Что происходит? — спросил он, оглядываясь.

Мощный, сфокусированный свет ламп Френеля

превращал окружающую темноту в стены.

— Я солгал, — сказал Кристиан.

— Солгал?

— Никакой фильм я копировать не собираюсь.

Грип почувствовал, как сердце забилось быстрее. Теперь уже не было сомнений: что-то не так. Только он не понимал, что именно.

— А что ты собираешься делать?

— Рассказать тебе, почему они должны были умереть. Все, кто собирался делать «Final Cut».

Грип сглотнул.

Кристиан поднял дрожащий указательный палец.

— Потому что они обещали. Поклялись в верности тому, что должно было стать нашим юношеским шедевром. А потом предали нас. Помнишь это предательство, Кнут? Кто, когда, как. И почему.

— Я всё помню, Кристиан, но…

— Тогда поговорим о предательстве. Помоги мне вспомнить, Кнут. Мне это сейчас нужно.

Грип поёрзал в кресле, безуспешно пытаясь разглядеть что-либо в темноте.

— Если хочешь — ладно.

Кристиан соединил кончики пальцев.

— Джона Дейла я нашёл в баре во время Канн-

ского фестиваля. Он был болваном, который хотел попасть в кино, потому что думал, будто кино — это гламур, слава и женщины. Он представлял себе кино как бесконечный Каннский фестиваль. Он пообещал финансировать «Final Cut» сверх тех денег, которые двое из нас уже вложили сами. Особенно когда узнал, что Трюм Хауген обещал бесплатное дополнительное финансирование от Кинофонда, если мы обеспечим первоначальные инвестиции. Но когда мы вернулись домой и Антон познакомился с богатым папиком, которого я раздобыл, он убедил Дейла, что его собственное детище, «Проповедник», коммерчески гораздо перспективнее. Вместе они пошли в Кинофонд, и Хауген сказал: хорошо, поддержку можно перенести с «Final Cut» на их проект, если они найдут не менее сильную исполнительницу главной роли и не менее сильного сценариста. Тогда Антон и Дейл по-тихому пошли к нашей Фелисии и нашему Роберту и втянули их в мятеж. И вот Антон Вам из оператора «Final Cut» превратился в режиссёра собственного фильма. Пять лет мы строили «Final Cut». Им хватило недели, чтобы всё разрушить. Ведь так всё и было?

Грип кивнул.

— Предатели, все до одного.

Кристиан плюнул на пол.

— Но ты ведь тоже потом снялся в «Проповеднике»? — сказал Грип.

— Это было гораздо позже, когда «Final Cut» уже лежал в руинах. Если режиссировать не дают, приходится заниматься тем, для чего ещё годишься. У меня был кое-какой актёрский талант, как у тебя — талант к кранам, тележкам и всей практической части. Но это не значит, что надо отказаться от мечты. Терренс Малик потратил тридцать лет, чтобы снять «Древо жизни», Кубрик — примерно столько же на «С широко закрытыми глазами», верно? Та версия «Final Cut», которую Тим почти успел смонтировать, заняла всего двадцать с небольшим лет.

— Получилось так, как ты надеялся? — спросил Грип.

Кристиан покачал головой.

— Фильмы никогда не становятся в точности такими, какими ты их представлял. Иногда, очень редко, получаются лучше. Обычно хуже. Я «Final Cut» не видел. Знаю только, что там нет моей сцены — той, ради которой я и согласился стать сорежиссёром. Мэрион в душе из «Психо». Без неё проект… ампутирован.

— Помню, ты был на ней помешан.

— Я рассказывал почему?

— Ты говорил, что мальчишкой подглядывал за тётей в душе в пансионе.

— Про тётю я сказал потому, что признаться, что это была моя мать, показалось слишком уж жёстким. В любом случае тогда мы собирались делать фильм со знаковыми серийными убийцами из истории кино. Сначала лишились финансирования и участников, а когда попытались снова поставить «Final Cut» на ноги, вышел этот проклятый венгерский фильм с той же идеей и тем же названием. Так что дальше всё было неизбежно. Идея life imitates art. Реалити-фильм, где настоящие убийства подражают киноискусству.

— Твоя идея?

— Хотел бы я сказать, что моя, но ты прекрасно знаешь — нет.

— Значит, Тима.

Кристиан Боэнг рассмеялся.

— Хватит ходить вокруг да около, Кнут. Мы с тобой должны были режиссировать «Final Cut». Это тебя мы все предали. Это ты их убил.

Грип уставился на него.

— Что ты несёшь? Ты сошёл с ума?

Кристиан коротко рассмеялся.

— Нет, я не сошёл с ума. Я всегда был сумасшед-

шим. Сошёл с ума ты.

— Ч-чего ты хочешь, Кристиан?

Кристиан Боэнг откинулся в кресле.

— Я хочу продолжить с того места, где мы остановились. Хочу снова быть твоим сорежиссёром на «Final Cut». Ведь у тебя осталось ещё одно убийство, которое надо снять?

ГЛАВА 72. [broken link: #TOC]

Кнут Грип сидел в режиссёрском кресле и пытался думать.

Одновременно он пытался прочитать лицо человека, который когда-то был его лучшим другом. Тогда, когда они работали над «Final Cut», прежде чем все разбежались. Включая Кристиана Боэнга.

Он сейчас сидит там и блефует?

Если нет, откуда Кристиан мог знать, что он, Грип, — Киноубийца? Ведь он не допустил ни одной ошибки.

Наоборот, единственный раз, когда всё едва не пошло наперекосяк, Грип сумел выкрутиться. Полиция отправила Тиму плёнку с записью повешения Роберта, и Тим увидел в отражении на стёклах очков Роберта своего брата по отцу.

Когда Тим стоял в темноте за дверью на веранду с плёнкой в руке, Грип испугался. Испугался, что всё рухнет. По Тиму было видно: он что-то понял. Тим показал ему разоблачительные кадры и попросил самому пойти в полицию.

В ответ Грип приставил к виску Тима револьвер «Webley Mk VI».

Тим был робким, нервным человеком, совсем не из тех, кто станет сопротивляться. Грип забрал сценарий и исходную плёнку с убийствами, и они поехали в «Пайнвуд». Там Грип запер Тима вместе с плёнкой, сценарием, револьвером, из которого предварительно вынул патроны, и предложением, от которого тот не мог отказаться.

Смонтировать «Final Cut».

Странным было то, что Грип знал: Тим, каким бы отвратительным ни казался ему материал, сделает блестящую работу. Тим-человек захотел бы сжечь фильм, но Тим-монтажёр — и страх смерти — победят.

Грип поехал домой и долго всё обдумывал.

Близилось утро, когда он принял две таблетки Тима — специальную смесь бензодиазепинов и опиума — и выстрелил себе в грудь, туда, где, как он знал, находилась пластина. Он использовал один из трёх украденных револьверов — тот, в барабане которого были холостые патроны. Но хлопок оказался таким громким, а боль такой сильной, что на мгновение он был уверен: выстрелил боевым. Должно быть, на пару секунд потерял сознание, потому что следующее, что помнил, — Джеронимо стоял рядом и лаял.

Грип раздвинул края раны, чтобы крови было

побольше, выпустил часть крови на диван, сделал на паркете следы волочения, а затем лёг в ванной. Там он попросту заснул под действием таблеток, уверенный, что тревогу поднимут, когда утром он не явится к назначенному времени на съёмочную площадку.

Проснулся он уже днём, а над ним стоял Харри Холе.

Грип, конечно, понимал, что подозрение падёт на Тима. Тем более если он сам не станет показывать на него пальцем, а сделает вид, будто защищает брата по отцу. Так и вышло: полиция быстро решила, что Киноубийца — Тим. А если они вопреки ожиданиям найдут его в «Пайнвуде», то, если сомнения ещё останутся, обнаружат там и один из украденных револьверов «Webley Mk VI».

— Как ты догадался? — спросил Грип. — Что это я.

Кристиан пожал плечами.

— Впервые эта мысль пришла мне после третьего убийства. Антон. «Зодиак». Я ведь единственный прочитал готовый тритмент, который ты написал для «Final Cut», так что да, мне бросилось в глаза, что убийства похожи на фильмы, которые тогда собирались включить в коллаж.

«Подглядывающий». «Семь». И «Зодиак». Но всё это казалось настолько абсурдным, что я решил: совпадения. Пока не прочитал, что Тим выстрелил в тебя в твоей гостиной, а позже ты привёл полицию к «Пайнвуду», потому что думал, что Тим может быть там. Но…

Кристиан сделал паузу. Долгую.

Он всегда умел рассказывать истории, Кристиан. И женщин этим брал — что было, то было.

— …я совершенно случайно стоял у окна гостиной и видел, как в тот же вечер, когда Тим якобы должен был в тебя стрелять, вы вдвоём пошли к «Пайнвуду». А немного позже я увидел, как ты вернулся оттуда один. Тогда я сложил два и два.

Грип кивнул.

— Почему же ты не сказал полиции? И если понял, что я одного за другим убиваю всех, кто нас предал, разве не боялся, что убью и тебя?

Кристиан широко улыбнулся.

Улыбкой лучшего друга. Той самой, в которую Грип когда-то верил.

— Потому что они предали и меня, Кнут. Я должен был стать режиссёром, а не актёром, который прыгает по команде режиссёра. Посмотри на меня. Я превратился в продажного актёра, который делает всё, что велят всё более молодые режиссё-

ры, ещё и кричащие: «And now with feeling».

Голос Кристиана задрожал.

— Я ненавижу их, Кнут. И ненавижу себя. Я больше не могу. «Final Cut» — не только дело твоей жизни. Я лучше умру, чем останусь за бортом режиссуры этого фильма. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал Грип. — Возможно, лучше, чем ты думаешь.

— Значит, возьмёшь меня?

Грип кивнул.

— Да. Возьму.

— Да! — Кристиан вскинул кулак. — Какое следующее убийство?

— Следующее будет последним. Это человек, которого полиция должна принять за настоящего Киноубийцу.

— Кто?

— Том.

— Том?

— Всё началось с начала «Подглядывающего» и должно закончиться, как этот фильм. Серийный убийца Том убивает себя тем же сверлом, которым убивал других.

— Фантастика! А сверло у тебя всё ещё есть?

— Конечно.

— Где?

Грип улыбнулся.

— Прямо там. — Он указал в темноту. — В ящике с инструментами у крана.

— Что? Серьёзно?

— Если хочешь что-нибудь спрятать, положи прямо перед теми, кто ищет.

— Ты невероятен! — рассмеялся Кристиан. — Но кто он? Кто Том?

— Разве не очевидно?

Кристиан растерянно улыбнулся.

— Э-э…

Грип нажал record на телефоне, сунул руку за пазуху и вытащил нож.

— Главный предатель, конечно. Ты. Готов к контрольному выстрелу?

Он смотрел, как глаза Кристиана Боэнга широко раскрылись и словно почернели от страха, расширившего зрачки. Возможно, Кристиан узнал нож Джона Дейла — тот самый, которым Дейл всегда хвастался как одним из двух ножей из бальзы, использованных в «Психо», хотя все знали, что на самом деле он был из «Психо 2».

Кристиан словно примёрз к креслу, когда Грип поднял нож для первого удара. Он уже собирался со всей силы опустить его, когда его собственный зрительный нерв пронзило.

Лучом света от HMI-лампы мощностью 1800 ватт с трёх метров.

Грип зажмурился и в следующий миг почувствовал удар по предплечью. Нож выпал. Он заставил себя открыть глаза; световые пятна плясали по сетчатке, а обе его руки уже заламывали назад и вверх. Металл сомкнулся на запястьях, послышался мягкий щелчок хорошо смазанного механизма.

Что-то заслонило ослепительный свет, и Грип наконец снова смог видеть.

Большой человеческий силуэт.

Включился верхний свет.

Теперь Грип понял, кто это.

— Х-х-Харри?

— Да. И со съёмочной группой.

Высокий полицейский шагнул в сторону. Грип моргнул и посмотрел на тех, кто молча наблюдал за ним. Полковник стоял за световой стойкой. Черно сидел на табурете за камерой. Эрнст — за мобильным звуковым микшером, Сверре держал микрофонную удочку. А Кида сидела в режиссёрском кресле за монитором.

Она вдохнула.

— И… снято.

Наступила тишина.

Грип посмотрел на молчавших коллег. Криво улыбнулся. Прокашлялся.

— Всё записали?

ГЛАВА 73. [broken link: #TOC]

Ни Харри, ни Катрине несколько секунд ничего не говорили после того, как на экране увидели, как Харри надел на Грипа наручники, Кида сказала «снято», а телевизор в переговорной отдела убийств погас.

Катрине взглянула на часы. Без четверти девять утра, через пятнадцать минут должна была собраться следственная группа. Пресс-конференция назначена на двенадцать.

— Да, это признание, я же слышу, — сказала она, кивнув на экран. — Но ты прекрасно знаешь, что в суде мы это использовать не сможем.

— Проверим, не из квартиры ли Дейла тот бальсовый нож, который вытащил Грип, — сказал Харри. — И восьмимиллиметровое сверло мы тоже нашли в его ящике с инструментами. Эдди говорит, они будут сверлить им кость и сравнивать следы со следами на зубах Фелисии. Что-то вроде баллистической экспертизы. На сверле уже нашли микроскопические следы того, что, по их мнению, является эмалью.

— Да, но дело в том, что суд не допускает доказательств, добытых путём сознательного обмана

обвиняемого. Это касается и признания, и ножа, и сверла.

— Да, — сказал Харри. — Но только если обвиняемого обманула полиция.

— Если ты думаешь, что судья допустит всё это лишь потому, что ты был отстранён или станешь утверждать, будто действовал в свободное время, то ошибаешься, Харри.

— Я не это утверждаю.

— А что?

— Я утверждаю, что вчера вечером только рассказал Киде Ширер о своих подозрениях. А уже она связалась с Кристианом Боэнгом, Черно и остальными из съёмочной группы и устроила ловушку для Кнута Грипа.

Катрине нахмурилась и чуть откинула голову, словно хотела получше рассмотреть Харри.

— Хочешь сказать, ты не имел к этому отношения?

— Я говорю, что Кида и Кристиан готовы поклясться, что всё придумали сами.

— А ты оказался там случайно?

— Они попросили меня присутствовать ради безопасности, не посвящая в то, что должно произойти.

— И ты тоже готов в этом поклясться?

— Клясться мне, к счастью, легко.

Катрине безрадостно рассмеялась.

— Подозрение, — сказала она. — Ты так и не объяснил, как догадался, что Киноубийца — не Тим Каландер, а Кнут Грип.

— «Мой корабль нагружен…»

— Что?

— Опечатка, которая оказалась не опечаткой, а моей ошибкой. И кассета без пыли.

— Не мог бы перевести?

— Когда стало понятно, что жертв связывает работа в кино, я просмотрел в кинобазе Национальной библиотеки проекты, в которых участвовали убитые. В том числе «Final Cut», где режиссёрами были указаны Х. Боэнг и К. Каландер. Я ведь знал, что Кнут Грип сменил фамилию Каландер на Грип, но просто не подумал об этом. Наверное, автоматически решил, что К от Knut — опечатка и там должна быть Т от Tim. Хотя подсознание пыталось подсказать мне ответ через Герта.

— Герта?

— «Мой корабль нагружен…» Он сказал, что Т веселее К.

— Ничего себе.

— Потом был этап, когда я решил, что Тим дей-

ствовал не один.

— Почему?

— По нескольким причинам. Главная — профиль не сходился. Тим был не из тех, кто способен настолько систематично доводить всё до конца и убивать. А потом появилась запись, бросившая подозрение на Кристиана Боэнга. Он был помешан на женщинах в душе. Когда я увидел, что кассета «Исцеление» на полке Тима единственная без пыли, я заподозрил, что ей там не место. Что кто-то — например Кристиан Боэнг — подложил её, чтобы полиция решила, будто именно Тим был мозгом убийств.

— Ты о фильме, который вдохновил убийство Трюма Хаугена?

— Именно. На кассете была наклейка Jansen Video, и я попросил Эйстейна Эйкеланна выяснить, кто последним брал напрокат единственный их экземпляр. К моему удивлению, это был не Кристиан Боэнг.

— А Кнут Грип.

— Верно. Только это было до смены фамилии, поэтому в журнале стоял Кнут Каландер. Голова у меня работает медленнее, чем раньше, так что лишь тогда всё сошлось. Никакой опечатки не было.

— Но зачем было устраивать Грипу весь этот спектакль? Мы могли просто арестовать его и попытаться расколоть на допросе.

Харри покачал головой.

— Я достаточно говорил с Грипом, чтобы понимать: он не скажет ничего, чего сам не захочет сказать. Он умный и крепкий. А ничего конкретного, на чём его можно было бы взять, у нас не было. Кроме того…

Он замолчал.

— Кроме того?

— С тем, что у меня было, я не убедил бы полицейский округ Осло санкционировать арест. Ты ясно дала понять: никто выше тебя не хочет слышать сомнений в том, что дело уже раскрыто. По крайней мере пока у нас нет другого готового решения.

— Поэтому ты принёс нам готовое решение. Вместе с признанием.

— Не я.

Катрине кисло улыбнулась.

— Ну да. Конечно. Съёмочная группа.

— Ага, — сказал Харри. — Четверых их коллег убили, и они взяли дело в свои руки. Думаю, на пресс-конференции важно это подчеркнуть.

Катрине показала на телевизор.

— Ты утверждаешь, что не писал тот сценарий для Кристиана Боэнга?

Харри сполз глубже в кресло, сцепил руки на затылке и вытянул длинные ноги.

— Письменного сценария не сохранилось, нет.

Катрине невольно рассмеялась.

— Ты просто невозможен.

— Спасибо, — сказал Харри.

Она рассмеялась громче.

Он взглянул на часы и поднялся.

— Торопишься?

— Мм. Административный отпуск зовёт.

— На диван домой или в ресторан «Шрёдер»?

— Заманчиво, но нет.

— Женщина. Скажи, что женщина, Харри. Сколько времени прошло с тех пор, как ты последний раз с кем-нибудь спал?

— Не твоё дело, киса.

— Да ладно. У меня было два месяца назад. Правда, так себе. А у тебя?

— Дольше, дорогая. Я даже не знаю, работает ли у меня ещё всё. Если что-нибудь случится, буду держать тебя в курсе.

Малик вошёл в переговорную как раз тогда, когда Харри вышел. Обернулся и посмотрел ему вслед, пока тот длинными шагами направлялся

к лестнице. Покачал головой и пробормотал так, словно это было не имя, а диагноз:

— Харри Холе.

Катрине согласно кивнула.

— Чего я не понимаю, — сказал Малик, кладя на стол папку со свежим отчётом, — так это зачем он, даже будучи отстранённым, продолжает расследовать дело. И вдобавок создаёт себе худшую из возможных позиций перед SEFO, доказывая, что человек, в которого он всадил шесть пуль, был не опасным убийцей, а невиновным заложником. Можешь понять?

Катрине вздохнула.

— Ну. Наверное, как ты и сказал.

— Что я сказал?

— Харри Холе.

Было половина четвёртого. Короткий норвежский зимний день и столь же короткий рабочий день закончились. Когда Хильде Витт торопливо вошла в почтенный Grand Café, Микаэль Беллман сидел за одним из дальних столиков и изучал меню.

Последний раз она видела его несколькими часами раньше: он стоял на подиуме перед необычно многочисленной прессой и объявлял, что правда о Киноубийце могла уйти в моги-

лу вместе с Тимом Каландером, если бы отдел убийств под руководством Катрине Братт — при квалифицированной помощи Хильде Витт — не продолжил копать и не раскрыл операцию Киноубийцы по сокрытию следов.

Она прошла мимо знаменитой картины Пера Крога «Богема Кристиании» и села напротив Беллмана.

— Простите, что опоздала, — прощебетала она. — Но это ваша вина. Вы не представляете, что мне устроили.

— Думаю, представляю, — сказал Беллман и протянул ей меню.

— Могли хотя бы предупредить, что собираетесь назвать моё имя, — рассмеялась она. — Мне пришлось дать пять интервью. Три зарубежным СМИ.

— Привыкай, — улыбнулся Беллман. — Как будет называться книга?

— Какая книга?

— «Профиль Киноубийцы»? Или «Как я поймала крупнейшего серийного убийцу Норвегии»?

— Перестаньте. Такой книги не будет, Микаэль. Мне запечённый в соли корень сельдерея, спасибо.

Она вернула меню, даже не взглянув в него.

— Погоди, ещё напишешь, — улыбнулся министр юстиции.

— Тогда мне пришлось бы написать, что дело в первую очередь раскрыл Харри Холе.

— Почему?

— Потому что это правда.

— О, правда снова вошла в моду?

Он продемонстрировал ей подозрительно белоснежные зубы.

— Нужно играть теми картами, которые у тебя есть, Хильде. Сейчас они очень хороши. Не факт, что в следующей раздаче тебе так же повезёт.

— Мне повезло потому, что вы вообще не упомянули Харри Холе в своём рассказе о раскрытии дела.

Беллман потянул манжеты пиджака Brioni.

— Это называется политикой, Хильде. Когда министр юстиции делает такую необычную вещь, как появляется на пресс-конференции по делу об убийствах, это не только потому, что перед нами крупнейшее дело об убийствах за это десятилетие. Он хочет показать, что правительство — вопреки утверждениям оппозиции — держит закон и порядок под контролем. А значит, посыл не должен звучать так: спившийся, любящий пострелять и отстранённый старикан в одиночку…

— Да, это вы уже говорили, — перебила Витт.

— Правда? Ну да, наверное. В любом случае поздравляю, Хильде Витт. За тебя.

Он поднял бокал вина. Витт заметила, что в её бокал тоже уже налили, но подняла вместо него пустой стакан для воды.

— Может, мне нальют вот сюда?

— Коктейль? Это можно устроить.

— Я имею в виду лучшую питьевую воду в городе. Из-под крана.

— Ага. Кофе после восьми не пьём, а вино — до...?

— Что-то в этом роде. Вы говорили, что хотите мне кое-что рассказать?

— Говорил? Да, похоже. Но, может, сначала закажем? Кстати, я снял номер здесь, в отеле. Можно попросить подать ужин туда.

— Знаете, у меня на самом деле мало времени, так что в другой раз.

Она увидела удивление в мягких карих глазах Микаэля Беллмана, а затем раздражённую складку на лбу под густыми, лишь слегка тронутыми сединой волосами.

Красивый мужчина. И знает об этом.

Она терпеть не могла красивых мужчин, которые это знают.

Но он министр юстиции. Некоторые вещи можно простить ради возможности хотя бы раз переспать с женатым мужчиной настолько близко подобравшимся к вершине власти. От одной мысли о скандале, который это могло вызвать, по телу пробегала лёгкая дрожь.

Официант — оказавшийся рядом через три секунды после того, как Беллман едва заметно повернул голову, — изо всех сил делал вид, будто министр юстиции получает ровно такое же обслуживание, как все остальные, но, приняв заказ на две порции запечённого в соли корня сельдерея, скорее побежал, чем пошёл.

Витт молча ждала того, о чём уже смутно догадывалась. Беллман чуть покачивался на стуле, словно прыгун с трамплина, уже присевший перед отрывом.

— Я хотел сказать, — начал он, — что мы с Уллой поговорили о том, что оба уже некоторое время чувствуем и обдумываем.

— Улла — это ваша жена, верно?

— Э… да, именно.

Раздражённая складка вернулась на лоб, теперь чуть глубже. Витт перехватила слово прежде, чем он успел продолжить.

— Дайте угадаю: вы поняли, что хотите ещё

ребёнка. Нет, поздновато. Если только она не намного моложе вас. Подождите. Вы решили увенчать долгий счастливый брак кругосветным путешествием. Скажите, что-нибудь такое, Микаэль. Я обожаю романтические истории со счастливым концом. Наверное, потому что сама никогда не сумела бы такую создать. А если бы мужчина вроде вас сейчас заявил, что они с женой думают о расставании, я бы знала: это чистейшая ложь и самый старый трюк на свете, чтобы удержать молодую любовницу. О, большое спасибо!

Она посмотрела на официанта, который как раз наполнил её стакан водой, затем снова на Микаэля Беллмана. Он сидел с полуоткрытым ртом и ошеломлённо смотрел на неё.

— Что-то не так? — спросила она.

Он кашлянул.

— Ты хочешь сказать, что тот наш вечер ничего для тебя не значил?..

— Вы про те шесть минут секса?

— Это были не шесть мин…

— Нет, вы, наверное, правы, но господи, кто засекает время? Ах да, вы, конечно. Хорошо, пусть было намного больше. И давайте считать, что Улле повезло с таким жеребцом в постели. На

этом и остановимся. Пока никто не расплакался, как говорила моя мать, когда мы в детстве заигрывались слишком буйно. Давайте просто ждать сельдерей. Что скажете?

ГЛАВА 74. [broken link: #TOC]

Харри кивнул тюремному надзирателю. Тот поднял узкую заслонку в двери камеры предварительного заключения и крикнул внутрь:

— Сядь на койку и держи руки на виду!

Он заглянул в камеру и только потом отпер и открыл дверь.

— Я дам знать, — сказал Харри.

Кнут Грип был в выцветшей тюремной одежде, такой же серой, как его лицо.

— Опять пришёл в гости, приятель?

Грип попытался улыбнуться.

— Похоже на то.

Харри сел за стол между ними. Положил перед собой три листа А4 и ручку.

— Думал, мне не разрешат. Есть правило: нельзя связываться с теми, кого собираются допрашивать как свидетелей по делу SEFO против тебя. Но тебя, оказывается, уже успели допросить.

— Верно, — сказал Грип. — Слышал, адвокаты хотят пойти дальше. Не только нарушение служебных обязанностей, но и обвинение в причинении смерти по неосторожности.

Харри кивнул.

— Максимум шесть лет, — сказал Грип. — Может, ещё будем отбывать вместе, Харри. Было бы… как это называется?

— Парадоксально?

— Парадоксально. Два убийцы в одном прогулочном дворе, и каждый виноват в том, что другой там оказался.

— Мне жаль, — сказал Харри. — Это была большая ошибка.

Грип провёл ладонью по голому черепу.

— По крайней мере смерть Тима тоже послужит делу. Как служила его жизнь. Чего ещё мужчине желать?

— В каком смысле — послужит?

— При жизни он помог смонтировать «Final Cut» в шедевр. Правда, последнего убийства там не хватает, и сначала я думал, что это трагедия. Но теперь думаю: получится как со статуей той богини победы, у которой нет головы. Как её там?

— Ника.

— Ника, точно. Так и этот фильм победит не вопреки тому, что у него нет головы, а именно благодаря этому.

— А головой что должно было стать?

— Убийство Кристиана Боэнга, конечно. Вообще я собирался зарезать его бальсовым ножом

Дейла в душе закрытого пансиона Боэнга. Здание пустует, крысиное гнездо — отличная локация.

— Но пришлось поменять план?

— Да. Когда Кристиан позвонил и захотел встретиться со мной на Яре, я понял, что он знает больше, чем должен. И что надо спешить. Пришлось импровизировать, а именно это и делают хорошие режиссёры.

Грип коротко улыбнулся.

— Верно, Харри?

— Мм.

— Кристиан хотел встретиться в студии «А», а она по совпадению была и локацией финала, который я изначально планировал с другим исполнителем главной роли.

— «Подглядывающий». Кого ты собирался взять на главную роль?

— Думаю, ты уже понял, Харри.

— Значит, новый план был сначала зарезать Кристиана ножом из «Психо», а потом просверлить ему голову?

— Да.

— Не перебор?

— More is more, Харри. В любом случае надеюсь, Кида добавит этот финал, когда фильм выпустят.

— Фильм?

— Да. «Final Cut».

— Никакого фильма не будет, Грип.

— Не будет? — Грип широко улыбнулся. — По-моему, ты не до конца понимаешь, в какое время мы живём, Харри. Сейчас это самое обсуждаемое уголовное дело в мире. Особенно после того, как все поверили, что Тим — Киноубийца, а потом его застрелили. После этого история делает ещё один поворот. А потом ещё один. Поверь, эти фильмы увидят все, Харри. И «Final Cut», и фильм о «Final Cut». Ты знал, что фильм о съёмках «Апокалипсиса сегодня!» имеет на Rotten Tomatoes рейтинг выше, чем сам «Апокалипсис сегодня!»?

Харри покачал головой.

— Если не считать фрагментов, которые уже удалили из сети, «Final Cut» — всего лишь несколько катушек 16-миллиметровой плёнки на полицейском складе вещественных доказательств.

— Настоящий шедевр невозможно долго держать в тюрьме. Поверь, Харри, он выйдет наружу.

— Мм. Можно кое-что спросить?

Грип криво улыбнулся и развёл руками.

— Не то чтобы я куда-то торопился.

Харри вдохнул.

— Что ты чувствовал, когда убивал их? Фелисию Хение. Джона Дейла. Антона Вама. Трюма Хаугена. Роберта Брандта.

Каждое имя он произнёс медленно и отчётливо.

Грип пожал плечами.

— Я боялся.

— Чего? Что тебя поймают? Что они будут сопротивляться?

— Нет. Что запись получится плохо. Второго дубля ведь не будет.

Харри попытался осмыслить услышанное. Он разговаривал с серийными убийцами, и поражало его не присутствие зла, а отсутствие обычных человеческих чувств. Но, по мнению Витт, Грип был типичным массовым стрелком — человеком, которым правят эмоции.

— Ты убивал тех, кто тебя предал, — сказал Харри. — Но неужели ты ненавидел их настолько, что не осталось места ни для сострадания, ни для чувства вины?

Грип поставил локти на стол и сложил руки под подбородком.

— Думаешь, хирург, вырезающий человеку сердце, оставляет место таким чувствам, Харри? Он сосредоточен только на своей работе.

— Да, но он делает это, чтобы дать человеку жизнь.

— А я делал это, чтобы дать им вечную жизнь.

— Ты делал это, чтобы сиять самому. Ты и твой шедевр.

— А ради чего, по-твоему, это делает хирург?

Грип помолчал.

— Или следователь по убийствам?

Харри медленно кивнул.

— Роберт Брандт. Как ты заставил его убить Хаугена, а потом повеситься? Большинство предпочло бы пулю в голову или попыталось сопротивляться.

Грип обхватил левой рукой сжатый правый кулак.

— Я сказал, что похороню его дочь вместе с ним, если он не сделает, как я велел.

— Ты знал, что у него дочь?

— Знал — не знал. Много лет назад он как-то сказал мне, что почти уверен: он отец, но у него есть веские причины не связываться с дочерью. Я ведь не знал, что это Кида. Просто блефовал. Он, должно быть, решил, что я знаю.

— Ещё одна деталь. На месте преступления всё было подготовлено к тому, чтобы спилить дерево, но бензопилы мы так и не нашли.

Грип коротко улыбнулся.

— Если не ошибаюсь, ты был рядом, когда Полковник сказал, что ему нужна бензопила.

Харри приподнял бровь.

— Хочешь сказать, ты привёз бензопилу к Брандту и отдал Полковнику?

Грип развёл руками.

— Почему нет? Она ему была нужна, а Полковник хороший человек. Он и Черно были единственными, кто пришёл ко мне и попросил прощения за то, что вышли из «Final Cut». Я сказал, что забыл, будто у меня валяется бензопила.

— Последний вопрос, — сказал Харри. — Ты не поправил меня, когда услышал, что я считаю Тима режиссёром провалившегося проекта «Final Cut». Не боялся, что я выясню, что ты солгал?

— Нет, — сказал Грип.

— Нет?

— Я чуть было не поправил тебя. Но потом сообразил: если ты считаешь режиссёром Тима, подозрение как раз падает на него. А все, кто мог рассказать тебе о первом проекте «Final Cut», уже мертвы. Кроме одного.

— Кристиана Боэнга. А он тоже должен был скоро умереть.

Грип не ответил.

— Хорошо, я соврал, — сказал Харри. — У меня ещё один вопрос.

— Стреляй.

— Сегодня я вспомнил одну вещь. Когда ты написал GREED внутри сейфа Дейла, правая черта буквы D потекла. Так что слово можно было прочитать как GREEP. Как думаешь, может, на самом деле ты хотел, чтобы тебя поймали?

Грип удивлённо посмотрел на Харри. Словно вдруг что-то понял. Рассмеялся.

— Не замечал за собой. Но все мы иногда немного сходим с ума.

— Что ж, — сказал Харри. — Спасибо за ответы, но пришёл я не поэтому.

Он снова показал на бумаги на столе.

— Тебе нужно принять решение вот по этому поводу.

— По этому?

Харри кивнул.

Грип поднял листы. Прочитал.

— Какого чёрта, — пробормотал он через некоторое время, бросил взгляд на Харри и продолжил читать. Потом швырнул бумаги на стол. — Да п-пошёл этот муниципалитет к чёрту! Собака-то никакого отношения к убийствам не имеет.

— Дело не в этом, — сказал Харри. — Ни у му-

ниципалитета, ни у Общества защиты животных нет места для твоего пса, а он уже старый и не в лучшей форме…

— И поэтому ему вынесли смертный приговор?

— Паршиво. И да, косвенно я виноват, что он теперь один. Так что я подумал…

Харри замолчал, потому что Грип наклонился через стол. В его глазах Харри увидел ярость. Холодную ненависть, которую тот до сих пор умело скрывал. И ещё что-то. Какой-то диссонанс, что-то сломанное — или, может быть, наоборот, отсутствие того, что должно было там быть. Возможно, человечности, утраченной по дороге.

Может, именно в этом и заключалось безумие Кнута Грипа.

— Ты подумал что? — прошипел Грип.

— Ну, — сказал Харри. — Мне посоветовали завести собаку. Если смотреть реалистично, у Джеронимо осталось три-четыре года. С этим я справлюсь. Если ты разрешишь. Тогда надо подписать здесь.

Грип уставился на бумагу перед Харри.

— Ты хочешь забрать мою собаку? А если сам попадёшь в тюрьму?

— Тогда есть ещё один человек, которого я по-

прошу его забрать.

Грип откинулся на койке, скрестил руки и, чуть склонив голову набок, посмотрел на Харри.

— Помнишь песню Спрингстина, которую ты цитировал, когда думал, что я нарушаю закон ради брата?

— «Highway Patrolman».

— Да. Она о полицейском, зажатом между законом, которому он присягнул, и верностью семье. Непростая штука. Верно?

— Наверное.

Они долго смотрели друг на друга.

— Джеронимо переживёт меня, — сказал Грип. — Чтобы ты знал.

— Вот как?

Грип кивнул и постучал костяшками по груди.

— Металлическая пластина на этот раз не спасёт.

— У тебя рак, — сказал Харри. — Последняя химиотерапия была три месяца назад.

— Да, болезнь вернулась. Врач дал мне год. Это было два с половиной месяца назад.

Они продолжали молча смотреть друг на друга. Харри не знал, увидел ли Грип в нём что-нибудь знакомое. Сам Харри не увидел ничего.

Грип коротко кивнул и взял ручку.

ГЛАВА 75 [broken link: #TOC]

— Заходи, — сказала Ламай и широко открыла дверь.

— Спасибо.

Харри вошёл в квартиру, ведя бульдога на поводке.

— Так это Джеронимо, — сказала она, наклонилась и почесала его за ухом. — Знаешь, сколько ему лет?

— Ветеринар сказал, около семи. Документов нет, так что судил по зубам и каким-то изменениям в глазах.

— Лентикулярный склероз, — сказала Ламай. — Да, Джеронимо, середина жизни у тебя уже позади. Но всё равно хорош.

Бульдог запрокинул голову и закрыл глаза — чесание ему явно нравилось. Эрдельтерьер Ламай затрусил к ним, собаки обнюхали друг друга, а Харри последовал за хозяйкой на кухню.

Он сел за стол, на котором стояли две чашки без ручек.

— Я составила тебе список, — сказала Ламай, сняла листок с двери холодильника и протянула ему.

Харри прочитал:

Миска для еды, миска для воды, ошейник с адресником, щётка, когтерез, пакеты для экскрементов, собачий корм, одеяло в корзину.

— Не переноси спальное место. Старой собаке нужно время, чтобы почувствовать себя в безопасности на новом месте. Поначалу не разговаривай с ним и не докучай ему. С объятиями тоже подожди пару недель. Узнай у прежнего хозяина, что он ел и к какому распорядку привык. Старые собаки любят привычный распорядок.

— Мм.

Она рассмеялась, разливая чай.

— Что?

— Я о собаке говорю, Харри. Не о тебе.

— Верно, — сказал он, помешивая чай. — Я тоже люблю привычный распорядок. Так что это может стать потрясением.

— Хорошим потрясением. Собаке нужен ты. А тебе нужна собака.

— Да, ты говорила.

Они подули на чай и отпили. Джеронимо подошёл и лёг у ног Харри.

— Каким ты помнишь Кнута Грипа? — спросил Харри.

— Кнута? Да, когда я с ним познакомилась,

он ещё был Каландером. Ну… он был довольно подавлен из-за того, что его фильм так и не состоялся. А потом все, кто должен был в нём участвовать, добились такого успеха с «Проповедником». Я снова встретила его много лет спустя — он ужинал в ресторане, где я работала. К тому времени жена от него ушла. Бедный человек. Но горечь он умел прятать, это да.

— Но ты её заметила?

— Конечно. Я не думаю, что Кнут был злым человеком. Он просто сломался.

— Ты тоже это видела?

— Как я тебе уже говорила, Харри…

— Всё в глазах.

— Всё в глазах.

— Мм. А у остальных из той компании Грипа и Вама ты видела в глазах что-нибудь сломанное?

— О да. Тима Каландера я никогда не встречала, но Роберт Брандт был довольно сломленным человеком.

Харри кивнул и посмотрел на зимний день за морозными узорами на стекле.

— Я думал обо всех случайностях в этом деле, — сказал он. — Например, о том, что твой муж покончил с собой в ту же ночь, когда убили Фелисию. Хотя ни ты, ни он на самом деле к

этому делу отношения не имели; ты была всего лишь одной из, наверное, сотни людей в этом городе, работавших с кем-то из той съёмочной группы. Нет, единственная по-настоящему большая случайность заключалась в том, что Роберт Брандт решил снять документальный фильм о следователе по убийствам, который участвовал в охоте за убийцей, впоследствии убившим самого Роберта Брандта.

— Ты веришь в судьбу?

— Нет, но всё больше верю в случайности. То есть в то, что они действительно случайны. Что почти всё, в чём нам мерещится порядок, на самом деле просто хаос, который мы отчаянно пытаемся упорядочить.

Харри погладил Джеронимо по спине.

Они ещё отпили чаю.

— Ты беспокоишься? — спросила она.

— Por supuesto. — Харри посмотрел на Джеронимо, тот ответил взглядом. — У меня некоторая фобия лифтов, а Джеронимо с его бёдрами семнадцать этажей по лестнице не осилит. Придётся часто носить.

Ламай покачала головой.

— Справишься. Я скорее о том, что прочитала про возможный суд. Ты рискуешь оказаться в

тюрьме.

— Да, такой вариант есть.

Харри посмотрел на солнечный день — первый в новом году, когда мороз был слабее десяти градусов.

— Если так случится, я хотел попросить тебя об услуге.

— Я так и думала, — серьёзно улыбнулась Ламай. — Ты хочешь спросить, смогу ли я забрать Джеронимо.

— Сможешь?

— Конечно. Это самое малое, что я могу сделать в ответ.

— Спасибо, Ламай. И за чай тоже.

Они вышли в прихожую, Джеронимо быстро потрусил следом.

— Кстати, мы с сестрой открываем ресторан, — сказала Ламай, пока Харри застёгивал пальто.

— Вот как?

— Небольшой, но договор аренды уже подписали и нашли хорошего повара.

— Тайская кухня?

— Да.

— Отлично. Моя любимая.

— Тогда хорошо, потому что я как раз хотела сказать: можешь есть у нас бесплатно, когда

захочешь.

— Спасибо, Ламай, но раздавать бесплатные обеды — плохое начало. Я буду платить.

— О, мы можем себе позволить. Знаешь, тот датчанин и женщина с татуировкой, когда пришли сюда, сказали, что прощают долг Биргера. Это ведь… довольно неожиданно, правда, Харри?

— Да. Неожиданно.

Ламай поставила руку на бедро и посмотрела на Харри.

— Они сказали, что не знали, что я дружу с Korps, и извинились. Я потом проверила: Korps — байкерская банда. Ты случайно ничего о них не знаешь?

Харри выпятил нижнюю губу и покачал головой.

— Не припоминаю.

Ламай улыбнулась.

— Я так и думала. Так или иначе — как любил говорить Биргер. Теперь я могу оставить страховые деньги себе и вложить их в ресторан.

— Повезло, — сказал Харри. — Значит, всё устроилось.

Ламай взяла его руку обеими своими и сжала.

— Да, — сказала она. — Очень повезло.

Катрине стояла в открытой двери и слушала

шаги, поднимавшиеся по скрипучей деревянной лестнице. Удивительно тяжёлые для Олега, подумала она, гадая, что ему понадобилось такого, чего нельзя было сказать ни по телефону, ни на работе. Он просто взял и пришёл к ней домой.

Когда Олег показался из-за последнего поворота лестницы, она и правда увидела человека, которого будто что-то тяжело пригибало к земле.

— Надеюсь, не помешал укладывать Герта, — сказал он, снимая в прихожей грязные ботинки.

— Нет. Герту разрешили вечером выйти погулять с новой собакой Харри.

— Харри здесь?

— Ужинал с нами. От пола холодно, надень их.

Олег удивлённо посмотрел на тапочки, на которые она указала. Сунул ноги. Они оказались ему чуть великоваты.

Катрине прошла впереди на кухню, и они сели за стол.

— Чай или кофе?

Он покачал головой. Она села напротив и стала ждать, не спрашивая, зачем он пришёл.

Олег потёр ладони, будто они замёрзли, хотя Катрине сомневалась, что дело в этом.

— Я мог бы сказать это на работе, — начал он. — Но хотел, чтобы всё было как можно менее

официально и… да, осталось между нами. Для нас обоих. Дело в Тиме Каландере и тех шести выстрелах…

Катрине испугалась продолжения. Испугалась дилеммы, приближение которой уже чувствовала.

— Стрелял я, не Харри.

Катрине вдохнула, пытаясь уложить это в голове. Как ни странно, оказалось не так трудно. Не то чтобы она считала, что стрелял Олег. Но какая-то её часть, должно быть, это предполагала — во всяком случае, совершенно неожиданной новость не стала.

— Но мы не будем менять показания SEFO, — сказал он. — Будем настаивать, что стрелял Харри. Если хочешь знать, почему мы позволяем Харри взять вину на себя вместо меня, ответ — сумма соображений о благе всех вокруг. В том числе и моей совести. Харри называет это простым утилитаризмом.

Катрине кивнула, узнав прямолинейную жизненную философию Харри: минимизировать общую боль.

— Полагаю, ты понимаешь, в какое положение меня ставишь, Олег?

— Понимаю, — сказал он. — Но если ты решишь

дать этому ход, я буду отрицать, что этот разговор состоялся.

— Тогда зачем мы вообще разговариваем?

— Потому что я не могу вынести, что никто не будет знать. Не могу вынести, что Харри вдобавок к наказанию его начальство будет считать убийцей, если потом он всё-таки вернётся на работу. И не могу вынести, что однажды меня повысят так, будто ничего не случилось.

— Понимаю.

Она опустила взгляд на стол.

— Думаю, ты всё хорошо обдумал, прежде чем прийти. Но не уверена, что уважаю твоё решение рассказать это мне.

— Почему?

— Потому что изменивший муж или жена по крайней мере должны сами нести наказание — жить со своей виной в одиночку, а обманутому человеку позволить оставаться в более или менее блаженном неведении.

Катрине увидела, как в лице Олега что-то меняется, словно до него медленно что-то доходит. Но не была уверена, понял ли он логику её рассуждения.

— В любом случае, — сказала она и провела ладонью по маленькой вышитой салфетке от

свекрови, — тебе не нужно беспокоиться. Ни о том, что я дам этому ход, ни о том, что Харри накажут.

— Что ты имеешь в виду?

— С SEFO только что связался Кнут Грип. Он меняет показания. Говорит, что солгал, потому что хотел наказать полицейского, застрелившего его брата. Теперь он утверждает: Тим Каландер совершенно не разбирался в оружии, был убеждён, что в револьвере есть патроны, и явно намеревался стрелять. Сначала в Грипа, потом — когда Холе крикнул: «Полиция! Брось оружие!» — в полицейских. Грип говорит, что с его места было видно: брат направил оружие прямо на Холе и продолжал целиться в него после первых выстрелов, которые либо прошли мимо, либо лишь ранили его. И только последний выстрел, попавший в горло, заставил Тима Каландера выпустить оружие. Короче, при нынешнем положении дел SEFO снимет с Харри обвинение в нарушении служебных обязанностей, и уголовного обвинения тоже не будет.

Олег ошеломлённо посмотрел на неё.

— О чём думаешь? — спросила она.

— «Лиса бежит по льду», — прошептал он.

— Песня?

— Харри говорит, надо внимательно разбирать первую мысль, которая приходит в голову, какой бы нелепой она ни казалась. Потому что она часто оказывается суммой мелочей, каждая из которых сама по себе незаметна. Теа Рууд сказала, что мужчина, застреливший Антона Вама, семенил по льду. Кнут Грип делал то же самое, когда мы видели, как он шёл по дороге в сторону леса. Я об этом подумал, но отмахнулся.

— Понимаю.

С улицы донеслись чей-то истерический смех и чьё-то пение.

— Он от Харри? — спросил Олег.

— Что?

Катрине уставилась на него, перестав дышать.

— Герт. Он сын Харри?

Катрине открыла и закрыла рот. Словно оказалась в сцене, где не просто забыла свою реплику — её вообще не было в сценарии.

— С чего ты взял? — наконец сказала она.

Олег не ответил. Выглядел таким же растерянным, как она.

Катрине приняла решение. Из тех решений «будь что будет», для которых требуется небольшой разбег. Кашлянула.

— Я имею в виду: как ты догадался?

— Не знаю, — сказал он с таким удивлением, что она поняла: говорит правду. — Наверное, сумма мелочей.

Тапочки, — подумала она. Последний кусочек пазла — тапочки.

— А почему его зовут Джелонимо? — спросил Герт.

Он сидел на корточках и гладил собаку, которая обнюхивала жёлтое пятно на снегу в Слоттспаркене.

— Прежний хозяин хотел, чтобы его звали так же, как индейского вождя, — сказал Харри.

Он смотрел на мальчика и собаку. Чувствовал холод в руке с поводком и тепло телефона в другой, спрятанной в кармане бушлата. В телефоне было сообщение, написанное сегодня раньше, но ещё не отправленное: ответ на сообщение Софи Гуллстранд с вопросом, не хочет ли он как-нибудь поужинать.

— Он был доблый?

— Джеронимо? Наверное. Но не к тем, кто отнял у него самое дорогое.

— Его иглушки?

— Не знаю. Но они забрали его маму, жену, детей. И его землю. Он разозлился и стал мстить.

— Что он сделал?

— Он… ну, убил нескольких человек.

— Плохих?

— Да. И ещё нескольких.

— Ой, это было нехолосо.

— Нет. Но он считал, что идёт война. И что воюет за то, во что верит. Как большинство из нас. Почти все мы верим, что правы.

— Ты тоже?

Харри посмотрел на небо над парком. Он не был уверен, действительно ли видит звёзды или просто воображает их, потому что знает: они там.

— Да, Герт. Я тоже.

Сана Тарик уже надела пальто и собиралась уходить. День был долгим, но, похоже, им наконец удалось взять ситуацию под контроль. Вместе с представителями нескольких платформ они сумели сдержать распространение и закрыть доступ к видеозаписям Кнута Грипа — Киноубийцы, за одну ночь ставшего известным всему миру.

За её спиной экраны освещали лица двух сотрудников интернет-патруля, которым предстояло просидеть всю ночь, следя за трафиком, пока она сама будет спать, спать.

— Сана, посмотришь?

Её тело дёрнулось, словно протестуя. Ему нужен был отдых, а не ещё одна задача. Она вздохнула и

подошла к коллеге.

Тело снова расслабилось, увидев обычный ролик с залитого прожекторами катка. Ничего, что можно было бы связать с убийствами. И хотя в кадре были дети, запись не напоминала видео с пляжей и из детских садов, которыми педофилы делились в интернете.

— Вроде нормально, — сказала она.

— Наверное. Просто платформа переслала нам его, потому что не смогла найти отправителя. Говорят, похоже, видео каким-то образом оказалось уже по ту сторону всех защитных барьеров. Такое почти не случается.

— Верно, но мы всё равно мало что можем сделать.

Сана осталась стоять, застёгивая пальто. Видео было снято с трибуны и с такого расстояния, что отдельных людей невозможно было узнать. И всё-таки что-то заставило тревожный колокольчик в её голове звякнуть.

Тихо.

К тому же Сана Тарик по опыту знала: больше чем в половине случаев это ложная тревога, а когда она так устала — ещё чаще.

— Спокойной ночи, — сказала она и ушла.

В лифте перед глазами всё ещё стоял последний

кадр. Высокий мужчина на коньках, державший за руку маленького мальчика. Наверное, его сын: в языке их тел было что-то тёплое и надёжное.

Но настораживало то, что их снимали с такого расстояния. Словно снимал не кто-то из близких — не мать мальчика и не знакомый.

А чужой человек, который подглядывает, пока ты не видишь.

Двери лифта открылись. Сана прошла через вестибюль и вышла в ночь Осло, где холод, темнота и огни тут же смели эти картины из её головы.

ОБ АВТОРЕ [broken link: #TOC]

Ю Несбё — один из самых известных норвежских авторов криминального романа и скандинавского нуара. По образованию экономист, он также известен как музыкант, автор песен и сценарист. Мировую известность ему принёс цикл о сыщике Харри Холе, начатый романом «The Bat» в 1997 году; книги Несбё переведены на десятки языков и разошлись многомиллионными тиражами.

В основе его романов обычно лежит жёсткое преступление, которое постепенно раскрывает не только тайну убийцы, но и скрытые механизмы общества: коррупцию, насилие, семейные травмы, зависимость, власть денег, чувство вины и распад доверия. В книгах о Харри Холе расследование часто становится для героя личным испытанием: он блестящий детектив и одновременно человек с разрушительной внутренней тьмой, зависимостями и болезненным чувством справедливости.

Несбё строит повествование на напряжённой интриге, множестве ложных ходов, резких сю-

жетных разворотах и мрачной психологической атмосфере. Его проза сочетает полицейский роман, триллер и драму характера: преступление у него редко бывает только загадкой — чаще это симптом более глубокого морального и социального надлома. Важную роль играют урбанистические декорации, прежде всего Осло, где внешне спокойная северная повседневность постепенно превращается в пространство угрозы.

Главный цикл Несбё — романы о Харри Холе, среди которых «The Redbreast», «The Snowman», «The Leopard», «Police», «Knife» и «Killing Moon». Наряду с ним автор пишет самостоятельные криминальные романы и триллеры: «Headhunters», «The Son», «Blood on Snow», «Midnight Sun», «Macbeth», «The Kingdom», «The Night House» и «Wolf Hour». Отдельное направление его творчества — детская юмористическая серия «Доктор Проктор», резко отличающаяся от взрослых триллеров абсурдным юмором, фантастическими изобретениями и приключенческой интонацией.

* * *

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1997 — Нетопырь (The Bat) — Харри Холе #1

1998 — Тараканы (Cockroaches) — Харри Холе #2

2000 — Красношейка (The Redbreast) — Харри Холе #3

2001 — Карусельная музыка (Karusellmusikk) — Сборник рассказов

2002 — Немезида (Nemesis) — Харри Холе #4

2003 — Пентаграмма (The Devil's Star) — Харри Холе #5

2005 — Спаситель (The Redeemer) — Харри Холе #6

2007 — Снеговик (The Snowman) — Харри Холе #7

2007 — Белый отель (The White Hotel) — Вне серии

2008 — Охотники за головами (Headhunters) — Вне серии

2009 — Леопард (The Leopard) — Харри Холе #8

2011 — Призрак (Phantom) — Харри Холе #9

2013 — Полиция (Police) — Харри Холе #10

2014 — Сын (The Son) — Вне серии

2015 — Кровь на снегу (Blood on Snow) — Кровь на снегу #1

2015 — И прольётся кровь (Midnight Sun) — Кровь на снегу #2

2017 — Жажда (The Thirst) — Харри Холе #11

2018 — Макбет (Macbeth) — Хогарт Шекспир #7

2019 — Нож (Knife) — Харри Холе #12

2020 — Королевство (The Kingdom) — Королевство #1

2021 — «Ревность» и другие истории (The Jealousy Man and Other Stories) — Сборник рассказов

2021 — «Крысиный остров» и другие истории (Rat Island and Other Stories) — Сборник рассказов

2022 — Кровавая луна (Killing Moon) — Харри Холе #13

2023 — Дом ночи (The Night House) — Вне серии

2024 — Кровные узы (Blood Ties) — Королевство #2

2025 — Час волка (Wolf Hour) — Вне серии

2026 — Контрольный выстрел (Nådeskudd) — Харри Холе #14